

№2 (89)
АПРЕЛЬ

2021

СИБИРСКИЙ

12+

Литературный журнал

Организация
объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Объявлена подписка
на 2-е полугодие 2021 г.

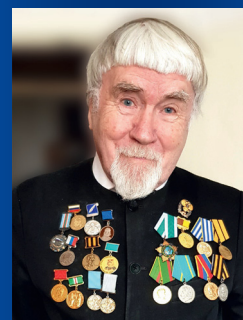
Цена подписки:
1 мес. – 206,53 руб.
6 мес. – 619,59 руб.

Индекс ПА041

Мастерская писателя.
К 70-летию образования
Ульяновской писательской
организации

стр. 4

Памяти В.Я. Курбатова.
Страницы переписки
с В.Г. Распутиным

стр. 22

Валерий Еремин.
Промзинская исповедь

стр. 102

К юбилею поэта
Светланы Кековой.
Неложный опыт бытия

стр. 135

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

12+

№2 (89)

АПРЕЛЬ
2021

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Сберечь живую душу. Слово редактора.....	3
Год книги	
Ольга Даранова. Мастерская писателя.....	4
С любовью ко всему родному	
Ольга Даранова. Имя объединило	
Конкурс «Протяжение точки».....	9
Максим Прокофьев. В руже.....	12
Людмила Мовчан. Homo Faber.....	15
Ольга Клопкова. Война и мир Анны Тютчевой.....	17
Николай Переяслов. В этих комнатах жил Вознесенский.....	19
Память сердца	
Памяти В.Я. Курбатова	
Ольга Шейпак. Он стал болью и светом.....	22
Каждый день сначала. Страницы переписки	
Валентина Курбатова с Валентином Распутиным.....	25
Станислав Минаков.	
В. Курбатов: «Давайте говорить о вечности».....	34
Страна поэзия	
О книге Тихона Синицына «Бескрайняя Таврика».....	39
Тихон Синицын. Ощущение частного чуда. Стихи.....	40
Елена Фролова. Любовью рождается свет. Стихи.....	42
Иван Сивопляс. Доча. Стихи.....	44
Молодые голоса	
Рубрику подготовила Алина Осокина.....	48
Вера Долматова. До понедельника. Рассказ.....	49
Виктория Татур. Бабушкино облако. Рассказ.....	50
Влада Митрофанова. Проснись и пой... Стихи.....	52
Мария Юталь. Солнечный блин. Рассказ.....	54
Антон Лазарев. В дороге с писателем.....	56
Крымские мотивы.	
Фотографии и рисунки Тихона Синицына.....	57
Яркое настроение. Рисунки Ирины Абуталиповой.....	62
Лукоморье	
Евгений Новицкий. В стране небывалой.....	65
Ветер странствий	
Валерий Кузнецов. Рыцарь рифмы.....	69
Книжная полка	
Андрей Цухлов. СНТ «Яблонька». Рассказ.....	72
Ирина Богатырева. О книге «Белая согра».....	87
Соло	
Елена Крюкова. За всё Тебя благодарю. Стихи.....	88
Юрий Попов. Русский космос.....	94
«Искусство – это чувство».	
Встреча с Е. Крюковой во Дворце книги.....	95
Перекресток	
Дмитрий Савельев. По поводу книги Е. Водолазкина «Лавр»...97	
Дорога к храму	
Валерий Ерёмин. Промзинская исповедь.....	102
«Волжский благовест». Итоги конкурса.....	111
Черемшан	
Елена Ермошина. Из цикла «Записки домохозяйки».....	114
Светлана Зазимко. Я живу на земле. Стихи.....	117
Глубинка	
Юрий Мишин. На земле Языкова и Пластова	
Выставка Людмилы Слесарской.....	119
Все краски на палитре. Картины Людмилы Слесарской.....	121
Родное. Фотографии Владислава Никишина.....	125
Прекрасное пленяет навсегда. Фото Сергея Юрьева.....	128
Сергей Юрьев. Эта жизнь – стремительная штука. Стихи.....	129
Юбилеи	
Владимир Крупин. В чистом поле родное село.	
К юбилею поэта А. Гребнева.....	132
Светлана Кекова. Икона на чердаке. Стихи.....	135
Иеромонах Пантелеимон (Кравец). Созвучие.....	138
О Светлане Кековой.....	141
Встречи в Ульяновске.....	145
Всё живое	
Иван Пырков. Черёмуха Симбирска.....	146
Пересмешник	
Нина Коваленко. Муженщина.....	148
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	149
Гала Узрютова. Нанкин. Стихи.....	151
Юбилейный календарь	153

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 08.04.2021 г.
Дата выхода 15.04.2021 г.
Тираж 700 экз. Заказ №262

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор». 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №2 (89), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Слесарская Л.Ю. Июльские травы. 2010 г. бум. гуашь 65x50.
На обороте обложки: Слесарская Л.Ю. Николина гора 2015 г. бум. гуашь, 56x65.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Вы можете пригласить на дом почтальона
для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на II полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

СБЕРЕЧЬ ЖИВУЮ ДУШУ

В новом выпуске журнала стихи, проза, публицистика, литературоведческие статьи.

В рубрике «Год книги» Ольга Даранова рассказывает о новом проекте, посвященном 70-летию Ульяновской писательской организации. Первая видеопрограмма цикла «Мастерская писателя» посвящена поэту Николаю Николаевичу Благову. В номере публикуем итоги историко-литературного конкурса имени Андрея Балдина «Протяжение точки». В Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова открылась выставка «Война и мир Анны Тютчевой» к 190-летию со дня рождения старшей дочери поэта Ф.И. Тютчева. Читайте заметки об этом событии в рубрике «С любовью ко всему родному».

Памяти писателя Валентина Яковлевича Курбатова (29.09.1939–6.03.2021) посвящены публикации Ольги Шейпак и Станислава Минакова. Читайте в номере страницы переписки Валентина Курбатова с Валентином Распутиным, рукопись будущей книги автор прислал нам незадолго до ухода. Верно говорят, настоящий писатель – совесть народа. Страницы переписки двух русских писателей высвечивают боль за судьбу Отечества, размышления о будущем, чаяния о сохранении настоящих ценностей. Цитируем одно из писем: «Очень похоже, что никакой России может не остаться вовсе, а борьба за неё переносится из парламентов в человеческое сердце, в каждую отдельную душу... Надо просто сохранить человека, сберечь простое его сердце и живую душу. Никто кроме культуры этого не сделает. Никакой пример кроме её молчаливого спокойного сопротивления и стояния на своём не поможет...».

На поэтических страницах номера стихи Николая Переяслова, Тихона Синицына, Елены Фроловой, Ивана Сивопляса, Сергея Юрьева. В рубрике «Молодые голоса» – рассказы Веры Долматовой, Виктории Татур, Марии Юталь, стихи Влады Митрофановой. О выставке юных художников в Литературном музее «Дом Языковых» рассказывает преподаватель ДШИ №7 Антон Лазарев. В разделе «Лукоморье» стихи для детей Евгения Новицкого (рисунки Ирины Абуталиповой).

О книге Евгения Водолазкина «Лавр» размышляет протоиерей Димитрий Савельев. В рубрике «Дорога к храму» читайте автобиографический рассказ Валерия Еремина «Промзинская исповедь». Здесь же публикуем итоги конкурса «Волжский Благовест».

Представляем лауреата поэтической премии имени Николая Благова Елену Крюкову (Нижний Новгород): публикуем подборку стихов, отзыв Юрия Попова на книгу «Вера», заметки о творческом вечере Елены Крюковой во Дворце книги.

В рубрике «Книжная полка» читайте рассказ из сборника Андрея Цухлова «Рожь во спасение» и анонс книги московского прозаика Ирины Богатыревой «Белая согра».

Раздел «Юбилеи» посвящен поэтам Анатолию Гребневу и Светлане Кековой.

На цветных страницах – работы художника Людмилы Слесарской, пейзажные фотографии Владислава Никишина, рисунки и фотографии Тихона Синицына, фотографии Сергея Юрьева.

В рубрике «Ветер странствий» читайте очерк Валерия Кузнецова «Рыцарь рифмы».

Творчество димитровградских авторов Елены Ермошиной и Светланы Зазимко представлено в разделе «Черемшан».

В рубрике «Пересмешник» ироничный рассказ Нины Коваленко.

В разделе «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» новости программы и подборка стихов Галы Узрютовой.

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

В эссе Ивана Пыркова «Черемуха Симбирска» – предощущение расцветающей весны: «И только когда восторженный на мгновение порыв донесёт до тебя пьянящий черемуховый дух и какое-то необъяснимое волнение ознобом пробежит по тебе, ты наяву поверишь, поймёшь – да, она... черемуха...». Скоро-скоро мы ощутим это вновь. Весна вступает в свои права: земля весенняя, небеса просторные! И нынешние майские праздники отмечены пасхальной радостью! Всем света и добра, преображенного сердца!

Елена КУВШИННИКОВА

К 70-летию образования
Ульяновской писательской организации

*Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского регионального отделения
Союза писателей России.*

МАСТЕРСКАЯ ПИСАТЕЛЯ

Новый просветительский проект Ульяновского
регионального отделения Союза писателей России

2021 год – год Книги в Ульяновской области, год 70-летия образования Ульяновской писательской организации. Ульяновское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России» инициировало новый проект «Мастерская писателя».

Каков он, творческий человек? Писателями рождаются или становятся? Есть ли универсальный рецепт, чтобы написать хорошую книгу? Где брать вдохновение для сочинительства? Можно ли заставить человека читать? Писатель и читатель: грани взаимодействия. На эти и многие другие вопросы хотели бы ответить инициаторы и участники проекта.

В цикле видеопередач, подготовленных партнёрским содружеством Ульяновского региональ-

ного отделения Союза писателей России, Дворца книги и ОГАУ «Издательский дом «Ульяновская правда», мы хотим представить писателя многогранным: в рабочей обстановке и на презентациях книг, творческих вечерах, юбилеях в библиотеке; услышать его размышления о жизни и литературе, узнать о его предпочтениях, хобби, вкусах, окружении – обо всём, в чём может проявить себя творческий человек.

Проект преследует цели: сделать творчество ульяновских авторов открытым, заинтересовать им, привлечь к чтению книг ульяновских авторов, познакомить с историей и днём сегодняшним ульяновской писательской организации.

Проект продлится в течение года, видеосюжеты можно будет увидеть на информационном портале

«Ульяновская правда», на сайте регионального отделения Союза писателей России, на электронном ресурсе Дворца книги «Литературная карта» в рубрике «Персоналии».

Мы расскажем не только об ушедших, известных и малоизвестных поэтах и прозаиках, членах писательской организации в разные годы её истории, но и о ныне действующих писателях.

Первую передачу проекта мы посвятили истории писательской организации и одному из выдающихся её членов, юбилею 2021 года – поэту Николаю Благому.

У истоков

Ульяновская писательская организация была образована Постановлением секретариата Союза советских писателей 25 июня 1951 года. Инициатором создания организации и её вдохновителем был классик советской литературы Григорий Коновалов. Ещё до образования Союза советских писателей в Ульяновске существовала литературная группа. В 1946 году возвращаются с фронта Григорий Коновалов, Пётр Бейсов, Василий Дедюхин. Григорий Коновалов создаёт областное литературное объединение, которое проводило читательские вечера, литературные пятницы, научные конференции в стенах Ульяновского педагогического института. Вместе с Петром Сергеевичем Бейсовым они вырастили большую плеяду ульяновских литераторов и краеведов. Под их руководством выросли такие поэты, как Николай Краснов, Николай Благов, Николай Рябинин, Владимир Пыркков, Евгений Мельников, Владимир Дворянсков. Позже был утверждён штат писательской организации и юридический адрес ССП: улица Пролетарская площадь, дом 4.

Вот как пишет о том времени поэт, журналист Лев Бурдин: «В самом начале пятидесятых светло и живо пульсировал поэтический родничок в послевоенном Ульяновске. На слуху были имена Григория Коновалова, Дедюхина-старшего, Николая Краснова. Писательская организация нисколько себя не ограждала от молодых авторов, её заседания открыто проводились в читальном зале Дворца книги, где слово мог взять каждый желающий. Всё это было от избытка таланта, от душевной щедрости <...> Трибунами начинающих были «Ульяновская правда» и альманах «Литературный Ульяновск»».

Истоками формирования ульяновской писательской организации были городские литературные объединения – они были настоящими родниками российской литературы. В 1950-е годы из Мелекесского «Черемшана» (руководитель Иван Хмарский) вышел классик советской литературы Анатолий Жуков, знаменитый журналист Станислав Романовский, известный поэт Евгений Ларин.

В 1970-е годы надеждой и опорой наших писателей долгие годы было литобъединение «Надежда». Его возглавлял с 1979 года поэт Александр Семёнович Бунин. Он вырастил большую плеяду молодых ульяновских поэтов и прозаиков. Заседания проходили во Дворце профсоюзов (ныне Дворец культуры «Губернаторский»). В этом литобъединении занимались Александр Лайков, Елена Кувшиникова, Виктор Малахов, Елена Яговкина, Анатолий Минаров, Андрей Пчёлкин и другие. (Позже недол-

гое время возглавлял ЛИТО «Надежда» Владимир Дворянсков, а за ним – поэт Юрий Соколов.)

В 1980-е годы замечательным было литературное объединение «Парус». Сначала его возглавлял писатель Евгений Мельников, стихи участников литобъединения публиковались тогда в газете «Ульяновский комсомолец». Несколько плодотворных лет возглавлял литобъединение «Парус» Лев Александрович Бурдин, поэт, военный врач, член Союза журналистов России, внештатный корреспондент газеты «Ульяновская правда». Заседания и поэтические семинары регулярно проводились в Доме актера. Лев Бурдин был создателем и бессменным редактором ежегодного молодёжного литературно-художественного альманаха «Симбирск». Первый альманах вышел в свет в 1990 году. В настоящее время журнал возрожден и продолжает выходить.

В 1990-е годы руководил литературным объединением «Стрежень» высокопрофессиональный литератор, прозаик, драматург, критик Виталий Андреевич Масюков. Участниками ЛИТО были Людмила Евдокимова, Валерий Кузнецов, Андрей Цухлов и многие другие.

Вспоминая сейчас имена людей, стоявших у истоков писательской организации, её руководителей, мы осознаём, что они мало известны нынешнему поколению молодёжи, многим нашим землякам, а ведь эти люди создавали литературу на родной земле, прокладывали её пути, зарождали традиции. В разное время ульяновскую писательскую организацию возглавляли: Григорий Коновалов, Василий Дедюхин, Владимир Карпенко, Владимир Пыркков, Николай Благов, Анатолий Наумов, Евгений Мельников, Юрий Соколов, Владимир Марцинкевич, Светлана Матлина, Геннадий Дёмин, Ольга Шейпак, Илья Таранов. И нам продолжать традиции и передавать дальше.

Жар-слово Николая Благова

Но одним из этих имён мы дорожим особо. В пятерку крупнейших поэтов России конца XX века вошёл один из самых прославленных поволжских поэтов, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького Николай Благов. К моменту создания ульяновской писательской организации Благому было двадцать лет. А в этом году могло бы исполниться девяносто! Николай Благов руководил Ульяновской писательской организацией с 1976 по 1983 годы.

Листаю журнал «Мономах» за 2006 год, номер четвёртый. О времени пятидесятых и о своём знакомстве с Николаем Благовым пишет его друг, другой наш прославленный земляк, писатель Анатолий Жуков: «Тогда, почти полвека назад, когда мы встретились, жизнь была бедной. Страна ещё не оправилась после войны, но будущее казалось нам радужным, солнечным: мы были молоды, мы жили в могучем государстве, в стране победителей, мы, рано познавшие труд, были причастны к этой победе и не без оснований надеялись, что не подведём и в будущем». Анатолий Жуков отмечает скромность и чистоту души Благова, его бескомпромиссность и правдолюбие. «Николай Благов был похож на свои стихи – основательные, поставистые, красивые по чувству. Но хорошо зная стихи и их автора, мне

всё время думалось, что у него ещё много несказанного, и это несказанное будет крупнее, потому что сам он был больше своего творчества, глубже, талантливей...».

Николай Благов – автор восемнадцати поэтических сборников, многочисленных стихов, опубликованных в толстых литературных журналах, лауреат Всесоюзного фестиваля молодежи, делегат съездов писателей СССР. Вспоминаются его известные и пронзительные строки:

И когда тебя втянет
В простор этот синий,
И когда ты один
С ней, бессмертной, одной,
Только выдохнешь:
Волга!
Только скажешь – Россия!
Да умоешься вечно живою водой!

Эти строки из поэмы «Волга» являются, пожалуй, ключевыми ко всему творчеству Благова. Россия, родина, Волга, вечно живая вода родной земли – им он посвятил всю свою жизнь.

Николай Николаевич Благов родился в 1931 году в Ташкенте, однако настоящей своей родиной считал деревню Андреевку, а также сёла Тургенево и Крестово-Городище Ульяновской области, где прошло его детство, омрачённое военным временем. Именно об Андреевке и тысяче других российских деревень Н. Благов позднее писал:

Никогда не забуду я мой небогатый,
Про меня забывающий край.
Там на спинах коровьих приползают закаты
И заходят под каждый сарай.
Через изгородь вечером хроменький, рыжий
Месяц тычется в небо, глупыш-сосунок.
Там однажды я ласковый отклик услышал,
Чья-то мать: «Подойди-ка, сынок».

Многие советские литературоведы и критики пытались осмыслить особенность и силу благовского слова и находили её в правде художественной мысли, в глубоком знании жизни, которое вошло в плоть и кровь и оставило зарубки на всю жизнь.

Писатель Григорий Коновалов в своей книге «Тугие крылья таланта» так писал о даровании Благова: «Нельзя научиться любви к полям, лесу, реке, если они неродные тебе. Только самобытному таланту подвластна зримость образов, тонкое движение души».

О силе воздействия благовского слова говорят и такие строки поэта Виктора Кочеткова: «На меня поэзия Благова имеет особую силу воздействия. Как будто он рассказывает не о своей, а о моей жизни, моём детстве, моей юности, моей родной деревне. Рассказывает с таким знанием моих чувств, настроений, метаний, моего очарования миром, моей любви к отчей земле, что я только удивлённо ахаю: откуда он взял все те подробности, о которых я сам давно забыл и, наверное, так и не вспомнил бы, не помоги он мне своим стихом».

Откуда же она, сила благовского слова? Откуда благовская зачарованность всем земным? Из устья

своей малой родины. Не случайно Благова сравнивали с русским богатырём Микулой Селяниновичем. «Каждая стихотворная строчка у него дышала здоровьем и праздником. В каждом (даже трагическом) стихотворении ощущалась вечная радость жизни», – писал о Благове ульяновский поэт Владимир Дворянсков.

«Его образная концепция велика, она требует не только внимательного прочтения, но и большой работы души. И никогда при этом не исчезает ощущение первородности русского слова», – так отзывался о Благове поэт Лев Бурдин.

Благов – не военный поэт, но война всегда слышна в его поэзии, как противоестественная природе сила, отнявшая у человека самое главное – право на жизнь, на любовь, продолжение рода человеческого. Об осиротевших и овдовевших пишет Благов пронзительно, с нескрываемой болью за несправедливость судьбы. Слишком дорогой ценой была оплачена победа в той великой войне.

Из книги «Ладонь на ладони»

И только бы девчонке стать красивой –
В окопы оступилась тишина!
И пушки, сплюнув смазку, пробасили:
А вот на красоту вам,
Вот война!

Мужским трудом износит, обездолит,
Но как-то всхлипень сладко было ей,
Ещё и не любившей,
Петь по-вдови, в
В телеге громыхая из полей.

Вдова в притухшем приживалась взгляде,
Когда случилось – что там различать! –
В разгул послевоенных спешных свадеб
Заезжего солдата повстречать.
И не было на песнь её управы!
Навстречу шла без тропок, без дорог,
С улыбкой никла перед ним, как травы,
Когда меж ветел хлынет ветерок...

Он не пустил дурной молвы по ветру,
Всего сказал, печали не тая:
– Пронёс бы на руках тебя по свету,
Да, знаешь, на руках моих семья...

Пошла,
Стыдятся окошек,
Как нагая,
Вся на виду,
Вся на виду.
Одна.
Пошла, к походке прежней привыкая,
С которой не спешила никуда.
Была война.
И если не за тело,
Так за душу,
Кого ни погляди,
Война своим слепым огнём задела,
Оставив пепел холода в груди.

А как трепетны и пронзительны стихи Николая Благова о любви! Его женщина пришла из весеннего лазорья, она Купава-недотрога, которой он дарит

букеты полевых цветов. Он рвётся к ней и днём и ночью, а его подруга готова делить с ним вечно и радость, и горе.

От солнца никогда не загорая,
Ты, мраморная, предо мной стоишь.
И лето не встревожит, вызревая,
Сна твоего бестрепетную тишь.
Не погляжу, что ты слывёшь великой,
Прижму к груди,
Где сердце болью рвёт,
И выпачкаю губы земляникой,
Целуя перепуганный твой рот.
Проснись!
Иль вовсе задохнись в объятиях!
Ты будешь биться у меня в руках,
Пока не станет мраморное платье
Цветущим ситцем в тёплых ветерках.
Заплачешь –
Я твои целую слёзы,
Устанешь –
Пусть под сердцем сердце спит.
Как сок весенний сонную берёзу,
Тебя моё дыханье опьянит.
И распушатся робкие ресницы,
Взойдут веснушки, светлые, в слезах,
И заиграют облака и птицы,
И солнце, и подсолнухи в глазах.
Пойдёшь со мной, притихшая невеста,
Минуя звонкий хоровод подруг.
Замесишь хлеб.
Ножом соскоблишь тесто
С натруженных, готовых к ласке рук.
В дому,
Где стены, как живые сосны,
Пропахли хвоей,
Жить тебе дано.
Ты будешь ждать меня.
В подол уронишь косы
И вздрогнешь,
Только постучу в окно.

Пронзительное слово Благова наиболее выпукло проявляется в его поэмах. Среди них ранняя, но самая художественно завершённая – «Волга». Поэмой о Волге Благов развивал традицию поэтических произведений о Волге, заявленную ещё русскими классиками.

И всё же, как отмечает ульяновский учёный-литературовед В.И. Чернышёв, «... именно Благов – создатель целого материка стихов о Волге».

*Мы насквозь отразились в волне твоей чистой
Согреваешь нас, кормишь и учишь, любя,
И растишь волгарей, крутолобых, плечистых,
Ты смотри, как похожи они на тебя!*

Велико мастерство Благова – поэта-живописца. В его стихах поражают «...драгоценные россыпи поэтических находок-образов, эпитетов, деталей.

Зима стоит – такая россиянка!
Опять кипит невпроворот пурга.
Склонившись, как над прорубью крестьянка,
Луна полощет длинные снега.

Но в эту крутень винтовую,
В замять,
Когда на шаг тропинку не промять,
Ещё стозвонней вызвездила память
Всё, что люблю!
Что надо вспоминать!
Кого припомню, –
Сменою вечерней,
Повесткой даже удержать нельзя!
И снявшись с трудовых своих кочевий,
Ко мне приходят старые друзья!

Заветреннее лица.
Губы – суше.
И хорошо!
И не о чем тужить!
Недолго нам пришлось о жизни слушать!
Мы, не дослушав, сами стали жить!
И потому сложили эту дружбу!
Не гневайтесь, что писем не пишу, –
За все грехи,
Как в собственную душу,
Я вас в деревню детства приглашу!
Приедем –
И под окна любопытных
Откуда-то как ветром нанесёт.
Живёт деревня солнечно, открыто,
А уж схитрит –
По окнам видно всё!

Раскинь нам, мама, скатерть-самобранку!
Как ты седеешь!
– Да, метёт пурга...
Склонившись,
Как над прорубью крестьянка,
Луна полощет длинные снега!

В 1983 году за книгу стихов и поэм «Поклонная гора» Николаю Благову присвоено звание лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Поэта уже нет с нами, но, как верно заметил литературовед Александр Рассадин: «Дух большого, крупного поэта, а Благов, несомненно, всегда принадлежал к таковым, уже давно в мире, среди преданных ему читателей, продолжающих и сегодня внимать его Жар-Слову».

Листаю вновь страницы старых газет и журналов, в которых много воспоминаний о поэте тех мастеров слова, с которыми он встречался, у кого учился и для кого сам стал учителем и наставником.

В журнале «Мономах» за 2000 год №1 есть опубликованная беседа Ольги Шейпак с вдовой Н. Благова Лялей Ибрагимовной. Она рассказала о переписке Благова и Григория Коновалова, первого руководителя нашей писательской организации: «Дорогой Николай! Часто думаю о тебе с любовью. Уж очень хочется встретиться, и поговорить, и помолчать вместе. Удивительное, брат, дело: будто прирос к тебе сердцем...».

Или вот такие пронзительные, замечательные строки Григория Коновалова, обращённые к Благову: «Ты не имеешь права не работать зверски, как Микеланджело, Тарле, Горький, Есенин, Лермонтов. Талант у тебя дай Бог! Подчинись ему, таланту, сожги себя в его творческом огне! Нет выше ничего.

Бросим дешёвку (еду, питьё), будем писать!».

Аркадий Александрович Пластов называл Благова «поэтом планетарного масштаба».

В альманахе «Симбирскъ» за 1994 год есть интересная публикация Льва Бурдина, где отличительной чертой поэзии Благова он называет естественность и органичность. «Иному любителю изящной словесности благовские стихи покажутся слишком тяжеловесными, так как в них настолько велика образная концентрация, что требует не только внимательного прочтения, но и большой работы души. И никогда при этом не исчезает ощущение первоуродности русского слова...». Лев Александрович отмечает яркую метафоричность, эпитеты, аллитерации, которые делают благовское слово «многокрасочным, стереофоничным».

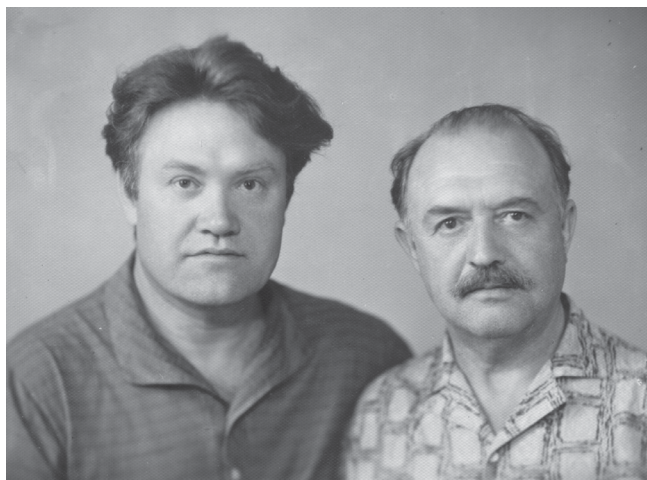
Тяжёлый, душный день белоголовый.
Ни капель не пробрызнут облака.
И вымя над травой несёт корова,
Пыль прошивая ниткой молока.

Читаем замечательные воспоминания близкого друга Благова Эриксона Рыбочкина, который написал о том, как точно Благов изобразил жизнь простого сельчанина в военное лихолетье. Э. Рыбочкин приводит также свидетельство московского поэта Виктора Кочеткова, который считал, что Благов точнее всех советских поэтов так самобытно, образно и зримо писал о военном времени в деревне.

Поэт скончался 27 мая 1992 года, похоронен в селе Крестово-Городище Чердаклинского района Ульяновской области. Имя Николая Благова носит Андреевская средняя школа, на которой установлена памятная доска. В Ульяновске на доме по ул. Матросова, № 5, где жил и работал поэт, также установлена мемориальная доска. В 2010 году имя Николая Благова присвоено городской библиотеке № 15. В селе Андреевка Чердаклинского района в мае 2009 года состоялся первый Благовский фестиваль. В 2012 году постановлением правительства Ульяновской области была учреждена ежегодная поэтическая премия имени Н.Н. Благова. Одна из целей премии – память о человеке, о замечательном поэте. На сегодняшний день премия приобрела межрегиональный статус, и с момента учреждения её получили уже 17 человек, ульяновцев и наших земляков из Поволжья. 15 января 2015 года в Ульяновском государственном педагогическом университете имени И.Н. Ульянова прошли первые Малые Благовские чтения «Поэт Николай Благов: личность и эпоха».

В своих воспоминаниях Анатолий Жуков, посетив кладбище и могилу поэта, написал: «Неужели это всё, что остаётся, что остаётся от нас на родной земле? И в ответ я будто слышу дружеский, поволжски окающий голос Благова, рассудительный и спокойный, как всегда:

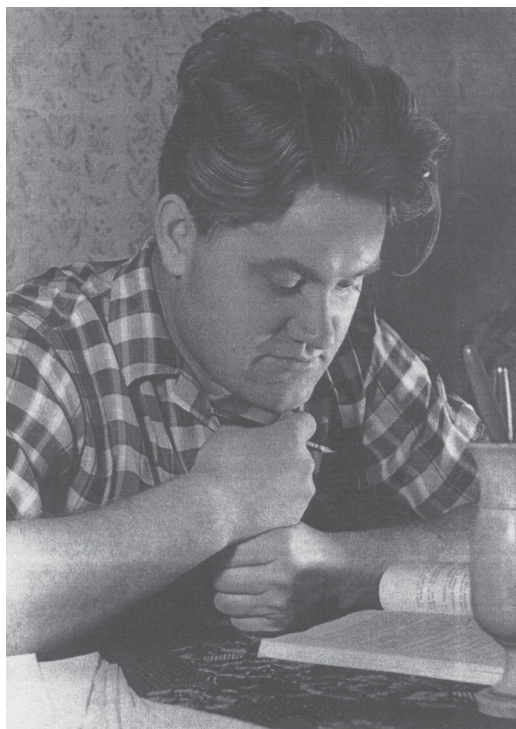
Не унижайся в укоризне,
Прочти небесно, до конца
И смерть –
Как укрепленье жизни,
Как высший замысел творца.

Николай Благов и Григорий Коновалов

Н. Благов, Р. Герасимов, Н. Краснов

Николай Благов

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, председатель регионального отделения Союза писателей России.

ИМЯ ОБЪЕДИНИЛО

Всероссийский историко-литературный конкурс
«ПРОТЯЖЕНИЕ ТОЧКИ» имени А.Н. Балдина

«Главная просветительская цель конкурса – любить и изучать свою историю и культуру, сохранять память о замечательных людях, двигателях культуры, делиться своими открытиями».

В декабре 2020 года в рамках декады отечественной истории в Ульяновской области были объявлены победители историко-литературного конкурса «ПРОТЯЖЕНИЕ ТОЧКИ» имени А.Н. Балдина. Конкурс был инициирован и учреждён в память об Андрее Николаевиче Балдине (1958–2017) – писателе, книжном графике, архитекторе, философе, исследователе жизни и творчества Н.М. Карамзина и других русских писателей-классиков.

Конкурс организован Карамзинским фондом поддержки культурно-исторического наследия, Дворцом книги – Ульяновской областной научной библиотекой имени В.И. Ленина при поддержке Ульяновского регионального отделения Российского исторического общества.

На конкурс были приняты работы, направленные на сохранение исторической памяти о знаменательных событиях прошлого и настоящего, выдающихся личностях, внесших весомый вклад в науку, историю, культуру и общественную жизнь России, о тех, чья жизнь и деятельность стали образцом выполнения долга, примером чести и мужества.

Конкурс «Протяжение точки» – это новые смыслы в привычном, уже увиденном и очевидном, это поиск оригинальных решений общеизвестных насущных проблем и открытие новых героев, пытающихся решить эти проблемы.

Андрей Николаевич Балдин, памяти которого посвящён конкурс, был связан с Ульяновском (бывшим Симбирском) именем Н.М. Карамзина. Личность Карамзина давно и прочно завоевала сердце учёного, а побывав на его родине, коей является Симбирская губерния (ныне Ульяновская область), посетив карамзинские места, в частности мемориальную экспозицию «Карамзинская общественная библиотека», в которой хранятся книги из личного собрания Карамзиных, а также книги карамзинской эпохи, Андрей Николаевич получил новый импульс для своих исследований. В 2015 году Дворец книги, Карамзинский фонд и команда исследователей-энтузиастов, в составе которых был и А.Н. Балдин, приняли участие в конкурсе грантов правительства Ульяновской области, выиграла его и представили интересный и необычный проект «Новый Буквоскоп, или Совершенные картины мира».

Андрей Николаевич Балдин – автор уникальных интеллектуальных стратегий в области гуманитарной географии, градо- и страноведения, истории литературы, метафизики пространства. Автор удивительных, необычных книг, среди которых «Протяжение точки. Литературные путешествия», «Московские праздные дни», «Москва. Портрет

города в пословицах и поговорках», «Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина» (новое оригинальное прочтение европейского маршрута Н.М. Карамзина). Финалист национальной литературной премии «Большая книга» (2009). Горячий сторонник сохранения культурного наследия.

А.Н. Балдин был членом Попечительского совета Карамзинского фонда. Его путь мыслителя-новатора, увлечённого человека оборвался на взлёте, на пике интересных открытий и накопленных, но ещё не реализованных идей. Очень авторский, порой даже парадоксальный взгляд на решение той или иной проблемы, отличавший А.Н. Балдина, становился импульсом и вектором исследований многих молодых учёных. В частности, его интересовали «литературные путешествия» – те произведения русских классиков, сюжет которых позволял выявить в своём движении новые языковые и смысловые сопоставления и связи.

Это был человек-открытие, человек-новатор, любивший своё Отечество и его героев.

Смысл конкурса «Протяжение точки» был в том, чтобы, рассказав об уникальных людях, поделившись опытом исследовательской, историко-краеведческой и литературной деятельности, – продлить память о человеке, в честь которого конкурс был учреждён. Думается, что это удалось и участники конкурса поняли это. Личность А.Н. Балдина подвигла людей из разных уголков России на творческие поиски, на реставрацию своей истории и культуры.

На конкурс были присланы работы из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Сергиева Посада (Московская область), Ульяновска, Омска, Вологды, Кабардино-Балкарии (г. Прохладный), Курганской области, Оренбурга, Хабаровска, Новоалтайска, Владивостока.

Победители оценивались в трёх номинациях: «историко-краеведческая», «литературная», «мультимедийная». Победителем в номинации «историко-краеведческая» стал **Филькин Александр Геннадьевич**, предприниматель и издатель из Владивостока, член Общества изучения Амурского края Русского географического общества, за научно-популярное исследование «**Надпись на Евангелии**».

Из рецензии действительного члена Приморского отделения Русского географического общества, доцента, капитана 2-го ранга запаса Н.Н. Крицкого: «Исследование посвящено, на первый взгляд, одной биографии русского морского офицера-механика Дмитрия Филипповича Михайлова, участника Русско-японской войны, Цусимского сражения, Октябрьской революции и Гражданской войны, просто незаурядного жителя «города нашеньского». Однако это тот случай, когда биография героя неотделима от истории России в целом».

Ольга Даранова и Станислав Недобежкин

Поводом к исследованию, растянувшемуся на 10 лет, и написанию книги послужило найденное автором в букинистической лавке Владивостока Евангелие, на котором были оставлены владельческие надписи... От скупых надписей пройден достаточно большой путь в нахождении сведений о первом обладателе книги и авторе набросанных в ней строк.

В издании использованы семейные документы, архивные данные и иллюстрации, собранные во Владивостоке, Хабаровске, Онеге, Архангельске, Санкт-Петербурге, а также в Японии.

Во второй номинации – «литературная» – победителем стал студент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета **Максим Владимирович Прокофьев** за рассказ-коллаж «**В руце**». В краткой аннотации к своей работе автор написал: «Задача, цель, актуальность работы: спасти то, что грозит исчезнуть; *собрать вместе* лоскутки, сохранившиеся от чужой (но родной!) жизни». Этими лоскутками памяти могут быть письма, устные воспоминания, сны и та незримая тонкая нить родства, которая есть в глубинах души и памяти людей, спасающих друг друга, ведущих друг друга за руку...».

В третьей номинации – «мультимедийная» – победу одержал коллектив **телерадиокомпании «Плеяда»** (руководитель **Спиридонова Наталья Александровна**) за создание серии видеосюжетов исторического телевизионного альманаха «Историограф»: «Мелодия на два голоса», «Николай Карамзин: в поисках малой родины», «Карамзин. История жизни в портретах», «Портрет для милого ангела», «Карамзин и Лафатер: от сердца к сердцу», «Василий Львович Пушкин: на перекрестке истории». Эти сюжеты вместили в себя время и события, связанные с Николаем Михайловичем Карамзиным: его трогательную историю любви к «милому ангелу» – первой жене Елизавете Протасовой, переписку с Екатериной Андреевной Карамзиной, второй женой, с той, «с которой прожил в одну мысль, в одно чувство»; путешествие Василия Львовича Пушкина маршрутом Карамзина в Европу, переписку с Лафатером, образ Карамзина в портретах и конечно, сюжет о малой родине Карамзина и тех найденных нитях, которые приводят нас в Симбирскую губернию.

Уникальные выпуски «Историографа» приближают к нам Время, открывают двери литературных салонов века и дворцов великопоставленных особ, двери кабинета Карамзина в Остафьево и землю его малой родины; выпуски «Историографа» отличаются как исторической достоверностью, так и поэтичностью, прекрасным литературным слогом и присутствием духа времени.

Решением конкурсного жюри были также учреждены две специальные номинации. Одна из них – «**имя объединяет**». В этой номинации отмечена работа **Недобежкина Станислава Владимировича**, старшего преподавателя Бугульминского филиала ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет». Он представил историко-краеведческое издание «**Имение Давыдовых в Бугульминском уезде**». Книга об истории села Чирково, где было имение русского генерала, участника русско-турецкой

войны конца 18 века Николая Александровича Чиркова. Имение было приданым Софьи Николаевны Чирковой, которая стала женой Дениса Васильевича Давыдова – знаменитого поэта-гусара, героя Отечественной войны 1812 года. После смерти Дениса Давыдова в его память Софья Николаевна построила в Чирково храм святого Дионисия Глушицкого.

Как известно, в Радищевском районе Ульяновской области есть село Верхняя Маза (бывшего Сызранского уезда Симбирской губернии), также связанное с именем легендарного поэта-гусара Дениса Давыдова. Здесь он прожил последние десять лет своей жизни и написал замечательные военно-исторические мемуары.

Другая специальная номинация – «**хранители**». В этой номинации решением жюри отмечена работа **Струковой Ангелины Евгеньевны**, студентки 1-го курса Амурского гуманитарно-педагогического Государственного Университета, факультета истории и права – «**История восстановления вепсской культуры 20 века. В память о деятельности Р.П. Лонины**». Работа посвящена изучению одного из малочисленных коренных народов финно-угорской группы – вепсы. История этого народа – прямое доказательство того, как может забыться целая культура одного из самых древних народов, который стоял у самых истоков создания нашего государства. Работа посвящена писателю, фольклористу, культурологу вепсской культуры Рюрику Петровичу Лонину. Его предки, вепские каменотёсы и плотники, строили Петербург, создавали памятники и архитектурные шедевры. А он прожил всю свою жизнь в родном селе Шёлтозеро, восстанавливая историю вепсского народа.

Жюри также отметило поощрительным призом работу ученицы Мариинской гимназии города Ульяновска **Людмилы Мовчан – рассказ «Номо faber»** – за оригинальную попытку постижения личности Николая Михайловича Карамзина.

Среди других участников жюри отметило работу Виктора Вячеславовича Пахаря, учителя истории МОБУ «Сузановская СОШ» Оренбургской области, «Урок-экскурсия для школьников «Пушкинские места Оренбуржья»; работу Сизоненко Юрия Фёдоровича, врача скорой помощи центральной больницы города Прохладного Кабардино-Балкарской Республики, – «Первый заслуженный врач РСФСР Прохладненской районной больницы (о военвраче, хирурге Герасиме Дмитриевиче Какурато (Кондратове)»; Маликовой Натальи Ивановны, заведующей отделом методико-аналитической деятельности ЦГБ имени Л.С. Мерзликаина города Новоалтайска «Портрет работника библиотеки, участницы Великой Отечественной войны В.Г. Юшмановой».

Церемония подведения итогов конкурса состоялась 12 декабря 2020 года в зале Дворянского собрания Дворца книги в ходе закрытия декады отечественной истории в Ульяновской области.

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией победители в трёх номинациях не смогли лично присутствовать на церемонии, прислали видеобращения, в которых рассказали о своём участии в конкурсе.

**Александр
Филькин,**
лауреат конкурса
в номинации
«историко-краеведческая»

**Максим
Прокофьев,**
лауреат конкурса
в номинации
«литературная»

**Наталья
Спиридонова,**
лауреат конкурса
в номинации
«мультимедийная»

**Мы благодарим всех участников историко-литературного конкурса
«ПРОТЯЖЕНИЕ ТОЧКИ» имени А.Н. Балдина и желаем новых успехов.**

*Оргкомитет конкурса выражает большую благодарность члену Попечительского совета Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия **Утину Сергею Ивановичу** за активное участие, благотворительную деятельность и поддержку Всероссийского историко-литературного конкурса «Протяжение точки» имени А.Н. Балдина.*

Максим ПРОКОФЬЕВ, Санкт-Петербург, студент факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

В РУЦЕ

В авторской редакции.

Поэтому опишу вам только то,
что мои глаза собственноручно видели
Исаак Бабель
The heart is for saving what it can;
and I wanted the traces through which
my wishes might find their way to her,
in case I should never rejoin her myself;
in a word, I wished to know her name
Laurence Sterne¹

– ...будто кто за руку вёл, понимаешь? И не только тогда, но и всю жизнь так. Словно оберегал кто-то.

Я смотрю на бабушкины руки; кожа их стала прозрачной, временами будто совсем исчезает – вот-вот, и чашка, блюдец, скатерть явятся на про-свет. Конечно, эти руки в залах дворца Шопена отнюдь не играли, но, юная бабушка, – кто, кто, кто? Скушно про ангелов, про судьбы скрещенья, скажите, – целовали? и как? и почему, почему дедушка?

Но гаснет свет, закрывается дверь, я остаюсь один среди простыней и одеял, которые ночь накрыла ещё одной – своей, ночной, тенистой, синей, – материей. Но вокруг не складки и не покрывала, о нет, – это лодки и валы; это волны морей, излучины рек, подмигивания озёр, штормы океанов. И повелитель здесь – я. Что бы сотворить на сей день? Какую бабушкину историю выбрать? Но интереснее во всё сразу; и вот кудесник Моисей, проводник Красной Армии, молится: «Переправа, переправа! Волны влево, волны вправо! Предаю дух наш, Господи, в руце Твои...» Умиленный, Господь смахивает

непорочную детскую слезу и расправляет ладошкой хлопчатобумажные волны. «...И очутятся на береге тридцать три богатыря» Спасение, чудо! – теперь дедушка не простудит ноги в ледяной водице, и не заболит, и не нужно будет после войны посещать врачей и вырывать вены, – нет, нет!

...Видения переходят в сны, а стены ласкает лунный свет, протиснувший длинные руки меж занавесок, и плывут по стенам тени снежинок – крупных, кружевных. Чьи бабушки скидывают их с крыш?

В этой квартире связано всё: наволочки и накидки, пледы и платочки, скатерти, шторы и шали, и даже те таинственные чёрные перчатки (и зачем они бабушке?). На телевизоре широко раскинула крылья накрахмаленная салфетка – устроилась где потеплей.

Но бабушка давно не вяжет. Порой потеряет очки, найдёт, а потом приговаривает: «Очки нашлись, а глазки? Где мои молоденькие глазки?» – и я беззубо вторю вызубренным на зубок: «Наши пальчики вязали, наши глазки так устали...»

Теперь бабушка вяжет истории. Ловко и вол-

¹ Сердцу хочется сберечь, что можно; и я искал те вешки, по которым мои желания могли бы найти свой путь к ней, если уж мне самому не суждено с ней свидеться; словом, я желал знать её имя. Лоренс Стерн.

шебно переплетает события, случаи, телефонные разговоры; вьёт гнездо, новый Ноев, чтобы всем, всем спастись: и покойнику дяде-Юре-на-когож-ты-нас-покинул, и скончавшейся подруге-Маше-васильковые-глаза, и другу-семьи-Трофиму-Аркадьичу-совсем-молодой-угорел-в-гараже, и совсем уже стёршимся и пропавшим, размазанным и выцветшим на фотографиях, уцелевшим по случайности, на обороте, в одном кривом почерке, в одной неполной надписи: “На добрую вечную”, – будто отцепили последний вагон, и мы укатываем всё дальше от этой памяти: двоюродной, троюродной, сводной. Единственной и одной.

Недовольна бабушка ревизией: тут прохудилось, там поела моль; спутались нитки. Что-то рассыпается прямо в руках, – и никак те узоры не восстановить, не спасти. Дни расплетают тряпочку, сотканную тобою.

И тогда остаются только связки писем. Ровные, разлинованные строки проводами протягивались между городами; теперь же через витые телефонные шнуры почерков мы слышим голоса родных, их немую речь.

Вот они, колышутся, шевелятся – чернильные, графитные тени голосов. Читаешь – и спускаешься по ступенькам, по строкам и абзацам – ниже, ниже, – в Аид. Но кончится письмо, и не хватит этой короткой встречи, прикосновения тени ко лбу, поцелуя лёгкого дыхания; и не выдержишь, обязательно обернёшься. Рассеется иллюзия, распустится вязанье предложений – всё, нет ничего, степь; только буквы склонились на ветру.

«Дорогая Лида,

Что бы тебе рассказать такого, чего бы ты уже, загодя, не знала? Или наоборот: как бы именно то рассказать, что одна только ты и поймёшь?

Снега лежат свежие, как воскресные полотенца. Вот проложена чьими-то торопливыми шагами крупная строчка, – ведёт в кусты и за ели. Вот тянутся за машинами полосы: чем не орнаменты рушника? И вечно будут тени вётел перебирать осколки света, пытаюсь, как в сказке, сложить само это слово – “вечность” <...>

«Пишу тебе тайно, поскольку товарищам моим, Лёше и Стёпке, девушки их писать перестали. Кого-то ждёт вокзал, кого-то ждут домой, – а их никто не ждёт, одна <нрзб.> Победа.

Вот я пойду в лесок, сяду на пенёк – и пишу. Как в сказке.

Один только командир про это знает: нужно же было как-то объяснить мои исчезновения? Когда отлучаюсь в своё Лукоморье, он подмигивает и ворчит шуточно: “Снова, Пушкин, на опушку?”

А стишки-то я почти и не сочиняю. Так иногда, верчу в голове имя твоё – и придумывается. Умоляю, не показывай знакомым: стыдно! (И прости мне “невесту”, я ведь ещё не просил руки.)

Я зол на старую калитку:

Она в ночи скрипит, дурнушка,
Затем стучит своей вертушкой,
Всё обзывая: “Лид-ка, Лид-ка!” –
Мою любимую невесту»

«<...> Рота наша встала у реки, а на реку спустился туман. Он обмотал осоку и деревья, и всё вьётся, вьётся повсюду, будто летит где-то по небу Черномор и не поспекает за ним его синяя борода. Помог бы нам другой Черномор, который дядька! Так и вижу, как река “расплеснётся в скором беге и очутится на берегу тридцать три богатыря”.

Но остальные больше поминают новую эту считалку: “Вышел немец из тумана...” Мне почему-то хочется считать её так:

выйдешь тихо из тумана
вынешь ножик из кармана
будешь резать будешь бить
всё равно Тебе водить

Чтобы с большой буквы только одно слово – то, что было вначале. И без знаков препинания: что уж тут препинаться...»

«Кажется, ты опасаясь, что я забуду тебя? Можно ли? Можно ли забыть, как после всех прифронтовых тревог мы попали в ваш маленький город, как ты приютила меня, как вечером ходили мы на танцы (“Лида, милая, вы танцуете?”): и какая там играла музыка, и с каким страхом принимал я твою руку в чёрной перчатке, и какой у нас был неуверенный, шаткий вальс? (А всё я, я совсем разучился танцевать.) И как коротка была последняя ночь, как ярко и остро сверкали среди спящих облаков чистые ледяные звёзды; как вышли мы в твою калитку и как я понял, что теряю ещё один дом? Могу ли забыть тот вокзал у реки, и башню, и часы на башне, и как я видел стрелки на циферблате, но был настолько растревожен, что не мог понять, сколько нам ещё...

Сегодня на поляне играл для нас маленький оркестр. Музыканты уселись на свежих еловых пнях, а ноты положили перед собой, но не на пюпитры, а на траву, – она без труда держала нотные тетради. Когда они настроили свои инструменты и начали наконец играть, я вздрогнул, я не знал, что делать, ведь мне казалось, что это мой вальс, наш вальс, что мы одни, вдвоём, в пустом зале, и больше – никого, – только вальс. А оказалось, что это старинная мелодия, и довольно популярная, и что многие из наших под неё танцевали. А Лёша и Стёпа даже умеют её исполнять.

Так что помню я и тебя и Мишку, и страшно скучаю. Скоро, скоро, взявшись за руки, втроём, нашей улицей пойдём. А пока всё думаю о книжках, которые читали мне в детстве, – вот и вставлю тебе в письмо то из Пушкина что, то из сказок. Как там Миша?

Напиши же хоть слово, сам не знаю, о чём»

И всё. Это последнее письмо. «Больше писем нет» Но как же, как же. Быть может, хранятся в другом месте? Завалились под стол? Утеряны? Сожжены? Выкрадены? Не пропущены цензурой? «Нет. Больше писем нет. Но впрочем...»

И вот табуретка с готовностью подставляет свою спинку, и бабушка отважно покоряет небообразимые высоты шкафов, полок, серванта. «Наверное, в фотографиях» Спешно перелистываются альбомы, в них мелькают места и лица, меняясь, смеясь друг друга, – словно из окна поезда смотришь

на чужую жизнь. Нет, нету. «Посмотри в Толстом, может быть, там» И тогда взгляд путешествует по слившимся воедино романам и повестям, где встречаются недоумённо Наташа и Кити, где Пьер вызывает Вронского, где бредит перед смертью князь Андрей Ильич; где бал, и мазурка, и вальс, который с такой пугающей лёгкостью разгоняется в марш войны. Не-а, ни клочка. «Заглянем в чемоданы, в них чего только не...» Но и тут только командировочные билеты, театральная афишка из стёртого не с лица земли, но с афишки же, провинциального города *Н.* да две засушенные фиалки.

И когда бабушка перестаёт повторять: ищите да обрящите, – когда она кивает и соглашается: наверное, утеряны, наверное, сожжены, – откуда-то сверху, с растревоженных антресолей, жёлтым осенним листом, хрупкой бабочкой слетает газетная вырезка. И хотя Лида по ошибке послала воспоминания мужа не в «Новое литературное обозрение», а в едва опознанный её слабыми глазами журнал «НЛО: Знаки и Символы», читатели которого, верно, верят, что обозрение – это что-то навряде бешенства; и хотя экстрасенсам и ведунам редакции не явилось во сне предупреждение, и потому в утреннем выпуске журнала подмигивала несколько даже милая опечатка *“Покойно ваш, Василий Андреевич”*; и хотя сам Василий Андреевич предпочитал не вспоминать ни всей этой истории, ни истории опубликованной, – я снова, снова слышу исчезнувшие голоса.

«<...> Не сильно это больно было, но главное – неприятно, потому что боль эта развлекала меня и мешала мне видеть то, на что я смотрел. Торопливо пробежал кто-то, волоча за собой длинный туманастый подол. Что это? У меня ноги запутались. Я падаю. Я изумился этому, ещё не понимая.

...Хорошо помню, я сижу в лодке, бросив вёсла. Река тихая и широкая. Деревья раскачиваются как дети, изображающие деревья. На одном из берегов кукушка считает мои годы. Но это очень глупо, потому что я совершенно уверен, что уже умер.

Вот река начинает впадать в море. Я замечаю, что плыву не по течению; то есть по течению, но не реки; по течению воздуха; получается, не плыву, а взлетаю. Я выглядываю вниз. Там рябят ромбы. Клетки внутри клеток внутри клеток.

И тут я увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо развернула передо мной отражения квадратных, тихо ползущих серых облаков, между которыми *не было моего отражения...*

Я прочитал об этом много позже, у одного эмигранта: “...словно мелкие клеточки на ладони твоей”.

На ладони Твоей. Как же я не видал этого прежде? Ничего, ничего нет, кроме её.

...Я не знал, как долго продолжалось моё забытие. Оно продолжилось и тогда, когда я снова почувствовал себя живым и страдающим от жгучей и разрывающей, не помещающейся в голове боли. Среди хаоса и мрака беспомысленства и забвения сверкали металл и стекло; Лета пахла спиртом.

Меня комиссовали, диагностируя временную потерю зрения и частичную – памяти. Уже в поезде товарищи рассказали, что был я совершенно незна-

дён и хотели меня оставить там, в поле, но кто-то смилился. И выходили.

Плохо было без памяти. Оказалось, что, в сущности, видеть и помнить – одно и то же. Чернила имён и названий, особенно чувствительные к воде забвения, расплывались в зыбкие, неузнаваемые силуэты людей и городов. Кто это? Где? Едва схватил знакомое слово – поезд так тряхнёт, что в руке останется только хвост, невыразительное грамматическое окончание.

Пару раз я слышал, как где-то рядом – в соседнем купе, в коридоре, в тамбуре, – тихонько пере-смеиваются знакомые голоса. Ну конечно, – ведь это мои товарищи, Алексей Тимофеев и Степан Шишков, Стёпка и Лёшка! – и я вслепую иду, ищу их, тревожа отдыхающих бойцов; а потом мне кто-то сказал, так, между делом: “...да ведь их разорвало снарядам”.

...Так странно было ехать в поезде и не видеть, как кланяются тебе поля, как скребутся в окна ветви елей, как поддерживают свои кокошники деревья, как внизу, по реке, плывёт унесённый течением мостик, перебирая под водой тонкими, непрочными, соструганными сизоносом Карлом ногами. Только золочённая русскими живописцами осень, только извечные эти цвета, меняющиеся и смешивающиеся, как воспоминание, – и, поверх всего, отчего-то зримая, простая, понятная поволока дождя.

Пастернак писал: “Я молча узнавал России неповторимые черты”. Я узнавал не черты, но очертания.

Во время остановок меня выпускали прогуляться по перрону, – но не больше. Кто был покрепче – ходил на привокзальные рынки; оттуда слышался гул, и гогот, и запах навоза. Каждый знал, пойдёшь туда один – пропадёшь. Тем более сослепу.

И вот однажды стоял я у вагона, курил. Тут пронёсся лёгкий ветерок; кто-то выхватил папироску у меня изо рта. И так ловко, что даже меня не коснулся. Ну, я начал ругаться и махать руками, а рядом закудахтали: «Да вона твоя цыгарка, на земле догорит» «Сам выронил, а сам кричит» «Слепой что ли?»

Я устыдился и достал ещё одну папиросу. Но спички, где спички? На ощупь, как случайный обладатель чужой шинели, я шарил по карманам: где же, где же? – когда прямо над моим ухом кто-то тряхнул коробком, в котором гремели, как снаряды, спички, и я обернулся на звук и попытался увидеть, я стал вглядываться, всматриваться, господи, так вот как ты выглядишь, я и не думал, что фотография настолько сходна с лицом твоим, распаханным войной, ты, главное, не сердись, не бойся, дай мне руку, я поведу тебя, дай руку, ну что же ты боишься, вот и Лёша со Стёпкой рядом, пойдём, сюда, сюда, осторожно, тут начинается базар, не наступи на зывающих баб, слышишь, продают горшки, звеня в них пальцами, показывая добротность, проходи здесь, не выпускай мою руку, так, так, теперь нагнись, здесь развешаны ковры, только придержи-вай карманы, мужчина слева, он вор, вынул ножик из, сюда, сюда, я веду тебя, твои товарищи заметили, что ты отлучился, они окриками тебя, но ты не слушай, не беги впереди паровоза, тебе больше не нужен поезд, поезд уедет сегодня без тебя, так, иди, иди, иди, я держу твою руку, а вам, Алексей,

Степан, сейчас вам следует сыграть то, что всегда играют в таких случаях, ну, например, Баха, что, не знаете Баха, боитесь Б а х а, ну тогда какой-нибудь вальс, лучше старинный, вы должны уметь, вот вам аккордеон, играйте, когда я скажу с е й ч а с, а вы, Василий Андреевич, ты, дорогой дедушка, неужели ты ничего не чувствуешь, не вспоминаешь, неужели ни внешнее, ни внутреннее зрение твои не позволяют тебе признать эту станцию, и этот станционный вокзал, и вокзальную башню, и башенные часы, и циферблат, с него, правда, сняли стрелки, но всё равно, всё равно, неужели ты не припоминаешь даже имён мест, местоимений: станция называлась, река называлась, а за рекой дорога, а у дороги дом, и калитка, вертушка, стучит, скрипит, дурнушка, и обзывает, Л и д к а, Лид-ка, Лида, обернись, бабушка, обернись, э т о о н а э т о я, вспомни, это она, вспом-

ни е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э т о я, и вспомни его, это о н м л к й и з ж ё е д г в б а б у ш к а, обернись, вспомни, это он, солдат роты такой-то, Василий, Вася, Вася, товарищ наш, куда ты пошёл, почему отлучился, поезд уедет без тебя, поезд уедет в далёкие дали, ты останешься ли, отвергнешь ли дали ли уже звонок уж пора да дал и а ко г д а д а в н о л и д а л и д а в о т с е й ч а с, пора, сейчас, Степан, Алексей, с е й ч а с, музыку, музыку, ЛИДА, и тут я обернулась и вы увидели он увидел она увидела ты увидела я увидела его, и смотрела, и не могла поверить, и не могла понять, почему он не поднимает глаз, уже потом он всё мне рассказал, а я только удивлялась, как всё само так сложилось, волшебство какое-то, это с годами становится ясно, что не само, не волшебство, а всю, всю жизнь нас будто кто за руку вёл, понимаешь.

Людмила **МОВЧАН**

НОМО FABER

Каменная лестница старинного образца вела наверх. На последнем этаже в маленьком коридоре находилась одна единственная деревянная дверь, украшенная изысканной резьбой в стиле барокко. На ней висела табличка с интригующей надписью: «Номо faber – человекъ творящій». Я слегка потянула за ручку, и дверь со скрипом открылась...

Передо мной оказалась небольшая комната, обставленная всевозможными предметами: от масок и коллекции перчаток до географических карт и иностранных книг. На одной из стен висел портрет, и изображенный на нем человек показался мне очень знакомым. То был мужчина средних лет, одежда и умное, аристократическое выражение лица выдавали в нем дворянина. Он носил легкие каштановые волосы и бакенбарды, которых коснулась седина. Черты лица были не совсем правильными, но приятными и имели несколько восточный характер. Его губы слегка улыбались, но глаза при этом выражали глубокую задумчивость, которую господин явно желал скрыть от окружающих.

Я долго рассматривала этот портрет, изучила взглядом каждую деталь, все пытаясь вспомнить, кто этот человек, что он сделал, и главное – почему он кажется мне таким знакомым. С усилием оторвавшись от картины, я решила изучить комнату получше. В этот раз мое внимание привлекли самодельные маски, висящие напротив загадочного полотна. Всего их было семь, притом к каждой маске прилагалась табличка и какой-нибудь «экспонат», который, вероятно, должен был лучше раскрыть смысл, содержание и назначение личин. Надпись под первой маской гласила: «Сухой французъ», а рядом находилась коллекция белоснежных перчаток; вторая была подписана так: «Нѣжной женщины нежнѣйшій другъ», неподалеку находилась то-

ленькая стопка писем на французском, написанных несколько корявым почерком; третья маска располагалась рядом с географической картой Европы, содержащей множество пометок и условных обозначений, под ней находилась табличка: «Русскій путешественникъ»; четвертая личина называлась «Чувствительный россиянинъ съ чертами щеголя», к ней прилагался сборник сентиментальных повестей; пятая маска – «Педантъ» – находилась по соседству с толстой стопкой иностранных книг и словарей; шестая по счету маска имела название «Проповѣдникъ горькихъ утѣшеній», а рядом были книги с подписями «Аглая», «Аониды» и «Пантеонъ иностранной словесности»; наконец, самая последняя, седьмая, маска называлась «Историкъ», под ней, на небольшом столике, лежал старинный фолиант, на потускневшей от времени обложке различалась подпись: «Исторія государства Россійскаго». И какая между ними связь?..

Вдруг я услышала скрип двери за своей спиной и чьи-то шаги, чью-то легкую скорую поступь. Я обернулась. В комнату вошел человек, и выглядел он точь-в-точь как на том самом портрете. Не стоит и говорить о том, насколько я была поражена происходящим: какая-то странная комната, маски, удивительно знакомый портрет, и теперь приходит «картинный» дворянин собственной персоной! В противоположность мне он был абсолютно спокойным, полностью осознавал и контролировал ситуацию. Господин вежливо поклонился, однако ничего не сказал.

Откуда-то он достал мольберт, масляные краски и холст. Наскоро организовав себе рабочее место, он принялся писать. Поскольку холст был повернут ко мне обратной стороной, я могла судить о процессе работы лишь по энергичным, резким, но точным

движениям руки художника. Вдруг, не отрываясь от работы, он начал произносить какие-то несвязные на первый взгляд фразы, точно диктуя их. Недолго думая, я взяла случайный листок и перьевую ручку (которой, по правде говоря, мне никогда до этого не доводилось пользоваться). Кое-как я начиркала следующие слова:

*Культурный человек
 Артистическая свобода личности
 Речь пересыпана иностранными словами
 Амплуа чувствительного человека,
 щеголя и педанта*

*Маски
 Знание преумножает скорбь
 Игра. Возведение жизни до уровня высокой игры
 Непредсказуемость!*

Произнося последнее слово с особенным восклицанием, художник сделал резкое движение рукой по холсту, которое, судя по прекращению процесса, было финальным. Он вновь поклонился и покинул комнату, оставив меня в недоумении наедине с наскоро написанной картиной и причудливыми словами. Я подошла к холсту и – каково было мое удивление! – увидела там автопортрет дворянина.

Но самым интересным было то, что изображение носило собирательный характер: у лица были глаза одной маски, нос другой, лоб третьей и так далее. *Разные лики слились, спаялись в единство* по воле человека, которому они принадлежали. Он творил сам себя...

Я вернулась к листку, на котором записала продиктованные слова. Потребовалось время, чтобы понять, как они связаны между собой и есть ли в них какой-то смысл. Наконец, я решила обвести первые буквы каждой строки – вдруг в этом есть какая-то логика? Получилась фамилия, которая, однако, была написана с ошибкой, с точки зрения до-реформенной орфографии, – КАРАМЗИН.

Наконец многое стало понятным: я вспомнила, кем был тот человек на портрете, казавшийся мне таким знакомым, и, кажется, приблизилась к разгадке тайны масок, висевших на стене. И почему-то именно тогда мне пришли на ум слова какого-то литератора с необычной фамилией: *Карамзин творил Карамзина*.

После этого я покинула загадочную комнату. Каменная лестница старинного образца вела вниз.

Предлагаем принять участие
 в конкурсе короткого рассказа
**«ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА.
 ЕЁ НАДО РАЗГАДАТЬ...»**

В Год книги в Ульяновской области областная научная библиотека имени В.И. Ленина объявляет о начале приёма заявок на конкурс короткого рассказа «Человек есть тайна. Её надо разгадать...». Конкурс проводится в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 24 августа 2016 г. №424 «О праздновании 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского», популяризации литературного наследия Фёдора Михайловича Достоевского как части сокровищницы русской культуры.

К участию в конкурсе приглашаются как профессиональные, так и самодеятельные авторы, пишущие на русском языке. Работы принимаются только от авторов, проживающих на территории Ульяновской области.

Конкурсные работы должны отвечать темам, которые отражены в творчестве Ф.М. Достоевского:

- судьба маленького и несчастного человека;
- путь человека к познанию Бога;
- использование темы двойников героев;
- судьба женщины из бедной среды;
- предназначение России в истории человечества.

Общий объем текста не должен превышать 15000 знаков с пробелами.

Конкурсные работы и заполненные заявки принимаются по электронному адресу: chitzal@uonb.ru до 30 сентября 2021 года.

По итогам конкурса будут определены три лучшие работы в следующих возрастных категориях:

- от 14 до 17 лет (включительно);
- от 18 до 35 лет (включительно);
- от 36 лет.

Победители и призеры конкурса получают дипломы и памятные подарки. Лучшие работы будут опубликованы в литературном журнале «Симбирск».

**Телефон для справок
 8 (8422) 44-30-85,
 читальный зал Дворца книги**

Ольга КЛОПКОВА, главный библиотекарь по краеведческой работе
ОГБУК «Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени
С.Т. Аксакова».

ВОЙНА И МИР АННЫ ТЮТЧЕВОЙ

1 марта 2021 года в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова открылась выставка «Война и мир Анны Тютчевой», посвящённая 190-летию со дня рождения старшей дочери поэта Ф.И. Тютчева.

Ольга Клопкова

Межмузейный передвижной выставочный проект – результат сотрудничества музея-заповедника «Овстуг», мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в г. Уфе (филиала Национального музея Республики Башкортостан), музея-заповедника «Усадьба «Мураново» имени Ф.И. Тютчева», и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Это событие в Ульяновске открыло цикл выставочных проектов 2021 года, посвящённых 230-летию со дня рождения Сергея Аксакова. Заместитель министра искусства и культурной политики Ульяновской области, директор департамента культурной политики Алёна Корчагина в приветственном слове отметила важность и актуальность литературной выставки в Год книги в Ульяновской области.

Почётными гостями на открытии в Ульяновске стали заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, старший научный сотрудник Мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в г. Уфе Татьяна Евгеньевна Петрова и эксперт Аксаковского

фонда – регионального отделения Международного фонда славянской письменности и культуры в Республике Башкортостан Людмила Юрьевна Усова.

Выставочная экспозиция представлена собранием портретов членов семьи Анны Фёдоровны, многих исторических деятелей, современницей которых она была. Основу выставки составили воспоминания Анны Фёдоровны, где отражены её впечатления от придворной жизни, характеристики членов царской семьи, видных общественных и государственных деятелей.

Анна Тютчева – дочь великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева, жена и верная спутница, сподвижница и единомышленница своего супруга – общественного деятеля, издателя, публициста, литературного критика, поэта, славянофила Ивана Сергеевича Аксакова, сына писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Она – хранительница аксаковского наследия и аксаковских семейных традиций. После смерти мужа Анна Фёдоровна издала сочинения И.С. Аксакова.

Интересная и очень содержательная экскурсия была проведена организаторами для первых посетителей выставки – специалистов из ульяновских музеев, библиотек, преподавателей и студентов историко-филологического факультета УлГПУ.

Встречу украсила литературно-музыкальная композиция на основе переписки Ивана Сергеевича Аксакова и Анны Фёдоровны Тютчевой в исполнении молодых специалистов Аксаковки и студентов и преподавателей музыкального училища имени Г.И. Шадринной УлГУ. Глубоко и проникновенно звучали отрывки из писем И.С. Аксакова избраннице и отрывки из книги воспоминаний А.Ф. Тютчевой «Дневник. При дворе двух императоров».

Анна Фёдоровна Тютчева начала вести дневник во-многом благодаря совету И.С. Аксакова, ибо *«через двадцать лет эта эпоха, все значение которой мы в настоящее время не можем оценить, будет представлять огромный интерес...»*.

Летом 1865 года Иван Сергеевич отправился в большое странствие по югу России и писал письма своей невесте. В посланиях друг другу они делятся мыслями о смысле жизни, об истории страны. Эти строки и по сей день звучат так искренне и проникновенно, что у читателя не остаётся сомнений, что переписываются любящие люди.

«Я, наконец, нашёл себя – знаете ли в ком?.. в Вас, – писал невесте И. Аксаков. – Вот где душа моя обретается не в диссонансе, а в гармонии... вот любя кого, я могу оставаться в истине, в правде, в согласии с самим собой, могу укрепиться в вере...».

Из письма И.С. Аксакова невесте А.Ф. Тютчевой, 24 июня 1865 г.

«...Для полноты счастья, для полноты союза необходима гармония в высшем нравственном идеале, в стремлениях к Богу. Муж должен быть совестью для жены, жена – совестью для мужа, оба друг другу ангелами-хранителями. Не потому, чтоб такой-то господин или такая-то госпожа были каждый нравственным совершенством, а потому, что в каждом живёт дух Божий!..»

Из письма А.Ф. Тютчевой к И.С. Аксакову, июнь 1865 г.

В библиотеке выставка экспонируется с 1 марта по 30 апреля 2021 года, затем эстафета будет передана муниципальному историко-краеведческому музею г. Сергиевска Самарской области.

У жителей и гостей города есть возможность познакомиться с замечательной выставкой, а также книжными изданиями, посвящёнными жизни и творчеству Аксаковых и Тютчевых из фондов библиотеки.

Мы приглашаем всех, кто любит литературу, историю и культуру России.

Библиотека выражает благодарность организаторам, всем тем, кто провёл большую подготовительную исследовательскую работу и воплотил в жизнь творческие замыслы.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ, поэт, публицист, переводчик стихов зарубежных и национальных авторов. Секретарь правления Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. А. Платонова, Б. Корнилова, М. Лермонтова, Р. Гамзатова и других.

«В ЭТИХ КОМНАТАХ ЖИЛ ВОЗНЕСЕНСКИЙ...»

СТИХИ

СРОТКИ

Над Москвою – латай не латай! –
хляби неба разверсты.
Ну, а мой самолёт – на Алтай,
где берёзки стоят, как невесты.

С высоты, как зелёный паркет,
предстают огороды.
Вот – гора под названьем Пикет,
Вот – скопление народа.

Свои души раскрыв, как мошну,
где хранились краюшки достатка,
вся Россия идёт к Шукшину,
принося себя в дар без остатка.

Мне б понять – ну, хотя бы на треть! –
наши грустные были:
почему надо лишь умереть,
чтоб тебя – полюбили?

Несть в Отчизне талантам числа!
(Только нет им – и ходу.)
Затопили страну волны зла.
Чем спастись народу?

Где найти необманный ответ:
как нам жить в мире этом?..
И идёт вся страна на Пикет –
к Шукшину. За советом...

Ну, а завтра опять: «Улетай!» –
жизнь потребует хмуро.
И глядит нам вдогонку Алтай –
по-шукшински, с прищуром...

НА ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПОЛЯНЕ

Я помню: в Тарханах – Дементьев Андрей
читает стихи для народа.
Поляна – как солнечный зал без дверей,
ей дела нет, что за погода.

В июльском ли зное сгорают леса
иль жутким исхлѣстаны ливнем,
но нынче Тарханы – сплошные глаза,
горящие блеском счастливым!

Сегодня главнее для всех – не прогноз,
а рифм хороводец летучий.
И нет больше в мире ни горя, ни слѣз,
а есть только чудо созвучий.

Есть мельница с лёгким крылом вдалеке,
есть пруд и склонѣнные ивы,
где Лермонтов в детстве ловил в ветерке
для будущих строчек мотивы.

И, как небеса, что стоят высоки,
есть истина в строчек звучанье:
покуда в Тарханах струятся стихи,
стране – не грозит одичанье!..

ВСПОМИНАЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Эпохи узел груб и не распутан.
Народ живѣт, таясь, как в блиндаже.
Но скажет слово тихое Распутин –
и как-то легче станет на душе.

Он – не астролог. Он не Павел Глоба.
Но скажет слово – и поверю я,
что, как трёхдневный Лазарь, вновь из гроба
восстанет Русь воскресшая моя!..

КУПАНИЕ В ВАННЕ МЕДИЧЕЙ

Я денег имел лишь в обрез,
но, чтоб насладиться величьем,
я в Мѣдичей ванну залез,
ликуя душой и обличьем!

Качают листвою сады,
душа от восторга смеѣтся.
В той ванне давно нет воды –
зато по колени в ней солнца!

Бездействует карабинер,
рукой теребя пистолетик.
Гадает: я – миллионер
иль Мэдицей дальний наследник?

Но я – лишь поэт из Москвы,
мне Мэдици эти до фени!
Я выпил под шорох листвы –
и в солнце стою по колени.

ГВОЗДЬ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Я на даче роман сочиняю
и со зла не сужу ни о ком.
Старый примус сию починаю,
керосин попивая тайком.

В этих комнатах жил Вознесенский¹
(Я нашёл вбитый в стену им гвоздь!).
Он вынашивал тут возле сердца
монологи к поэме «Авось».

Ветер гнал облака, как перины –
будто в небе Господь накурил,
а на стенах висели картины,
что Пикассо ему подарил.

Нынче я тут сию домоседом
и с террасы гляжу не дыша,
как, подточенные короедом,
осыпаются ели, шурша.

Разошлись мои дебет и кредит,
пролетает успех вдоль ворот.
Нэнси Рейган ко мне не заедет²,
Маркес водки глотнуть не зайдёт³.

И хоть кружит по комнатам эхо
Вознесенского дерзких поэм,
сам поэт уж давно переехал –
далеко-далеко... насовсем...

Улетел вслед за ним невозвратно
модернизма щекочущий дух.
Ни горенья в глазах, ни азарта –
ничего не осталось вокруг.

Ветер бродит вдоль тропочек узких
и едва от тоски не ревет –
всюду виллы стоят «новых русских»,
всюду пластик и евроремонт.

По шоссе, как дворцы на колёсах,
мчит сверкающих джипов река
мимо стайки берёзок белёсых,
наклонившихся у родника.

Смолкло рифм разудалых звучанье,
никому дела нет до стихов.
Только призраки бродят ночами,
не боясь услышать петухов.

Тут вчера ещё блёстки метафор
фейерверком неслись в облака,
а уже, как от греческих амфор,
не найти от них ни черепка.

Только век юбилейные даты
всё вплетает в тяжёлую гроздь,
что висит на стене, где когда-то
вбил поэт модернистский свой гвоздь...

ШУМ ВРЕМЕНИ

Памяти О. Мандельштама

1.
Время пахнет бензином.
У пчёл аллергия к нектару.
По воде расплывается блеском
жемчужным мазут.
Умирает эпоха. Сдаются в утиль мемуары.
И вчерашнее солнце на черном лафете везут.

Ах, суровые судьи и нежные, хрупкие судьбы!
На погосты и кости ложится асфальтовый груз.
Но тускнеют плакаты
в лучах обнажившейся сути,
и горячими осами в память впивается грусть.

Словно тёмную воду, я пью эту терпкую правду.
Время хлещет на почву, где роза когда-то цвела.
И хрипят, точно кони,
что слышат вдали переправу,
опалённые дни, оборвавшие с губ удила.

2.
...Бессонница. Комар. Должно быть, три часа.
«Архипелаг ГУЛАГ» прочтён до середины –
сей бесконечный стон, сей поезд журавлиный,
что пол-России поднял в небеса.

О, сколько их легло – там, в ледяной глуши,
в фуфаячках з/к на теле полуголом,
с ВКП(б) в душе... Когда б не страх раскола –
что Сталин вам один, российские мужи?!

И трассы, и канал –
всё двигалось лишь кровью...
И вот – тиран молчит.
Закончен страшный срок...
Но прошлое томит, как заданный урок,
и с тяжким грохотом подходит к изголовью...

¹ Речь идёт о литфондовской даче в посёлке Переделкино по адресу: ул. Тренёва, дом 6, где с середины 1960-х и до конца 1980-х годов жил известный поэт Андрей Андреевич Вознесенский (а с 2010 по 2016 годы жил с семьёй я).

² 30 мая 1988 года в гостях у А.А. Вознесенского на его переделкинской даче по улице Тренёва, дом № 6 побывала жена президента США Рональда Рейгана – Нэнси Рейган.

³ Габриэль Гарсиа Маркес, известный колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, автор знаменитого романа «Сто лет одиночества», повести «Полковнику никто не пишет» и других произведений, в 1987 году тоже посетил Переделкино.

ПУШКИН

Арапчонок курчавый, ночами, когда не до чтения,
когда с чутких черёмух чешуйки летят наугад,
кто стучит мне в окно,

слившись с чёрной беззлобною тенью –
только белые зубы в печальной улыбке блестят?

Мне ль тебя не узнать!

Твою долгую добрую детскость,
твою тягу к проказам и дух вожака бунтарей.
Разве кто-то другой разрешил бы себе
эту дерзость –
не упав на колени, затрагивать имя царей?..

Жизнь бедна на сюжет –

так же выются и воют в ней бесы,
и буран над Россией,
и снять бы тулупчик с плеча
для торящего путь...

Но снуют вдоль дороги Дантесы –
арапчонок, ты знаешь, что значит добро палача.

Палачи, палачи...

Что ни век, то исчёрканней гранки.
И уже по-иному врачуя пиитам умы,
твою вольность из нас выбивали
в подвалах Лубянки
и стреляли в затылок
у стен моабитской тюрьмы.

Лагеря, лагеря... Бесконечные, вечные сроки...

Но – пока за «колючкой» не умер
последний поэт –
опалая сердца,
в мир впадают опальные строки,
как сквозь чёрную полночь
слепящей черёмухи цвет.

И опять мне в окно –

кто-то стукнет и смотрит остудно,
и, убрав черновик, я шагну и замру на крыльце,
и во тьме различу чьи-то
чистые светлые судьбы,
словно белые зубы – на Вечности чёрном лице...

К ДОСТОЕВСКОМУ

Первое время после возвращения с каторги
Достоевскому был запрещён въезд в Москву и Пе-
тербург. Он поселился в Твери, и в октябре – ноябре
1859 года тайно побывал в Москве. В последующие
годы писатель часто бывал в этом городе...

Фёдор Михайлович, что вы забыли в Москве?
Вам интересно,

расчистит ли «пробки» Собянин?..
Правда в России – всегда на одном волоске:
еле висит, словно песнь ямщика над степями.

Фёдор Михайлович, сколько же можно писать,
как по России студентики «мочат» старушек?
Лучше, штиблеты надев, отправляйтесь плясать
или зайдите в трактир – скушать чаю и сушек.

Фёдор Михайлович, хватит историй про дно –
лучше в рулетку играть, ни о чём не печалься.
(Эх, я забыл, что Лужков запретил казино!..)
Ну – так и быть! –

значит, с Сонечкой кроткой венчайтесь...

Снова в России страдает невинный народ,
бесами к новому счастью насильно ведомый.
Кто не убийца и вор – тот, считай, идиот,
как ему жить *по понятиям* «мёртвого дома»?

Без православия – дрянь на земле человек,
сколько бы он не имел привилегий и званий!..
Кто-то – наказан за грех, что не делал вовек,
кто-то – вершит преступления без наказаний.

Фёдор Михайлович, бросьте скорее перо
и, понадежнее Грушеньку сгрёбши в охапку,
прыгайте в сани, в такси или просто в метро
и – уноситесь в свой век по замёрзшим ухабам!

Там – не малина.

Но в душах живёт ещё свет,
и Карамазовы стол с осетриной накрыли.
Нет там мобильников и не открыт интернет,
но – детям видятся в воздухе ангелов крылья!

Фёдор Михайлович, в ваших романах – темно,
горя и слёз на страницах разлито без меры.
Но – словно в щель между штор,
что закрыли окно –
тихо струятся лучи Божьей правды и веры.

Век двадцать первый явил нам жестокий урок,
врезавшись в зрителей, точно машина на ралли.
Фёдор Михайлович, вы – не игрок, вы – пророк,
и потому вы игру эту вдрызг проиграли.

Каяться поздно. Бессмысленно локти кусать.
Катит история. Тяга скрипит ременная.
Всё, что, предвидя беду, вы смогли записать,
жизнь, как инструкцию,
в ходе веков применяет.

Литература – опаснее, чем гексоген,
скажешь: «Спаситесь!» – а люди услышат:
«Беситесь!..»

Только любовь нас просвечивает, как рентген,
или, как солнышко, неба голубенький ситец.

Лучше уж резаться в карты иль грыжу чесать,
не обличая сограждан в грехах и пороках,
чем, наклоняясь под лампой, писать и писать
вечный роман, от которого мало так проку.

Хватит мучений.

Пусть в душу прольётся рассвет,
бесов из тёмных углов выгоняя наружу.
Ночь завершилась.

Скорее на Невский проспект,
перешагнув свои страхи, как жёлтую лужу...

...Но – всем сомнениям

дверь затворив в кабинет,
Фёдор Михайлович слышит,
как бьётся в нём строчка.

И, как незванный ребёнок, приходит на свет
чудная дёточка – Нёточка...
Значит – не тóчка!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии им. святого благоверного князя Александра Невского, главный редактор журнала «Мономах».

ОН СТАЛ БОЛЬЮ И СВЕТОМ

Памяти В.Я. Курбатова (29.09.1939–6.03.2021)

*Ольга Шейпак с Валентином Курбатовым.
28 января 2017 г.*

Наша дружба с Валентином Яковлевичем Курбатовым была недолгой, но счастливой. Переписка возникла в октябре 2015 года: сначала в связи с подготовкой альманаха «Симбирская–Ульяновская словесность», потом – на пути поисков следов родителей писателя.

Вот что Валентин Яковлевич знал о своих корнях: «Валентин Курбатов родился 29 сентября 1939 года в поселке Салаван (Салаван-городок), который, очевидно, принадлежал к этой дистанции пути. Отец Валентина Курбатова Пётр Иванович Савинов работал перед войной мастером на Мелекесской дистанции пути. Мама Васса Петровна Акулина родилась 9 марта 1913 года в деревне Борисовка Малокандалинского района. Работала там же обходчицей».

Маму Курбатов помнил, отца – нет, и очень хотел хоть что-нибудь узнать об отце, но, увы, наши специалисты ГАУО нашли лишь скудные сведения о маме. И все-таки переписка завязалась: время от времени писатель присылал в журнал «Симбирск» свои публицистические статьи.

Очень приятно было получать от него ответные письма.

Спасибо, Ольга Георгиевна!

Журналы добрались, и опять нагляделся на милую Волгу, и опять затосковал по Ульяновску.

Какой замечательный «Симбирск» вы издаете! Тычу носом наших писателей и Управление культуры, но они «не тычутся»: «Нам бы, – говорят, – деньги, так мы бы еще не так...».

«Дак ищите, – говорю, – им-то тоже никто на блюдечке не несет». Нет, не слышат.

Я и не чаяла встретиться, как вдруг произошло наше очное знакомство 24 января 2017 года: в Александро-Невской лавре на вручении православной литературной премии им. св. блгв. князя Александра Невского.

На следующий день Валентин Яковлевич пригласил меня и Наталью Цуканову на филфак Санкт-Петербургского госуниверситета, где его друг Анатолий Пантелеев создал мемориальную комнату Василия Белова: здесь, в фотолаборатории, русский писатель подолгу жил и работал в тишине, глядя из окна на Неву. Здесь происходили встречи с Курбатовым и Распутиным.

В тот день Валентин Яковлевич подарил нам альбом о писателях-современниках со своим автографом, а меня попросил сделать запись в его знаменитом «Подорожнике».

После этого наша переписка стала плотной, интересной и очень содержательной. За пять лет – более ста писем. Валентин Яковлевич ощущал приближение конечной точки своего пути (это читалось меж строк) и душой рвался в Ульяновск, но очень боялся встречи с городом детства. Объяснить эту психологическую драму сложно. На мои приглашения в Ульяновск он отвечал так:

Я бы и сейчас собрался в Ульяновск, дорогая Ольга Георгиевна, да уж теперь только приговаривая старую шутку: “– Опять собираюсь в Париж...”

– Что? давно не был? – Да нет, я уже и в прошлые годы собирался...”

Так и прособираюсь...

Была еще одна светлая встреча с Курбатовым – в Пскове. Вместе мы провели два дня. Долгие беседы, прогулки, экскурсии, разговоры о литературе.

В.Г. Распутин и В.Я. Курбатов

Валентин Яковлевич с болью рассказывал о длительной ссоре с Виктором Астафьевым.

В недавнем письме он вспомнил эту встречу.

Прошел сейчас по району, где мы с Вами виделись, и подумал: эх-х, вот бы сейчас позвонили, и я бы полетел и мы бы пустились обниматься, забыв о коронавирусе во всех этих желтых и зеленых домах.

Хотя сегодня вон уже и в храмах православные кланяются с воспитанностью провинциальных актеров и держатся особняком, и не причащаются, потому что успели послушаться Невзорова, предупреждающего, что уже есть жертвы «так называемого» причастия. Эх, а я думал, что беда заставит нас вспомнить, что мы все дети Адама и Евы и все братья и сестры.

Только и радость журналистам пугать и пугать. А остановится вирус, так они даже опечалятся.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

Нас очень сблизил Валентин Распутин. Курбатов тяжело переживал кончину великого писателя и близкого друга, я тоже не могла смириться с тем, что ушел последний из могикан. В русской литературе ему нет равных. Но тогда я по-настоящему еще не понимала, какую роль в нашей культуре играет

Подаренный альбом о писателях XX века с автографом Курбатова

РУССКИЙ АЛЬБОМ

Литература, культура, общественная жизнь России конца XX – начала XXI века

В.Я. Курбатов, последнее фото из присланных (специально для журнала)

другой Валентин – Курбатов: столп и утверждение истины (да простит меня Павел Флоренский).

Он, как ребенок, радовался тому, что появилась связующая ниточка с родиной, и искрился особой радостью, когда его статьи появлялись в «Симбирске» и «Мономахе». Сейчас, когда я перечитываю его последние высказывания и мысли, понимаю, почему ему были так дороги эти публикации. Поистине настоящий крик души! Боль за российскую культуру, язык, литературу.

А я сбежал на недельку в Михайловское! И опять не мог наглядеться, хоть бываю там не по разу в год в течение уже без малого шестидесяти лет. Думал поработать, да какое там: только ходи да гляди на каждый куст и каждую травинку. А уж они стараются! Каждый цветок на цыпочки встает! Вот я! И я! и я! Как тут отвернешься?

Ничего. Вот щас вернулся, шторы задерну, чтобы солнышко не манило, и опять за чтение своих яснополянских матерщинников и матерщинниц. Скоро и сам научусь. И ка-а-ак выступлю на обсуждении «короткого списка» на их языке! И погляжу на них!

В одном из последних своих писем в феврале этого года он вдруг прислал всю переписку с Валентином Распутиным (начиная с 70-х годов).

Был занят тем, что складывал нашу переписку с Валентином Григорьевичем Распутиным. Вдруг кто-то заинтересуется. Хотя уже непохоже. Уже и в Иркутске забывают Валентина Григорьевича. А уж чего про остальную Россию говорить. Но пусть хоть так в рукописи останется – вот, мол, жили, думали, что кому-то нужны, волновались...

Как только я сообщила, что письма будут опубликованы в «Симбирске», Курбатов оживился, обрадовался, ответил со свойственным ему искрометным юмором. Мне казалось, что в нем столько жизненных сил – хватит еще на десяток лет. Но, видимо, он счел, что выполнил свою миссию на земле, отдал все долги...

На глаза попались строчки Валентина Яковлевича о Распутине. Я читала их со слезами на глазах и каждое слово относил к самому Курбатову.

Когда писателя знаешь полжизни, пишешь о нем книги, постепенно он и сам становится для тебя «текстом». И ты читаешь его книги и судьбу, как «собрание сочинений», и когда он однажды уходит, ты видишь что он из «текста» стал твоим сердцем, твоей любовью, твоей жизнью. И литература для тебя теряет свои литеры и опять делается болью и светом, тьмой и победой живой повседневности...

КАЖДЫЙ ДЕНЬ СНАЧАЛА

В.Г. Распутин, русский, советский писатель (15.03.1937–14.03.2015)

ДИАЛОГ ДЛИННОЮ В СОРОК ЛЕТ

Переписка
Валентина
Курбатова
с Валентином
Распутиным

Опять оправдываюсь. Как же – печатать свою переписку при жизни? Без предисловия не обойдешься. Надо объясниться. Хотя нечаянно открыл со школы не попадавшего на глаза лермонтовского «Героя нашего времени» и только хмыкнул. Вот и Михаил Юрьевич оправдывался: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе последняя вещь: оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критику. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок и потому они не читают предисловий». А душа всё равно просит оправдания. Да ведь первоначально книжки-то и рождаются не для читателей, а чтобы самому в себе и в прошедшем оглядеться. Тем более, когда оборачиваешься на свою переписку с ушедшими художниками, как вот я сейчас на переписку с Валентином Григорьевичем Распутиным. А только уж гляжу смелее, чем несколько лет назад при публикации переписки с Виктором Петровичем Астафьевым («Крест бесконечный») и с Александром Михайловичем Борщаговским («Уходящие острова»).

Вот и Валентин Григорьевич Распутин при чтении «Креста бесконечного» сомневался: может, надо было бы подождать, «чтобы дать остыть некоторым горячим высказываниям и некоторым убеждениям дать отстояться до времени», но сам же через несколько строк и видел, что время уже перестало быть временем в старинном понимании, потеряло длительность, в которой можно «остыть» и «отстояться». «Река времен» Гаврилы Романовича Державина полетела водопадом и уже не «уносит», а обрушивает нашу память. Забвение торопится отнести еще вчера всеобщую для русского сознания «деревенскую» литературу к почтенной истории, уже ничего не определяющей в нынешнем миропонимании. Они и сами, «деревенщики»-то, чувствовали закат («Последний поклон», «Последний срок», «Прощание с Матёрой»), но всей любовью и памятью еще надеялись удержать лучшее в человеке – долгую землю и высокое небо.

Но человечество уже торопилось освободиться от «обузы» нравственных обязательств и пожить «по своей воле». А уж как нынешние молодые люди вышли на улицы, уткнувшись в айфоны и планшеты, как прежде монахи в молитвенники, уж можно слова

В.Я. Курбатов, писатель, критик, публицист (29.09.1939–6.03.2021)

«память» и «народ» вычеркивать из словаря или ставить осмотнительное «устар.» И сейчас оглянуться на переписку с последним земным наследованным писателем – это уж просто хоть по-человечески проститься с последним нецифровым веком. Вон в Швейцарии сразу учат деток «не пачкать пальцы чернилами», а прямо с детского сада тыкать в клавиши, отнимая у них, о чем они еще не знают и теперь уже никогда не узнают, почерк как личность, как самую верную фотографию души. И умрёт чудо рукописи, которое мы еще застали.

Валентин Григорьевич и тут был последним. Еще в первую нашу живую встречу в 1985 году я увидел на его рабочем столе листок...

Но переписка наша началась еще за десять лет до этой встречи. Как я понимаю теперь, оглядываясь по своему первому письму, – оно следствие очередного писательского семинара «молодых критиков», на которых обычно заводились долговременные и не очень знакомства. Кажется, в Дубултах году в 1974-м (в Латвии, во Всесоюзном Доме творчества – в Латвии, в которой сегодня и слово «Россия», тем более «Советский Союз» и произнести нельзя! – как там у Пушкина в «Онегине»: «Враги?.. Давно ль они часы досуга трапезу, мысли и дела делили дружно? Не засмеяться ль им...») я познакомился с тогдашним редактором отдела критики Новосибирского издательства Владимиром Шапошниковым, и он сказал о затеваемой у них серии портретов сибирских писателей. А я тогда жил недавно вышедшей, потрясшей меня книгой Валентина Распутина «Живи и помни», о которой я писал В.П. Астафьеву и о которой и он мне ответил (хоть мы были едва-едва знакомы) толстым восхищенным письмом, с чего собственно и началась наша с ним переписка, растянувшаяся на двадцать восемь лет и обернувшаяся в конце концов книгой «Крест бесконечный». Вот тогда я и напросился у Владимира писать для Новосибирска о В.Г. Распутине и попросил Валентина Григорьевича о возможной встрече. Не помню ответил ли он, но я, видно, так завел Шапошникова, что он дома прочитал книгу Распутина и загорелся взяться за его портрет сам.

Попечались да ладно. Мне и о Викторе Петровиче хотелось писать не меньше. Слава Богу, отношения с Валентином Григорьевичем не оборвались, и мы

еще не раз перекликались, пока однажды он от имени Иркутского издательства не заказал мне предисловие к двухтомнику своего лучшего товарища, к тому времени уже погибшего в водах Байкала, Александра Вампилова. Скорее всего, писать просили его самого, но для него это было горе живое и родное – никакого сердца не хватит. Вот тут-то я без смущения и полетел в Иркутск – не про Валентина же писать, так что никакой неловкости не было, и вот теперь, оглядываясь на дневник той поры (вот какие были старомодные – еще и дневники, кроме писем, писали!), я и вижу на его рабочем столе тот листок...

На листке были чуть заметны нитяные карандашные линии, словно листок был расчерчен от руки. Я пригляделся: нити были строчки, но прочитать их было нельзя.

« – Что это?

– Где?

– Ну, вот это...

– Работаю я, а что?

– Да как же ты это видишь? Ведь это, я думаю, и в трехкратную лупу не разглядишь.

– Не знаю. Я всегда так пишу. Острыми карандашами, шариковые ручки слишком толстые. Сам, впрочем, и наказан. Перепечатывать могу только я – ни одна машинистка не разглядит. Из рукописной страницы иногда выходит больше десяти машинописных. У меня хорошие глаза были. Ребят развлекал. Читал, что на той стороне Ангары написано. И не то, что «станция Иркутск» или магазин, а всякие лавочные мелочи, вроде часов работы. Сначала ребята смеялись, потом ездили трамваем, убедились и перестали.

А ведь – согласитесь – в такой зоркости есть не только причуда природы, ведь это зрение дано в «инструменты» полного видения мира. И вот швейцарским деткам (а за ними, конечно, и уж всей матушке-Европе, которая тоже с колыбели в клавишах) этого чуда почерка и его связи с душой и миром – не ведают.

И тут он жалуется, что не всегда отвечает, – ему трудно писать письма, потому что надо оставлять привычку писать мелко и усилием увеличивать каждую букву, словно плакат пишешь – вот нет-нет и отмолчится.

И сейчас я вот гляжу на начало нашей переписки и со смятением вижу, что его «плакатные» письма ко мне есть, а моих к нему нет. Вначале думал от юношеской беспечности: великие, что ли – чего хранить-то? Но вот его-то письма есть. И теперь догадываюсь, что он-то для меня уже был великим, а он еще просто жадно работал «вперед» и отвечать – отвечал, но чужих писем не хранил. Это я теперь по тому же дневнику первой встречи увидел. Я спросил его тогда о рассказе «Уроки французского», который еще недавно знали все русские дети по школе, а взрослые, если не по книге, то по прекрасному фильму с тем же именем: «Там, конечно, не всё правда. Да, была такая учительница и звали её Лидия Михайловна, но на деньги мы с ней не играли, просто запомнилась добротой и что преподавала французский – у нас, в районной Усть-Уде, французский! Потом она уехала. Удивительно, что мой рассказ попал ей на глаза в парижском магазине. Она там по культурному обмену преподавала уже русский язык французским студен-

там. С тех пор мы с нею переписываемся».

Я, конечно, загорелся посмотреть. «Нет, нету – я вообще мало храню письма».

Это и объяснит теперь, почему его писем в первой части нашей переписки больше, чем моих – сам, по серьезности характера, отвечает, а ответов не хранит. Да и, догадываюсь, каков был объем его переписки – никаких полок не хватит.

Вот и мучаюсь прорехами, но надеюсь, что в самой интонации «диалог» все-таки слышен.

Псков

5 апреля 1975 года

Простите меня, Валентин Григорьевич, я вышел перед Вами невольным обманщиком. Издательство переменяло намерения. Писать о Вас будет Ваш земляк Владимир Шапошников, а мне предложили подумать об Астафьеве. Очевидно, предпринимается целая серия. Заказ был очень дорог для меня, и я провожаю его с грустью. Но чувство благодарности, живущее во мне, от этого ведь не переменится, и я утешаю себя тем, что еще буду писать о Вас и там уж непременно выговорюсь.

И еще мне не хотелось бы расстаться с Вами вот так сразу, едва разглядев друг друга. Дороже-то человеческого общения все равно ничего уже не будет и странно расходиться по разным сторонам только оттого, что так неловко сложились деловые отношения.

Не могли бы выкроить денька два и навестить Псков – город редкостный, несказанный, а теперь по весне и вовсе замечательный. Мне всегда кажется, что без знания таких городов душа не полна. Я два года как решил оставить журналистскую службу и потому был бы в полном Вашем распоряжении. Навестили бы молодое пушкинское Михайловское, великолепный монастырь в Печорах, да мало ли чего еще можно поспеть в два-то дня. А уж если на больше, то и того лучше. До нас ведь самолетом-то из Быково полтора часа.

С радостью вот переписываю, что написал мне Астафьев после того, как прочел Вашу повесть, и еще до того, как мы все трое оказались соединены такою вот робкой нитью судьбы.

Приезжайте, приезжайте, Валентин Григорьевич. Или хоть весточку отрядите.

Искренне Ваш, Валентин Курбатов.

Не помню, отрядил ли он эту весточку, но нахожу его письмо, написанное через полтора года. Потом я пытался выманить его в Псков извещением, что наш театр взялся за постановку его «Денег для Марии». Вот он и отозвался.

2 февраля 1977 года

Дорогой Валентин!

Я сразу не ответил Вам, уехал после Нового года в деревню, а тут вчера приносят телеграмму из Пскова, из театра, с приглашением на премьеру. Вместе с Вашими все эти театральные новости очень меня раздосадовали. Дело в том, что я не знаю, какой текст они репетировали – сами ли делали инсценировку или взяли мою старую, которая не годится для постановки, я для того только и показал

им ее, чтобы поняли, что не годится. Я до Вашего письма предполагал, что дело обойдется разговорами и пожеланиями – ан нет. И странно, хоть бы удосужились написать и объяснить, что к чему, посоветоваться, в конце концов. Бесцеремонный все-таки народ. Они к тому же поставили меня в очень неловкое положение, потому что пьесу я делаю для Ермоловского театра, я просил их связаться, ежели они что станут затевать, с ермоловцами – они, конечно, и этого не сочли нужным.

А декорации без пьесы спектакль не спасут, что тут говорить!

Мне и хотелось посмотреть и разобраться на месте, но я сейчас не могу ехать. Да и не успею теперь уже к 4-му. Думаю, что они и известили меня так поздно затем, что рассчитывали на это.

Посмотрите хоть Вы, Валентин, и напишите, пожалуйста, мне. А в конце февраля я собираюсь в Москву и тогда заеду в Псков. Тогда и потеплей будет. Впрочем, Ваши морозы, наверное, послабей здешних. У нас нынче стоит жуткая зима, с половины декабря 30° С и больше морозы. Позавчера утром было 49° С. Я и приехал к матери в деревню, чтобы помочь ей перенести это время, она живет одна. Собираюсь поработать здесь, но ничего не получилось, морозы и не дали. Зато, завернувшись в шубу, читал всласть, в городе и это не всегда удается. Какая-то суматошная пошла жизнь, когда сам себе не принадлежишь.

Впрочем, жаловаться не хочется.

Буду ждать Вашего письма.

Всего доброго.

Ваш В. Распутин

Были, видно, и еще письма, ан вот его следующее только через шесть лет, а мои, как я скоро увижу, так и еще позже. Что было с моими письмами? Буду гордиться, что не хранил вместе с письмами героини «Уроков французского».

Да мы за это время, слава Богу, и виделись в Иркутске в восемьдесят-то пятом году, и я к тому времени успел выполнить своё обещание и написать о нём, уже не для Новосибирского издательства, а для «Советского писателя». И пусть теперь будут только его письма. Это даже лучше для введения в его интонацию. Там мелькнет неизвестный читателю Евгений Вагин, некогда сидевший в лагере с Л.И. Бородиным по делу о Союзе христианского освобождения народа. Мелькнет и Ю.И. Селиверстов – мыслитель и художник, сделавший много для русской мысли и ушедший в 90-м году в совершенном расцвете. И уже видно, как к 90-м годам темнеет и напрягается мысль. Утрат в переписке жаль, потому что именно в эти годы закладывается горечь и жесткость последующих писем. Но уж чего нет, того нет. Дальше я уже уберу в окончаниях писем все поклоны и дежурные приветия и объятия и буду оставлять и в своих, и его письмах только дело.

20 марта 1983 года

Дорогой Валентин!

Можно бы, конечно, и Валентин Яковлевич, но, помнится, раньше я обращался без величаний. А может, в мыслях разговаривал только по имени. Впрочем, и виноват за долгое и беспардонное мол-

чание, а в таких случаях обращение по полной форме только усугубляет вину.

Я очень рад был Вашему письму, где о последних моих рассказах. Несколько раз порывался написать, но останавливала эта наша российская боязнь, поддавшись настроению полученного письма, попасть уже в другое настроение и другое состояние и оказаться непонятым, т. е. «а», «а» – уже не «а», а что-то иное. Я и теперь путаюсь. Но мне показалось, что Вы коротко и точно сказали о моих рассказах то, что в них я пытался сказать длинно и, по слову В.П. Астафьева, «фигуристо». Подошла пора, когда не хочется никого ни в веру свою обращать, ни доказывать что-то (всё одно безтолку), а хочется исповедоваться и радоваться даже и сквозь муку и страдания. Люди грамотные поймут, а неграмотные все равно нас не читают и не слушают. Я часто вспоминаю слова Шукшина: «Тише было бы громче».

Книжечка эта уж очень сборная – всего тут и отовсюду понемногу, что, может быть, не следовало и давать. Но не удержался и дал. Винить в том, кроме себя самого, некого. А поскольку давно у меня ничего не появлялось (переиздания не в счет), я и этому рад.

Надеюсь, что удастся где-нибудь на просторах России встретиться и поговорить. Я, правда, и говорун никакой, но хоть поддакивать буду.

4 ноября 1985 года

Спасибо за согласие на предисловие к Вампилову. У меня камень с души, и я уверен, что статья будет интересной, она обречена быть таковой, поскольку это Вы.

Письмо Ваше получил уже с тому дней пять, а ответ задержал, потому что все это время пытался выяснить пути своей ближайшей жизни. Зависят они, к сожалению, не от меня, а от Инокомиссии СП. Меня сосватили на ноябрь на поездку в Австрию, но сказать наверняка, когда это случится, никто пока не может. Нет какого-то подтверждения или чего-то еще. А хотелось бы, чтобы Вы приехали при мне, поэтому, отправляя сейчас отдельно книгу и это письмо, в ближайшие дни я дам, вероятно, телеграмму, когда меня не будет.

Если говорить о художниках как цели для командировки (я писал тогда для Лит. России цикл портретов провинциальных художников. – В.К.), то можно называть такую фамилию – Галина Новикова, художник, мне кажется, интересный. Если будет не получаться с командировкой, приезжайте так, с одним лишь команд. удостоверением для гостиницы, а мы тут что-нибудь придумаем, чтобы оплатить. Фамилия секретаря писательской организации – Ростислав Владимирович Филиппов, он будет обо всем знать, но лучше держать связь со мной. В сущности, то, что есть в однотомнике, будет и в двух книжках. Ваша статья в первой с пьесами. Во второй – рассказы, очерки и воспоминания. Часть воспоминаний из однотомника уйдет, частью появятся новые. И в той и в другой книжках вклейки с фотографиями. Таково в общих чертах расположение материала.

Неделю у нас тут гостили Виктор Петрович с Марьей Семеновной. Вам должно было часто икаться, вспоминали Вас каждый день. Любящие читатели

затаскали В.П., и он уехал измотанным. Зато была возможность поговорить, что случается нечасто. Он в рабочем настроении, закончил небольшой, даже маленький роман в 6 л. и отдал его в «Октябрь» – может, в этом и нет ничего плохого. Астафьев всюду будет Астафьевым, даже в «Плейбое», но лучше, очевидно, иметь один журнал.

Вот тут-то в конце ноября я впервые и полетел в Иркутск и всё узнал и про почерк, и про зрение, и про учительницу французского, и про нехранение писем.

9 апреля 1986 года

Не вели казнить, вели миловать. Виноват очень за молчание, но поверь, что нет в нем ничего такого, что имело бы отношение к тебе. Я виноват, только я. В последние месяцы при относительном здоровье и деятельности чувствовал себя все-таки неважно, когда буквально все приходилось (и до сих пор приходится) заставлять себя делать. И засыпать, и подниматься после сна, и книжку, и ручку в руки брать, и разговаривать с людьми. Надсада не физическая, а психическая – ничего не хочется, одно желание – остаться одному. Я по веснам и вообще-то себя чувствую неважно, но нынче началось раньше и надолго. Теперь вот надеюсь убежать из родимого отчества вместе с Астафьевыми, отдохнуть где-то в болгарских горах, где Астафьевы уже были, но и то это надежда не шибко прочная; одному-то покоя нет, а тут полезут братья-славяне к Виктору Петровичу. И все равно надо убежать.

Пишу я об этом тебе не для того, чтобы оправдаться (правду сказать, не люблю я и не умею писать письма)], а чтобы хоть немножко объяснить свое и несправедливое, и нерабочее состояние.

Статья о Вампилове получена, а вслед ей сегодня получено и отдельное письмо от тебя. Что сказать? Письмо меня удивило. Я и не подозревал, что люди в наше время столь серьезно могут относиться к печатной глупости, сказанной в перепалке между группами, в которых я не очень разбираюсь. Я, по крайней мере, при всех моих недостатках и ущемлениях гордости на это не способен. Или это оттого, что меня мало ругали, или от душевной неразвитости, но, право же, бываю совершенно спокоен и даже чем-то удовлетворен, когда меня несправедливо обвиняют в чем-то. Можно назвать это и гордыней – пусть, но гордыню эту соорудила природа только в этом месте, потому что по другим поводам ее нет, по другим поводам, относя на свою вину, я могу заболеть из-за пустяка.

Статью о Вампилове ты написал хорошую, по моему, больше чем хорошую. Есть наблюдения (это уже не наблюдения, а предчувствия и проникновения) удивительные, например, о том, что мировоззрение Вампилова было «моложе». Я в своих размышлениях ходил совсем рядом, но в суть, в зерно пробраться не мог, хотя теперь кажется, что это было нетрудно. Очень хорошо и о защитительном консерватизме вкуса, с которым ныне что-то сделалось, куда-то он весь изошел. Что же касается Алеши Карамазова – это могло называться по-другому, но по сути ты, конечно, прав, и суть эта Алешина, и едва ли для всех для нас существует какой-то иной выход. Не было его и для Вампилова. Он только подбирался к названности этого выхода и пришел бы к

нему непременно, но не успел, а свет и надежды в себе он ощущал с той именно стороны, у него это тоже было природное.

Мы с Линой Иоффе одновременно заметили две вещи. Она о них, очевидно, уже написала. Она написала, вероятно, о большем, но остальное – ее редакторские придирки, соглашаться или не соглашаться с которыми – твое дело. А их общих наших замечаний – случающиеся повторы с воспоминаниями, вернее, ссылки на них, которые не везде обязательны и явно выдают источник пользования. Они ведь будут тут же, в книге, во второй ее части, эти воспоминания.

И второе, для меня более серьезное. Это отношение к Зилову, когда ты соглашаешься с Антипьевым, с его мнением, которое протягивается дальше к самозащите молодого поколения, из отрицания сделавшего утверждение. Ой ли?! Не верю я в такое спасение, которое могло бы стать правилом. «Важно, очень важно, чтобы на призыв его души откликнулась жизнь» – нет ли в этом определенной аполгетики иждивенчества, прежде всего духовного, когда мы снимаем с человека всякую ответственность, перекладывая ее на жизнь и условия жизни! Но тот ли человек, который не благодаря, а вопреки условиям остается человеком! Мне показалось, что в этом, согласившись с Антипьевым, ты даже и себе противоречишь, своему воззрению на человека, насколько я его знаю. Может быть, я не так прочитал эту часть, но в таком случае, она мудрено и неточно написана.

Посмотри, пожалуйста, Валентин. Это не значит, разумеется, что надо делать по-нашему, но прояснить по-своему, чтобы оно стало мнением.

Во всем остальном, кроме некоторых мелочей и неточностей (например, у завлита Ермоловского театра не та фамилия), я принимаю статью и по-здравляю тебя с нею. В ней есть совпадение твоей деликатности с вампиловской и в отношении к героям, и в отношении к жизни, у вас схожие души, вот почему тебе удалось так хорошо разгадать и понять нашего Саню.

Теперь о статье для моей книжки в «Худлите». Конечно, не надо подстраиваться под недорослей, я редактору так и говорил, когда она выпытывала у меня фамилии тех, кто, по-моему, мог бы хорошо написать. Это была не моя просьба, а ее, я сознательно не стал писать тебе об этом предложении, чтобы легче было отказаться, если недосуг или что-то еще. Добавлять в книжку я больше ничего не стану, пусть идет в таком составе.

И последнее. Я сразу вспомнил о тебе, когда прочел «Печальный детектив». Думаю, вот тут уж Валентин точно не утерпит и воздаст. И ты прав, конечно, но прав как апостол, а не как литературный работник, который и на крик, и на мат готов сорваться, лишь бы его услышали. Лишь бы что-то поняли, вздрогнули и отшатнулись. Это разговор не с изысканной публикой, а с уличной, необходимость ткнуть ее носом в грязь, в которой она живет, отвывая от понимания, что это грязь. Я вспоминаю Алеся Адамовича, который не однажды говорил, что прежде Красной книги каждому народу надо оставить Черную книгу своего национального характера с перечислением тех черт, от которых следовало бы

излечиваться. Мы ведь привыкли уже, что мы самые лучшие да самые милые. Куда ушла наша мессианская предназначенность? В водку, в демагогию, в самоубийство? или в Афганистан?

Я не могу не согласиться с Астафьевым (кроме некоторых пережимов вроде сцены, где забыли покормить отца и др.), потому что и сам перешел на этот надрывный и горячий голос. Что верно, то верно и что не к душе обращение, а к сердцу, может быть, даже к коже, не потерявшей чувствительности к боли, но что делать, если сейчас важнее хоть испугом да остановить, а затем подойдут другие, которые постараются завернуть и образумить, доберутся, вероятно, и до души.

Я так давно не писал, что и спасибо и за пластинки, за книги еще не сказано. После «Печального детектива» поставил я твою пластинку, успокоился, и показалось мне, что духовные голоса согласились с астафьевским голосом.

И тут так и тянет вставить словцо со-о-овсем другого писателя, поэта Давида Самойлова, который будто прочитал это Валентиново письмо и написал мне годом позже: «Литературе, кажется, сказать нечего. Наверное, она будет какое-то время совершать черную работу «вскрытия язв»... Но на «вскрытии» литература далеко не уедет. Нужна некая высшая цель, сверхзадача, которая конкретно, в образах была бы сформулирована и именно для нашего времени и уровня сознания. А мы повторяем зады. Может, и из этого что-то выварится. Хотя бы необратимая потребность свободы. Но для понимания добра мы не дозрели. И играем, как в жмурки, с растопыренными руками и завязанными глазами». Это меня и жгло (уж очень душа просила «высшей сверхзадачи»), когда я писал Виктору Петровичу укоры за его «Печальный детектив».

Москва 6 июня 1989 года

Надеюсь, что к той поре, когда придет это письмо, ты уже придешь в себя от всех праздников и демонстраций нашего российского могущества. Много грустного в этой демонстрации, много шоу и нашей общей неискренности. Но другими мы, кажется, и быть уже больше не можем.

Прости, что отбыл прежде главного дня. Устал еще раньше, хотя дело не только в усталости, тяжело стало переносить многолюдность и все, что делается на государственном уровне. Не то это время, чтобы побыть с Александром Сергеевичем. У могилы постоять и то не удалось, оттеснили, чуть не вытолкали фотографирующиеся. Рев самолетов, надутые шары, парашютисты, а что было 6-го и вообразить, наверное, нельзя – это ли надо Пушкину и нам? Пустой, конечно, вопрос, не умеем иначе. Но чувство стыда остается и от того, что говорил, и от того, что великий Мих. Козаков говорил. Перед Пушкиным мы все обнажились в беспомощности и пошлости. Вся Россия с малыми исключениями.

Вот теперь и самое время читать его, в тишине, когда пену унесет отливом внимания.

Дня через три-четыре улечу в Иркутск и пойду ремонтировать глаза. Вижу все хуже, для чтения не годятся никакие очки, без очков различаю буквы лучше, но все с большим трудом.

Лето будет трудным. Сын разошелся со своей женой (давно следовало это сделать), она требует квартиру в центре города, не менее чем двухкомнатную. На что покупать ее, пока неизвестно. А если разменивать нашу, я совсем останусь без жилья в Иркутске, придется брать ссуду. Я уже подговаривался к губернатору о беспроцентной, он неопределенно обещал, но сейчас обещания длинные, а обстановка в доме тяжелая.

Одно утешает: как-нибудь, хуже или лучше, а все равно будет, до чего-нибудь дойдет.

Марья Семеновна прислала мне целых три свои книжки. И «Знаки жизни», и о роде своем, и о папе Виктора Петровича. Последняя – в подтексте бессмертия В.П., но вторая нужна, как нужна история всякого рода, а третья, мне показалось, и не нужна. Чего уж развлекать «папой» после В.П.?! Это и задержало мой ответ Марье Семеновне – как сказать поделикатней. Сейчас вернусь и надо ответить. Но ты эти книжечки, конечно, знаешь.

Так вот, опять о юбилее. Ты внимательный читатель, и многое из того, что писалось и творилось, знаешь лучше, чем другие. Будешь ли ты писать послепубликционное? Если будешь, пошли экземпляр в Иркутск, на мой адрес в «Сибирь». Другим публикациям это не помешает, хотя гонорар у нас небогатый. Говорю об этом на всякий случай, ничуть не подталкивая: просто кажется, что не вытерпишь, чтобы не написать.

В Сростки я, вероятно, не поеду. Никто, правда, пока и не звал, но, если и позовут, едва ли. Близко будет от операции, да и неохота уже ничего говорить. Увидимся или в сентябре (в начале месяца я на неделю приеду в Москве), или уже в октябре-ноябре.

Москва 12 июля 1989 года

Дожил, что и бумага не стало. Хотя уж кто-кто, а я за свое писательство бумаги намарал не слишком, даже в жанре эпистолярном, могло бы государство что-нибудь для таковых поискать.

Спасибо тебе, Валентин, за песни иеромонаха Романа. Третий день слушаю и не наслушаюсь, поначалу мешало исполнение, казалось, что поет эта женщина под Окуджаву, интонация немножко раздражала, но потом все забылось, не важно как, а только что.

Вот так бы умер и не послушал, какие песни сочиняются в наше дурное время. Он поэт, но он и мудрец. От песен его как бы защита и утешение исходят.

Что до старообрядца, его, наверное, надо слушать вживе. Вообще духовное пение с записи редко слушается, техника мешает.

Я, как всегда в последнее время, в унынии, в раздражении и растерянности. После моего выступления на этом проклятом съезде столько идет зла, что, ко всему привыкший, я чувствую, что оно все-таки достает и разрушает.

А ведь ничего путного не сказал, и не о том надо было говорить и знал я, о чем надо, но приходилось считаться с публикой, которая от всего духовного в подавляющей части так же далека, как моя душа от души иером. Романа.

Но дело даже не в выступлении и отзывах, это уж как-нибудь, не в первый раз, а в том, что голову в самое гиблое место затолкал. Тут и таилась погибель моя.

Листки эти напомнили мне, что я ведь был на празднике 24 мая в Киеве, но лучше бы не ездил. Нет, это не Новгород. Чопорность и барское равнодушие.

Хоть Киев посмотрел, для этого стоило приехать. Был в пещерах, так что теперь готов и в псковские. Савелий написал, что вы вместе собираетесь в Печоры – как я вам завидую.

А что это ты собираешься сдавать рукопись в срок? Это плохой знак. Никто ныне рукописи к сроку не сдает, и в издательствах их назначают только для того, чтобы автор вовсе не забыл, что подрядился на работу.

Одна у меня за последний месяц была светлая пора – ездил на неделю к матери в деревню. А потом опять суета, суета и всяческая суета.

Да, «Лето Господне» И. Шмелева я все-таки сыскал. И так было сладостно и горько, и то и другое до слез, читать это. «Жизнь Арсеньева» – это блестящая литература, но литература там иногда даже припахивает приторностью от мастерского исполнения, а тут благодать пополам с горестью последней старозаветной жизни сочится, и слышишь, как в тебе, вспоминая, вздрагивает, будто сердце, душа.

Вот и все мои последние радости.

О технике, о которой ты просишь, буду помнить, но поездка предстоит мне в октябре, от других отстался.

В Сростки тоже не поеду. Устал от толпы, ни поговорить не дадут, ни постоять в молчании.

Москва

5 ноября 1989 года

Получил и записку, вложенную в деньги, и письмо. А до того получил два, кажется, письма, светлых от встреч с людьми, которых ты любишь. Последнему же удивился. Если и ты впал в уныние – дела вокруг, значит, действительно плохи. И если в монастыре не стало любви и братства – что же рассчитывать на них в миру! Да оттого и там нет, что не стало здесь, и хотя идут туда лучшие, но идут, вероятно, чтобы найти спасение от мерзости и запустения. Сбывается предсказание: последние становятся первыми, я могу судить по нашему брату и даже по себе, хотя не считаю себя среди первых, но сто лет назад мне нечего было бы рассчитывать и вовсе на любое заметное место, а сейчас вот и хвалят, и ругают, и выдвигают не по заслугам. Нет, Валентин, все не то, и мы не те, и отсчет приходится вести от существующего, поскольку другого нет. Те мерки, которые мы предъявляем добру и злу сегодня, мы берем из книг великих и прошлого, а теперешние меры для уравнивания должны быть, вероятно, в одном случае короче (для добра) и в другом длиннее (для зла).

После Японии съездили мы с Володей Крупным и Толей Заболоцким в Оптину. Попали как раз на Дмитровскую субботу, отстояли и вечером и утром службу, ночевали в доме, где была келья старца Варсонофия, днем солнце, ночью яркое звездное небо – словом, благодать, и душа должна бы найти

утешение и праздник. Не Москва, конечно, и утешение было, все-таки не настоящее, и не оно снизошло на меня, а я искал его, и, быть может, не найдя, решил, что нашел, потому что оно там должно быть. Должно, но, должно быть, не для любого и каждого. Да и явился я с грехами, полностью расстроенный, разбитый и раздвоенный – чего ж и искал?! Моя душа способна была воспринимать внешнее, а после нашего приезда туда в прошлом году изменения приятные, их она и воспринимала, ими и утешалась, а до света, до благодати не дотянула – ее туда по состоянию ее не пустили.

Мало принять веру, надо, чтобы и вера приняла тебя. То же самое, пожалуй, и с надеждой на грядущее наше: мало поверить в исцеление и даже недостаточно быть в какой-то мере целителем, т.е. человеком этого дела, надо, пожалуй, стать самим снадобьем, не ждущим результата, а являющимся результатом.

Я заумничал и, как всегда, запутался.

В Басурмани, ты знаешь, был, но машинку для записывания и прослушивания не привез. И деньги были поначалу, да соблазнился одной одежкой для себя, ухлопал на нее почти весь карман и остался без ононого. Но машинка за мной, и, если буду ездить, где-нибудь найду.

А пока надо собираться опять в Москву, на российский писательский пленум, который, можно не сомневаться, будет скандальным и нервным. Не ехать – уйти, стало быть, в кусты, а мы и без того твякаем только каждый из своей подворотни, в то время как над нами гремит общая анафема. Как знать, может, я увижу тебя до того, как ты получишь сие послание; это было бы хорошо.

Солженицына, если там то же, что ты видел у меня, оставь себе. Я мечтаю теперь найти Ильина, я его почти совсем не знаю, а, судя по цитатам из статьи Жени Вагина о русском зарубежье, знать его надо. Мы хотим один из № «Лит. Иркутска» посвятить зарубежью, для этого № Вагин и написал, но материала пока недостаточно и потому придется оттянуть.

Дар Вагина нас удивил. Живет он, я знаю, не шибко, деньги эти можно было при необходимости сыскать и здесь, но, когда от души, отказываться нельзя. С Риммой, с женой, я по телефону разговаривал и благодарил, Жене сейчас тоже напишу. У меня сегодня раз в году День письма. За окном метель, от книг устал, писать что-то серьезное отвык, справа и слева от стола вороха читательских и избирательских писем и жалоб на житье и начальство, на вороха эти смотреть и то жутко – самое время отозваться друзьям.

Если не найду тебя в Москве – позвоню. Не управляюсь и со своими бумагами, я потерял и твой телефон, взял его у Савелия и снова потерял, а обнаружил только приехавши домой.

Иркутск

30 июня 1990 года

В кои-то веки сел я отвечать на твое письмо почти сразу же по получении его. Но это оттого, что хочется поговорить, а все разговоры сейчас сводятся к политике. Подобного массового сумасшествия

мир, наверное, не видывал, и бедная душа, у кого она еще есть, вопиет от одиночества.

Во сне я тебя не видел, но письмо ждал. Ты один из всех, с кем я близок, способен на подобное письмо. И о том, как прощались с Юрой, ты не мог не рассказать. Я узнал о его смерти еще в Москве, но в последний, кажется, день перед отъездом, от Савелия знал, что и ты приезжаешь, но был в последней степени остервенения от своего московского пребывания и решил не оставаться. Не стал и Кате звонить, не зная, что сказать. Я таких моментов боюсь, ты в них не на виду у людей, что не так уж и важно, а на виду у какого-то общего нашего пастьера, который докладывает о нас Господу, и докладывает о благополучии наших душ. А какое уж там благополучие!

При всей нашей близости я не был с Юрой близок, и дело тут, разумеется, не в расхождениях, а в том, что по одной и той же дороге он ушел намного дальше. Он, как и ты, был в храме, а я еще топчусь перед дверьми его, собирая характеристики. Что не пускает меня туда, сам не пойму. Неготовность, необразованность, какая-то неспелость при начинающемся возрастном подгнивании, что-то, словом, несостоявшееся, что я хорошо чувствую и не могу лукавить с собой. Я, быть может, поэтому оттягиваю поездку в Печоры, там надо иметь евангельский чин души, которого у меня нет.

Юра не сразу, но давно уже установил себя правильно, нашел себя, как говорят, у него было чем мыслить, да еще при удивительно добром сердце, при огромной работоспособности – как он нужен был сейчас и как его будет не хватать! У меня и было-то всего несколько человек, на которых, считал я, стоит Москва, в тепер их руки разъяты в самом нужном месте. После Юры Селезнёва это самая большая потеря.

Моя адресная книжка наполовину уже с вычеркнутыми именами. Вычеркивать его рука не поднимается. А новых я в нее почти не вписываю, все меньше тех, кому хочется позвонить и прийти. Все уже круг... Какое-то огромное разрушенное поле, сплошь в свалках, над которыми беснуются требовательные голоса, ничего уже и не желающих понимать, кроме требований, – вот что сегодня Россия. Картину эту не хочется продолжать, кроме того что мы слышим друг друга в молитве и неуверенных наших делах едва ли не только в своем кругу.

В такой обстановке поневоле хватаешься судорожно то за одно, то за другое, ничего толком до конца не доведя. Хоть и за русский флот, за которым ты меня во сне застал. Отлучившийся от родного дела, как от судьбы или от жены, – как не соблазниться случайными интересами. Теперь все одно – что флот, что тонкорунное овцеводство в Древней Руси. Который уже месяц по ночам просыпаюсь в ужасе от своих занятий, однако и бросить их сейчас нельзя, потому что свои же и проклянут за отступничество.

Через несколько дней лечу в Москву, а скоро и Женя Вагин приезжает из Рима. Не знаю его планов, но, быть может, встретится или в Москве, или у тебя, а дал бы Бог – и в Иркутске на несколько дней. Не в Иркутск, а в какую-нибудь зимовейку под шум

воды и леса, чтобы поправить души. Или опять в Оптину.

...В этом месте сделал перерыв, чтобы посмотреть по TV тебя и Юру Селивёрстова в «Вертикали...». Сейчас, когда его нет, всему придаешь преувеличенное значение. Когда он заговорил о храме Христа Спасителя, вдруг голос переменялся и стал замедленным, совсем ему несвойственным, – словно бы он что увидел в себе и испугался. И твой испуганный взгляд на него в это время...

«Русской Думой» он достойно завершил свою жизнь. Но Русскую Думу он не завершил – нет И.А. Ильина, и Шмелёва, а еще отдельно – Духовников ее. Мне в последнее время прислали несколько книг Ильина, в том числе «Поющее сердце», «О тьме и просветлении», «Путь к очевидности». Это не просто широкий и глубокий, а как бы соединяющий в себе русское чувство и русский ум мыслитель, умеющий говорить только главное. Он из Зарубежья, как с Неба, смотрел на Россию.

Да, были люди...

Р. С. С чем осталась Катя? если ли у нее на жизнь? Еще об этом надо будет поговорить.

И еще. «Лит. учеба», одним из водителей которой ты состоишь, решила дать несколько статей из «Лит. Иркутска», чтобы представить его, и спрашивала у меня, кто мог бы сказать о нем несколько слов. Я назвал тебя, но это не значит, разумеется, что ты обречен их говорить; пусть это зависит от твоего времени и расположения.

Уф-ф... Наконец мы снова вместе, и диалог перестает быть предполагаемым. Оказывается, я за это время успел войти в церковную ограду, часто жить в Печерском монастыре под взглядом великого иконописца архимандрита Зинова, успел написать и предисловие к собранию сочинений Валентина в издательстве «Молодая гвардия», успел начать строить свою избу в «набоковской» Выре у своего товарища Александра Семочкина – плотника, инженера, мыслителя, писателя, чтобы уже видеться с ним не от случая к случаю, а решать проблемы мира на соседней завалинке.

Псков

30 апреля 1993 года

Слава Богу, ты хоть на относительной свободе!

Я десять раз за время твоей болезни собирался в Москву, но теперь уже не только на Сибирь, а и на Москву никаких карманов не хватит. Придётся домовничать и понемногу возвращаться мыслью в прежние границы, когда и поездка в соседнее село было событием и уходила в домашнее предание. Оно, может, и к лучшему. Мысль меньше суетится и начинаешь, как материнская Дарья, «на жизнь до-о-л-го смотреть». Отечество наше окончательно посыпалось. Референдум (оставаться ли Союзом или проститься с ним. – В.К.) был его последней возможностью как-то оглядеться. Оно предпочло безумие. Что же теперь остаётся? Стоять в одиночку. Воспитывать детей людьми. Искать кусок хлеба. Побольше делать для церкви. Да молиться, чтобы Бог дал человеческую кончину без унижающего страдания. Жизнь не получилась. Оказалось, что она больше должного связана с родной идеей и идеей общественной. А в одиночку жить не выучился – всё

кажется напрасно и бесцельно – как-то уж очень животно. И в церковь мало гожусь, хоть только в ней, в долгих службах с о. Зиномом и нахожу единственное успокоение.

Слишком далеко успел выйти из церковной ограды, чтобы вернуться совсем и не оглядываться. Сейчас бы какую-нибудь долгую, требующую терпения и не вовсе бессмысленную работу, но слово как-то существенно поистратилось, размылось в своих существенных смыслах, оказалось выпущено, будто вместо зерна одна половина осталась – отчего никакие статьи и никакие книги (и искреннейшие, и честнейшие) уже не действуют на человека. Надо бы домом заняться, с избой возиться, в деревне подольше жить, но и домашние обстоятельства не пускают, и мысль заранее бежит как от самообмана. Работать-то хорошо, когда душа просит, а когда сам себя изпод палки заставляешь, то и дом не в радость.

По инерции что-то ещё делаем – к пушкинскому празднику готовимся, к Дню славянской письменности, но тоже как-то всё через силу и без интереса. Никто к нам не едет. Манили Крупина – ему некогда, Белова – тоже. А на большее уже и фантазии нет – надо ведь чтобы и читатель писателя знал. Как-то вдруг осталась матушка-литература без авторитетов. Я ещё сочинил на свою голову Религиозно-философское общество им. Кирилла и Мефодия (у нас было в прошлом веке братство их имени). Так вот тут лень-то мысли и сказала и вся бесполётная скудость нашего любомудрия и обнаружилась. Скорее стал скрываться за приглашение авторитетов, чтобы сами себя стыдиться не начали, пустого празднословия своего. Но и в приглашениях какая-то усталость холостой мысли. Вроде и своё говорит, но такое чувство, что в сотый раз произносит и сам ни одному своему слову не верит. Правда, это всё питерские: Прохоров, Корольков (спец. по Леонтьеву). Но что-то мнится, что и московские будут не зажигательнее. Мысль вообще, кажется, по Руси холостой пошла. В межумочный период попала, никак за живое не зацепится.

Прости, что я вместо ободряющих обыкновённостей о здоровом воздухе, о румяной пользе Подмосковья, о калорийности санаторного питания всё в свою занудную сторону ворочу, но уж тут подлинно – у кого что болит...

Выбирайся поскорее, Валентин. На кухне-то всё-таки легче разговаривать, чем в письмах.

Москва

17–21 мая 1993 года

Спасибо тебе и за пасхальное поздравление, и за письмо, хоть и невеселое, да твое, с твоей интонацией и твоим умением говорить точно. Спасибо и за статью для «собрания», статью умную, но излишнюю для меня лестную, поскольку «страдания» мои происходят по большей части из обыкновенной русской лени, а «философ» из меня в статьях оказался никудышным. Но я ведь никогда и не претендовал ни на то, ни на другое и в самые благополучные, «хвалебные» времена страдал втайне от своего несоответствия той фигуре, какую из меня, вероятно, из добрых побуждений, делали. В больнице пришлось читать верстку книги, которая выходит у П. Алёшкина в его «Голосе». Я давно в свои вещи не загля-

дывал – и неожиданно больше всего понравились «Деньги для Марии». А потом, вероятно, по примеру великих стал усложнять мысль, тянуть фразу, и получалось на своем материале «по следам».

Если это и уничтожение паче гордости, то искреннее.

Но о том Распутине, о котором ты писал, ты написал очень хорошо, с некоторой, правда, усталостью в конце статьи, там, где и Распутин через силу водил пером.

Захотелось мне после этого перечитать твою книгу обо мне – да ведь ее нет, а теперь, наверное, и не достать.

Пишу сейчас еще из санатория, но опущу письмо по возвращении в Москву. Это и не в чистом виде санаторий, а больничный, и согласился я на него, чтобы не оставаться в больнице. А здесь повезло благодаря праздникам: две недели был один в палате и от последней тоски иногда присаживался к столу и написал в «Сибирь...» еще один очерк по следам своей летней поездки по Лене, которая и прогнала меня по больницам. Если удастся когда-нибудь поплыть дальше (как собирался), придется эту свою работу или выбрасывать, или переписывать, но пока пусть будет. Нынче на «мокрую» поездку едва ли решусь, да и кармана моего не хватит. Ты прав: надо прижимать хвост. Алёшкин заплатил мне хорошие деньги, но, во-первых, жизнь в Москве, и во-вторых, скоро втроем возвращаться домой.

Очень огорчил меня Савелий своим интервью в «Правде», где ради хлесткого словца, меня защищая, со мной же и не посчитался. Деньги на храм я тебе давал не собственные, ты это знаешь; думаю, знал и Савелий, и не демократы довели меня до операционного стола; даже под запал такие вещи говорить не годится. И никто меня из квартиры не гонит решительно, лучше бы об этом вообще не вспоминать.

От друзей защищаться труднее, чем от врагов. Хотел было на все эти вещи писать разъяснение-опровержение, и надо было написать, да по слабости пожалел и себя, и своих адвокатов.

Нынче впервые за последние пять лет еду на праздник Славянской письменности. В начале июня собираюсь в Иркутск. Но уже так боюсь новых осложнений, что и думаю об этом втихомолку. Все более вижу, что писать ничего «агитационного» сейчас не следует. Кого можно было образумить – образумились, остальных или нельзя, или пусть допевают сами, под солнцем родной действительности. Время не только межумочное, но и глухое для восприятия, дурное. Вот-вот начнем терять друг друга физически: кто на пределе лет, кто на пределе сил.

«Лит. Иркутск», вероятно, будет прекращаться. Нет денег. К тому же Валентина (Сидоренко. – В.К.) горит только одним рвением – борьбой с еврейством и масонством, в старой России немасонов для нее уже не остается, всех ставит к стенке. Епархия, помогавшая раньше деньгами, теперь не может. А богатый дядя не находится, и искать его надо не в Москве, а в Иркутске.

Как видишь, дела все тоже невеселые, но доживать надо. И хорошо бы – не в камере. Камеры

боюсь, потому что сойду там с ума от бессонницы. Потерял сон, а таблетки давать не будут.

В Иркутске перехожу на травы.

Псков

29 июня 1993 года

...Очень жаль, что мы с о. Зиномом приехали в Москву, когда тебя нет. Бог весть, удастся ли нам ещё вот так выбраться вдвоём. А так-то хорошо, что ты не в Москве. Сюда бы и вообще-то без крайней нужды приезжать не надо. Я выбрался на открытие выставки Юрия Ивановича Селиверстова, которую вытаскивал из Савелия клещами, да и с о. Зиномом хотелось доехать до Владимира и до Покрова на Нерли, куда его зовут на предмет обсуждения, как обустроить алтарь. Ещё не знаем, доедем ли. Но собрались.

Очень я был рад, что на Пушкинском празднике сумел уговорить Василия Ивановича остаться и съездить в монастырь. Он и сам потом понял, насколько ему это было нужно, и уехал покоее и светлее, чем приехал. Уже в поезде с какой-то острой тоской заговорил о Викторе Петровиче, как-то минуя всю болезненную нынешнюю внешность, и тут-то я особенно ясно и понял, почему он всё время вспоминал мать, и видно было, что действительно не находил себе места. Она для него была связана и с Виктором Петровичем, и вот он не может разорвать сердце.

Но сам, конечно, руки не протянет, чтобы не быть неверно понятым. Да и не он это должен делать. И хоть я верю, что все вы правы, а Виктор Петрович менее всего, но вот поди ты – никак мне не смирится с тем, что вы порознь и пока ещё продолжаете удаляться друг от друга, и никак для себя не определяю, верно ли это перед Богом, а не перед короткой человеческой правдой. Всё казалось, что следовало бы резче говорить друг с другом, а не друг против друга – это, может быть, было бы больнее, но зато здоровее.

Но теперь, похоже, уже ничего не воротить. Единомыслия уже не будет. Его не будет по многим частностям между тобою и Беловым, тобою и Клыковым, тобою и Шафаревичем, тобою и Крупиним и по частностям болезненным. Я уже не говорю о себе – со мною-то вообще согласиться нельзя: больно широк, надо бы поуже.

Но видно в конце концов придётся единомыслие понимать пошире и Россию пожестче, чтобы устоять в главном. А мы оказались жёстче, чем следовало, и вот на этом-то и может быть пойманы расторопными дирижёрами, которые мелкие трещины сумеют довести до неперешагиваемых пропастей. Нам бы удержаться всё опережающей любовью, которая простит и срыв, потому что неловкое слово можно поправить и скверный поступок поправить другим поступком, а мы, к сожалению, слова выучились ставить впереди любви и считать их вырублен-

ными в бронзе или начертанными на небесах. За это и будем платить тяжкой мерой всё более плотного одиночества, и в конце концов оставлять сиротой свою Родину. Без любви мы подлинно «кимвалы бряцающие».

Сто раз повторю когда-то поразившее – победить нельзя только безоружного человека. Это доказал Христос, но никто не хочет его доказательств, хотя всяк берёт его на вооружение. С тоской и отчаянием вижу, что сегодня Христос чуть не дальше от России, чем до крещения. Особенно это видно в церкви, разделённой столь же решительно, как и всё наше бедное общество. Об этом на брёвнах у бани говорить или в тихих прогулках над Ангарой, вышелушивать из слов ядро смысла, оглядывать себя из края в край и потихоньку выбредать к истине. Но куда уж мечтать об этом. Всяк поневоле наособицу и это, может быть, страшнее всех иных средств, направленных против человека. Родные душой люди должны видеть друг друга во всякий час, когда темнеет и теряет опору душа, тогда и земля у них стоит здоровой и мир не потеряет рассудок. Спасти Родину можно только любовью к ней и друг к другу. Мы за любовь принимаем что-то другое, и немудрено, что ничего у нас не выходит.

Прости, Валентин, что всё выходят какие-то торжественности, тогда как за ними стоит простая тревога, что мы делаем многое не так, и хоть твердим о новом качестве жизни, но сами упорно этого нового качества понять и принять не хотим, предпочитая привычное оружие, которое по внутренней ложности своей лучше работает в руках демократов, ибо они знают его главный секрет – в его пользовании не надобна совесть. А с совестью оно осекается.

Впрочем, всё это только смутная догадка о чём-то никак не проступающее в прямое слово. Но всё отчётливее я вижу для себя, что наша всечеловечность, и наша всемирность, и наше избранничество истолкованы нами не так, как следует и, кажется, неверно поняты (да простит мне Фёдор Михайлович). И именно оттого, что взяты ложные задачи, выходят соответственные результаты, и мы всё выходим примером наоборот и скоро станем несчастьем мира под стать евреям (в рассеянии-то уж вот-вот догоним и не указание ли нам, что ни один там «всечеловеком» и указательным примером не является). Тут есть какой-то кончик мысли, за который много можно чего вытянуть, и только боязно это делать, потому что вытянешь, как кажется, что-то неутешительное и мало работающее на величавые идеи, которые мы тут высживаем о своём «четвероримстве»

Нет покоя, нет устойчивости, нет чистого образа будущего. А хотел-то написать только – больше будь на Ангаре, Валентин, в деревне да в покое сиди. И нашего брата на порог не пускай. Настоящая-то наша работа вся впереди. А сейчас так... разговоры, и на них найдутся другие мастера.

Станислав МИНАКОВ

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ: «ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О ВЕЧНОСТИ»

На кончину любимого писателя

6 марта из земной жизни ушел один из великих думателей и болезнователей о России, один из лучших современных русских писателей – Валентин Яковлевич Курбатов. Рассказывают, что в день Вселенской родительской субботы он помолился в храме, причастился Святых Христовых Таин, вышел из храма, зашел в лавку, купил жене цветы, упал и в одночасье скончался.

Сказано точно: «Русская литература потеряла кормчего» (Л. Вигандт). Добавлю: и русская культура в целом. Я же, как и многие, потерял и старшего товарища.

Получив скорбную весть, я сразу вспомнил одно фото, сделанное мной 8 июня 2014 года в самом древнем храме Пскова – Рождества Иоанна Крестителя, который впервые упоминается в летописях под 1243 годом как уже существующий, а возведен был на сто лет раньше. На современной фреске седовласый человек – это Курбатов, он много лет был причастен к восстановлению храма и его работе.

Фреска с Валентином Курбатовым

Цитирую письмо В. Курбатова ко мне от 4.02.2016 г.: «...Эх, жалко – пропустил Ваши старые сочинения про наши псковские святыни. Даже вон, оказывается, про храм Иоанна Предтечи писали. Я отдал ему 18 лет. Отнимал его у Советской власти, вывозил горы мусора, хоронил черепа расстрелянных (и наши, и “ихние” любили расстреливать в хра-

мах – стены толстые, тихо – “никого не беспокоят”), писал эпитафию на кресте в приделе с молитвой о жертвах иноземного и отечественного насилия – (немцы расстреливали большевиков, большевики до этого – матушек этого монастыря), читал там шестопсалмие и Апостол, даже умствовал по благословению после того, как походил дорогами апостола Павла и знал, какое солнце пекло ему лысину в Галатии, какие камешки кололи ступни в Пиерии.

...Я ведь был там первым старостой и сам стеклил окна и клал с товарищами полы – каменные в притворе и деревянные в храме.

Штукатурил стены под фрески отца Андрея, образцы брали из древних синайских.

И в одной из фресок при входе, где “народ Божий”, есть и мой портрет той поры, так что я скитаться-то скитаюсь, но и не покидаю храма, в котором надеялся быть отпетым. А вот судьба поворачивается иначе.

...Я это, я на фреске, хотя начинал совсем не седым. Да и фреска-то эта из самых поздних – когда до притвора дело дошло. А черненький рядом со мной – Костя Обозный – спаситель памяти Псковской миссии, “сменщик” мой в Апостоле и шестопсалмии. И “девчонки” наши – из певчих».

Седовласым, читай умудренным, Валентин Яковлевич останется для многих из нас не только на фреске, но и на фото и в нашей благодарной памяти. Памятна и его чуть смущенная улыбка, борода клинышком, ровно подстриженная челка, неизменным теплом светящиеся глаза с доброй лукавинкой, неповторимый голос, будто слегка треснувший, особая интонация, словно с подпевом.

Курбатов был величайшим русским златоустом – и в своих писаниях, и изустно. Слушать его блестящую речь можно было бесконечно, как отраду и наслаждение. Он соглашался, что его называли критиком: «Как все критики я не доверял слову, рожденному одним чувством, одной интуицией, и потому не был поэтом. Как все критики, я не доверял чистой мысли, жалея приносить ей в жертву сопротивляющееся сердце, и потому не был философом. Как все критики, я торопился договорить предложения до точки, не оставляя ничего на догадку и сердечное сотворчество читателей, и потому не был прозаиком...».

Он всегда радел и писал, и в последние годы, о русской культуре – о своих друзьях: Валентине

Распутине и Савве Ямщикове, Георгии Свиридове и Валерии Гаврилине... Вот некоторые его книги: «Виктор Астафьев: Литературный портрет», «Михаил Пришвин: жизнеописание идеи», «Домовой. Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры», «Юрий Селиверстов: судьба мысли и мысль судьбы», «Перед вечером, или Жизнь на полях», «Крест бесконечный», «Батюшки мои», «Наше Небесное отечество», «Уходящие острова», «Нежданно-негаданно», «Пушкин на каждый день».

* * *

Хоронили Валентина Яковлевича 10 марта рядом с могилой матери, на Орлецовском кладбище Пскова – города, в коем он, родившийся на Волге, прожил многие десятилетия. Как Курбатов утверждал, тут исконная Русь ближе.

Псковский Кремль. Фото Т. Сургановой. 10.03.2021 г.

Игорь Смолькин (Изборцев), глава Псковского регионального отделения Союза писателей России, взволнованно пишет: «Еще утром шел снег, а к полудню прояснело, установилась ясная морозная погода. Наступил десятый день весны, но февраль вернулся и накрыл белым снежным саваном Псков и его окрестности. Орлецовский погост утонул в сугробах, и если бы снег не расчистили, траурной процессии пришлось бы ох как непросто добираться до нужного места... Россия провожала в последний путь своего верного сына, свою гордость, великого мастера слова – Валентина Яковлевича Курбатова. Это ему, выросшему на Урале, беззаветно любившему русскую зиму, природа подарила настоящий зимний полдень – последний полдень под высоким небом Отечества».

«Жил... – вспоминал он, – при постоянно теплящейся в углу лампадке. Читать учился по церковной псалтыри и часослову». И это осталось с ним от тех детских лет до последнего его дня: и чтение Псалтыри в Троицком соборе, когда в шестидесятые приехал во Псков, и те же чтения в городских храмах в двухтысячные, и последняя для него Псалтырь, чтмая над его телом восьмого-девятого марта 2021 года».

Проводить в последний путь Валентина Курбатова приехали деятели культуры и искусства, представители исполнительной и законодательной властей, друзья и близкие. От имени губернатора Псковской области М. Ведерникова слова соболезнования произнесла первый вице-губернатор В. Емельянова. По поручению главы региона она также зачитала текст телеграммы от Владимира

Путина. Президент в своем послании подчеркнул, что Валентин Курбатов – талантливый, неординарный и очень яркий человек, посвятивший себя спасению и развитию лучших традиций русской литературы. «Валентин Яковлевич многое сделал для изучения творческого наследия наших выдающихся писателей, вел большую общественную работу, подавал пример просветительства, подвижничества, истинного служения культуре. Таким Валентин Курбатов навсегда останется в нашей памяти», – отметил президент.

Очень важны слова Святейшего Патриарха Кирилла, зачитанные при отпевании: «Прекрасный прозаик и один из лучших литературных критиков России, Валентин Яковлевич многие годы посвятил изучению отечественной словесности XIX–XX веков. Мне довелось лично знать почившего. Будучи глубоко верующим человеком, стремившимся жить по Евангелию и при любых обстоятельствах старавшимся следовать высоким нравственным принципам в профессиональной и общественной деятельности, Валентин Яковлевич своим творчеством и самым образом жизни словно соединял прошлое с современностью, убедительно свидетельствовал о красоте и истинности православия».

Перед погребением прощание с усопшим прошло в храме Святой Великомученицы Анастасии Узорешительницы, прихожанином которого был р.б. Валентин. Отпевание полным чином провел настоятель храма отец Евгений Ковалев.

Нам рассказала об этом главный редактор журнала «Человек на земле» (Москва) Татьяна Сурганова, отдавшая последний поклон товарищу и коллеге, в том числе и по нашей просьбе. «Давайте говорить о вечности», – Курбатов сказал именно ей, и это были последние адресованные собеседнице слова.

Во время поминок отец Евгений сказал, опираясь на слова известного священника, о том, что Валентин Яковлевич любил всех, кто общался с ним, неодинаково, но каждого больше. Многие вспомнили, что примерно за полгода до кончины В. Курбатов начал потихоньку, но как-то настойчиво со всеми прощаться. В частности, настаивал, чтобы какие-то встречи, поездки состоялись, «а то вдруг больше не увидимся».

«Как быстро прошла жизнь! – писал Курбатов в дневниках. – Но разве она прошла, если успела стать словом? Оно было не бог весть каким, не целилось далеко, не искало славы, а только вглядывалось в чудо жизни, и благодарило ее за свет, и порой корило за тьму. И теперь я неожиданно думаю, что Господне Слово, которое было у Бога, и было Бог, начинавшее мир, было семенем, из которого зашумела вся человеческая земная речь, и Слово это длится и животворит жизнь, делая ее вечным сегодня, так что и мы благодаря свету Слова бессмертны в нем вчера и всегда!».

Похоронная процессия, как водится, донесла до могилы и награды покойного, коих было в земной жизни немало. Писатель Курбатов был удостоен премий имени Льва Толстого, Павла Бажова,

Горьковской премии, Патриаршей литературной премии, дважды становился лауреатом премии администрации Псковской области и целого ряда других наград, в 2003 г. был награжден медалью Пушкина, а летом 2020 г. Владимир Путин вручил ему в Кремле Государственную премию РФ в области литературы и искусства.

По поводу высокой последней награды Курбатов ответил мне в письме с присущей ему самоиронией: «Уже, скорей, не аксиос, а куксиос, но хожу, гордо выпятив пузо».

Поэт Тимур Зульфикаров в свойственной ему возвышенной манере тоже отозвался на кончину друга: «В далекие таджикские горы пришла печальная весть о кончине апостола Русской Культуры, наследника великих византийских писателей, иконописцев, мудрецов Валентина Курбатова. Этот Костер Русского Высокого Духа и Слова будет гореть вечно, пока дышит Святая Русь».

Присоединимся же к этому трагическому, но и непобежденному пафосу.

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего Валентина, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная!

В. Толстой, В. Курбатов, Г. Красников. Круглый стол в Пушкинских горах

Приведу тут также несколько фрагментов писем В. Курбатова ко мне – к Рождеству Христову, Крещению, Благовещению и Пасхе.

6.01.2015 г.

...А ведь Рождество! Боюсь и спрашивать, каково оно в Харькове?

До колядок ли? Впрочем, Он ведь и родился не для одного света, и не умел освободить нас от печали и свободы, хотя тайну бессмертия знал.

Мир накануне Господня Рожденья
Тих и таинствен, нигде ни движенья.

Ночь замерла, ибо всходит звезда
Прямо над сердцем Марии и Сына,
В небе волхвов и в пастушьих долинах,
Мир разделяя на «нет» и на «да»...

В. Толстой и В. Курбатов у Святогорского монастыря

В небе звезда молодая играет,
В яслях Младенца волы согревают
Нежным дыханьем, и Дева глядит,
Как Ее Сын над землю светает...
Завтра Он встанет и мир победит,
Будет поруган людьми и убит.

Пусть Он подольше об этом не знает...
...Господи, тише, Дитя Твое спит!

31.12.2015 г.

...А Вы в окно-то давно выглядывали?

У нас уж вон волхвы вышли с дарами смиренных, алоэ и золота (кротости, любви и бессмертия), и Вифлеемская звезда уже взошла над елкой, чтобы вести нас к свету Рождества Христова, сулящего нам, в отличие от Нового года, свет и бессмертие.

Подпопьемся и вперед! И опять поверим, что «возсият мирового свет разума», хотя мир изо всех сил торопится погасить этот свет.

И все-таки света и света!

Пора бы уж и правда этому разуму воссиять, а то все как дети неразумные.

С нежностью обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
И Александр Сергеич с няней.

7.04.2018 г.

С Благовещением, брате! И Христос Воскресе!

Как тесно, как трудно. Гроб Христов стоит еще посреди храма, а Архангел Гавриил летит над ним возвестить Марии рождение вот этого плащаницею обвитого Ее мертвого Сына. Иголку не просунешь в этой вечности. Время навсегда отменено, и старушка Смерть без работы. Так ей и надо!

Обнимемся.

С любовью, Ваш В. Курбатов.

18.01.2016 г.

«Глас Господень на водах вопиет глаголя: придите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия...».

Как же! Так мы и разбежались, ведь потом с этим Духом премудрости, разума и страха Божия надо сразу иначе жить и отвечать за каждое слово и поступок.

А мы лучше сходим «за водичкой», отметимся, и живи себе дальше...

А Глас все вопиет и вопиет, и «секира все при корене», а мы вперед, за батюшкой-прогрессом. И с каждым днем безумнее.

Простите, дорогой Станислав, за такое неловкое поздравление.

Да усталость к радости не пускает, хотя все еще и подставляюсь под Иорданскую воду Крестителя.

11.04.2015 г.

...Все не приду в себя после смерти В.Г. Распутина.

Мы сорок лет были вместе, и я временами только за него и держался, когда отчаяние обступало от нечистоты дня. Сегодня как-то особенно остро-лично слышу:

«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный».

Ведь подлинно каждый день – сей!

Каждый назван и узан в лицо, как единственный.

«Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресения Христа блистающая, и радуйтесь рекуща ясно да услышим победную поюще Воскресения день и просветимся торжеством и друг друга обьемем».

Очистим, очистим, хотя уж иногда кажется, что мир и мы сами столько натащили в наши «чувства» неотмываемого, что все наши духовные «гигиенические» поползновения тщетны.

А все-таки «обьемем» и не оставим надежды. Христос Воскресе!

30.04.2016 г.

Дорогой брат Станислав! Совсем скоро – по бесконечной России в разный час – встанет иерей, владыка, патриарх перед закрытой дверью храма и воскликнет: «Да воскреснет Бог!», и мы, войдя, не увидим Плащаницы, покрывавшей тело Спасителя. «Что ищите Живаго с мертвыми?». И подхватим Ангельскую песнь чистым сердцем. Господи, хоть бы на этот час действительно чистым, которым

С. Минаков, В. Курбатов с внучкой на большой поляне в Михайловском. 06. 06. 2016 г.

В. Курбатов, В. Курприянов, С. Минаков, С. Кекова.
8 июня 2014

однажды и будет спасен мир. «И ненавидящих нас простим вся воскресением». И ненавидящих больше не будет, и мы впервые за историю и теперь уже навсегда «друг друга обьемем», чтобы сказать с полнотою веры «Христос Воскресе!» и поверить, что теперь навсегда Он «ад умертви блистанием божества» и смерти больше не будет.

Как просто! Как трудно! Но зачем-то нам еще даны дни жизни...

Обнимемся!

Христос Воскресе!

Из дневников В. Курбатова

* * *

Господь создавал мир со всеми чудесами. В порыве творческого вдохновения – тут тебе и горы и моря, и солнце и луна, и деревья и травы, кузнечики и соловьи. И однажды, конечно, захотелось кому-то показать, обрадовать. И Господь создал Адама и определил ему удивительное задание – назвать все созданное, дать ему имя. А дурак Дьявол из ревности, что не ему выпало это счастье, взял и искусил бедного Адама: чего, мол, только называть-то? Сам стань Богом и твори!

А не называй. А уж как откусил от яблочка с Древа Познания – тут уж любовь и название по боку. Тут уж все развинтить и посмотреть, как сделано. Чем уж всю будет заниматься сынок Каин. И мир еще назван не весь, а уж матушка-цивилизация пошла расщеплять его и делать из человека Бога, и бедный Адам уже позабыл, что это он от стыда одевался в «смоковое листовие», и успел сделать из листовия моду, одеваясь в дома, машины, парламенты, революции и войны. И все удалялся и удалялся от первообраза.

* * *

Новый Завет – не книга для чтения. Это – кровообращение и мера духовного устройства. Это – навсегда. Просто с годами чувство может притупиться, а при лени механизироваться – привычка к обряду и литургии по воскресеньям часто ослабляет связь с Книгой. Привычка, увы, часто оказывается сестрой равнодушия.

* * *

А чего еще записать-то хотел? А про неодолимость русской песни. Что еще не только с русским человеком предстоит воевать неприязненному к нам миру, а и с нашей песней, которая сегодня, к сожалению, посильнее нас. Поменяв ее на песенки Лепса, мы, может, к Европе-то и подвинулись, а от себя отошли. И последним народным композитором, кажется, осталась Пахмутова, а уж «Вставай, страна огромная» написать некому.

Сузили мы страну в своем сознании. Дай бы Бог, чтобы генетика еще была жива, чтобы в случае беды разом вспомнить и родных «Ермака» и «Утес», и Исаковского с Матусовским, русских (без кавычек) Покрасса и Дунаевского. Народ в себе вспомнить. И уж коли запоем, то тут уж ««янки дудль» и «Гитлер капут».

* * *

Может, потому мы не слышим и другого человека, что каждый из нас двоих внутри нас слушает каждого другого в другом – из раза в раз не попадая. Все время «странный гражданин» (как зовет Дьяво-

ла «Постная триодь») меняет карты и подсовывает нам не то отражение. Как бывает трудно даже с самыми близкими, словно даже и веселый разговор ведется в испорченный телефон, в вечную готовность услышать обидный для себя смысл, даже если другой говорит со всей строгостью. Мир вечных параллельных с редкими пересечениями. В этом все революции, войны, оппозиции, ООНы. А только и надо сказать «Я» без лжи перед собой, как перед Богом. Ведь как просто и как невыполнимо!

Я. Пока!

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ:
«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О ВЕЧНОСТИ»
На кончину любимого писателя

О КНИГЕ ТИХОНА СИНИЦЫНА «БЕСКРАЙНЯЯ ТАВРИКА»

Издательство «СТИХИ», 2020 г.

Труднее всего во внезапно наступившем безвременье преодолеть соблазн отлежаться на диване, до весны как минимум.

Однако принести в жертву сомнительный комфорт стоит, например, ради того прекрасного, простого, что дарит тебе Вселенная в каждом дне. Это может быть, помимо прогулки в парке, звонка родителям, просмотра фотографий с прошлых путешествий и т.п., новая книга. Например, книга стихов Тихона Синицына «Бескрайняя Таврика», вышедшая в 2020 году в издательстве «СТИХИ». Открыв книгу, читатель становится соучастником трио – книга, автор, читатель, и это соучастие требует особого настроения и осознания фрескового пространства поэзии Тихона Синицына:

Вот перед глазами палитра и свет
Нетленных мозаик из храмов Востока.
Покров керамиды лучами согрет.
Апсиды без пафосных кружев барокко (...)

Книга «Бескрайняя Таврика» это не отдельно сыгранная история о поэте, рассказанная самим поэтом. Каждая глава книги обособлена, исключает предыдущую, и тут же незримо дополняет ее, представляя Таврику живой сутью, обнажая ее до откровенности «на ладони».

Праздник

Закат прожигает газоны,
Котельную, трассу, гараж.
Приметами зимней промзоны
Пронизан январский пейзаж.
Мерцают пакеты повсюду.
Тревожны конструкции ЛЭП...
Вдруг божья коровка –
О чудо! –
Приносит нам с облака хлеб.

Она разная, она не идеальная, она неповторимая. Таврика, как главный герой книги, по законам жанра двигает сюжет, а поэт выдыхает, отрисовывает ее новые впечатления, пространства, времена. И даже когда он говорит о горьких вещах, поэт не разрушает музыку слова, что и делает настоящую поэзию поэзией.

(...) Здесь мраморные львы на водопой
Сползают по лианам винограда.
Пьет чай Алиса с призрачным котом.
Херсонский дворик в выцветшей тельняшке
Работу оставляет на потом.
Сегодня шторм. Пора считать барашки...
Пора любить. Пора собрат инжир
И в новый день шагнуть, как в новый мир.

Книга Тихона Синицына «Бескрайняя Таврика» требует вслушивания и соучастия, открываясь читателю в своих скрытых смыслах, как это бывает, если долго вглядываться во фрески, написанные в данном случае поэтическим словом.

Елена ФРОЛОВА
Москва, 2020 г.

Тихон СИНИЦЫН родился в 1984 году в Севастополе. Высшее гуманитарное образование получил в Ялте. Работал художником, экскурсоводом, мастером ЖКХ, научным сотрудником; преподавал философию и композицию, рисование и культурологию. Автор поэтических книг «Частная тетрадь», «Рисунки на берегу», «Бескрайняя Таврика». Член Союза писателей России.

ОЩУЩЕНИЕ ЧАСТНОГО ЧУДА

Стихи из книги «Бескрайняя Таврика»

ФЕВРАЛЬСКИЕ ОКНА

В сизом небе Федерико Лорки
Баснословно жаркие лучи.
Школьники резвятся возле горки.
Над базаром каркают грачи.
Хочется, читая Пастернака,
О весне по-новому сказать,
Приютить бездомную собаку
И за облаками наблюдать.
Целый день прожить без Интернета,
Гороскопов, слухов и газет,
Намекать, что скоро будет лето,
И хоть раз отмыть стеклопакет...

ПОЭТ

I

Он жил на склоне пепельной скалы,
Писал стихи, знал птиц по именам,
Он считывал двоякость бытия
И был свободен в речевых ландшафтах.
Он научился вслух переводить
Силлабо-тонику солёных волн,
А в контурах прибрежной полосы
Распознавать просодию пейзажа.

II

Неспешно наступала немота.
Как брошенный подрамник без холста –
Влекло окно в пустынные палаты,
В которых нет ни месяца, ни даты.
Жизнь прозаична, как товарный чек:
Панельный дом, уставший человек,
Гниенье листьев, опадают астры.
И немота, как долгий приступ астмы.

III

Но как молчать, когда открыт засов
И холодок идёт чуть уловимый?
Над обожжённой готикой лесов
Несут своё служенье херувимы.
Как замолчать, когда домой зашёл;
За дверью сумрак, вечер тёмно-синий...
И застывает жуткий богомол
Под окнами, в сухой полыни.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда-нибудь всё будет по-другому.
Проснёшься, не узнав свои черты.
Не ты здесь жил. Не ты боялся грома.
С утра за хлебом выходил не ты.

Существовал как будто понарошку.
Гостил седьмой водой на киселе.
Пил чей-то чай. Чужую гладил кошку.
И ничего не понял на земле.

Знакомые разъедутся на дачи.
В мобильнике исчезнут номера.
Не сомневайся. Будет всё иначе
От пробужденья этого с утра.

* * *

Вот тебе
Эти кисти сирени,
Майский привкус массандровских вин,
Эти сирины, эти сирены,
Мягкий свет ассирийских равнин,
Запах кофе из бронзовой турки...
Перламутровых туч разговор –
Будто утром османские турки
Отдадут христианам Босфор.
Будто ливни исчезнут отсюда;
Их припомнить уже не смогу.
Ощущение частного чуда
Возрастает на каждом шагу.

* * *

Вхожу в осенний заповедный лес.
Клюю, как птица, высохший кизил,
Пью из ручья, срываю пираканту
И мягкий размороженный шиповник.
Боярышник и скумпию ценю
За эти нежно-розовые листья,
Достойные стать византийской смальтой,
Мозаикой пустых ромейских храмов.
Я слышу приглушённый лай собак,
Неразличимый возглас, скрип качели.
Вот костерок, как тлеющий табак,
Вот кружево сосновой капители.
Вхожу сюда уже который год.
И нету никакого пресыщенья.
Неведом код. И запаролен вход.
Есть только непрерывное движенье.
Осенний полнозвучный горный лес –
Мне заменяет дом, кинотеатр,
Взаимную любовь и даже книги,
Пока я вижу алые просветы,
Вне времени, сквозь хрупкие деревья,
Пока в ручье качается звезда...
Как шелуха – спадает недоверье.
Над первым снегом – всполохи дрозда.
Кто в теме, понимает: есть опасность
Болтливости и комплекса вины
За ложный пафос...
Но какая внятность,
Какая мощь, какая беспристрастность –
Приходят из осенней глубины!

МЕОТИДА

В лиманах опасных границ Сомали
Пиратские шхуны стремятся в тумане
Пугать пеликанов и красть корабли
Простых рыболовов из Тмутаракани.
Здесь так по традиции заведено.
Вдоль скучных курортных портов Меотиды
Орудуют банды потомков Махно

И смуглых крестьянок степной Атлантиды.
В эпоху гибридных пунических войн
Повсюду следы от вражды сетевой.
Лишь сизые чайки смеются, как дети.
Им не объяснить, что такое –
Тоска.
Гниют на причалах рыбацкие сети.
И волны скрывают дома из песка.

СВОБОДА

Мы привыкаем к дому, чашкам, кошкам...
Мы любим двор и дерево над ним.
Знакомых провожаем по одежке.
Блестящий мусор бережно храним.
Лишь иногда под гул прибрежной гальки
Вмещаем небо, стряхиваем грим,
Рисуем иероглифы на кальке,
Свободу ищем и благодарим.

* * *

Подальше от социальных сетей,
От митингов и магистралей,
От глупостей,
Очередных новостей,
От снега и зимней печали,
От кафедры невыносимых наук,
Дежурств и рутины тоскливой...
Так хочется скрыться,
Умчаться на Юг!
Хотя бы в Форос и Оливу.

БЕСКРАЙНЯЯ ТАВРИКА

Бескрайняя Таврика,
Я вижу твои красные виноградники,
Твои заброшенные дворцы из ракушки,
Твои фисташковые редколесья
И можжевельные степи.
Я вижу твои разворованные побережья
И остроконечные перочинные скалы,
Твоё скифское золото осени
И ржавые гильзы зимы,
Твои горячие костры из листьев платана,
Твоих непуганых лис и тощих коров,
Твои рыбацкие посёлки вдоль мелководий,
Твоих жадных торговков черешней.
Я вижу твои апельсиновые обрывы,
Колючую ежевику и кислую алычу,
Твоих рыцарей в гидрокостюмах,
Морских змеев и крылатых львов,
Твоих хрупких крабов и насмешниц-чаек.
Я вижу твои пещерные церкви,
Чаиры и крепости,
Твоих загорелых детей,
Ждущих первого снега.
И во всём этом
Я узнаю себя.

Елена ФРОЛОВА, Москва. Родилась в Симферополе в 1976 году, в семье военного. Детство прошло в переездах по стране. Долгое время семья жила в Сибири – Томск, Новосибирск, Красноярск. Публикации в журналах «Москва», «Эмигрантская лира», «День и ночь», «Графит», «Веси», «Южное сияние», «Симбирск», «Литературный Крым», «Литературный Иерусалим», «Республика Абхазия», литературный журнал-альманах «Твоя глава», «Литературный Ахиен», «Республика Абхазия» (Абхазия), «Литературная газета», «Нижний Новгород», «Формаслов» и др.

Победитель Международного конкурса «Эмигрантская лира. Неоставленная страна» – I место (2020).

Победитель литературного конкурса им. А. Куприна – III место (2020)

Победитель конкурса имени Салиха Гуртуева (Дагестан) «Есть Родина, а значит, счастье есть» – II место (2020).

ЛЮБОВЬЮ РОЖДАЕТСЯ СВЕТ

* * *

В соседский сад, за яблоками, где
истлевшая листва, слова, надежды,
одежды, отсыревшие в воде,
искажены, как мимика невежды.

Но яблоки в промозглом ноябре,
в тисках всеобщей горе-Атлантиды
ещё горят, как бабочки в огне,
от вспышки сладострастья и обиды

на брошенность, что точками чернит
тугие сны слоновой кости цвета...
Ничейным садом, яблоком болит
исчезнувшее выцветшее лето.

И напоследок, отыскав в траве,
уносишь их притихших и смиренных,
те яблоки из сада на горе
в преддверии зимы благословенной.

* * *

Чем ближе новогодняя пора,
тем больше превращается столица
в какой-то странный елочный парад
с претензией безумно веселиться.

Чем ближе новогодняя пора,
тем суетней любовники былые,
шлют сообщения дивно – расписные
с надеждой на ушедшее «вчера».

Чем ближе новогодняя пора,
тем больше хочешь платье с пелеринкой,
читать неспешно сказки до утра,
разглядывая старые картинки.

Чем ближе новогодняя пора,
тем меньше хочешь дорогих подарков...
В почтовый ящик заглянуть с утра,
а там открытка с маленькою маркой.

* * *

Я представляю, как мы будем жить.
Кто первый встанет – тот разбудит кошку,
накроет пледом спящего и ложки
с бокалами пойдёт на кухню мыть.

Но прежде всё же кошку покормить.
Поставить турку, сыр нарезать в блюде,
и, чтобы дочке раньше не проснуться,
чуть-чуть плотнее дверь её прикрыть.

Проснувшийся потрогает рукой
наощупь снами смятую подушку,
которая покорно и послушно
хранит незримый запах – твой и мой.

Я представляю, как мы будем ждать
вечерних возвращений, чтоб с работы,
особенно в тот день перед субботой,
слукавив, чуть пораньше убежать.

И, оставляя город позади,
войти в наш дом с обоями в цветочки,
погладить кошку, улыбнуться дочке
и ландышу, цветущему в груди.

* * *

Поедем в Александров, милый друг.
где улочки пустынно и смиренны,
где замирает сердца быстрый стук
от красоты его обыкновенной.

Поедем в Александров, милый друг,
свернем с тобой к цветаевскому скверу,
где воздух по-осеннему упруг
и мягок, будто шарфик из мохера.

Поедем в Александров, милый друг,
там в Слободе березки, как с полотен,
не размыкают тонких белых рук
и вечный лик их тих и беззаботен.

Поедем в Александров, милый друг,
душою отдохнем над Серой речкой,
где щебет неопознанных пичуг,
как этот город, благостный и вечный.

Поедем в Александров, милый друг...

* * *

Необходимость радости
переполняет дом.
Вынешь из шкафа сладости,
Пушкина старый том.

Кружку папы с кувшинкою,
мамин зелёный плед.
Томик хороший, с картинками,
тот, из советских лет.

Вот Черномор с Людмилой
и Руслан на коне,
Балда с ухмылкой милою
купают чертей в волне,

белая Лебедь мается,
Коршун заводит круг,
а тут она улыбается
вместе с Гвидоном. И вдруг

вспомнишь: вот так же с бабушкой
смотрели в последний год...
Время вздыхает рядышком
и замедляет ход.

* * *

Господи, дай мне обнять тебя,
как-нибудь, как положено Там у вас,
тихой улыбкою, отблесками огня
или простою рифмою без прикрас.

Или чашкою чая с мятным листом
дай мне тебя напоить хотя бы раз.
Господи, поговорим о земном потом,
просто поспи в полуденный этот час.

Вены на тонкой уставшей твоей руке
будто лесные ручьи переплелись.
Господи, я буду здесь невдалеке,
если тебя огорчит небесная жизнь.

А если тебе покажется рай не рай –
просто погладь, как кошку, небесного льва...
Господи, мы тебя любим, ты это знай,
даже когда не верим в Твои слова...

даже когда не верим в Твои слова...

даже когда не верим в Твои слова...

* * *

Шар земной похож на снежок,
Господь его держит в ладонях.
Один случайный неверный шажок –
И Бог его тихо уронит.

И шар земной полетит в пустоту,
Не сетуя и не жалуясь.
Господи, не отпускай, прошу,
Держи его крепче, пожалуйста.

Всё случается. Но пока
Любовью рождается свет,
С любовью плывут по земле облака,
И люди встречают рассвет

Шарик не полетит в пустоту,
Не сетуя и не жалуясь.
Господи, не отпускай, прошу,
Держи его крепче, пожалуйста.

Когда же отчаянье или злость
Держит вас на волоске,
Помните, каждый немного Господь,
С синим снежком в руке.

И чтобы нам не упасть в пустоту,
И не рассыпаться в прах,
Господи, не отпускай, прошу,
Держи нас в своих руках.

Иван СИВОПЛЯС, краевед, поэт. Родился 9 сентября 1972 года в Москве. Окончил историко-архивный институт РГГУ. Научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина Ленина». Лауреат премии «Шапка Мономаха».

ДОЧА

2 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

вот и втроём мы
в храм Божий
приходим
в Машеньке нашей
жизнь новая
теплится
ткётся из плоти
детское тельце
душа живая
чудо Божие
мы так молились о нём
и ждали
ждали
и продолжали надеяться
Богу мы посвящаем радость
нашу
нашего первенца

20 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

Солнце светит
синицы чирикают
ноги
по тонкому льду
разъезжаются
едут машины
и люди шагают
жизнь
вокруг нас
продолжается
жизнь
которая
в нашей Маше
тоже становится
чутьточку старше

21 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

на солнышке
снег подтаивает
всё так хорошо
по-весеннему
синицы щебечут
весело
и через день
воскресение
а после
украются почками
липы
и липкими листьями

коты и птицы наполнят
округу
своими песнями
и как хорошо
всё это
мир Божий
теплей и краше
и капелька-сердце
бьётся
под сердцем
у нашей Маши

22 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

Солнце топит
на улице снег
под ногами –
мёрзлая каша
ты –
красивее
с каждым днём
наша милая
наша Маша
птицы звонко
зовут весну
и травинки,
гляди,
оживают
материнство
тебе к лицу
и от счастья
глаза сияют

4 МАРТА 2020 ГОДА

на улице –
по-весеннему:
серо
промозгло
сыро
снег тает
являя всё то
что в него
однажды
накидано было
но этот день –
он счастливый день:
он рядом
с тобою живётся
и всё настойчивей
и сильней

сердечко крохино
 бьётся
 под сердцем твоим
 и с ним в унисон
 и это – радость такая
 ведь мы живём –
 мы не просто живём
 мы в небо
 свой путь пролагаем

5 МАРТА 2020 ГОДА

наша Маша
 и наша кроха
 всё хорошо
 всё совсем неплохо
 воздух весенний
 вбираешь грудью –
 и вдруг
 заходится сердце
 от счастья
 от радости
 жить
 и любить
 и верить
 счастье – это
 по-настоящему

6 МАРТА 2020 ГОДА

солнышко
 обрызгало
 землю ярким светом
 плавит лёд
 и плавит снег
 воробьи чирикают
 я мечтаю о тебе
 об единственной тебе
 ясном солнышке моём –

нет,
 о солнце нашем
 нашей
 звонкой Маше –

ведь когда
 любовь в двоих
 нас не помещается
 от такой
 большой любви
 дети появляются

10 МАРТА 2020 ГОДА

с утра было
 сыро и сумрачно
 а днём –
 даже солнце
 выглядывало
 с утра по больницам
 бегали
 кровь сдавали
 и прочее
 в бахилах
 стояли в очереди
 с Машей и
 нашей крохоткой

все были вместе
 и это
 во всей этой истории
 радуется –
 где двое и трое,
 там с нами –
 Бог, а с Богом
 нельзя не радоваться

25 МАРТА 2020 ГОДА

ещё один повод
 любить тебя,
 Маша –
 что ты
 не моя только
 ты –
 Маша наша
 та жизнь
 что в тебе
 прорастает тихонько
 в сон клонит
 есть хочет
 и тянет, и пучит
 а Солнце –
 как Солнце
 сияет и светит
 и ты понимаешь,
 есть счастье на свете
 и жизнь –
 это счастье
 такое простое

26 МАРТА 2020 ГОДА

не переживай
 а живи
 понимая
 что есть
 что-то большее
 что-то другое
 и наши потери
 разлуки и скорби
 есть обещания
 будущей встречи
 любовь
 какую ты
 носишь под сердцем
 пусть греет
 тебя и даёт
 тебе силы

4 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

спят
 на кровати
 Маша
 и кошки
 свернувшись
 лепёшками
 спит
 улыбаясь
 в Маше
 малое
 дитячко наше
 солнышко светит
 и бродит

по улицам
коронавирус
в руки влагаем
Божьи
нашу любовь
и радость

8 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

то ли Маша
прижалась к Плюше
то ли Плюша
прижалась к Маше
и мурчит
о своём
кошачьем
левый глаз
приоткрыв немножко
домоседы все –
мы и кошки
и малыш наш
в тебе
который
научился уже
улыбаться

9 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

твой
день рождения,
Маша,
ещё один год
пережитый
и мы не вдвоём
нас трое
в тебе
наше дитяtko
крепнет
да, жизнь
непростая штука
но радостно
жить её вместе
поддерживая
друг друга
мне так хорошо
с тобою

16 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

неуютно
задувает ветер
облака
затягивают небо
и холодный
рассыпают бисер
капли жалят
ударяя в руки
и в лицо
а мы идём
сквозь ветер
но неровным
мокрым тротуарам
и гуляем с дитяtkoм
что дремлет
улыбаясь
у тебя под сердцем

19 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА

в Маше
растёт понемножку
малыш наш
размером в ладошку
дрыхнут
повсюду кошки
облачки как овечки
Сын Человечий
восстал из гроба
и радость наша
тем глубже и выше

11 ИЮНЯ 2020 ГОДА

с нашей Машей
шагаем улицей
дышим утром
травую
небом
в Маше наша
кровинка дышит
и икает
руками машет
это радость
такая радость
Боже,
слава Тебе за это!

31 АВГУСТА 2020 ГОДА

молиться
радоваться
касаться
твоей прохладной
и гладкой кожи
и целовать
твой живот
в котором
жизнь упирается
локтем ли
пяткой
жизнь
за которую
хвалим Бога
жизнь
что нас делает
только ближе

24 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

день
такой тёплый и радостный
воздух
напитан светом
Боже!
спасибо
за все благодати
что даришь
Ты нам
в день этот
за золото листьев
за сладость плодов
за Хлеб
и Вино в Чаше
за радость
доверие

и любовь
спасибо
за доченьку нашу!

24 ОКТЯБРЯ 2020 ГОДА

нашей доченьке
месяц исполнился
и из-за тучек
вылезло Солнце
и было тепло
и не было ветра
и мы гуляем втроём
по светлому
миру осеннему
и Господа славим
молитвами
мыслями
Анечка – с нами

6 НОЯБРЯ 2020 ГОДА

гуляли в потёмках
по парку Юности
катили коляску
молились Розарий
и было
словно
в какой-то юности
когда мы только
впервые влюбляемся
и тихое счастье
этого вечера
и белый шум
от машин проезжающих
всё это –
присутствие зримое
вечности
и вечностью тоже
любовь называется

5 ЯНВАРЯ 2021 ГОДА

Анечка
улыбается
весело и
лучезарно
такой вот
лысенький лучик
с пухом
на круглой головке
и серый
январский вечер
тепло
наполняют
и радость
нам улыбается
счастье
детской
беззубой улыбкой

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Влада МИТРОФАНОВА присоединилась к работе совета молодых литераторов Ульяновской области совсем недавно и сразу поразила всех лёгкостью, юностью и свежестью строк. Её стихи одновременно лиричны и сюжетны, воздушны и образны. Влада Митрофанова обладает редким для молодого поэта умением созерцать красоту окружающего мира и отражать её в стихах.

Вера ДОЛМАТОВА давно известна в Ульяновске как поэт и организатор литературных мероприятий. Теперь Вера дебютирует в качестве прозаика. Рассказ «До понедельника» создан в традициях русской и советской прозы. Это история «маленького человека» – провинциального работника культуры, смыслом жизни которого становится любовь.

Виктория ТАТУР из Москвы – молодой, но довольно именитый автор произведений для детей. Рассказ «Бабушкино облако» – это трогательная история о взрослении, которая будет интересна читателям всех возрастов.

Алина ОСОКИНА

Вера ДОЛМАТОВА родилась 9 мая 1981 года в селе Кучуры Сенгилеевского района Ульяновской области. По окончании Силикатненской средней школы в 1998 году начала поиск себя в профессии. Училась на землеустроителя, парикмахера, актрису и библиотекаря. С 2008 года по сегодняшний день работает на благо продвижения книги и чтения, иногда снимается в кино. Интерес к литературному творчеству появился ещё в школе – в 12 лет начались первые попытки писать стихи и рассказы, в основном мистические. Первая публикация – подборка стихотворений в литературном журнале «Симбирск». В 2018 году стала дипломантом молодежной литературной премии «Первая роса».

ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Летний день тянулся невероятно долго. До конца рабочего дня оставался час. Николай Палыч Сланцев с грустью смотрел в монитор, подпирая подбородок кулаком. Бесцельно переводя курсор из одной ячейки таблицы в другую, он слышал через открытое окно кабинета, как мимо проезжают автомобили (*кто-то уже едет с работы домой – везёт!*) и разговаривают люди о том, как проведут выходные, куда пойдут сегодня вечером – пятница же.

А Сланцев работает в субботу, поэтому пятница его не радовала. Он ждал понедельника, потому что в понедельник (*ещё целых два дня*) он (*аж челюсть свело от предвкушения*) увидит её – Машу!

Девушка поразила его тем, что вообще обратила внимание на него – некрасивого очкарика, начинающего полнеть, лысеть (*гены по отцовской линии виноваты*), работающего не по профессии там, куда удалось устроиться через знакомых матери – завхозом в Дом культуры, где выходные не как у нормальных людей, а по понедельникам. Должность – заведующий, а по факту – и швец, и жнец, и дальше по тексту...

С Машей они познакомились в интернете, а в прошлый понедельник, наконец-то, встретились вне сети и долго гуляли по парку рядом с её домом. Говорили обо всём без разбора: больше говорила Маша, но и Сланцев находил что рассказать, даже пару раз удачно пошутил. А потом был поцелуй, когда он, проводив девушку до подъезда, потянулся к её губам, а она не стала сопротивляться. И хотя поцелуй получился не очень, и даже не совсем похожий на поцелуй – Сланцев был счастлив!

И несчастлив одновременно, потому что ей восемнадцать, она красавица-студентка – вся жизнь впереди, а он давно не мальчик – отметка тридцать с хвостиком пройдена, и уже много лет у него не было женщины. После того разрыва (*даже вспоминать не хочу эту сумасшедшую*) он долго не мог прийти в себя, потом нашёл работу (*спасибо маме, без неё бы я пропал*), почти забыл тепло женского тела, губ, рук. А теперь он жутко боялся опозориться, когда придёт тот самый заветный час (*уже не час, а сорок минут! Ещё немного и – домой! Мама обещала на ужин голубцы*).

Он сегодня устал, но не от работы, не от бесконечных звонков и писем на электронку, не от «контролек» из управления с датой выполнения «вчера».

Теперь, когда появилась она, он уставал от каждой минуты, проведённой вдаль от неё. Переписывались они каждый день, но теперь этого было мало, стали необходимы прикосновения, запахи, звуки.

То, что Маша «появилась в его жизни», конечно, громко сказано, но он расценивал это именно так. В своих фантазиях Сланцев приводил её к себе, когда мамы дома не было (*да, я живу с мамой, и что?*), там уже накрыт стол, красивые салфетки, свечи, вино... (*что там ещё выставляют на стол для романтики?*) Они смотрят кино, беседуют, смеются, танцуют, а потом...

Телефонный звонок прервал ход его мыслей, звонила она! Сама! Ему! По телу пробежала дрожь, он глубоко вдохнул, задержал дыхание, выдохнул, прокашлялся, отрепетировал спокойное произнесение «алло»... звонок затих. На экране светилось уведомление о пропущенном вызове. Сланцев почувствовал, как его охватывает паника: он не взял трубку, хотя она знает, он ей говорил, что телефон всегда рядом, что он всегда ждёт её звонка... Надо перезвонить!

Нет, а вдруг она случайно? Она же могла случайно ему позвонить, а потом опомниться и скинуть вызов, потому что звонок, возможно, был срочный и по делу, и некогда было бы объяснять, что она позвонила случайно. А если что-то случилось и ей срочно нужна помощь, и первым, кому она позвонила, был он!

Он держал телефон в руках, его ладони вспотели, глаза сверлили потухший экран. В голове звенело. Казалось бы, ну что тут такого, всё ж так просто, перезвони и узнай, чего ей надо! Но нет, нельзя сейчас упасть в грязь лицом, нельзя показывать слабость, нужно выдержать паузу, всё обдумать и сделать единственно верный шаг. Хорошо, что за закрытой дверью никто не видел, как завхоз Сланцев вставал, садился, прохаживался по кабинету, решительно нажимал кнопки, потом выключал телефон, вскидывал голову к потолку, сжимая кулаки.

– Ну, чего ты звонила?! – проскулил он себе в ладони, когда раздался стук в дверь и вошла она – стройная, лёгкая – юная богиня.

– Николай Палыч, к вам можно? – игриво произнесла она и закрыла за собой дверь кабинета.

Лицо Сланцева внезапно разгладилось, рот растянулся в улыбке, но онемел язык и слова при-

ветствия слились в едином выдохе: «Аагааа...». Он говорил, где работает, но даже подумать не мог, что она решит прийти в его обитель боли и страданий.

– Я освободилась раньше, чем рассчитывала, теперь мне нужно где-то побыть некоторое время. Вот и подумала, вдруг ты не будешь против... – Маша с любопытством осматривала помещение больше похожее на мини-склад, чем на кабинет. Здесь вдоль стен и по углам стояло и лежало много чего: от пачек офисной бумаги и банок с краской до новогодних украшений и лопат.

– Это мне временно перенесли, пока на складе... этот... ремонт, – поспешил оправдаться Сланцев. Соврал, конечно. Склад под кружковую работу отдали, сказали, мол, ты этим «хозяйством» заведешь, пусть у тебя и лежит.

– Я звонила, но ты, видно, не слышал. Поэтому вот так без предупреждения получилось. Вахтерша сказала, как найти твой кабинет, – она перевела взгляд на Сланцева и так мило улыбнулась, что сердце мужчины захлопотало в его ушах.

– Я так рад, что ты зашла! Чай, кофе, шоколадка есть, вроде? – Сланцев засуетился, расчищая место на столе, заваленном бумажками и обёртками от конфет. Но Маша от угощения отказалась.

– Чем занимаешься? – девушка с любопытством заглянула в монитор рабочего компьютера, отображавшего в тот момент сложную таблицу с непонятными цифрами.

– Да, ничего интересного, – Сланцев вдруг понял, что всё в его жизни пресное и скучное, когда рядом нет Маши.

– Ты уходишь через двадцать минут, я знаю, – улыбаясь, произнесла девушка, глядя на настенные часы. – За мной скоро приедут, так что задерживать

я тебя не буду, – она смущённо опустила глаза.

– Да ладно тебе, задержимся, если надо! А кто приедет? – по-дурацки улыбаясь, спросил Сланцев.

– Самый лучший мужчина на свете, – услышал он её ответ, и слух его отключился. Она что-то рассказывала, показывала какие-то фотографии в телефоне, даже смеялась. А Сланцев не слышал и не понимал ничего, только кивал и улыбался. В голове проносилась одна мысль за другой, таяли мечты о свободной квартире, прогулках под звёздами...

Он посмотрел на часы.

До конца рабочего дня оставалось пятнадцать минут.

До понедельника по-прежнему два дня.

До Маши – никогда?

– Коль, – она вдруг заторопилась, – отец написал, что подъехал, я пойду. До понедельника?

Девушка подошла вплотную к ничего не понимающему Николаю, заглянула ему в глаза и улыбнулась.

Он кивнул и перестал улыбаться, почувствовав накативший ком в горле. Обняв её (*прижать, не отпускать, моё*) на прощание, оставил лёгкий поцелуй на сладко пахнущей щеке и прошептал в шёлковые волосы: «До понедельника».

Проводив девушку до двери, Сланцев закрылся в кабинете и не выходил ещё долго – его колотила дрожь, он рыдал. Если бы кто-нибудь спросил его в тот момент, что случилось, он бы не смог дать внятного ответа. Но понимал, что всё меняется в его жизни, так давно заброшенной и никчёмной. Меняется прямо сейчас, здесь. И дальше всё будет хорошо. Нужно только подождать.

До понедельника.

Виктория ТАТУР родилась в 1985 году. Живёт в Москве. Окончила филологический факультет РГПУ им. А.И. Герцена. Лауреат литературных конкурсов «Первая книга» (в рамках Международного фестиваля «Чудо-книга»), «Хрустальный родник», «Живой родник», Международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2020». Участница школы писательского мастерства фонда СЭИП и многочисленных семинаров в Самаре, Оренбурге, Вологде, Химках.

Публиковалась в журналах «Формаслов», «Путеводная звезда», «Простокваша», «Литература». В ноябре в издательстве «Формаслов» вышла книга «Нанозавры».

БАБУШКИНО ОБЛАКО

– Бабушка-а, – в длинной ночнушке до пят я ныряю под одеяло, – расскажи сказку.

Прижимаюсь к мягкому, раздобревшему телу, от которого пахнет сеном, молоком и сладким потом. С шумом втягиваю носом этот запах и готовлюсь слушать.

– Чего рассказывать? Я и рассказывать-то не умею.

– Тогда почитай.

Бабушка тяжело переворачивается на бок и тянется к тумбочке, где лежит потрепанная книжка с цветными картинками.

– Только не ёрзай! – она надевает круглые очки в толстой оправе. – Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов.

– Бабушка, ты вчера этот рассказ читала, и позавчера.

– Хороший рассказ, правильный. Слушай и запоминай.

Я слушаю. И запоминаю. На всю жизнь. И каждый раз боюсь, вдруг этот Котык испугается и огурцы не вернет. Но Котык храбрый, он всегда огурцы сторожу возвращает.

– Ну, теперь спи, – бабушка аккуратно снимает пластмассовую гребенку с седых волос. И на голове у нее получаются тонкие бороздки. Она снова поворачивается на бок и выдергивает провод лампы из розетки.

В темноте я слышу, как она молится, торопливо крестясь:

– Господи благослови, Царица небесная, Матушка родная.

За окном воеет соседский пес.

– Не к добру, – заключает бабушка.

А я лежу и думаю, какое оно это недобро? И как сделать так, чтобы оно не наступило?

Мыслями уношусь высоко-высоко в небо. Там становится темно, а я такая крохотная точка, вот-вот исчезну. И не будет больше ничего. Меня не будет. И бабушки не будет. И так страшно становится. Жутко. Бр-р-р.

– Бабушка, – я прижимаюсь к ней еще теснее, – а ты правда молодой была?

– Правда.

– Как моя мама?

– Как ты.

– Не может быть! – отвернув одеяло, я сажусь в кровати.

Бабушка легонько тянет меня к себе. Укрывает ноги и тщательно подворачивает одеяло.

– Спи уже, – вздыхает она. – Утром в лес идти, пока ягода добрая, росой напитая.

– А что, бывают злые ягоды? – я натягиваю одеяло до самого носа.

Кажется, соседский пес перестал выть. Тишина.

– Быва-а-ают, – широко зевает бабушка. – Такие ягоды далеко за горой растут. Баба Шара, которая на хуторе живет, их по ночам собирает. Сушит, а потом в ступе толчет. Слова страшные на них наговаривает.

– А потом? – мое сердце колотится. Мурашки по коже пупырышками вскакивают. И даже пальцы покалывает.

– Потом она толченые ягоды с мукой смешивает и пироги печет. Узнает, кто из детей по ночам не спит, так их пирожками и угощает.

– Ой, – я вскрикиваю и закрываю руками рот. – Она вчера мне пирожок давала. Я съела.

– Ну вот, вырастут у тебя теперь заячьи уши и нос пятачком.

– А говоришь, сказки рассказывать не умеешь, – я надуваю щеки и вытягиваю губы.

Снова завыл соседский пес. На чердаке заскребла мышь. Нет-нет, да и скрипнут половицы, словно изредка переговариваются друг с другом.

– Бабушка-а, – снова тяну я шепотом. – А когда люди умирают, они на небо улетают?

– На небо.

– И ты туда полетишь?

– Полечу. Сяду на облако и на тебя смотреть буду.

– Ты только сегодня не улетай, и завтра. И еще долго не улетай, хорошо? А то мне без тебя скучно будет.

– Ну, это уж как Бог положит.

Я чувствую, что она улыбается. Значит, не улетит пока. А сама представляю, как Бог каждому человеку кладет в тарелку кашу. Кому-то ложку, кому-то две, а кому-то и до краев. Если ты хороший и добрый человек, тебе Бог много-много вкусной каши положит. И мне кажется, что ее нужно есть не спеша, маленькими ложечками.

– А расскажи, как ты маму нянчила?

– Ой, зыбну люльку об пол и побегу корову доить. Вот и все, – усмехается бабушка. – Люлька потом долго-оноко на пружине качается.

– А тебе не жалко маму было?

– Тогда не жалели. Время другое.

– Какое?

– Трудное.

– А меня тебе жалко?

– Жалко, – соглашается бабушка. – Вот твой де-душка меня всегда крепко жалел.

– За что?

– А ни за что, любил очень, вот и жалел.

Жалеть – значит любить, думаю я про себя. И мне становится всех-всех жалко. И даже соседа Ваську, который в меня из самодельной трубки черемуховыми косточками стреляет. Наверно, это из-за того, что у него велосипеда нет, а у меня есть. Завтра днем обязательно дам ему прокатиться.

А рано утром я с бабушкой в лес пойду. Она возьмет огромную плетеную корзину. А я буду срывать маленькие желтые пуговицы цветов пижмы. Кажется, их можно пришить к платью и пахнуть летом. И чем крепче их пришьешь, тем дольше оно будет.

Но лето всегда заканчивается. А потом еще одно, и еще.

– Ма-ам, почитай сказку, – просит меня сын.

Мы лежим с ним в той самой комнате. Правда, не осталось дивана, свидетеля наших с бабушкой ночных разговоров. Но на чердаке я нашла ту самую потрепанную книжку с цветными картинками.

– Огурцы, – читаю я название.

– Не-е, про огурцы скучно, давай про машины или про роботов.

– А ты слушай. Слушай и запоминай. Этот рассказ еще бабушка мне читала.

– Расскажи, какая она была.

– Бабушка? – я задумываюсь. Трудно подобрать слова, простые и правильные. Наконец нахожу нужное. – Честная. Бог ей много положил.

– Чего положил? Каши?

Сын смеется детским залившимся смехом, в котором еще нет страха и боли утраты. А я закрываю глаза и чувствую, что бабушка, как и обещала, сидит на облаке, смотрит на нас и улыбается.

Влада МИТРОФАНОВА – поэт. Родилась в Ульяновске в 2001 году. Учится в УлГТУ на архитектора. С детства увлекается литературой, сочиняет стихи и рисует.
Лауреат премии «Первая роса».

ПРОСНИСЬ И ПОЙ, ПОКА В ДУШЕ НЕ ПУСТО

* * *

Ветер просил вспоминать о несбывшемся,
Вдруг принося ароматы далёкие,
Слушать, как в золоте травы колышутся,
Как поднимаются чувства глубокие.

Запахом моря вернутся забытые
Летние ночи с кострами, улыбками.
Пряностью пахнут лучами залитые
И паутиной печали обвитые
В старой квартире коробки с открытками.

Привкус мечты у событий из прошлого,
Чьи-то глаза вспоминаешь усталые...
Ты забираешь с собой всё хорошее,
Так не забудь вспоминать небывалое.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СКРИПАЧ

Однажды влажным грустным днём,
Под шум листвы и стук дождя,
Одни, обнявшись, шли вдвоём,
Кого-то злила серость дня,

Другие, кутаясь в пальто,
Спешили к дому, где их ждут.
Среди толпы один был тот,
Кто ждал, когда его поймут.

Он мигом взгляд мой приковал:
С промокшей скрипкой на плече
Смычком миры он создавал,
А в этом мире был ничей...

Как градом музыка лилась –
Так оглушительно-полна.
Загадкам жизни удивясь,
Искала и не знала дна.

А неизвестный музыкант,
Невыразимое сказав
(Так, будто видел рай и ад),
Остался жить в людских слезах.

* * *

Вернись ко мне, мой сон лиловый:
На лучезарном берегу
Скала с волною бирюзовой
Покой пришедших стерегут,

Художник в выцветшей одежде
Поёт под арфу для Дельфина
О том, как странствовал он прежде:
Прованс, Неаполь, Портофино...

Они мечтали вечерами
Всегда вдвоём в лучах заката.
С утра, сверкнувши плавниками,
Дельфин искал морские клады.

Художник ждал его, и в море
Искал мотивы новых песен,
Чтоб их исполнить другу вскоре.
И снова вечер их был весел.

Приди ко мне, мой сон лиловый:
Покой пришедших стерегут
Скала с волною бирюзовой
На лучезарном берегу.

* * *

Наблюдаю огонь, согреваясь под пледом.
По лоскутному небу разбросаны капли
Золотистых созвездий; их призрачным светом
Очарованы в заводи дремлющей цапли.

Наблюдаю огонь; и в стремительных искрах
Узнаю наших чувств ярко-желтое пламя,
Как горим в смене дней, до безумия быстрой,
Отдаёмся судьбе, всё на карту поставив.

Так летит на огонь мотылек легкокрылый,
Забывая свой страх, что вернуться потянет.
Так стремление жить никогда не увянет,
Только тянет и вдаль, и вперёд с новой силой.

МОРСКАЯ НИМФА

Я повстречал на берегах
Вблизи таинственных глубин
Созданье в белом, как в снегах,
С губами цвета, как рубин.

Нежнейшей прелести полна
Морская Нимфа, что поёт
О том, как плещется волна,
И тайны мира узнаёт.

Ее прозрачно-белый шлейф
Увлёк меня на дно морей.
Вдали остался темный шельф
И свет забытых фонарей.

Я научился в море жить,
Дышать, смотреть и не тонуть,
Жемчужин горсти находить,
Чтоб к Нимфе с гордостью прильнуть.

Я знал, что это навсегда,
Любовь вела, как на крылах.
Быть может, путь мой в никуда,
Но кровь мою не тронет страх

* * *

Ты – дитя желтоокого солнца далёких пустынь,
Тёплых сказок о синих волнах
и напевов прибой,
На тебе отпечаток лучей золотых не остыл,
А моей душе северной нет и не будет покоя.

Я, привычная к снежной печали холодного дня,
С голубыми глазами
под цвет ледяного покрова,
Одинокой душой твою тёплую душу обняв,
Проживаю свою меланхолию снова и снова.

Расскажи мне про пальмы,
что весело машут в закат
Изумрудными листьями
цвета подводных течений...
Я тебя буду слушать под майского грома раскат
И пойму, что от грусти снегов
не бывает лечений.

* * *

Нежнее паутинной нити
Прекрасного мгновенья нить:
В безумной череде событий
Её никак не ухватить.

Не положить в коробку запах
И воздух пролетевших дней.
Мы называем их «этапом»,
А ведь они – суть жизни всей...

* * *

Не знаю, что будет, не помню, что было,
Подхвачена ветром, лечу в неизвестность,
Пока золотая трава не остыла
От солнечных вздохов, согревших окрестность,

Пока не погасла луна, не исчезло
Мерцание звёзд и дурманящий запах,
И держит нас летняя ночь в цепких лапах,
По зову её не идти бесполезно.

* * *

У порога осеннего леса
Суету оставляю дневную,
Все печали лишаются веса,
Как увижу дорогу лесную

И лучи сквозь зелёные кроны
В новом призрачно-блёклом оттенке.
Этот бешеный мир так огромен,
Но в тиши рассыпается в щепки.

Первый иней хрустит под ногами,
Так похож на полоску пломбира.
Золотая листва кружевами.
Вот и нет суеты всего мира.

* * *

Здесь осень разметала свои краски
По тёмным уголкам души усталой.
Ты прячешь шею в ворот водолазки,
С порога поднимаешь листик алый.

Пригрезится начало жизни новой,
Ведь осень – это сон, но очень сладкий!
На этот раз мечту зови основой,
Пусть даже всё покатится негладко.

Пусть говорит, что хочет, старый циник,
А ты живи, люби, дыши и чувствуй!
Ты слышишь осень? – это твой будильник,
Проснись и пей, пока в душе не пусто...

Мария ЮТАЛЬ

О себе. Дипломированный политолог, не работающий по профессии. Временами ухажу в искусство и пишу о жизни.

СОЛНЕЧНЫЙ БЛИН

Майские праздники миновали. Сквозь жалюзи в комнату пробивалось субботнее солнце и своими яркими лучами пыталось ослепить Егора. Парень ворочался на кровати, накрывал голову одеялом и снова погружался в дремоту. Ему не хотелось вставать к завтраку. Егор знал, что папа сейчас решает рабочие вопросы и говорит по телефону за закрытой дверью, мама суетится у плиты, а маленькая пятилетняя Катка крутится вокруг нее с навязчивым предложением помочь, при этом постоянно что-то роняет со стола. Каждая суббота, словно по расписанию.

А ведь ещё вчера Егор был счастливейшим человеком! Олеська Залемарченко, первая красавица школы, обещала ему свидание за то, что он спас её годовую оценку за десятый класс во время контрольной по алгебре. И что же? Ночью он узнал от друзей, что она гуляет с Олегом Козловским, первым бандюганом школы. Если Егор к ней только приблизится, стрелки за школой с бандой Козловского не миновать. Последуют ушибы и переломы, сорвется поездка в июньский спортивный лагерь, что безумно рассердит тренера...

– Егорушка, завтрак готов, сынок. Твои любимые блинчики, – прозвучал ласковый голос мамы из кухни.

Вот ещё: Егорушка. Разве *так* зовут спасителей красавиц? Однако надо вставать. Блины Егор действительно любил.

Все уже собрались на кухне. Даже папа отложил рабочий звонок, чтобы позавтракать с семьей. Он с предвкушением ждал субботних блинов. Мама крутилась у плиты, с легкостью переворачивая один блин за другим. Её движения были плавные, выверенные. Александр Евгеньевич любовался женой. Он вызвался помочь, но Лена уже выключила плиту. Она поставила заветную дымящуюся тарелку на стол. Родители положили себе блины более толстые. Тонкие – любимое лакомство детей. Катя выбирала блины-солнышки и блины-улыбки, которые Елена Петровна пекла специально для неё.

Егор зашел на кухню с наушником в ухе и сел напротив отца, пряча от всех телефон с фотографией Леси на заставке. Ему ни с кем не хотелось разговаривать. Он положил себе на тарелку три блина, но не притронулся к ним. Уткнулся в телефон, то и дело перечитывая сообщение от Олеси про обещанную встречу. Блины остывали.

– Кстати, дети, папа берет отпуск, и мы все летим в Португалию в конце мая, – с воодушевлением произнесла мама.

Катя захлопала в ладоши. Она никогда не была в Португалии, даже не знала, где находится это место, просто любила проводить время с мамой и папой.

– Я никуда не поеду, – пробубнил Егор.

– Почему? – поднял бровь папа.

– У меня сборы на носу, сейчас каждый день тренировки. Надо держать себя в форме. А в Португалии я отъем бока, и брюхо вырастет, вон прямо как у нашей Катки. Так что летите без меня.

Егор всё ещё надеялся на свидание с Лесей. И плевать, что избыбют! Он будет бороться за неё. Скоро Леська улетит в Штаты на всё лето, и момент будет упущен.

– Ну а если мы с тобой будем бегать по утрам, в зал ходим, полетишь, Егор? – с надеждой спросил отец.

В воскресные дни семья все чаще отдыхала втроем – у старшего сына всегда находились причины остаться дома. Отец переживал, что они так мало времени проводят вместе. В этот раз Александр Евгеньевич продумал программу до мелочей и надеялся, что Егор всё же полетит с ними.

Но сын был непреклонен:

– Я же сказал: нет.

Отец заметно погрузился, но ничего не ответил. Повисла пауза. Мама засуетилась, предложила ещё блинов. Все промолчали. Катя не понимала, что так расстроило папу. Она хотела, чтоб все вновь стали веселыми.

– Пап, мам, а куда вас родители возили в детстве?

Папа поднял голову и слегка улыбнулся дочке:

– В деревню к бабушке, картошку копать.

Александр Евгеньевич рос в маленьком городке Рязанской области. Он был закрытым мальчиком, стеснялся своей неуклюжести и подростковой пухловатости. В школе его часто задирали. В 7-м классе Саша влюбился в одноклассницу Нюту и записался на бокс, чтобы сбросить вес. Нюта вскоре перешла в другую школу, но Саша бокс не бросил – закалял характер. Сбросил вес, стал более уверенным в себе.

Он был единственным ребенком в семье. С родителями отношения не складывались. Отец пил, гулял на стороне. Мама постоянно его вытаскивала из местных пивных и объятий распутных девиц. Надо ли говорить, что ей было не до сына. Мама часто отправляла сына к бабушке, чтобы он не видел бесконечные попойки отца. Денег вечно не хватало. Мальчик донашивал одежду своих старших двоюродных братьев.

Ему нередко приходилось защищать маму от пьяных выходок отца. Протрезвев, тот слезно просил прощения, но через неделю-другую всё повторялось.

Учился Саша прилежно. Окончил школу лишь с двумя четверками: алгебра и геометрия подвели. В тот год мать с отцом развелись, парень вздох-

нул с облегчением. Теперь он спокойно мог поступать в Москву, зная, что мама в безопасности. Александр подтянул математику и поступил на экономический.

В девятнадцать он встретил Елену. Она была на курс младше. В первый раз Александр увидел её ещё в июне, когда помогал абитуриентам в приёмной комиссии. Лена зашла в аудиторию с папкой документов, красным дипломом и заплаканными глазами. Александр подлетел к девушке и стал успокаивать. Оказалось, ее папа-генерал требовал, чтобы дочь поступала в МГИМО, но она хотела учиться именно в этом вузе. Лена поссорилась с отцом и сейчас тихо всхлипывала. Саша принёс ей стакан воды, они долго беседовали. По конец разговора удалось даже рассмешить генеральскую дочку. Милая и нежная Лена очень понравилась Александру.

Она оказалась совсем из другого мира. Балансированный ребёнок, выросший на Патриарших прудах. Она раза три за всю жизнь ездила на московском метро. Платья ей шили лучшие портнихи Москвы, а шубкам завидовала вся школа. Но Лена не зазнавалась. У неё было много друзей, которым она всегда готова была помочь. Угощала их конфетами, присила папу привезти из командировки необходимую им одежду и нередко отдавала свою, новую.

Во второй раз Саша и Лена встретились только в октябре. Она спускалась с однокурсницами в строгом желтом костюме по институтской лестнице. Густые волосы были заплетены в тугую пучок, в ушах блестели сережки. Говорили про недавний штурм Белого дома. Саша не сразу узнал в серьезной Лене заплаканную девочку из приёмной комиссии. Когда он поравнялся с компанией, Лена повернулась к нему и, улынувшись, поздоровалась. Она сразу его узнала, спросила о делах, предложила вечером сходить в кино. Девочки зашушукались, стали переглядываться. Сашка смутился. Он представил себя рядом с Леной: в растянутом свитере, старых джинсах, без копейки в кармане... Нет, сегодня он не сможет. Завтра. Да, завтра можно...

Если не пообедать, возможно, хватит на вечернее кино.

Саша подрабатывал на разгрузке вагонов, денег хватало только на еду, почти всю стипендию он отправлял маме.

Договорились на завтра. Сашка торжествовал и не спал остаток ночи после смены. Он и Лена. Надо найти ещё одну работу, иначе он не сможет покупать ей цветы, а она же наверняка их любит!

В 1996-м они поженились. Саша начал копить на свадьбу ещё до того, как сделал Лене предложение. Ведь она хотела пышное платье и много гостей. Помогли Ленины родители. Отметили в солнечный день холодного ноября.

Лена переехала к Саше в общежитие, им выделили отдельную комнату. У родителей помощи просить она не хотела, у папы теперь дела обстояли плохо. Он ушёл со службы, военные в новой России были теперь не в почете.

Молодожены продолжали учиться и пытались заработать на жизнь, не отказываясь от дополнительных заработков. Было тяжело, но семейные узы крепили, семья расширялась. Через три года родился их первенец Егор.

По ночам Саша стирал пеленки и подгузники руками, чтобы к утру у Егорки все было чистенькое. Молодые родители копили на стиральную машину, но случился дефолт, и деньги сторели.

Лена с Сашей всегда любили мечтать. Они вспоминали свое знакомство, прогулки, свадьбу, представляли совместные путешествия и счастливых детей, которые будут носиться по лужайке возле большого деревянного дома, который они обязательно когда-нибудь построят!

В два года Егорка серьёзно заболел. Московские врачи разводили руками и боялись делать положительные прогнозы. Лену успокаивали:

– Ты молодая, еще родишь!

Ночами Лена дежурила у Егоркиной кровати в больнице. Уткнувшись в подушку, бесшумно плакала. С утра приходил Александр, сменял жену, чтобы она могла пойти домой и хоть немного поспать.

Наконец Лениному отцу удалось найти врача, который согласился прооперировать Егорку.

Супруги восемь часов неподвижно сидели перед дверью операционной, где решалась судьба их сына. Они не плакали и не разжимали рук.

* * *

Блины почти остыли. Катька выгрызала очередную грустную рожицу на одном из них. Егор вытаскивал наушники и наблюдал за сестрой. Он твердо решил, что пойдет с Лесей на свидание, чего бы ему это ни стоило.

Прошло уже минут десять, как родители удалились в комнату. Он встал из-за стола и подошел к двери гостиной.

– Саш, не надо так с ним! Переходный возраст, первая любовь, ну неинтересно ему с нами, понимаешь?

– Да я бы в любом возрасте все отдал, лишь бы быть с семьей, а он!

– Он не ты. Они с Катей другие. И хорошо, что другие! Ты оставишь его всего лишь на десять дней. Ты забыл, Саш, как мы его чуть совсем не потеряли?!

Перед глазами Александра Евгеньевича снова возникла белая, как первый снег, дверь операционной со светящейся надписью «Не входить». Те восемь часов тянулись как вечность. Чего стоят в сравнении с ними десять дней расставанья!

– Ладно, пусть остается. Я скажу ему.

– Это правильно. Тем более полетим все равно вчетвером...

Александр удивленно посмотрел на жену. Лена изменилась: исчезла резкость в движениях, мягче звучал голос – от жены исходил свет! Неужели? Вчера поздно вечером Саша вернулся из очередной командировки, и Лена ничего ему не сказала. Почему?

Словно услышав его немой вопрос, она нежно произнесла:

– Хотела сделать сюрприз – не получилось? – она, как девчонка, пожалала плечами. Как много лет назад, когда сообщила ему, смущенно приподняв плечико: «Что-то со мной такое...»

Саша, не помня себя от радости, подхватил жену и закружил её по комнате. Оба рассмеялись.

– Мам, смотри, какой блин смешной получился, – примчалась Катя с кухни, услышав смех и чуть не сбив с ног Егора.

Антон ЛАЗАРЕВ – преподаватель высшей квалификационной категории МБУ ДО ДШИ №7, действующий член МТОО «Союз педагогов-художников» of Teachers of Art Union, член молодежной секции Ульяновского регионального отделения ВТОО Союз художников России, руководитель творческого объединения «Ёжики-художники».

В ДОРОГЕ С ПИСАТЕЛЕМ

В феврале в литературном музее «Дом Языковых» состоялось открытие региональной выставки «В дороге с писателем» по итогам проведения школьного конкурса в рамках проекта «Зарисовки русского путешественника». Событие приурочено к Году книги в Ульяновской области и 255-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

На выставке представлены лучшие работы, выполненные в различных художественных техниках: гуашь, акварель и графика. Авторы рисунков – учащиеся разных возрастов (классов преподавателей А.А. Лазарева и Л.Р. Мизиченко). Графические и живописные работы юные художники посвятили классикам русской и зарубежной литературы. На выставке представлены портреты писателей и иллюстрации к произведениям.

В состав жюри школьного конкурса вошли преподаватель высшей квалификационной категории детской школы искусств №8, член молодежной секции Ульяновского регионального отделения Союза художников России К.Б. Пастушенко, советник министра искусства и культурной политики Ульяновской области, председатель совета молодых литераторов Ульяновской области, член Союза писателей России А.А. Дашко, заведующий филиалом ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова» литературного музея «Дом Языковых» О.А. Москаленко.

Партнерами конкурса выступили литературный музей «Дом Языковых», муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования детей детская школа искусств №7, совет молодых литераторов Ульяновской области, творческое объединение МБУ ДО ДШИ №7 «Ёжики-художники».

Арт-хобби-центр «Художник» предоставил художественные материалы для участников выставки.

По итогам конкурса за точную передачу образа учащаяся художественного отделения детской школы искусств №7 Екатерина Богатова – со своей работой «Вечера. Н.В. Гоголь» была отмечена специальным призом от наших партнеров совета молодых литераторов Ульяновской области.

Участники проекта познакомились с молодыми писателями Ульяновска: Анисией Матлиной, Викторией Варфоломеевой, Екатериной Богдановой, Алиной Осокиной и Александром Дашко. Литераторы поделились с юными художниками своими впечатлениями о вдохновляющих путешествиях по территории России: поездкам на Алтай, в Крым, Владивосток и Калининград. Творческое содружество будет продолжено.

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ

Фотографии и рисунки Тихона Синицына

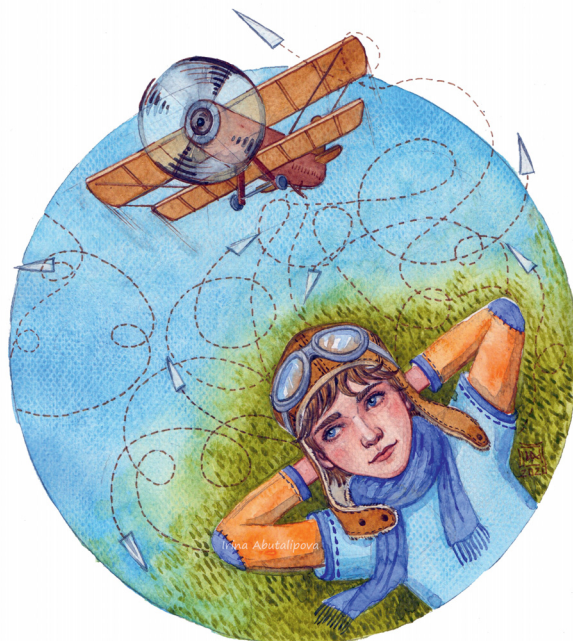

ЯРКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Рисунки Ирины Абуталиповой

Скрипка и ноты. 2017 г.
Бумага, акварель, 30x40

Яблоки. 2020

Утро. 2020

Калмагор. 2019 г. Бумага, акварель, 36x48

Ирина Абуталипова – художник-иллюстратор. Работает в Детской школе искусств №7, состоит в Молодежной секции ВТОО «Союз художников России».

Евгений НОВИЦКИЙ родился в 1976 году в Харькове. Окончил Харьковский педагогический университет. Живет в городе Пивденное Харьковской области. Пишет стихи и сказки, в основном для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Автор более 60 детских книг. Публиковался в периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Узбекистана, Финляндии, Канады, Австралии.

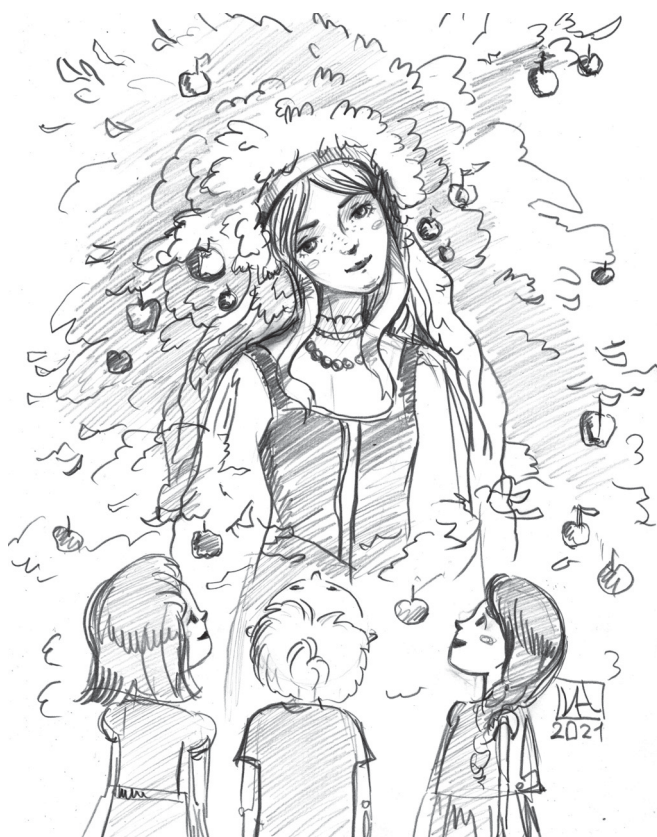
В СТРАНЕ НЕБЫВАЛОЙ

ПОЧЕМУ ПИНГВИН ВО ФРАКЕ

Говорит пингвину чайка:
– Ну зачем ты носишь фрак?
Антарктида – не Ямайка,
Южный полюс как-никак.
Может, летом фрак и в моде,
Но зимой уж точно нет.
Одевайся по погоде –
Вот такой тебе совет.
Или ты идти собрался
В этом фраке на приём?
Тут пингвин расхохотался:
– Да ведь я родился в нём!

АЙ ДА ЯБЛОНЬКА!

Ай да яблонька, раскрасавица,
 Всюду яблочки её славятся.
 Ни в садах, ни во двореке вашем
 Не найти их вкуснее и краше.
 Прибежали к яблоне дети
 И глядят на яблоки эти.
 Манит их вкуснота краснобокая,
 Да уж яблонька больно высокая.
 Наклонила яблонька ветки:
 – Угощайтесь, милые детки,
 Только воли рукам не давайте,
 Мои веточки не ломайте...

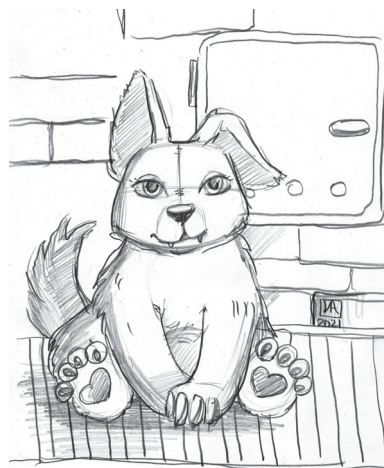

ОБИДНО!

Разошёлся мороз
 Просто не на шутку:
 Щиплет уши, щёки, нос
 Каждую минутку.
 Я и сам бы мог с наскоку
 Ущипнуть его за щёку,
 Но его ж не видно...
 До чего обидно!

СОСУЛЬКА И СОЛНЦЕ

Сосулька просит солнце:
 – Взгляни же на меня,
 Вишу я над оконцем
 Уже четыре дня.
 Гляди, как я сверкаю,
 Спустишь, не поленись.
 Ой, таю, таю, таю...
 Всё. Хватит. Отвернись!

Я ПОДОБРАЛ НА УЛИЦЕ ЩЕНКА

Я подобрал на улице щенка,
 Отвоевав его у зимней стужи.
 Он греет у печи свои бока –
 Большой и по-щенячьи неуклюжий.
 Согреется от жаркого огня,
 Пройдёт волна холодного испуга,
 И знаю, с той минуты у меня
 Уже не будет преданнее друга.

ПРИЗНАНИЕ СТАРОЙ МЫШИ

Книги делают умней,
 Но не всех, поверьте мне.
 Я изгрызла их немало,
 А умнее вот не стала.

ТУРИСТ

Рыжий кот мечтал о дальних странах,
 Островах, морях и океанах,
 Оттого и спал не на диване,
 А в большом дорожном чемодане.
 И ему всю зиму до весны
 Снились туристические сны.

СИНИЙ СЛОН

– Для своей сестрёнки Ани
Я нарисовал слона.
Вот идёт он по саванне
Синий-синий, как волна.
– Синий слон?
– Синий слон.
– Отчего же синий он?
– Я слонов с такой окраской
Сам ни разу не встречал,
Просто тюбик с синей краской
Ближе всех ко мне лежал...

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СЛОН

Я скучал один в квартире,
И тогда явился он:
Самый-самый добрый в мире,
Самый лучший в мире слон.
Слон в многоэтажном доме!
Как же он сюда попал?
Этот слон в моём альбоме,
Я его нарисовал!

ДОЖДЛИВЫЙ СТИХ

Тучка с тучею столкнулась
В хмуром небе как-то раз.
Та обиделась, надулась,
Пролилась дождём на нас.
Дождик долго-долго лился,
А потом внезапно стих...
Вот такой вот получился
У меня дождливый стих!

ЛУЖА

Мокрые сапожки
Хлюпают уныло,
Мне на обе ножки
Лужа наступила.
Лужа вот такая!
Ну, как море, прямо –
Ни конца ни края...
Ой, что скажет мама?

ШАХ И МАТ

Три часа без передышки
В шахматы играли мышки.
– Шах, – сказал мышонок-крошка.
– Мат, – сказала мышкам кошка.

В СТРАНЕ НЕБЫВАЛОЙ

В далёкой стране небывалой
(На карте её не сыскать)
Чудес повидал я немало,
О них и хочу рассказать.
Там бублики, плюшки и пышки
На ветках, как груши, растут,
И добрые белки-малышки
Охотно их всем раздают.
В лесу на тенистой лужайке
Дворец шоколадный стоит,
Живут в нём весёлые зайки,
Не зная ни ссор, ни обид.
Струятся кисельные речки
По сине-зелёным горам,
И сказочные человечки
Хлебают кисель по утрам.
Там есть говорящие звери,
Я их понимал без труда...
А если мне кто-то не верит,
Пусть сам приезжает туда.

НЕ ХВАТИЛО ПЛАСТИЛИНА

Я хотел из пластилина
Сделать крошку Чиполлино,
Но подумал, что ему
Будет скучно одному.
И слепил, на всякий случай,
Чиполлоне, Чиполлучча,
Чиполлетто, Чиполлотто
И ещё, кажись, кого-то.
Вроде вся семейка в сборе,
Только вот какое горе:
У меня на Чиполлино
Не хватило пластилина...

СТАНУ ГЕНЕРАЛОМ...

Не желаю в детсаду
Тратить время даром,
Лучше в армию пойду –
Сразу генералом.
На врага свои полки
Поведу я смело,
Танки и броневики
В ход пушу умело.
Восседая на коне
Генеральском, белом,
Справиться нетрудно мне
Будет с этим делом.
Ну а если вдруг с коня
Мне упасть случится
Или ранит враг меня –
Мама вмиг примчится.
На коленочки возьмёт,
Поцелует в щёчку,
И сейчас же заживёт
Рана у сыночка.

АФРИКАНСКИЙ ГОСТЬ

Вот потеха так потеха,
Веселись, честной народ!
К нам из Африки приехал
Настоящий бегемот!
Днями он лежит на солнце,
Отдыхая от забот,
И водою из колодца
Поливает свой живот.
Ест бананы и кокосы,
Пьет оливковый настой
И в ответ на все расспросы
Лишь кивает головой.
А под вечер, взяв подушку,
Он уходит со двора,
И в болоте, как лягушка,
Спит до самого утра.

НЕ КЛЮЁТ!

В час вечерний у реки,
Под высокой кручей,
Примостились рыбаки –
Дедушка и внучек.
Скоро солнышко зайдёт,
Собираться надо.
Дед вздыхает: «Не клюёт.
Экая досада!»
А внучок ему в ответ:
«Что ж тут удивляться?
Ведь у рыбки клюва нет,
Нечем ей клеваться!»

ТАЙНА ПАУКА

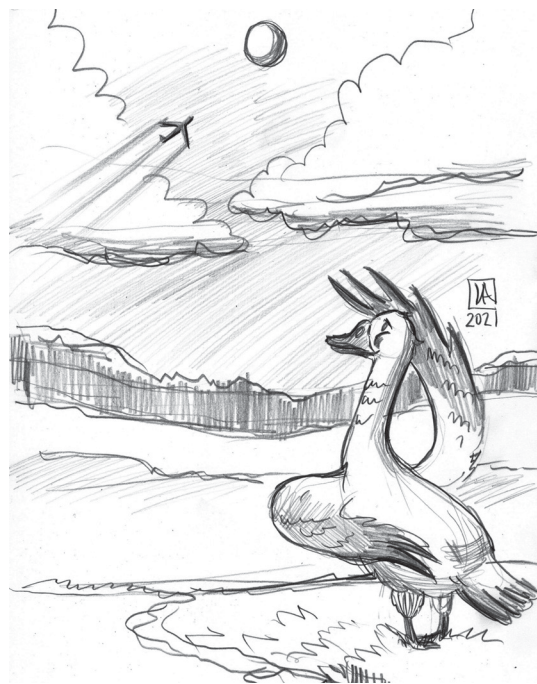
На такую высоту
Я забрался не случайно,
Паутину здесь плету.
Для чего? А это – тайна.
Я бы вам шепнул на ухо,
Да боюсь, услышит муха.

ВОЛЧИЙ АППЕТИТ

Зайчиха зайцу говорит:
– Мы на волков похожи.
У волка – волчий аппетит,
У нас с тобою – тоже.
– У волка аппетит иной, –
Ответил заяц грустно, –
Ведь утоляет голод свой
Он не листом капустным...

УГОСТИ МЕДВЕДЯ!

Нёс малину я домой
Из лесу, в корзинке.
Вдруг медведь передо мной
Вырос на тропинке.
Я, друзья мои, не скрою,
Очень испугался.
Но медведь обедать мною
И не собирался.
Тронув лапою корзину,
Он сказал мне: «Федя,
Очень я люблю малину.
Угости медведя!»

ЧУДО-ПТИЦА

Одинокий самолёт
В небе серебрится.
Смотрит гусь и не поймёт:
– Что за чудо-птица?
Вроде бы породы нашей –
Высоко летает,
А вот крыльями не машет.
Разве так бывает?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИНЦА МИО

*Дорога домой была неблизкой,
но возвращаться всегда легко.
Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио!»*

Я ехал домой
Из Страны Чужедальней –
Холодной, немой
И безмерно печальной.
И думал о том,
Что вернусь, наконец,
Туда, где мой дом
И король, мой отец.
Нет рыцаря Като.
Повержен злодей,
Который когда-то
Тиранил людей.
И замок наскальный,
Что был всех грозней
В Стране Чужедальней,
Стал грудой камней...
Вот в небе над нами
Шар лунный повис,
Звенит удилами
Моя Мирамис.
Скачи торопливо,
Дай волю ногам,
Неси принца Мио
К родным берегам!

Рисунки Ирины Абуталиповой

*Валерий КУЗНЕЦОВ, поэт, доктор исторических наук,
член Союза писателей России.*

РЫЦАРЬ РИФМЫ

Вюрцбург. 2018 год

Вюрцбург

Я зашел в Лузамский садик. Он очень небольшой и на садик или сад совсем не похож. Двор с несколькими рядами каменных надгробий и с погребальными плитами на стене. Все очень скромно. Никого не было, заглядывать сюда не очень интересно, если не знать одну деталь. А вот рядом людей было много, что и не удивительно. Было воскресное утро, прекрасное июльское утро: голубое небо, солнце, свежесть. Кафедральный собор Вюрцбурга. Служба кончилась. Люди выходили из храма. Многие просто гуляли.

А вот в садике никого не было. Местным, наверное, не очень интересно. Один раз посмотрели, и хватит, сколько можно. Туристы? Это надо быть с определенными склонностями. Любить поэзию. Не обязательно самому писать стихи, но обязательно

любить ее. Не просто интересоваться, иначе в Вюрцбурге окажется много мест намного интересней, чем Лузамский садик.

Старинный немецкий город на Мане, ему есть что показать любопытным. Одна резиденция князей-епископов чего стоит. Как и едва ли не каждому европейскому городу, Вюрцбургу есть чем гордиться. Например, в нем с 1582 г. существует университет, носящий имя князя-епископа Юлиуса и императора Максимилиана Габсбурга. Кто из читающих эти строки слышал о нем? Так вот,

Лузамский садик

в его стенах произведено восемь открытий, удостоенных Нобелевской премии. Вот здесь работали восемь (!) нобелевских лауреатов. Про одного из них вы слышали, это Вильгельм Рентген. Когда я знакомился с университетом, мне стало грустно, вспомнилась «культурная столица».

Помимо тех или иных достопримечательностей, я обязательно должен был посетить Лузамский садик. Потому что здесь похоронен Вальтер фон дер Фогельвейде. Одно из этих простых надгробий – его. Найти совсем не сложно: территория садика мала. Подошел, постоял и пошел дальше. Вот и все. Отдал дань уважения.

Далее, вероятно, следует рассказать, кто такой этот Вальтер фон дер Фогельвейде, но я начну с другого. Поэзия. Для каждого она что-то свое. Дать общее определение не так просто. Мне, например, нравятся слова С.Т. Кольриджа, которые привел Н.С. Гумилев в своих «Письмах о русской поэзии»: «Поэзия это лучшие слова в лучшем порядке», однако и оно не является идеальным. В нем не хватает того, без чего, по моему убеждению, стихи не будут стихами – рифмы.

Рифма. Ну а как же античная поэзия? (Я не говорю о неевропейской поэзии, о которой я вообще говорить не буду). Там отсутствовала рифма. Так вот поэтому она и античная поэзия. Объясню. Есть некий стандарт, к примеру, демократия. Вот просто демократия и есть демократия. Демократия же с эпитетами – не демократия. Поэтому когда мы слышим о суверенной демократии, о демократии с

Университет

такой или сякой спецификой – это все не то. Обман. Так и для меня есть поэзия и есть античная поэзия. Они принципиально разные. Это не значит, что античная поэзия хуже. Еще раз – они разные, и мерить каждую надо своим мериллом. Сразу отвечу, сказанное относится и к верлибру, и к белому стиху. По поводу верлибра советовал бы прочитать или вспомнить белый стих К.М. Симонова «Опыт верлибра»: вот она, правда, без прикрас.

Так вот. Рифма, как Афродита родилась из морской пены. Или как Афина из головы Зевса. В любом случае внезапно. Вспомним из широко известного «Беовульф», «Песнь о Роланде», «Старшая Эдда», «Песнь о моем Сиде» без рифмы. И вдруг:

Uns ist in alten mæren wunders vil geseit
von helden lobebæren, von grôzer arebeit,
von frôuden, hôchgezîten,
von weinen und von klagen,
von küener recken strîten muget ir nu wunder
hœren sagen.

Или в переводе Ю.Б. Корнеева:

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастья и горе
И распри их кровавые услышите вы вскоре

Рифма приходит в мир. «Песнь о Нибелунгах» написана в Австрии в начале XII века. Именно там складывается новая стихотворная традиция. Это был иной взгляд, иное мышление. Что бы она пробила себе дорогу, должен был существовать кружок единомышленников, в своем роде «Цех поэтов». Их усилиями рифма становилась неотъемлемой частью поэзии.

Вальтер фон дер Фогельвейде

Там и тогда и жил наш герой, Вальтер фон дер Фогельвейде. Вот теперь о нем. Это была эпоха рыцарской поэзии. Трубадуры в Лангедоке и труверы в Лангедойле, миннезингеры в Германии – рыцари. Рыцарем был Вальтер. Родился он около 1160-1170 гг. в Австрии, в Южном Тироле, то есть примерно там и тогда, когда создавалась «Песнь о Нибелунгах».

Миннезингеры – переводится как певцы любви. Германия дала много талантливых певцов любви: Гартман фон дер Ауэ, Рейнмар Старый, Генрих фон Морунген и много других. Среди них Вальтер фон дер Фогельвейде – крупнейший.

До него воспеваемая любовь – это куртуазная любовь, довольно абстрактная, так писал, например, учитель Вальтера Рейнар фон Хагенау. Фон дер Фогельвейде опустил любовь на землю, сделал ее более приземленной, реальной.

Его жизнь напоминает жизнь В.К. Тредиаковского. Он также искал покровителей, находил или

не находил их. Схожесть эта не случайна. В Священной Римской империи XII-XIII вв. происходил тот же процесс, что и Российской империи XVIII в. – поэт вырастал из прочих страт и статусов. Поэт – это поэт, и тем, как говорил В.В. Маяковский, ценен. Он не дворянин, или кто-то еще пишущий стихи, а он именно пишущий стихи, где все остальное вторично, в том числе и происхождение, и иные, в том числе профессиональные занятия, ибо поэт не всегда может жить за счет поэзии. Поэт ищет признания себя именно как поэт. Искать будет долго. Возрождение все-таки изменит взгляд на поэта, Петрарку венчают на форуме лавровым венком, но Возрождение придет и уйдет, а взгляд на поэта либо как на богатого бездельника, балующегося стихами, или как шута останется еще надолго. В.К. Третьяковский видел в себе человека, а в нем видели шута. Нечто подобное, наверное, происходило и с Вальтером. Разница только в том, что немецкий поэт нашел своего покровителя, хотя и очень поздно, незадолго до смерти. В 1228 г. император Фридрих II Гогенштауфен вручил ему лен (гонорар, должность, дачу и пр.) в Вюрцбурге. Эта дата и является последней известной в жизни поэта. Год его смерти не известен.

Мемориальная таблица.
Вальтеру Фогельвейде

Мысли о российском «пиите» навеяла и еще одна мысль, то, что меня всегда удивляло. Посмотрите на даты и сопоставьте, что в это время было создано в Европе и что на Руси, и это еще до Батыевского погрома. Грустно, господа. И винить-то в данном случае вроде не кого. Или печенегов с половцами?

Вернемся к нашему герою. Фон дер Фогельвейде несказанно обрадовался лenu. Это говорит в общем-то о том, что и сам еще не был поэтом в полной осознанности этого. Он еще в значительной степени дворянин, а уже потом поэт. Поэт пишет не в надежде на лен, а невзирая на, несмотря на. Так и создаются лучшие стихи. Судить Вальтера фон дер Фогельвейде мы, естественно, не будем. Он дитя своего времени.

Надгробие В. фон дер Фогельвейде

Резиденция князей-епископов

О чем он писал? Как ни странно, я отвечу так: неважно, уже неважно, неважно для нас, людей XXI века. Тематика, сюжеты стали музейным достоянием. Более того, почти всегда неважно о чем, важно – как. Вот это «как» и делает стихи стихами, поэзию поэзией. А писал он о том, о чем писали рыцари-поэты: о любви, о политике. Вот как пример:

Славлю тот день, когда встретился с нею,
Околдовавшей и дух мой, и тело.
В мыслях ее неустанно лелею,
Ею захвачен мой разум всецело.
С ней меня слили на все времена
Нежность ее, доброта, красота,
Алые, с милой улыбкой, уста.

Сердце мое навсегда покорилось
Ей, наделенной во всем совершенством,
Если б для нас эта жизнь озарилась
Тем, что мне кажется высшим блаженством!
Радость давала мне только она,
Нежность ее, доброта, красота.
Алые, с милой улыбкой, уста.

(Перевод В. Левика)

Не мог он обойти и политику. Произведений на эту тему от него, вероятно, ожидали его покровители, крупные феодалы Германии. Как у любого рыцаря того времени, у него должен быть сеньор, чьим вассалом он и будет являться. В те годы шла ожесточенная борьба между германскими, или как они назывались, римскими императорами, и папской властью, среди которых особенно выделялся своими теократическими планами Иннокентий III. В этой борьбе Вальтер поддерживал свою родину, высмеивая претензии папства на светскую власть и его алчность. Вот одно из таких стихотворений:

Когда корыстная поповская рука,
Разжавшись наконец, одарит бедняка,
Заговорит она не хуже языка.
Попы просили подаяния когда-то;
Им Константинов дар вредит наверняка.
Лишь государева щедрота виновата
В том, что сегодня церковь чересчур богата;
Вот корень пагубный поповского разврата.

(Перевод В. Микушевича)

Все это стало достоянием истории. Повторюсь, для нас важнее, то, как он писал. В рифму. Таким и останется для нас – рыцарем рифмы, ее знаменосцем.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЯБЛОКО ОТ «ЯБЛОНЬКИ»

В 2020 году в казанском издательстве «Фэн» была издана книга прозы ульяновского поэта Андрея Цухлова «Рожь во спасение». Это сборник произведений, написанных в период с 2012-го по 2019 год. В нём отразилась жизнь российской провинции и наших современников, их реальность и инобытие. В книгу вошли рассказы и повесть «Рожь во спасение», а также стихи.

*«Вообще, сам этот сборник – очень гармоничный, это не солянка из разных текстов, а произведения с похожими героями и стилем. Там везде просвечивает главный образ – *hoto portalis*, человека обычного, не сказать что «маленького», но своего, похожего на меня и на тебя, того, с кем можно пропустить рюмашку, кому можно позвонить в любое время дня и ночи. И вопрос, главный вопрос сборника: а зачем мы все здесь, на что это я потратил эти 60-70 лет отпущенного мне срока? И каждому из нас так или иначе придется на него отвечать, – говорит об этой книге кандидат филологических наук, ульяновский прозаик Евгений Сафонов. «СНТ «Яблонька» – один из рассказов, вошедших в эту книгу.*

Андрей Юрьевич Цухлов – автор поэтических сборников «Четверговый дождь» (2000 г.), «После четвергового дождя» (2006 г.) и «Сверчок и поезд» (2011 г.), публиковался в различных ульяновских литературных сборниках и в интернет-ресурсах. Член Союза писателей России.

СНТ «ЯБЛОНЬКА»

Часть первая. Престарелый автобус

Говорят, что в России в августе случаются всякие катаклизмы – катастрофы, кризисы, путчи, поэтому в это время лучше быть в отпуске, а ещё лучше – в отпуске на природе. И если ты среднестатистический, то есть небогатый, и если ты среднего возраста, то сад, огород, дача – вполне себе вариант. Вот где воздух свеж, тишина, если с соседями повезёт, физический труд, которого порой так не хватает горожанину. Вот где можно после грядки предаться неспешному самокопанию, полнотелым мыслям, отгородиться от городского шума, заварив чай с мятой, а к вечеру организовать тихий мини-праздник с пивком или чем посуровее.

Егор Колобов только начинал входить в «дачный» вкус. Ему всё чаще хотелось побыть одному, уехать из города, спастись от сутолоки, помойных потоков информации. Вот и друзья Егора начали над ним подтрунивать: мол, что, опять в саду? К земле привыкаешь?

Расписание автобусов по маршруту «СНТ «Яблонька» – Белогорск» висело на заборе, и ветер его нещадно трепал, оно сырело под дождями. Но силы природы были не способны изменить утверждённый на год местными властями и правлением садового товарищества автобусный путь. Время тоже было неизменным. Туда: в 8.30, 14.00 (льготный) и в 17.00, обратно – все то же самое, только на два часа позже.

Егор сегодня неплохо поработал: собрал несколько корзин яблок и груш (то-то варенья будет), поборолся с сорняками, смастерил столик для веранды. Именно за этим столиком теперь можно будет сидеть после трудов праведных с семьёй (женой и семилетней дочкой), с друзьями или соседями. Например, с Петром (участок с южной стороны), усатым мужиком, деловитым до неприличия. Он копошился, словно жук, всё что-то пилил, обустривал, колотил, поливал, рыхлил. Но как только солнце клонилось к закату, он наведывался к Егору и презентовал ему очередную настойку – на это он был тоже мастер. Что бы ни произрастало на огороде Петра – так или иначе впоследствии соединялось не только с сахаром, уксусом или солью, но и со спиртом. Отсюда и были такие причудливости, как настойка дынная, мятная, алычовая, укропная, имбирная, само-собой-хреновая, посмотри-какая-нашиповнике, а-эту-никогда-не-пробовал-яблоко-слива-груша-облепиха и а-это-ассорти-вообще-много-тут-чего-угадай-сам.

Вот и теперь Егор с Петром сидели, употребляя и смакуя садово-огородные дары в разных съедобных физических состояниях: твёрдом – огурчики, помидорчики, лучок, укропчик, картошечка вареная, в жидком – компотик из местных ягод и фруктов и, конечно, настойки и наливки разных цветов и крепости. И даже в газообразном – сосед был горазд и табак выращивать и сушить. Вообще, Колобов не курил, но настоящий табачишко, набитый в трубоч-

ку – это иногда вполне было в охотку, как какой-нибудь Сталин или Шерлок Холмс. (Не в самое плохое время живем: были годы в истории, когда слова «Сталин» и «какой-нибудь», поставленные рядом, могли привести к высшей мере.) А всё потому что сигареты – это яд, это мухлёж и по большому счёту вообще не табак. По мнению Егора, лучше употреблять то, что вырастил сам – себя-то травить не будешь. Основу пиршества составляла жаренная на мангале свинина – вкусная до безумия. Всё же так мясо замариновать и пожарить, считал Колобов, может только мужик. С ароматными специями, да сбрызнув сухим белым винцом, да под свою помидорку. Э-э-х!

– Такая у нас страна, – все надо делать самому. Хочешь нормального мяса – вырасти корову, хочешь масла – надои молока, хочешь неотравленных овощей – копайся сам в огороде... А может, оно и к лучшему, – неторопливо рассуждал Егор.

– А ты чего хотел, вот ввели против нас санкции, – отвечал Петр. – И сразу стало понятно, что наша еда – неважнецкая. Ну почему мы не делаем французский сыр или чешское пиво? Неужели это так сложно? Это – элементарно. Это не космический корабль, не андронный коллайдер.

– Просто халтурить не надо – вот и все дела. Не бодяжить, не экономить на ингредиентах, не добавлять химию. И всё, остальное просто – выдерживай рецепт там, технологию. Самое недостижимое для нас – не халтурить.

– Тут суть в другом, – отзывался сосед. – Просто себя ты травить не будешь, потому что ближе тебя у тебя никого нет. Ну семья там, друзья, знакомые. А чужие люди тебе пофигу. Наши производители относятся к потребителям (о, как официально: «производители» к «потребителям») как к чужим, как к существам, которые деньги платят. Вот если бы все относились друг другу как к близким, то разве кормили бы гадостью? Мы все ждём друг от друга подвоха, все в общественном транспорте злые как собаки. Чужие.

– Как-то я на каком-то украинском пиве прочитал девиз пивоваров «Для людей как для себя». И пиво-то правда было достойным. Да, в этом как раз вся собака зарыта. Не должно быть чужих людей, тогда и всё будет вкусно и на совесть.

– Ну ты прямо идеалист. Прямо сказочник. Ты не забывай, где ты живешь. Не у тебя ли на прошлой неделе лопату и шланг спёрли? Не мы ли, садоводы новоиспеченные, во все глаза глядим, чтобы у нас чермет какой не увели?! Чтобы доверять друг другу, надо чтобы все сразу стали честными, а так у нас не будет никогда. Как только кто-то «почестнеет», сразу его и облапошат. Он обидится, и сразу в отместку обманет.

– А закон? Пусть все соблюдают закон!

– Ключевое слово «пусть!». Где твоя волшебная палочка? Где её мановение? Шчас наколдую.

Егор воздел к небу руку с бутылкой. И наполнил облепиховой настойкой чайные чашечки.

Закатное солнце играло в виноградных лозах,

уютно покрывающих веранду, где сидели друзья-соседи. Колобов начал «колдовать»:

– Трах-тибидох-тибидох! Заклинаю, чтобы все наши огурцы-помидоры росли бурно, чтобы нам не отключали воду для полива, чтобы медведка не жрала морковку, червяки отвернулись от яблок, а тля от смородины, чтобы воры не лезли в пределы заборов наших, чтобы по ночам было не холодно. Трах-тибидох-тибидох! Чтобы наша сборная по футболу стала чемпионом мира! (Хотя это перебор). Чтобы самые горячие и красивые женщины были нашими! Чтобы я расплатился с ипотекой и купил наконец-то машину! Чтобы у нас было нормальное правительство, а депутаты говорили только правду!

– А ещё колдуй: чтобы, трах-тибидох, за коммуналку не мы платили, а нам приплачивали, – подхватил Петр. – Еще хорошо бы вернуться в детство, попробовать тот квас из бочки, те кукурузные палочки, яйцо всмятку, торт, который пекли сами, каждый корж, а ты тайком ел тесто... Почему тогда было всё такое вкусное?!

– А музыка? – вторил Егор, поставив бутылку на стол и перестав «колдовать». – Она заводила, завораживала, мы ходили в гости и переписывали с кассеты на кассету, подкручивая отверткой головку магнитофона под верхние частоты. И слушали до умопомрачения. «Модерн Токинг», итальянцев. А сейчас или музыки нет, хотя так-то, пожалуйста, полный интернет, – или уже не хочется слушать. Как будто рецепторы какие отмёрли.

– Ну, за утерянную музыку!

Облепиховая горячо побежала по внутренним мирам соседней.

– А кстати, неправильно, что мы вдвоем сидим, – сказал Петр. – По-русски надо соотносить на троих.

– И чё делать, кого звать?

– А вот что.

Они смастерили пугало (Егор давно хотел сделать что-нибудь для острастки птиц, а то клюют ягоды, заразы). Взяли мешок, набили травой, наизаили на жердь, приколотили поперечную палку, надели старую рубашку Егора, нахлобучили фетровую шляпу. Не хватало разве что объявления «Продается садик Егор. Б/у». Взгромоздили пугало у столика, налили ему стопочку.

– А как же он без рта пить будет?

Нарисовали краской глаза и рот.

– А вот что бы ты поменял в прошлом? – спросил Петр, наливая очередную.

– Я бы... Пригласил одноклассницу Ленку в кино. А потом бы с ней... Ну ты понял. Ну и чтобы она ответила взаимностью. А то получается, что в отношении Ленки жизнь прожита зря. Сейчас она живет, говорят, в Канаде, а я, видишь, сижу здесь, во саду ли, в огороде. Как хрен.

– А представь, что с Ленкой всё сложилось. Что тогда?

– Ну тогда... Тогда с Валькой и Танькой из группы по университету...

– Тогда – за несбыточных дам!..

Хорошо-то как. Колобов очень ценил моменты, когда никто не треплет нервы. Он работал в конторе по ремонту мобильных телефонов. Клиенты часто ругались, шеф имел отвратительный характер, все

орали, дёргали. Постоянное напряжение доставало. А тут – тихо и благостно.

– Хозяева! Абрикосы не нужны?! – Это была старушка с ведерком абрикосов, в платочке, с сухими руками и неопределенным взглядом из-под густых бровей. Егор пристал.

– Нет, бабушка. У нас тут своих слив девать некуда, а тут ещё и абрикосы. Спасибо.

– Ну, сынки, как знаете. А то вкусные, спелые. На варенье хорошо, в пироги.

После соседской настойки мир Колобова был уже в несколько сдвинутом измерении, хоть и более весёлом, но каким-то уже настораживающе другим. Голос пожилой женщины как будто показался знакомым. Она стояла у калитки, Егор подошел к ней. У бабушек надо обязательно что-нибудь покупать, причем не торгуясь. Тебе всё равно, а доброе дело сделаешь. Глядишь, и грех какой-нибудь простится, да и когда сам состаришься, у тебя тоже какой-нибудь молодой небедный шалопай чего-нибудь купит. Это в германиях и америках пенсионеры начинают по свету путешествовать, у нас из доступного – поездка по маршруту «Город – огород».

– Хорошо, почём ведерко?

– Да сколько дашь, сынок, сколько дашь.

Егор протянул ей купюру и стал обладателем не особо нужных абрикосов.

– Вот спасибо, сынок, – сказала старушка. – Баба Лена помолится за тебя.

Она похлопала Егора по плечу и неуверенной медленной походкой заковыляла вдоль садовых домиков.

«Где же я её раньше мог видеть? Это она, что ли, баба Лена?» – подумал опять Егор и вернулся к стольному общению с Петром.

То ли ворона, то ли ворон, Егор всегда в этом путался, говорят, это разные птицы, села или сел на крышу дачного домика. Пернатое внимательно наблюдало за приятелями и каркнуло во всё соответствующее горло.

– Черный во-орон, что ты въешься, над мое-ею головой?

Ты добычи-и не добьёшься, черный ворон, я не твой!

Егор с Петром пели, пили и вдыхали жизнь полной грудью. Внимательный взгляд птицы их совершенно не интересовал.

Посиделки с соседом под огородные дары и жареное мясо длились до часу ночи. Спать на свежем воздухе было хорошо, Колобов покачивался на волнах теплой августовской ночи в гамаке, и брызги звезд качались в такт. Его подвешенное состояние было словно космосом, в котором болтаешься, как погруженный в океан, и будто всё проплывает мимо тебя, и все жидкости, и даже наливки соседа Петра, собираются в шарики различной величины, и ты играешь ими, а иногда ловишь ртом. «Так выпьем за вечность, звездную глубину и неведомый смысл!» и – опа – ртом плывущий по воздуху спиртосодержащий шарик, а после – раз – и из тубика какой-нибудь космической закуски. И луна улыбалась Егору и подмигивала хитрыми кратерами, и пела ему колыбельную. Яблоки падали с глухим стуком, звёзды чиркали по тьме, и кузнечики разбавляли стрекот-ней тишину.

* * *

Проснулся Егор от прохлады и от ощущения, что его теребит и будит пугало. Он нервно дёрнулся, огляделся – пугало стояло в нескольких метрах, хотя Колобов не помнил, чтобы вчера именно на это место они с Петром его установили. Егор поёжился, выбрался из гамака. Момент, когда сосед ушел к себе в домик, тоже вылетел из головы. Она, кстати, побаливала. Ещё бы, столько употребить. Время на мобильнике было 12.05. «Ни фиги себе я поспал! – подумал Егор. – Надо собираться домой. Как раз на «двухчасовой» автобус успею».

Воздух, несмотря на полдень, стал каким-то холодным и густым, не иначе как ветер сменился на северный. На мгновение ему показалось, что воронообразная птица пролетела задом наперед. Колобов протер глаза, в очередной раз решил, что совсем уж злоупотреблять не следует, умылся, дособирав яблоки и груши. Тут он увидел пластиковое ведерко с абрикосами, которые он вчера из соображений благотворительности купил. «Ну купил и купил, – подумал он, – только надо бы бабушке как-то ведро вернуть, да вот где её найдешь. Ну понадобится ведёрко – сама объявится».

На автобусной остановке на лавочке сидели семеро садоводов пожилого возраста. Неудивительно, ведь рейс на 14.00 был льготным, то есть за полцены для пенсионеров. Эти люди уже никуда не спешили и были по-советски разговорчивы, открыты. Егор даже назвал рейс на два часа «престарелый автобус». Бабушки и дедушки потихоньку подходили, с трудом волоча незамысловатые урожаи фруктов и овощей – из корзин и ведёр виднелись помидоры, кабачки, яблоки. Некоторые женщины несли цветы – всё же человеку свойственно не только есть, но и любоваться. Новоприбывшие тут же включались в общий разговор – разговор обо всём на свете.

Приезжает Горбачёв в Ставропольский край на родину, – рассказывал анекдот мужик в старомодной кепке. – Ну пригласили его выпить. После гулянки просыпается он, значит, глядит в зеркало и не видит пятна на лбу. «Мужики, что же мы вчера пили?» – «Как что, сначала спирт, а потом, как спирт кончился, пятновыводитель».

Садовый народ одобрительно кивал и улыбался.

– А у меня на участке эдакая зверушка завелась, как хомячок, – подключилась бабушка с корзиной помидоров. – Бегат-бегат. Ры-иженький такой. Ну правда, не знай кто это. По телевизеру говорили, что это – американская собачка. Их специально вывели, собачков-то этих. Вот и развелись они. У меня тоже вон, видно, живёт. Выглянет, глазки такие...

И она на пальцах показала, какие глазки.

– А вот ещё тут слышал, что Земля в 2335 году налетит на планету Нибиру, – говорил ещё один пенсионер, в клетчатой рубашке, потрёпанных штанах и большим родимым пятном под носом.

– Чего «не беру»? Чего это ты, Иваныч, не берёшь? – недослышала его, по-видимому, жена.

– Дык, к тому времени тебе уж всё равно будет, пенсию-то платить перестанут.

Егор молчаливо стоял чуть поодаль и чувствовал себя немного не на общей волне, словно какой-нибудь бобр пришёл на птичий базар.

– А тут чего на днях показывали – батюшки!

Сидят: лигарх, полюбовница лигарха, а тут в студию заходит его жена. Ну и давай волосья им выдёргивать. И он там такой: «Завещаю всё состояние ей!». Малахов, этот ведущий: «Кому из них?» А лигарх: «Ей – моей кошке! Только она меня в жизни и любила!» Ну и заносит кошку в студию. Вот как бывает. Серая такая, как моя Муська.

– А моя кошка ничего не жрёт, тока сухой корм. Ни молоко, ни рыбу, ничаво. Один раз кошка поест, и только его и ест потом. И ничаво ей больше не нады.

– Ну что – кошкам! А теперича мы чего едим? Говорят, в могилах покойники уже не разлагаются, все свеженькие лежат, как новые. А всё потому что консервантов в еде много...

Егор поёжился от слов о законсервированных покойниках. Было что-то не по-летнему прохладно. Ох уж этот «льготный» рейс... Между тем престарелая компания насчитывала уже человек пятнадцать. Огородничество остается в России по преимуществу делом людей поживших. Чем ближе к земле, тем ближе к земле. Егору одновременно и понравилась и не понравилась эта пословичная мысль.

– А тут у меня дома труба засорилась, – повеествовал один дедушка, потирая неухоженную бородку. – Чего делать?

– А ты купи порошок специальный, «Крот» называется. Пакетика три. Разведи с водой и влей в свою раковину, – отвечал дедушка безбородый.

«И будет тогда троекратное воздействие», – пошутил про себя Егор и тут же придумал невеселую скороговорку, чего от себя не ожидал: «Кроткий крот коротал год. Коротал-коротал, да не выкоротал».

– А что, Михална, ходила в этом году за грибами? – вопрошала одна из собравшихся.

– Да сходила тут на прошлой неделе, набрала волнушков, маслятков маненько. Заплутала, прям переволновалась вся, – отозвалась соседка.

«Ходить за волнушками – волнительное занятие. За лисичками – хитрое, за свинушками – свинское, потому что ими и травануться можно», – подумал в стиле «Алисы в стране чудес» Егор. Странно, он никогда не размышлял такими игривыми образами, словно за него стал думать какой-то другой мозг, взятый напрокат, или в его тело вселился другой человек. Реинкарнация, провал во временной портал, что-то в этом роде. Да, провал в портал. А что: у него в телефоне рядом с номером Петра была пометка «345 Пётр. Врата». Это был пин-код от подъезда, иногда дачные соседи ходили друг к другу в гости и в городе. И сам Пётр по-апостольски прятал ключи от калитки и дачного домика в укромном месте под забором. Конечно, в райском саду Петра было место и трудам, и наслаждению, и вкушению плодов, а также их переработке, консервации и транспортировке в город на вполне себе рабочей машинёшке. А сегодня, видишь ли, он не стал будить Колобова, уехал без него, и гаишничков, похоже, не побоялся, после вчерашнего-то. А Егору, видишь ли, приходится с ведром и корзиной садиться на «престарелый автобус»...

Между тем пыльный, замызганный пазик, кряхтя выхлопной трубой, подкатил к остановке. Садоводы-пенсионеры стали взбираться по ступенькам, неся свою поклажу, среди которой были ещё рюкзаки их прошлого века. Егор активно по-

могал им, подтаскивал их ведра-корзины, ставил у сидений. Мест хватило всем, даже остались свободные.

Погода явно портилась. Тучи всё больше грозились дождем. «Тучи грозились грозой» – уточнил внутри Егора Неегор. Да, теперь в Егоре будто жил ещё некто, который встречал во все мысли, причём так словесно паясничая. Ну это после вчерашнего, после настойки. И хорошо, что Колобов уже в автобусе, внутри явно теплее.

И тут Егор увидел ту самую вчерашнюю бабушку, как помнится, бабу Лену. «Есть Баба Яга, а есть – Баба Лена» – нехорошо пошутил внутренний Неегор. А настоящий Егор решил, что можно будет договориться о возврате ведёрка из-под абрикосов.

Двери зашипели и захлопнулись. Непонятно почему, но Егор почувствовал себя в ловушке, словно кто-то запер его снаружи. «Льготный» автобус пришел в движение ровно в 14.00. «Пришел в движение» – какое глупое словосочетание», – заехидничал внутренний Неегор. Мимо поехали садовые домики, яблони, всякие насаждения. Вся растительность кланялась ветру, который усиливался.

Пенсионеры продолжали судачить обо всём.

– А вот я сорняки подёргаю – потом залью их водой, это всё перегниёт, туда добавлю помёту куриного, а потом это поманеньку – в малину. Ягод больше получается, – повествовала одна бабушка.

– А я позавчера шесть килограммов яблоков продала у магазина. Плохо народ покупат. У всех щас яблоки, – отвечала ей другая бабушка.

«Яблоко вздора», – прокомментировал Неегор.

– А у меня в этом году хорошо пошёл сорт «московская скороспелая». Пытался привить на неё дички груши – не пошло, – вздыхал мужик в кепке.

– А вот слышал, врачи где-то в Италии готовят человеку голову пересадить. И говорят, что это будет наша, русская голова. И доброволец – наш большой из России.

Внутренний Неегор совсем распоясался: «А вы, друзья, как ни садите...»

– Здравствуй, молодой человек, – узнала Колобова баба Лена, – спасибо, что купил абрикосы. Вкусные?

– Добрый день, – отозвался Егор и вспомнил, что их даже не попробовал.

Кондуктор пошла продавать билеты, пятьдесят процентов от стоимости.

– Ты уж извини, но как с пенсионера я с тебя взять не могу, надо заплатить как за обычный билет. Тебе в один конец?

Егор растерялся от такого вопроса. Конечно, в один. На садовом автобусе всегда в один.

– У нас на льготном можно оплатить несколько поездок, а потом просто предъявите эти билеты, – пояснила кондукторша. Это была женщина в годах с хитрым взглядом. Она держала несколько рулонов билетов, словно пассажир был волен выбирать, куда ему ехать. Среди рулонов была почему-то и туалетная бумага.

– Мне до Белогорска, до конечной.

«Мне до бесконечной», – передразнил внутренний Неегор.

– До конечной, – словно споря с этим альтер эго, повторил Егор.

«Остановка «Хэппиэндная». Из этого следует,

что автобус дальше не следует», – опять открыл беззвучный рот Неегор.

«Наверно, так начинают сходить с ума. В человеке поселяется другой, а то и несколько, потом они разговаривают, спорят, и ты уже не знаешь, кто настоящий, кто изначальный, настоящий ли изначальный, кто из них прав...»

«Из-за леса из-за гор показался Неегор», – Колобов попытался побить чужой внутренний голос его же стилистикой. И правда, на некоторое время Неегор заткнулся. Потому что если так дальше пойдет, то может далеко докатиться. И тогда Егор придет из своего сада каким-то другим человеком.

– Баба Лена, давайте я абрикосы пересыплю в пакет, а ведро отдам, – обратился он к знакомой бабушке.

– И буду я с пустым ведром? И всем с этим ведром встречаться?

– А я вам яблочек насыплю.

На том и порешили.

Пока Колобов возился с яблоками и абрикосами, он не заметил изменений. Внутренняя обшивка автобуса как-то сама собой обновилась. Или он просто не обратил внимания, когда залез внутрь? Деревья придорожной посадки как будто стали на пару метров ниже. За окнами пошел дождь. И это ещё не всё. Листья явно пожелтели. Нет, такой эффект восприятия бывает, когда через автомобильные стекла зеленые листья меняют цвет. Всё можно объяснить. Тем и отличается человек от животного, что может объяснить всё-всё-всё, вплоть до самого невероятного и сказочного, а потом успокоиться и сидеть дремать. Солнце? Это потому что оно есть и потому что оно – огненный шар. Луна – это потому что спутник Земли. Трава? Потому что растет и зеленая. А жёлтая почему? Да потому что осень, что тут непонятного?! Ну а раз всё объяснено – то скучно. И нечего вопросы задавать. Всё ясно. Всё-превсё.

Но ясно не было. Вдруг почудилось, что пенсионеры как-то помолодели, им уже было лет по пятьдесят-сорок. Прямые спины и твердые голоса. Но одежда была та же. Не изменилась только женщина-кондуктор. Хотя разве что цвет лица приобрёл синеватый оттенок.

Пропал сигнал мобильного телефона.

А за окнами уже было что-то похожее на поздний октябрь.

– Нет, ну каково это – парламент из танков расстрелять! Мог ли ты представить, что каких-то пять лет назад было бы такое? В Москве! Говорят, Би-Би-Си вели прямой репортаж и попросили даже наших военных выкатиться на середину моста, чтобы телевизионная картинка была лучше, – страстно говорил помолодевший в кепке.

– Такую страну загубили! О чём мы думали, когда победе над «хунтой» радовались? У нас на заводе уже пять месяцев зарплату не платят, – отозвался рядом сидящий.

«Это что за завод, где пять месяцев не платят? И о какой зарплате речь, если он должен быть на пенсии? Это что же, мы едем... назад?.. И не просто назад, а вообще НАЗАД? Что происходит?» – запаниковал Колобов.

– Баба Лена, что происходит?

Та, что была полчаса назад «бабой Леной», теперь – вполне себе женщина средних лет.

– Какая я тебе «баба»? На себя посмотри! – обиделась она.

На самом деле, с ним было что-то не то. Кожа на руках потемнела, вены стали отчетливее, зрение начало выдавать фокусы: вдаль теперь видно нечетко, а совсем близкие предметы тоже расплывались.

– Нет, правда, что происходит? – он вслушался в свой голос, он как будто стал старческим. Словно у него украли 25 лет. Он сгорбил, сердце забилось неровно, как мотор пазика, понизилось давление, закружилась голова. Наверно, что-то подобное чувствуют узники, вышедшие из тюрьмы на свободу через четверть века.

– Да ничего, не происходит, бабушка, домой едем, – «утетила» кондуктор.

«Всё же кого-то мне напоминает эта бывшая баба Лена, кого-то напоминает». Егор решил, что он просто умом тронулся, хотя вчерашний вечер с Петром ничего такого не предвещал. И психических отклонений у него никогда не было. А может, бывает так, что люди становятся идиотами за несколько часов. А причиной тому может быть всё что угодно. Например, нас атаковал кто-нибудь, распылили психотропные или наркотические вещества, у всех начались галлюцинации, тяжёлое поражение нервной системы, мозг формирует необычные картины. Это – вполне может быть. Тогда все происходящее – объяснимо. Удивительно, что на какое-то время эта логика даже успокоила Егора.

«А теперь – хит этого года в исполнении Алены Апиной», – это водитель решил включить радио. Из динамика полилось: «...Ой было, девки, было – я обо всём забыла, но вы, девчонки, всё же не верьте никому...».

«Может, я сплю. И как это всегда бывает, мы не понимаем, что это сон. Надо только себя ущипнуть – и проснёшься. А ещё лучше – надо во сне стараться открыть глаза, и тогда небо развернется и реальность располовинится по горизонту».

«Поднимите ему веки!» – съязвил успокоившийся было внутренний Неегор. А внешний Егор начал напрягать глаза и стараться их распахнуть, причем с помощью рук.

– Вы чего глаза таращите? Нехорошо вам? – сочувственно спросила бывшая баба Лена.

– У меня такое чувство, что я сплю и где-то потерял треть жизни.

– А что вы делали?

– Чего-чего... Пил вчера.

– А в жизни?

– В жизни... Телефоны ремонтировал, застольничал, ходил куда-то, с кем-то встречался. Всего не вспомнить.

– Ну а что тогда жалуетесь? Как говорится, не успеешь оглянуться – и всё, проехали.

Егор поднялся и прошел к водителю. Это был человек очень похожий на Егора. Наверно, это и был тот самый Неегор. Довольный розовощекий детина (не то что худощавый Колобов), которого, казалось, ничего не волновало. Он рулил с чувством беспредельного достоинства, будто сидел на троне, а рычаг переключения скоростей был для него чем-то вроде скипетра. На лобовом стекле болталась из стороны в сторону кукла, и Егор почувствовал, что это его бесхитростная копия, очень похожая на вчерашнее

садовое пугало. Кукла покачивалась в такт его сумбурным мыслям.

– Водитель, когда мы до Белогорска доедем?

Колобов услышал свой старческий голос и увидел в зеркале заднего вида свою, теперь седую, голую, растерянное лицо.

– Не знаю, я не синоптик, – раздался в голове Егора уже привычный голос. – Ну что за вопрос. Доедем, конечно, рано или поздно. Если нас ветром не сдует, если меня удар не хватит, если дорогу не размоет, если мы не провалимся во временной портал...

«Опять он со своим порталом... Похоже, мы уже туда провалились», – подумал Колобов. Неегор его почти подменил, почти вытеснил и загнал изначального Егора в оппозицию.

Автобус мчался.

Человечек раскачивался, как маятник невидимых часов. Как висельник. Веселый висельник.

Водитель царственно ухмылялся.

«Спроси, спроси меня: куда несёшься ты?» – улыбался Неегор.

Вопросов к водителю не было. Бесполезно.

Знакомая дорога домой. За окнами повалил мокрый снег. Пассажиры помолодели ещё больше. «Они что, пока я отвернусь, молодильные яблоки грызут из своих корзин?!» – уныло думал Колобов. Это уже не лезло ни в какие ворота. «Как говорит Пётр, не лезет ни в какие врата», – сказал бы шутящий Неегор.

Колобов навсегда запомнил свои детские страхи. Они были связаны с двумя киносказками – «Морозко» и «Сказка о потерянном времени». В «Морозко» была сцена – у Ивана вместо человеческой головы выросла медвежья, и он с ней бегал, искал способ от неё избавиться. Жуть состояла в том, что герой не превратился полностью в медведя, а только голова. Даже сейчас, спустя десятилетия, – а в данный момент вообще непонятно, сколько десятилетий, – это было всё равно страшно. Ничего потом в жизни не вызывало такой ужас. Ни сломанные ребра какими-то отморозками в девятых (Морозко – Отморозко, привет, Неегор), ни выловленный из Волги спасателями посиневший труп позапрошлого купальщика. Медвежья башка на человеке была страшнее всего этого вместе взятого. И вот кошмар – непонятно за какие грехи – воплотился: только вместо головы медведя у него теперь пенсионерская. И не только голова. Но, в конце концов, живут же пенсионеры со своими выдавшими виды головами, и медведи живут со своими. А ещё есть такая болезнь – человеку десять лет, он ещё ребенок, а организм у него стариковский, и лицо стариковское. Это, конечно, ненормально, но так бывает. Хотя, когда годы уходят за сорок пять минут, это жуть. А может, законы космоса вдруг стали хозяйничать на Земле: фантасты вот пишут, что астронавт, когда вернётся на родную планету, увидит, что уже все состарились и сто раз умерли, а он будет ещё ничего, почти огурцом.

«Про «сто раз умерли» – это ты молодец, в моем стиле. И про «астронавт будет огурцом» – образненько, по-садоводчески, в огородном стиле», – хихикнул внутри Неегор.

«Рули давай, не отвлекайся», – огрызнулся Колобов.

«В болоте живёт водяной, в лесу – леший, в доме – домовый, а у тебя на участке – участковый... Что его вчера не спросил, к стару или к младу?» – не унимался Неегор.

«Достал уже, чёрт словоблудный!»

«Полегче, я всё же часть твоего внутреннего бытия. И не исключено, что лучшая часть».

Начал воплощаться и второй киноужас. В «Сказке о потерянном времени» две девочки и два мальчика становятся старушками и старичками. Колобов неумолимо катился к глубокой старости, за которой не ожидается ничего хорошего. Сил останавливать ПАЗик уже не было. Хитрая кондукторша успела спрыгнуть на каком-то полустанке, наверно, для того, чтобы не молодеть или не стареть. Наверно, собственный возраст её вполне устраивал.

Егор уже видел, что бывшая баба Лена превратилась в совсем юную девушку. Да не просто девушку, а в ту самую Леночку-одноклассницу.

«Ту самку Леночку», – передразнил внутренний Неегор одновременно из водительской кабины и из глубин мозга.

Колобов подсел к ней и внимательно, насколько позволяли глаза, взгляделся в неё. Его руки дрожали. Сердце покалывало.

– Лена, ты помнишь меня? Ты сидела на второй парте. Я тебе в портфель ещё записочки подсовывал. Со всякими глупостями. Помнишь?

– Успокойтесь, дедушка, – сочувственно ответила она. Красавица, распахнутые любопытные глаза, чёрные волосы, гибкое изящное тело, невеста невестой. – Вы вон абрикосы рассыпали. Давайте помогу.

– Какие абрикосы?! Зачем абрикосы?

Колобов сел и обхватил голову руками.

Абрикосы. Абрикосы. Абрикосы.

Снаружи, как видно, ударил сильный мороз. Окна покрылись белой узорчатой наледью. Неегор включил обогрев.

«А ведь меня дома ждут жена и дочка, они думают, что я привезу яблок, и они затеют пирог», – подумал Егор и попытался оживить бесполезный сотовый телефон. Сколько он отремонтировал их за свою жизнь... «А если я перешагну за границу старости, как же я смогу с ними разговаривать? И что с ними? Может, они тоже стареют? Или наоборот... И что там вообще в конце?»

«Я сказал: «Приехали!», я махнул рукой», – объявил водитель Неегор в тихоговоритель сознания Колобова.

Автобус остановился.

Довольный Неегор высунулся из кабины: «Белогорск! Выходим из автобуса! Из себя можно пока не выходить, в себе пока можно остаться. Корзинки и ведра не забываем».

Дверцы открылись, внутрь повалил морозный воздух. Бывшие пенсионеры-садоводы, а ныне молодые люди, просто какой-то комсомольский стройотряд, бойко выскакивали и пропадали в метели. Их совсем не смущало, что почему-то зима и почему-то мороз. Их вообще ничего не смущало. Они ныряли в холод, как спортсмены-моржи. И как бы-Лена – тоже. Вот тебе и «престарелый автобус»...

«Колобов-Колобов, ты от дедушек ушел, ты от бабушек ушел, а от себя, Колобов, уже не уйти», – сказал уже непонятно кто – Егор или Неегор.

Он с трудом двинулся к дверям.

– Э, да ты совсем плохой, – сказал Неегор и набросил на сторбленного Колобова свою шубу. Она была обширной и вполне теплой.

Егор почувствовал, что за дверцами пазика не будет ничего хорошего. Кряхтя и покашливая, с ненужными яблоками и абрикосами, он вышел наружу. «На выход с мощами!» – пошутил вслед ему Неегор.

А Пётр, видно, неспроста пораньше смотался на своем «жигуленке», не захотел пускаться к себе в рай. В раю не может быть такого собачьего холода. Белогорск – это место, куда попадают души садоводов. Но в метельном городе не было ни души. Весь транспорт был неподвижен и тих. Не горели окна, несмотря на вечернюю темень. Бывает, что люди покидают свой дом, и его скелет смотрит безжизненными глазницами окон. Мародеры и воры, словно черви, доедают внутри всё ценное. Без счета таких домов-мертвецов стоит по русским деревням. С Белогорском, похоже, случилось то же самое, пока Егор до него добирался из садового товарищества «Яблонька».

Сколько времени исчезающий Колобов бродил по пустому Белогорску – неизвестно. Он мерил шагами остывшие улицы, шатался по центральному парку имени Свердлова, ходил по магазинам, старался разглядеть полуослепшими глазами товары. Неегор навсегда, видимо, уехал в свою страну Неегорию. Помолодевшие садоводы, наверно, разбежались по городу. Поначалу Егор пытался открыть глаза широко-прешироко, слабо надеясь на пробуждение. Он подолгу сидел за пустыми столиками в кафе. Есть он ничего не мог. И не хотелось, и не получалось – все продукты перестали для него быть съедобными. За исключением абрикосов бабы Лены. В них был вкус прошлого, так стремительно вылетевшего в выхлопную трубу «льготного» автобуса.

Часть вторая. Белогорск

После смерти жизнь только начинается. Так, покалambuривая, думал Егор. Торопиться было некуда, поскольку Колобов, скорее всего, умер. Когда это случилось ещё на садовом участке, в автобусе (14.00, проезд льготный), на подъезде к Белогорску, – сказать было трудно. Но факт перехода в другой мир был налицо – уж больно всё изменилось по сравнению с той жизнью, в которой он ремонтировал сотовые, ужинал с семьей или шашлычничал с Петром в СНТ «Яблонька».

В новом мире не хватало всего: тепла, разговоров с людьми, родных, друзей, вкусной еды, да вообще любой еды, не надо было ходить в туалет, не было зеленой травы и листьев, не было солнечного света. Выла вьюга на все лады – полновластная хозяйка потустороннего Белогорска. И только времени было в избытке, настолько в избытке, что его вообще не было. О нём лишь напоминали часы на кирпичной башенке на центральной улице Гончарова. Когда-то она называлась Большая Саратовская, потом в советские времена её переименовали в Карла Маркса. Должны, конечно, были назвать улицей Ленина, но такая уже в городе была. Часы

теперь постоянно показывали 14.00, словно напоминая о времени отправления «престарелого автобуса» в один конец. Когда-то они отмеряли время на часовне кафедрального Всехсвятского собора – уникального сооружения, архитектурной жемчужины второй половины XIX века. В тридцатые годы века двадцатого собор разрушили. Сделали сквер, усадили на пьедестал какого-то революционного деятеля. Часы на время пропали («часы на время пропали» – Егор продолжал играть словами), а потом, в 1975 году, когда соорудили башенку на центральном здании, о них вспомнили, отреставрировали, завели, слава мастерам, и городу было возвращено его украденное время. А ещё к этим главным белогорским часам присоединили колокол с другой разрушенной церкви, которая стояла в ушедшем под волжскую воду селе Головкино. Из реки тогда сделали водохранилище и гордо называли его «морем». Тогда было в моде гордиться рукотворными бедрами. Самому Белогорску тогда повезло – ведь он на возвышенности, чем и оправдывает своё название. Село с церковью стало ненужным, а водохранилище вселенским потоком завладело громадной территорией, потому что «плюс электрификация всей страны». В общем, в Белогорске появился особый звук, а именно – колокольное напоминание об уходящих часах, днях, столетиях. Конечно, город тоже переименовали, потому что «белая гора» – это слишком красиво, безыдейно и патриархально. Потому он стал Карломарксовском. В девяностых он волевым решением местного совета снова превратился в Белогорск. Уж больно сложно было выговаривать. Названием города даже на трезвость проверяли: «Карло-мар..Карломарковск..». Не все жители смирились с корявым новым именем города и называли его кто как. Поэтому одни и те же люди жили как бы в одном пространстве, но в разных городах. Или – в одном городе, но в разных пространствах.

Конечно, то, что бродило теперь по Белогорску, сложно было назвать Егором. Нечто жалкое, егорообразное. Экс-Егор. Егороид. Егорообраз. Воспоминание о Егоре, неприкаzanное, не одомашненное, не прирученное никем воспоминание. Он уже не чувствовал ни боли, ни холода.

Конечно, он пошёл к себе домой. Вот так: уехал в сад на выходные, а вернулся непонятно через сколько лет и непонятно куда. Что там теперь в его квартире, кто там? Живёт ли кто или притворяется, что живёт?

Заснеженные улицы пустовали. «А вдруг жена и дочка всё ещё там? С чем приду я к ним? С ведёрком абрикосов из растаявшего мира? И сам я, непонятно, существующий или несуществующий? Старый и страшный».

Он ковылял по центральной улице и добрался до магазина «Весна», здесь когда-то был ЗАГС. Он, собственно, и сейчас там был, и Егорообраз даже разглядел в снегу монеты, которыми некогда осыпали молодых. И следы здесь были вполне свежие. Он почему-то подумал, что именно сюда могла забежать шумная ватага поюневших пенсионеров из льготного садового автобуса.

Тяжелая дверь ЗАГСа скрипнула, и Колобов очутился в знакомом помещении. Лет пятнадцать назад он сам тут женился, для друзей это был ещё один повод беззаботно провести время, побарагозить,

для родителей его свадьба была хорошей возможностью пригласить родню, ух и напился тогда Колян... В целом свадьба прошла весело, без мужского мордобоя и женских обид. Правда, бабушка жены Юли все бухтела о том, что стол сервирован неправильно, что рыбное блюдо порезано не теми кусочками, что гости мало подарили. Егорообраз помнил этот день и этот ЗАГС. Юля тогда переживала, что гости ей наступят на длинное платье, а Егор в разгар официальной церемонии жутко захотел в туалет. Это перст судьбы ткнул ему в кишечник и опошлил торжество. Ему отвечать «Да» на вопрос «Согласен ли ты, Егор, взять в жены такую-то», ему надевать на палец невесты обручальное кольцо (он и палец-то перепутал), ему перед гостями танцевать под скрипки «первый танец молодых», а его прижало. Потом на видео он долго пересматривал выражение своего лица – для зрителя оно выглядело чрезмерно сосредоточенным, серьезным и напряженным (еще бы: не каждый день человек официально и прилюдно женится). Казалось, в тот момент он взял бы себе в жёны кого угодно – хоть пожилую уборщицу в их подъезде бабу Клаву, хоть Бабу Ягу, хоть лягушку, змею, жену своего начальника (редкостная стерва), подписал бы любые документы о своём имуществе, о сдаче себя в рабство на 25 лет, лишь бы эта церемония побыстрее закончилась. Хорошо, что за Егором и Юлей выстроилась ещё не одна пара брачующихся... Выходил он из ЗАГСа искренне, по-настоящему счастливым с легким – скажем так – сердцем. «Вступил в брак – ну и дурак», – подумал он тогда и предался дальнейшей радостной свадебной суете.

Обстановка и убранство с тех пор не изменились, насколько Егорообраз не подводили память, зрение и сознание. То же светлое помещение, люстры, еще даже горят, те же амурчики над массивными дверями, те же основательные лестницы, тот же символ законного брака – два кольца, одно побольше, другое поменьше. Каково теперь входить в ЗАГС – старым, полуумершим, нелюбимым. А ведь эти стены столько помнят молодых беспечных лиц, ритуальных поцелуев, выстрелов пробок, пены шампанского, кокетливых платьев, дорожек праздничных причесок, костюмов-галстуков...

Колобов двинулся к Торжественному залу бракосочетаний, потому что оттуда слышались странное подобие марша Мендельсона и оживленные крики молодежи. «Значит, город не пустой, значит, кто-то в нём остался!» – подумал Егорообраз с надеждой, хотя было понятно, что надежду надо было давно оставить не просто за дверями ЗАГСа, а еще того «престарелого» автобуса, который привез его в этот жуткий псевдо-Белогорск. «Оставь Надежду, разведись с Надеждой!» – буркнул в голове надолго покинувший сознание Неегор. Егорообраз даже обрадовался фантомному зануде-каламбурщику, потому что его игривые фразочки были хоть каким-то развлечением среди неведомого и нового бытия.

Итак, из Торжественного зала раздавался смех. Ощущалась веселая возня. У входа были свалены рюкзаки, корзинки и ведра, их хозяева точно ехали в том самом льготном автобусе. И в самом деле, они были все здесь, вся помолодевшая садовая компашка...

Посреди зала стояла Лена с молодым челове-

ком. Тем самым, который будучи мужиком в годах ещё на остановке в СНТ «Яблонька» рассказывал анекдот про Горбачева. Молодежь оживленно переговаривалась, да, это были садоводы из прошлого мира. Многие держали букеты цветов, те самые, из сада, и ведь не завяли! И даже водитель автобуса, Неегор, был среди них. Он даже, подлец, подмигнул и помахал рукой, увидев Колобова. И всех этих молодых людей по-прежнему ничего не смущало – ни то, что стало с Белогорском, ни отсутствие людей на улицах, ни снег, ни вошедший в зал старый и пугающий Егоробраз, их автобусный попутчик. Он встал к молодым гостям. В конце концов, не чужие люди, вместе из СНТ ехали, и Лена опять же...

– Правом, данной мне Конституцией Российской Федерации и администрацией Карломарксовского района города Белогорска, мне поручено зарегистрировать ваш брак, сегодня, несуществующего дня несуществующего года. Сегодня новую семью создадут Борисова Елена Михайловна и Хренодёров Иван Петрович. И у них теперь будет общая фамилия – Хренодёровы.

«Лучше бы ты, Лена, оставалась Борисовой» – промелькнуло в колобовской голове.

– Уважаемые жених и невеста! – продолжала та, чье право регистрировать брак было получено от администрации Карломарксовского района. – Сегодня – самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи – это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения...

Удивляться Егоробраз давно перестал, но подобие интереса у него еще сохранялось. Сотрудница ЗАГСа выглядела любопытно. Тело вроде было человеческим, а вот лицо... Она словно надела на себя дурацкую маску синего цвета, вместо носа болтался небольшой хобот, глаза были огромные, уши позачьи свисали. Складки, морщины, ни одного волоса. Цвет кожи рук и шеи тоже был синим. Огромный рот, как рана от сабли, перекашивал лицо (точнее, инопланетную морду) под углом в 45 градусов. Мясистые губы шлепали друг об дружку, как два слипающихся блинчика. А голос – ничего, ровный, женский, торжественно-официальный, обычный. «Ну вот, – подумал Колобов, – всё объясняется просто: нас захватили представители иного мира, развели тут бардак, творят что хотят. Это нам жуть – а им – нормально. Да я смотрю, и этим молодоженам нормально. И Лене нормально, вон какая счастливая стоит. А то, что их регистрирует синюшная карантица – так это пофиг, главное – любовь».

– Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным, – синяя с хоботом наискось улыбнулась и, казалось, опоясала ртом всю свою физиономию.

– Прошу ответить вас, невеста.

– Да.

– Прошу ответить вас, жених.

– Да.

– С вашего взаимного согласия, выраженного в присутствии свидетелей, ваш брак зарегистриро-

ван. Подойдите к столу и своими подписями скрепите ваш семейный союз.

На столе вместо шариковых ручек лежали два перочинных ножа. Счастливые молодожены взяли их, проткнули друг другу указательные пальцы, синяя показала им места в документе актовой записи, и новые супруги скрепили свой союз кровавыми печатями.

Гости захлопали, грянула помпезная живая музыка. «А вот и не живая. Мертвая музыка», – занудил Неегор. Оказывается, тут были ещё четыре синих существа с хоботами и антропоморфными телами, которые наяривали на скрипках кто во что горазд. «Квартет «Синяя птица», – прокомментировал Неегор.

– Прошу вас в знак любви и преданности друг другу обменяться обручальными кольцами.

Жених и невеста надели друг другу кольца. С пальцев на дорогой красный ковер капала кровь.

– В полном соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации, согласно составленной актовой записи о заключении брака, скреплённой вашими подписями, объявляю вас мужем и женой. Поздравьте друг друга первым супружеским поцелуем.

Молодые под аплодисменты поцеловались.

– Дорогие супруги! – продолжала шлёпать губищами синяя. – Дорогой любви вы пришли к нам, соединив свои судьбы семейным союзом. Не растеряйте свою любовь среди жизненных неудач и суеты. Пусть ваше счастье будет светлым и чистым, как весеннее небо...

«Про весеннее небо и светлое счастье – это особенно современно», – подумал Егоробраз.

– Сегодня вам вручается ваш первый семейный документ – свидетельство о заключении брака, – продолжала хлюпать ртом распорядительница церемонии. – К свидетельству вам будут выданы ваши паспорта, выписка из журнала регистрации браков и разводов, данные видеофиксации, билеты на проезд, справка по форме 357, анализы ДНК, справка о вашей благонадежности, справка о доступе новобранцев к государственной тайне и еще четырнадцать документов, без которых ваш брак, а также чистое небо и светлое счастье будут считаться недействительными. И сегодня, в этот торжественный день, вас пришли поздравить самые близкие и дорогие люди. Кроме документального подтверждения того, что они таковыми являются, в том числе на детекторе лжи, они ещё и поклялись молодожёнам, что придутся вам друзьями и близкими. Дорогие гости, пожалуйста, присоединяйтесь к нашим поздравлениям.

Гости во главе с Неегором под скрип смычков синих хоботов – правда, это была какая-то звуковая крошка, – стали жать руку жениху, целовать невесту и дарить ей чудом не увядшие, не замерзшие цветы из нереально далекого СНТ «Яблонька». Среди кипы бумаг Егоробраз заметил документ – «Справка, выданная Управлением по фитоконтролю РФ по Белогорской области». И там что-то о том, что цветы, выращенные на таких-то садовых участках по такому-то адресу, даты, подписи, соответствуют требованиям какого-то Регламента за номером таким-то и допускаются для торжествен-

ных мероприятий по бракосочетанию таких-то...

Егоробраз тоже решил поздравить молодых.

– Привет, Лена, – сказал он. – Ты совсем меня не помнишь?

– Здравствуйте. А вы – тот дедушка, который с нами ехал в автобусе.

– Я Егор Колобов, твой одноклассник. Мы сидели за соседними партами. Мне сейчас терять нечего, поэтому пользуясь этим... торжественным случаем... я хочу сказать, что ты мне всегда нравилась. Хотя сейчас это неважно. В общем, я тебя поздравляю со свадьбой, хотя если жизнь развернулась бы по-другому, может, я сегодня был бы тут в другой роли...

– Ой, правда, это ты... Как ты изменился... постарел.

– Да я вообще не уверен, есть я или это иллюзия. Может, меня уж нет. Самое главное, что ты мне всю жизнь.... Ну как-то так. И – спасибо за абрикосы.

Лена в свадебном платье моды начала восьмидесятых с охапкой садовых цветов изумленно рассматривала старческое существо, которое в непостижимо далеком прошлом десять лет училось с ней в школе №22 города Белогорска а теперь вдруг оказалось в числе «родных и близких». Жених уже стал дергать Лену за рукав, молодые гости начали проявлять нетерпение, синяя строго посмотрела своими мутно-желтыми глазищами.

– Егор, ты приходи сегодня на свадьбу. Кафе в подвальном этаже гостиницы «Венец».

Егоробраз кивнул и «вышел вслед за толпой».

– Сходи с ней под «Венец», – сдохмил Неегор и похлопал Колобова по плечу.

У входа в ЗАГС стоял тот самый автобус. Только теперь вместо таблички «СНТ «Яблонька» – Белогорск» было прилеплено «Заказной». Пазик был украшен свадебными ленточками. К бамперу привязана кукла-невеста, очень напоминавшая саму Лену. В кабине всё так же болталось на веревочке чучелко Егоробраза. Получалось, что куклы были спинами друг к другу, через стекло.

Молодежь весело загрузилась в автобус и расселась по креслам. В таком же порядке, как тогда, по дороге из сада.

– Поехали с нами! – сказала Лена.

– Нет, я потом присоединюсь, я ещё поброжу тут. Да и поздно мне, «задрал штаны, бежать за комсомолом».

– Следующая «ЦУМ», за перекрестком остановки нет, – объявил водила-Неегор и добавил: – И никто не знает, что там вообще есть, за перекрестком...

Двери, шипя, закрылись. Автобус двинулся по пустому метельно-холодному центру Белогорска. «Осторожно, ети!» – прочитал Колобов на удаляющемся пазике. То ли буква «д» стёрлась, то ли Неегор шалит. И ругается он, наверно, каламбурно: «Ети, твою мать!». Такую фразу надо говорить при виде снежного человека, а Колобов чем-то теперь его и напоминал.

Как же, как же... Магазин «Весна», рядом с ЗАГСом... Дальше – «Кодак», его как-то по ночам сторожил приятель Дима. Зачастую, ещё в молодую, доженатую, студенческую эпоху они с ним в этом «Кодаке» играли в шахматы, выпивали маленько, болтали о всяком до утра. А вокруг – ещё плёночные

фотоаппараты, фоторамки, батарейки. Свобода, романтика и безденежье.

Бредём дальше, вкус абрикосов во рту. Магазин «Хлебный». У него всегда сидел один и тот же нищий. Какой-то весь переломанный, в доисторическом пальто зимой и летом, горбатый, и нос, как уменьшенная модель нищего, был тоже горбатым. Он выглядел то тридцатилетним, то восьмидесятилетним, черт знает, как это у него выходило. Он выставлял вывернутую руку и всегда напевал такое:

Ягодки-ягодки, ягодки, цветочки

Набухают, набухают, набухают почки,

В луже головастик, в луже головастик,

Я сегодня не проснусь, это будет здарсьте.

Подайте Алёшеньке!

Егор – тогда еще Егор – всегда подавал Алёшеньке. Он помнил это чувство бедности, когда молодой и здоровый заходишь в магазин, а купить мало что можешь. Обидно. А каково этому никчемному? Ну время было такое, кто-то богател, кто-то нищал, кто-то облапошивал других, кто-то сам облапошивался.

Не было теперь Алешёнки, наверно, сегодня он не проснулся. Никого не было.

Улица Бебеля – когда-то в дореволюционную эпоху она носила уютное название Чебоксарская. Здесь Егор работал, чинил сотовые. Восстанавливал для людей возможность связываться друг с другом.

Дальше – кинотеатр «Художественный». Когда-то еще ребенком, лет в 12, он впервые посмотрел там фильм ужасов про Фредди Крюгера, такой репертуар только-только стал появляться. Этот самый Крюгер резал людей во сне. Особенно поразила сцена, когда спящую девушку подбрасывало в потолок и резало изнутри, всё было в кровище. С непривычки смотреть на это было очень страшно, да еще на большом экране. Потом народ привык. Лет через пятнадцать «Художественный» переоборудовали под современную систему звука и 3D-изображение. В таком формате впервые показали фильм о налете японцев на бухту Пёрл-Харбор. Самолеты, казалось, кружили над головами зрителей, пулеметные очереди словно прошивали кинозал, эффект присутствия был потрясающим. И когда умирал главный герой, многие женщины плакали. Но слезы высохли, и последующие фильмы с любимыми шокирующими сценами и суперэффектами воспринимались спокойно и с попкорном.

Напротив через дорогу – ЦУМ, главный торговый объект Белогорска. На вид это была примитивная коробка на квадратных колоннах. Рядом – вертикальная коробка, прозванная в народе Кривым домом, он же – Дом быта. Раньше на этом месте были торговые ряды, старинное сводчатое строение было тоже снесено. Чуть дальше, направо, на месте великолепного женского монастыря возвели Концертный зал профсоюзов. Там, где раньше молились, теперь пели и плясали. Сейчас там наверняка тишина, отплясались. Весь исторический центр с тихими деревянными улочками и белокаменными соборами был снесен и разгромлен. Не дошли немцы в Великую Отечественную до поволжского Белогорска, всё сами, всё сами. И потом были настроены эти коробки. Что педуниверситет, что гостиница «Венец». Улицы переименовали. И мало кто задумывался, какое отношение имеют все эти

карлы марксы, карлы либкнехты, фридрихи энгельсы, августы бебели, розы люксембурги к Белогорску. Егоробраз вспомнил, что уже тогда, когда город был живым, чувствовалась эта чуждость, опустошенность, несурзанность.

Его дом находился на улице с неожиданно теплым названием – Бульвар Аркадия Пластова. И по этому бульвару, от памятника художнику к Центробанку мимо Колобова прошла группа синих с хоботами. Они несли духовые инструменты и на ходу играли. Мелодий в их дудеже не было. Это была какофония, набор звуков, визгов, хрипов, шипения, кричтения. Они были так увлечены выдуванием духового шума, что не обратили на Егоробраза ни малейшего внимания. Всё, что они извлекли из своих труб и тарелок, заметалось снегом. Отвлекать синих от шествия и спрашивать их о чем-то не хотелось.

Дома Колобов уже не надеялся никого застать. Ключ повернулся в двери, щелчок, щелчок. В открытую форточку залетал снег и таял. На кухне лежала немытая посуда. Значит, жена с дочкой уходили спешно. Или их кто-то неожиданно забрал. В углу работал телевизор – даже выключить, видимо, не успели. Шли новости: Сирия, Украина, президент, пожары в Сибири, реклама гамбургеров и шампуня от перхоти – всё как всегда. Значит, в стране всё обычно, в стране август, в стране – жизнь. Вся планета ещё существует, а Белогорск провалился куда-то, извратился, обезлюдил и похолодел, наполнился синими музицирующими монстрами. Егоробраз сел на диван и слабыми глазами осмотрел свою однокомнатную квартиру. Где Юля с Катюшкой, где все? Куда ушли?

«А может, и к лучшему, что мои пропали? Если они увидят меня, то не узнают, а если узнают, то будут в шоке», – подумал Колобов.

* * *

Можно, конечно, остаться дома навсегда и исчезнуть окончательно, когда кончатся абрикосы. Но он сегодня приглашен на свадьбу. Неприятно, что Лена выходит замуж за Хренодёрова, но это уже не имеет особого значения. Что ж, ей теперь и замуж не выходить? Хоть какая-то «движуха», как говорит молодежь. Придется испортить свадьбу своим сверхстарческим видом. Посидеть рядышком. Ну да, ни угоститься, ни выпить, про танцы вообще речи нет. Это всё в прошлом, всё в другом мире.

Что ж, на свадьбу так на свадьбу. Егоробраз вновь плёлся по белогорским улицам. Когда живешь, то думаешь, что всё более-менее предсказуемо, завтра опять встанет солнце, будет кофе и булочка на завтрак, тебя ждут примерно те же люди, та же работа, схожие радости. «А тут – упс, даже солнце не вечно под луной», – прозвучал внутри голос Неегора. Но как быть, когда всё исчезает, всё прекращается, вычеркивается из длинного перечня существующего. Обычно, такое происходит плавно, без резких движений, словно континент движется по три сантиметра в год, или с такой же скоростью вырастает гора. А если всё то же самое, только в миллион раз быстрее? А то и получится. Сел на inferнальный автобус – и нате, приехали. «Делу время – телу час», – встрял надоевший внутренний голос.

Под «Венцом» уже были накрыты столы, и гости во главе с Неегором выстроились в два ряда справа

и слева. Молодожены стояли у входа и готовились торжественно войти. Лена кивнула гостю и пригласила его присоединиться.

– А теперь попросим молодых войти в этот замечательный зал, словно в новый мир и в новую жизнь! Под ваши аплодисменты! – это была ещё одна синяя с хоботом. Ещё несколько синих представляли собой оркестрик, который заиграл что-то жутко сумбурное, но в этом звуковом хаосе проскальзывала определенная торжественность, помпезность и даже напыщенность.

Над свадебным столом висел большой плакат, на котором были нарисованы жених и невеста, в которых явно просматривались черты Лены и ее избранника. Над ними красовался разноцветными буквами лозунг «И чтобы вы умерли в один день!».

Молодых осыпали мелкими монетами. Неегор, – он выглядел довольным – достал видеокамеру и начал фиксировать всё это действие. Жених и невеста уселись за стол, стали принимать поздравления. Синяя с хоботом чинно ходила с микрофоном, предоставляла всем слово, музыканты то и дело брались за свои инструменты.

– А вы со стороны жениха или со стороны невесты? – прошлепала она губищами над ухом Егоробраза, который скромно подсел к углу стола. «Чтобы не жениться», – съязвил Неегор в мозгу престарелого гостя. А вслух сказал:

– Он не со стороны невесты, он не со стороны жениха. Он потусторонний. Он со мной.

Егоробраз обратил внимание на сервировку стола. Там были только те продукты, фрукты-ягоды, которые помолодевшие садоводы привезли со своих участков на «престарелом» автобусе. Колобов достал из кармана пригоршню абрикосов и выложил перед собой на тарелку.

– Дорогие Елена и Иван. Сегодня самый главный день в вашей жизни, – говорила синяя. – Сегодня вы создали новую семью. И это не потому, что вы так хотите. Это потому что так хочет сама судьба. Поздравим молодых, дорогие гости, пожалуйста, кто желает.

Гости поочередно поднимались с мест и говорили обычные свадебно-поздравительные фразы. «Ну как они собираются жить, когда этот город так изменился, а может, и весь мир? Куда они пойдут, чем будут заниматься?» – недоумевал Егоробраз.

Слово взял водитель Неегор:

– Дорогие жених и невеста. Я рад, что привез вас к вашему счастью, к молодости и любви. Не все могут разделить счастье с вами. Кто-то теряет, а кто-то находит.

Он подмигнул Колобову.

«На что он намекает? Что я поделился своими годами с молодыми? Конечно, для Лены – не так жалко, но почему меня ограбили в пользу других некогда пожилых садоводов? Это сознавать приискорбно и горько», – думал Егоробраз.

– И как только что подумал наш пожилой неприкаянный и почти эфемерный гость – «Горько!» – закричал Неегор и молодые начали целоваться. Ровно четырнадцать раз и каждый поцелуй отбивали часы на главной башенке Белогорска. Четырнадцать ноль-ноль.

Дошла очередь и Колобова. Он взял стакан с то-

матным соком – наверно, успели выжать из дачных помидоров, – встал и сказал:

– Прежде всего я бы попросил не встречать в мою речь товарища водителя. И не только в речь, но и в голову.

Неегор махнул рукой: дескать, да пожалуйста, не очень-то и хотелось.

– Так вот. Я не знаю, что произошло со мной и с нашим городом, может, это потом пояснит наша очаровательная тамада («Очаровательная – вот это пошутил», – не утерпел и встрял Неегор). Но сначала я хочу поздравить молодых, и прежде всего тебя, Лена, потому что нахожусь здесь всё же со стороны невесты. Счастлива вам, ребята, несмотря ни на что. Не знаю, вернемся ли мы в прошлый счастливый мир, может, он только мне привиделся и всё это было неправда, но лучше хоть какое-то будущее, чем никакого. Я желаю вам светлого будущего, чтобы сумрак и снег растаяли.

Синяя иронично болтала хоботом. Показалось, что на конце хобота были пальчики, и они сложились в фигу, и этот кукиш был направлен на Колобова.

– Живите счастливо и любите друг друга. Потому что мы выбираем дорогу часто случайно, но идём по ней долго. Иногда кто-то за нас решает, по какой дороге нам идти, или ехать, и на чём ехать, и с кем, и с какими плодами. Но – что сделано, то сделано. Горько!

Молодые снова поцеловались 14 раз под бой белогорских курантов.

– Танцуют все! – объявила синяя и шмыгнула хоботом. Ее сородичи-музыканты заиграли какую-то муть, но гости с радостью бросились выкидывать коленца и производить всяческие телодвижения. В эту, с позволения сказать, музыку попасть было невозможно, потому что это был скорее не танец, а хаотичное подергивание кукол на невидимых ниточках. Егоробраз, конечно, продолжал сидеть, хотя он с удивлением ловил себя на мысли, что ему тоже хочется присоединиться к этой хореографической возне. Теперь же всё равно, танцует он или не танцует, сидит или стоит, молчит или поёт. Теперь – всё равно...

Горели свечи. Синие рожи и синие руки заполняли пространство своей синей музыкой. За окнами холодила метель. А эта абсурдная свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала.

– А теперь – белый танец! – объявила тамада.

– Белый – Тане, синий – Вале! – скаламбурил Неегор.

Невеста пригласила Колобова. Синие снизили темп и пары медленно покачиваясь предались сумбурным, но уже не таким темпераментным звукам.

– Танцуем, как тогда на выпускном, – сказал бывший Егор.

– Сегодня тоже, будто выпускной, – отозвалась Лена, – только не понятно, выпуск откуда и куда.

– Из молодости в старость, из реальности в кошмар, из лета в холод, из урожайного сада в метель. Был у меня дом, да никого не осталось в нём.

– А мне кажется, что мы должны быть благодарны за тот танец, на выпускном. Тогда мы смотрели в светлое будущее, теперь – в темное. Это равновесие мира.

– Это не равновесие, Лена, это бардак, это неправильно...

Они покачивались в прощальном медленном танце под музыку синих монстров, они оба чувствовали, что видят друг друга в последний раз. Уходило то, что и так не сбылось, не получилось. И сколько длился этот танец – пять минут, пятьдесят, несколько часов – кто знает. Но всему настаёт конец, и хоботливая «синь-ора» вела сценарий свадьбы согласно своему сценарию замыслу.

– Теперь – весёлые конкурсы! – объявила тамада.

Сначала гости должны были зажать между своими телами яблоки и так максимально долго танцевать. Потом под музыку девушкам надо было бегать вокруг стульев и при наступлении тишины падать парням на колени. Одной девушке должно было не хватать места. Конкурс был шумный и забавный, молодежь бегала, толпилась, смеялась.

«А что, – подумал Егоробраз, – даже в прошлой жизни, когда всё было хорошо, – мы тоже резвились, когда сплошь и рядом убивали людей, когда гибли от паленого алкоголя, когда многим нечем было кормить детей, когда к ним приходили коллекторы и приставы и отбирали последнее за кредиты с космическими процентами. Мы так же бегали вокруг стульев, хохотали и щелкали пультами телевизоров. И в этом ничего не изменилось. Кошмар просто другой, а мы все ржём и бегаем, бегаем и ржём...»

Потом Лена бросала через голову венки невесты. Девушки ринулись за вождёнными гладиолусами, и надежда на счастье улыбнулась бывшей бабушке, которая ещё в той жизни рассказывала про американскую собачку. Она прыгала от радости, как ребенок, под аплодисменты друзей и подруг. Может, в душе она ещё была бабушкой, но это не мешало ей хотеть замуж. На то и женщины, чтобы хотеть замуж.

Неожиданно для всех и даже, похоже, для синей хоботливой тамады водитель Неегор достал аккордеон и просто заиграл уже забытую, красивую мелодию из той, пропавшей жизни. И сам запел. И песня эта была самым лучшим свадебным подарком для всех. Она была ОТТУДА, в ней была гармония, у нее были добрые, красивые слова. От этой песни пахло садами на волжском склоне, солнцем, зеленой листвой, шашлыками, друзьями и родными, пахло тем миром, который уже никогда не повторится. Не важно, почему не повторится – из-за вторжения синих, ядерной катастрофы, пространственно-временного локального или глобального триндеца – не повторится, и всё.

«Издавна долго течет река Волга,

Течет река Волга конца и края нет.

Среди хлебов спелых среди снегов белых

Течет моя Волга, а мне семнадцать лет».

Да, та самая песня, на стихи Льва Ошанина. Свадьба пела прочувствованно, многие плакали. Может, понимали, что их молодость – тоже мимолетная иллюзия, которая находится в чужих, синих, бездушных руках. Ненадолго Колобов вновь почувствовал себя прежним Егором. Эта песня была глотком свежего воздуха, светом во мгле, приветом из прошлого со вкусами, запахами, цветами.

«Твой первый взгляд, твой первый плеск весла, Всё было, только речка унесла.

Я не грущу о той весне былой,
Взамен её твоя любовь со мной».

Когда песня иссякла, нависла кладбищенская тишина. Колобов встал и обнял Неегора:

– Ну спасибо, растрогал напоследок, собака ты шутивая.

– Да на здоровье. Пока у тебя есть остатки мозга, я туда всегда влезу, – ответил водила Неегор.

– А мы продолжаем веселиться! – захлопала синяя и отвратительный оркестр заиграл звуковое месиво.

Колобов не стал больше оставаться на этой свадьбе. Он сказал Лене «Счастливо!», поклонился гостям и вышел в метель.

Часть третья.

Дворец делопроизводства

Ну и куда теперь податься? Что делать, когда некуда идти и почти нечем – когда голова дурная, а ноги все равно еле двигаются? Он решил направится на центральную площадь – имени Ленина, на которой был, разумеется, памятник Ленину. Под Новый год здесь ставили главную елку города, площадь сверкала огнями, народу здесь всегда было – не протолкнуться. Здесь же случались все праздничные шествия – первомайские, ноябрьские, здесь же устраивали общегородские спортивные мероприятия, эстафеты, здесь салютовали в честь Дня города. А всё потому что на площади Ленина возвышалось помпезное здание обкома партии, а в постперестроечные времена в нем располагалась областная администрация. Когда-то тут стояли два собора, один из них – кафедральный, построенный в середине XIX века в честь тех, кто погиб в войне с Наполеоном. Оба храма погибли в тридцатые, потому что памятнику Ильичу было некомфортно стоять с такими величественными рассадниками «опиума для народа». И вот удивительное дело: пространство одно, координаты те же, а площадь совсем другая, всё другое. Как будто кто-то умер и попал в другой мир. Умер в царской России – попал в советский рай. Ну или в чистилище или в ад – дело вкуса и умозрительного ракурса.

Вот и теперь – площадь та же. Но, как и во всем городе, – мрак, то и дело появляются ходячие оркестры синих человекоподобных с хоботами, сплетаются с метелью их дисгармоничные произведения.

И вообще, что было раньше на месте площади Ленина? До того, как она именовалась Соборной? Давно-предавню, наверно, океан, в котором сначала копились первые бактерии, потом какой-нибудь планктон, потом водоросли-кораллы, потом рыбы, ихтиозавры, всякие морские чудовища, которые жрали друг друга с большим аппетитом. До сих пор на волжском берегу находят их следы – аммониты. Потом появилась суша, росли папоротниковые леса, ходили динозавры, потом долбанул астероид, пришли млекопитающие звери, выросли хвойные леса, потом из Африки пришли первые люди, бежали тут через будущую площадь, мамонта забивали. Потом – кочевые племена, древние культуры, затопило пару-тройку атлантид. Возможно, на этом месте стоял буддийский храм – место высокое, не зря русские, пришедшие сюда в XVII веке, назвали свой деревянный кремль Белогорским посадом, а

чуть позже – Белогорском. Устраивали на этой площади людские сходы, может, и казнили кого, созывали бойцов для сражения с бунтовщиками Стеньки Разина или Емельки Пугачева. А потом – это уж достоверно, возвели величественные соборы, затем – уничтожили. Сколько всего здесь было! И что здесь теперь творится – неизвестное и жуткое. И что будет твориться завтра, через сто лет, через тысячу, через десять тысяч, сто тысяч лет? Что за неведомые существа здесь будут ходить, летать или ползать? Если это будут люди, то сколько у них будет рук и ног, какие головы, лица, глаза, на каком языке они будут разговаривать, какие песни петь? Что у них будет на уме? Что они захотят устроить на том месте, где когда-то, совсем недолго была площадь Ленина? Построят ли они свой очередной храм очередной веры, организуют ли столовую для поедания себе подобных, а может, стартовую площадку для взлета по маршруту «Земля – Марс – Энцилад»? Наверняка они будут жить вечно, периодически меняя себе органы, как запчасти, и свободно покупая их в магазине. Уже сейчас, не успев Колобов оглянуться на свой дачный участок, как состарился и увидел, что в городе хозяйничают синие хоботы, куда-то девшие всех людей и изменившие климат, пространство и время? Что ещё ждет это место, столь любимое когда-то белогорцами?

Интересно, что в здании администрации горел свет. Колобову доводилось в свое время бывать внутри – в торжественном зале его принимали в пионеры. Колонны, люстры, красное знамя, строгий и пронизывающий взгляд мраморного Ильича. Тогда звучала песня со словами «И Ленин такой молодой и юный Октябрь впереди». Слова казались таинственной молитвой с непостижимым смыслом, было неясно, с кем «вновь продолжается бой», но мелодия влекла вперед, в светлое будущее, заставляла учащенно биться сердце. Она побуждала вскочить на коня, выхватить шашку, и с налету разрубить кого-нибудь пополам, чтобы кровяшка, кишки, мозги, отрубить кому-нибудь голову, чтобы она катилась, как мячик подпрыгивая. Потому что это – бой за народное счастье. Оставалось только дать четкое определение, что такое счастье, а в этом была трудность, потому что счастье – у каждого свое.

Егоробраз стоял у входа в администрацию, теперь, конечно, уже бывшую. Он не заметил, как сзади подъехал тот самый льготный автобус, со свадебными гостями. Неегор посигналил Колобову, двери зашипели, молодежь высыпала на улицу.

– Проходим, проходим в Дом счастья, – затараторил водитель. – Сегодня у вас начинается новая жизнь... Проходим, а то мне сегодня ещё за следующей партией ехать.

«Какая новая жизнь может быть в администрации?» – недоуменно подумал Егоробраз и вошел внутрь.

Первым, кто его там встретил, был Петр. Да, тот самый, сосед по даче.

– Привет! Ты чего здесь? Что вообще творится?!

– Работаю я здесь. Охранник-вахтер-регистратор. Я – Петр на вратах у входа в ад. Или в антирай, если угодно. Давай и тебя зарегистрирую, раз пришел. Добро пожаловать в Дворец делопроизводства или Дом счастья. Твой номер – 256 876. Извини, ничего личного.

– Это что, здесь уже побывало столько? Полгорода?

– Ну да. Примерно столько у нас молодого народа. Почему ты сюда завалился, непонятно, ты же постарел, да не просто постарел, а абсолютно, дотла. Вряд ли ты им пригодишься.

– Как образно! «Постарел дотла»... И чего сюда всех привозят, зачем? Им – это синим хоботам?

– Сам всё увидишь.

Вот, оказывается, куда делись все жители Белогорска. Здесь было много людей, и действительно в возрасте не старше сорока. Все залы были оборудованы конвейерами, эскалаторами, которые передвигали белогорцев от одного пункта к другому. Эти пункты представляли собой столы со всякой аппаратурой, где людей просвечивали, сканировали, изучали, выдавали справки и они двигались дальше. Заправляли всем эти, синие с хоботами. То ли народ одурманили, то ли запугали, но все безропотно, как манекены, продвигались от синего к синему и подвергались исследовательским и оценочным процедурам. Было и много детей, тоже молчаливых и безэмоциональных.

«Куда они все двигаются, для чего?». Колобов хотел узнать ответ на этот вопрос. Он прошёл несколько залов и коридоров, попытался заговорить с земляками-белогорцами, но они его словно бы не замечали, смотрели сквозь.

– Гражданин с регистрационным номером 256876, не нарушайте порядок. Пройдите в Отдел отбраковки биологических ресурсов, – прозвучало в громкоговорителях.

Слева и справа уже стояли два синих мордоворота с хоботами.

– Я пройду, куда вы скажете, мне уже всё равно, только дайте мне десять минут.

– Даём четырнадцать, – сказал синий хобот, и они пока оставили Колобова в покое.

Егоробраз понял, что все эти люди, которые были настоящим и будущим Белогорска, уже не принадлежат себе, их не ждёт ничего хорошего, и конвейер несёт их в какую-то черную дыру, чью-то пасть. В середине двадцатого века нечто подобное устраивали немцы в своих концентрационных лагерях смерти. Они выжимали из людей все соки, потом душили в газовых камерах, жгли в крематориях. Это умные, рациональные немцы, носители великой культуры. Тогда их поразила какой-то рак сознания, опухоль мировоззрения. Им казалось это нормальным, мало кто сходил с ума. Значит, такой неожиданный провал в ад уже случался в истории.

А что на уме у этих синих?

И тут Колобов заметил на конвейере жену и дочку. Рука в руке, отсутствующие, манекеновые глаза.

– Юля! Катька! Это – я! – закричал из последних сил Колобов, но горло не слушалось, хрипы и шипение – вот всё, на что он был способен. Увы, он уже оказался в цепких синих руках. И его близкие люди проплыли мимо на эскалаторной дорожке. Да, они повернули головы в его сторону, они даже кивнули ему – и всё. Они даже понимали, кто он, но, словно под наркозом, («под общим наркозом!» – уточнил внутренний Неегор) смотрели куда-то дальше.

На конвейер возвели и молодожёнов со свадьбы. И молодожёнов, и гостей. Никто из них не противился, и все были словно в дурмане.

– Не нарушайте порядок! – сказали ему синхронно два синих и отволокли туда, где людской конвейер завершал свое неотвратимое движение. Видимо, чтобы удовлетворить его желание узнать, каков финал, каков хэппи энд всего этого. Хэппи энд в Доме счастья.

Это был большой зал заседаний областной администрации. Здесь раньше проводились торжественные собрания, съезды, чествования передовиков производства, расширенные и отраслевые совещания. Гигантские люстры, широкие колонны, словно ноги мегаслонов.

Посреди зала на троне восседало, видимо, самое главное синее существо, высокое, как ствол сосны, с таким хоботливым безобразным, с позволения сказать, лицом. Словно удав, вознесшийся к потолку. Особую жуткую нелепость этому чудовищу придавали очки. Оно брезгливо сверху вниз оглядывало происходящее и прихлебывало шлепающими губищами красную жидкость из огромного стеклянного фужера. Когда напиток заканчивался, длинная рука опускала сосуд на особый стол и несколько синих его снова наполняли.

Вскоре Колобов понял, чем наполняли.

Сразу у входа в большой зал синие подключали к белогорцам устройства, напоминающие больничные капельницы или аппараты машинного доения, какие бывают на молочных фермах. Они выкачивали из несчастных кровь.

«В конце концов люди так или почти так поступают с животными, забивают их на мясо, потом едят и чувствуют себя превосходно, им вкусно, – подумал Колобов. – А тут нашлись те, кто решил поесть нас. Мы для них всего лишь мясная порода, только людей. Наверно, это нормально».

Но Егоробраз тут же вспомнил о жене и дочке, которые приближались к пункту забора крови. Он внутренне взвыл от бессилия, но двое синих цепко держали его.

– Отпустите меня, уроды! Твари! Чтоб вы сдохли! Чтоб ты подавился, чтоб ты захлебнулся, долговязая очкастая синяя падла!

Собранная кровь по кровепроводу поступала прямо к столу главного большого синего. Темно-красную липкую жидкость беспрестанно подливали ему и он постоянно пил и причмокивал.

А люди? Бледные и ничего не понимающие, они транспортировались в некий бункер, как чемоданы на вокзалах для «просвечивания» на предмет наличия опасных и взрывчатых веществ. Удивительно, что они ещё стояли на ногах. Выезжали они из бункера глубокими стариками и старухами. В них превращались за каких-то пять минут (за четырнадцать – поправил Колобова Неегор). В бункере из людей выкачивали жизнь и молодость. К счастью («Ага, «к счастью», очень смешно» – это опять Неегор), они уже ничего не понимали. А может, и понимали, но ничего поделать не могли. Они доставлялись в отдел выбраковки биологических ресурсов, а потом складировались там. Оказывается, – синие потащили Колобова на невольную экскурсию, – что под зданием администрации находилось невероятнейших размеров помещение, может, на случай ядерной войны. Такое огромное, что там могла поместиться половина центрального района Белогор-

ска. Туда на стеллажи синие сносили еще живых, но обескровленных и обезжизненных. А ещё они были похожи на садовые пугала или масленичные чучела.

«Бывает творог обезжиренный, бывает ворог обезжизненный», – не преминул скаламбурить в голове неугомонный водила Неегор.

Колобов понял, на кого они похожи. Конечно, на него. Его тоже обезжизнили, еще в автобусе, хотя он пока сам ноги волочит.

Неизвестно почему, но синие решили его отпустить и вытолкнули в метель через дверь во внутренний двор со словами «Не нарушайте порядок».

Егоробраз поплёлся в сторону набережной, к месту, которое называлась Венец. Венец – потому что высокий берег, поэтому и название Белогорск – дословно «Город-На-Белой-Горе». Неясно, почему гора (ну как гора – холм около двухсот с половиной метров от уровня реки), почему гора белая, наверно, из-за снега зимой. А может, она белая из-за того, что в мае бурно цвели белым яблоневыми садами, которые обильно покрывали склон до самой воды. Но летом она была зелёная, а осенью желто-красно-оранжевая. Теперь же гора была серо-мрачная.

В бытность Егором он очень любил сидеть здесь на лавочке у филармонии, смотреть на волжский мост, на снующие прогулочные катера, теплоходы, изредка парусники. А там, на том берегу – Заволжский район, железнодорожная станция Верхняя Терраса, а ещё дальше, если проехать километров тридцать – его сад, СНТ «Яблонька». Здесь всегда было спокойно, тихо, здесь можно было спастись от нервяка и суетливой обыденности, здесь сладко мечталось обо всём хорошем. Летом тут всегда освещал волжский ветерок. Кто-то умудрился назвать Белогорск городом семи ветров. Почему семи? И каким ветром надуло то, что с ним, с Белогорском, случилось? «Семь ветров надули город», – подумал он или кто-то подумал так внутри него.

До Егоробраза доносились издали сумбурные оркестры синих. Они хозяйничали, и, похоже, их империя все расширялась, ведь главный синий очкан-долговяз – такой ненасытный. Колобов достал из кармана и съел свой последний абрикос. Он почувствовал, как «престарелый» неегоровский автобус, просигналив, отправился за новой партией безопасного людского материала.

Он сидел на лавочке (Неегор сказал бы, что Колобов сидел на лавочке, через «е»), глядел на замерзающую Волгу и всё глубже погружался в дремоту, из которой вернуться уже было не суждено. В его слабом сознании одна картина сменяла другую.

Вот он – большая рыба, вроде осетр, барахтается в сетях. Его вытаскивают мужики, они галдят, радуются, ругаются. Он бьётся на дне лодки, пытается вырваться, спастись, задыхается и безумными глазами видит, что это – то самое место, где теперь стоит мост, но река еще изначальная, быстрая, чистая, красивая, с продольным большим островом посередине, который теперь под водой. «Вытащили, гады, из моего мира, и хорошо, если я засну – да, рыбы не умирают, – рыбы «засыпают» – если я засну раньше, чем мне вспорют брюхо, порежут на кусочки и сварят уху». Уснуть получилось раньше, не успела рыба рассмотреть, какие берега и какая река были до эпохи строительства ГЭС. Вот уж точно – другой, сказочный, навсегда исчезнувший мир.

А теперь он – ворон. Он кружит над Волгой уже сто лет.

...Он видит плывущие на нерест косяки гигантских рыб – белуги, осетры, стерлядь. Холм Белогорска белеет многочисленными церквями. Может и поэтому он – Белогорск? Вокруг него – деревушки, заволжские слободы, стада коров, поля, леса...

А потом он видит: через Волгу начали строить мост, пролеты такие арочные, и как будто мост – это волна. Оползень на берегу разрушил несколько пролетов. Слышна песня «Во кузнице».

...Еще вид сверху: с южной стороны в город входят вооруженные люди, стреляют из винтовок. Похоже на гражданскую войну. Какие глупые людишки, придумали, что кто-то «красный», кто-то «белый» и убивают друг друга, большего идиотизма и вообразить сложно. А любой идиотизм сверху лучше видно. Теперь вот что доносилось:

«Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой,
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.
И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня...»

Этакая задорная песня про тачанку – запряженную телегу с пулеметом. Задорная, веселая машина-убийца. А ещё видно, как старинный Белогорск начали разрушать, под снос пошли соборы, монастыри, часовни, особняки, стали появляться заводы, новые здания-коробки, и самая большая коробка появилась на вершине холма. Говорят, она посвящена самому главному вождю то ли «красных», то ли «краснокожих».

Белогорск всё крупнее, всё крупнее. Теперь поют что-то вроде «Любовь, комсомол и весна!». От машин рябит в глазах, самолеты снуют туда-сюда и нервничают нормальных птиц. А ещё Волга из реки превратилась в море, сколько земли затопили – намаешься, пока облетишь.

Новый мост построили, длиннющий. Да, воздух раньше чище был, поэтому летать над городом уже не хочется.

Туда, за Волгу, где теперь собирают самолеты.

Дальше, где поля, где залив, там покружить. Что за песни зазвучали? «Американ бой, уеду с тобой, уеду с тобой, Москва, прощай... Ох было, девки, было...»

Устал. Сто лет как один взмах крыла. Передохнуть. Отдышаться. Присесть на какую-нибудь крышу, да хотя бы вот этого дачного домика. Ха, сидят два мужичка, пугало смастерили, забавники. Никто из птиц, разве что безмозглые галки, уж этих чучел давно не боится. Меня заметили, «Черный ворон» затянули, хмельные. Мол, ты добычи не дождешься... Я – дождусь.

На крыше сидит ворон. Два приятеля на садовом участке отдыхают хорошим августовским вечером, болтают, выпивают, закусывают. Рассуждают о женщинах, политике, урожае. Ну точно, один из них – Егор, другой – Петр. И он – с ними, он – третий, и ему налили стаканчик, насыпали на закуску горсть абрикосов.

Только пить он не может. И есть не может.

Потому что он – пугало, горе луковое, голова садовая.

Ирина БОГАТЫРЁВА, прозаик, музыкант. Родилась в 1982 году в Казани, выросла в Ульяновске, окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат «Ильи-премии», премии журнала «Октябрь», премии Белкина, премии В. Крапивина, премии С. Михалкова и др. Автор семи книг прозы. Живет в Подмосковье.

Советуем прочесть

В 2020 году в издательстве «Эксмо» вышел роман Ирины Богатырёвой «Белая согра». (Ранее роман под названием «Согра» был опубликован в журнале «Новый мир», №№ 4-5, 2020).

Поздравляем Ирину Богатырёву с выходом новой книги!

Ирина БОГАТЫРЁВА о романе «Белая согра»:

Этот текст появился из фольклорных экспедиций с Лабораторией фольклористики РГГУ, с которой мне посчастливилось три сезона работать в Архангельской области. Для меня это был чрезвычайно ценный жизненный опыт. Я не только поняла для себя, что же на самом деле такое – русский фольклор в наши дни, как сохраняется, меняется и живёт традиция, что такое народные верования и как чувствуют себя в современных реалиях персонажи, как домовая и леший, но и познакомилась с колоритными людьми, о которых до этого могла разве что прочесть у Шергина. Русский Север – особый край, со своим говором, фольклором, и мне хотелось в тексте передать всё вместе: и типажи, с которыми я столкнулась в ходе экспедиций, и диалект, и даже собственное удивление от всего этого – удивление современного городского человека.

У каждого полевого фольклориста есть свой золотой информант – человек, с которым были записаны лучшие интервью, случился душевный контакт. Для меня таким человеком стала женщина, с которой я записала интервью в первый же день работы в первой же своей экспедиции. Она оказалась действительно ценным рассказчиком, чего я, по неопытности, не могла оценить и поэтому ходила к ней ещё дважды с более опытными коллегами, а она рассказывала и рассказывала. Причём от раза к разу, так или иначе она повторяла одну и ту же историю: про свою родственницу, которая, умирая, жаждала с ней повидаться. Однако тётя Маруся не пошла. И только на третий раз, вновь вернувшись, как привязанная, к той же истории, она рассказала её до конца – и стало ясно, что её отказ навестить умирающую был мстью ей. Но понять все обстоятельства этого можно только разбираясь в местной традиции – со стороны кажется, это просто конфликт двух невесток.

Сюжет, таким образом, возник сам, а завязка оказалась самой естественной: городская девочка-

подросток, не имеющая никаких родственных связей с Севером, попадает в глухую архангельскую деревню. Не совсем, правда, глухую: здесь есть большая каменная церковь, что для тех мест необычно. Некогда это было крупное село с ярмаркой, но всё – глубоко в прошлом. Сейчас же здесь живёт несколько старух, сюда не ездит общественный транспорт, и всё, что у них есть, – их прошлое, о котором они готовы рассказывать часами. В их рассказы органично вплетаются деревенские сплетни и досада на соседей, истории о лешем и порче скота, о том, как вывести щетинку у ребёнка, как избежать встречи с банником и главное – о чудесной травине, помогающей находить потерянные вещи и людей.

Правда, не всяких людей, а только тех, кто хочет, чтобы их нашли.

Однако основной своей задачей в этом тексте я ставила работу не с материалом, но с языком. Материал как раз практически не требовал обработки – это реальные интервью с реальными людьми. Но я поняла, что вся суть теряется, если их лишить главного – того языка, на котором они были рассказаны, диалекта и особого звучания спонтанной живой речи со всеми пропусками, повторами и даже словами-паразитами. Без этого всё превращалось в выхолощенные народные приметы и поверья – всё то, от чего меня лично мутит. Нет, мне хотелось передать музыку той речи, которая меня изумила. И тут пришлось действительно приложить усилия, потому что звучащая речь на бумаге становится неуклюжей и нелепой, она не воспринимается, в ней теряется не только очарование, но и смысл. Пришлось разработать целую систему, как превратить интервью в языковой портрет персонажа так, чтобы это было неутомительно современному читателю, не заинтересованному ни в диалектизмах, ни в фольклористике.

Ему и решать, насколько мне это удалось.

Валерия ПУСТОВАЯ о романе Ирины Богатырёвой «Белая согра»:

«Настоящая словесная живопись, втягивающая в северный сельский пейзаж, который вдруг раздвигается над нами, как собор из сосен и облаков. Двойное зрение – главная интрига романа, в котором не верь глазам своим. Мы вступаем в мир, где опрокинуты границы мужского и женского, предметного и незримого, колдовского и обиходного, злокозненного и целительного. И именно в таком мире у нас есть шанс принять себя и свою жизнь во всей полноте.»

Роман Ирины Богатырёвой «Белая согра» в этом году выдвинут на соискание литературной премии «Ясная Поляна».

СОЛО

Елена КРЮКОВА, поэт, прозаик, музыкант. Родилась в Самаре. Член Союза писателей России. Член Творческого союза художников России. Профессиональный музыкант (фортепиано, орган, Московская государственная консерватория). Живет в Нижнем Новгороде.

Окончила Литературный институт им. Горького, семинар А.В. Жигулина (поэзия).

Автор книг стихов и прозы (романы «Юродивая», «Серафим», «Царские врата», «Пистолет», «Врата смерти», «Ярмарка», «Dia de los muertos», «Тибетское Евангелие», «Русский Париж», «Старые фотографии», «Беллона», «Рай», «Безумие», «Солдат и Царь», книга рассказов «Поклонение Луне» и др.).

В 2019 году вышли роман «Хоспис» и книга стихов «Вера».

В 2020 году вышел роман «Иерусалим» (Kontinent Publishing, США, Ridero, Екатеринбург).

Лауреат премии им. М. Цветаевой («Зимний собор», 2010), Кубка мира по русской поэзии (Рига, Латвия, 2012), премии журнала «Нева» за лучший роман 2012 года («Врата смерти», № 9 2012), литературной премии Za-Za Verlag (Дюссельдорф, Германия, 2012), региональной премии им. А.М. Горького («Серафим», 2014), Пятого, Седьмого и Десятого Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» («Старые фотографии», 2014, «Солдат и Царь», 2016, «Вера», 2019), Международной литературной премии им. И.А. Гончарова («Беллона», 2015), Международной литературной премии им. А.И. Куприна («Семья», 2016), Международной Южноуральской литературной премии («Солдат и Царь», 2016, «Старые фотографии», 2017), Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, Канада, «Беллона», 2017), Первой Международной литературной премии «ДИАС» («Евразия», 2019), литературной премии им. С.Т. Аксакова («Хоспис», 2019), премии журнала «Север» («Хоспис», 2020), литературной премии «Мыслящий тростник» им. Ф.И. Тютчева («Созвездие Лебеда», 2020), литературной премии им. Н.Н. Благова («Вера», 2021) и др.

Создатель авторского Театра Елены Крюковой (моноспектакли «Ксения», «Солдат и Царь», «Русский Париж», «Земля», «Старые фотографии», «Русское Евангелие», «Серафим», «Коммуналка» и др.).

Автор и куратор арт-проектов в России и за рубежом, искусствовед. Муж – художник Владимир Фуфачев.

ЗА ВСЕ ТЕБЯ БЛАГОДАРЮ

«Ах, что-то будет со мною, какова-то будет моя судьба!»
Ф.М. Достоевский, «Бедные люди»

Из книги
стихотворений
«ВЕРА»

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ. МЕТЕЛЬ

Я была такой маленькой, маленькой. В жгучей шубе пуховой.
Непрожаренной булочкой маковой в пирожковой грошовой.

Тертой в баньке неистойой матерью – чингисханской мочалкой.
Оснеженной церковною маковкой – занебесной нахалкой.

Над молочными стылыми водами... – плодными ли, грудными... –
Я шагала январскими бродами и мостами пустыми.

Грызла пряник на рынке богатеньком – винограды в сугробах!..
Надо мной хохотали солдатики, за полшага до гроба...

Пил отец и буянил торжественно... Мать мне горло лечила...
Я не знала тогда, что я – Женщина, что я – Певчая Сила.

Мне икру покупали... блины пекли!.. Ночью – корку глодали...
Вот и вылились слезы, все вытекли, пока мы голодали...

Это после я билась и мучилась, била камни и сваи...
Я не знала, что Райская Музыка, что в Раю проживаю...

Что снега васильковые мартовские под крестами нечищеными –
Это Рай для хохочущей, маленькой, херувимочьей жизни...

Светлый Рай!.. – со свистками и дудками молодых хулиганов,
С рынка тетками, толстыми утками, – боты в виде наганов, –

С пристанями, шкатулками Царскими, где слюда ледохода, –
То ль в Хвалынское, а может, в Карское – твой фарватер, свобода!..

Рай в варенье, в тазу, в красных сливинах! В куржаке, как в кержацких
Кружевах!.. Рай в серебряных ливнях, Рай в пельменных босяцких!..

Майский Рай синих стекол надраенных!.. Яшмы луж под забором!..
Рай, где кошки поют за сараями – ах, архангельским хором!..

Ангелицы, и вы не безгрешные. В сердце – жадная жила.
Я не знала – орлом либо решкою! – где, когда – согрешила.

Где я сгрызла треклятое яблоко, в пыль и в сок изжевала!..
Где надела преступные яхонты, Зверя где целовала...

Мать завывала. Собака заплакала. Рвал отец волосенки.
Поднял Ангел свечу: оземь капала воском горьким и тонким.

Затрубили из облак громадные, несносимые звуки.
В грудь, в хребет ударяли – с парадного – костоломные руки.

И воздел Ангел меч окровавленный,
Как солдат, первым злом одурманенный,
«Вон!» – мечом указал мне:
На метель, острым рельсом израненную,
На кристаллы вокзалов.

Вот твой путь, сумасшедшая грешница. Вот повозка стальная.
Вот трясутся кровать и столешница на бульжниках Рая.

И заплакала я. И метелица била в ребра, как выстрел.
Жизнь, ты бисер! Ты килька, безделица! Черный жемчуг бурмистров!

Пиво в Райской канистре шоферичьей... Дай хоть им поторгую...

...об изгнании из Рая – без горечи
И без слез... – не могу я...

* * *

– Придет Царствие Мое.
 Придет Царствие Мое.
 Вы долго ждали, бедняки –
 Придет Царствие Мое.

– Царь-Голод высох тьмой доски.
 Царь-Холод сжег мои виски.
 Царь-Ветер плачет от тоски.
 Придет Царствие Твое.

– Пропой же мне последний стих,
 Пропойца с пламенем седых
 Волос, – что плачешь ты, затих?
 До дна ты выпил Бытие?..

– Блаженны нищие духом, ибо их...
 Блаженны плачущие, ибо их...
 Последний Дух, и вдох, и дых:
 Придет Царствие Твое.

...И так они стояли – так
 Стоят на рынке мясники,
 А снег в крови, в снегу резак, –
 Стоят и плачут от тоски.

В снегу – замызганный пятак:
 Огонь – на резкой белизне.
 Друг против друга – вечно: как
 Враги на ледяной Войне.

И весь в слезах стоит Христос.
 И я стою – лицо в слезах.
 А мир, бедняк, ослеп от слез.
 Огонь, огонь – в его глазах.

* * *

Я уповаю на Тебя рвут марлю с выдохом и хрустом
 Рвут бинт страданием слепя в палате чисто чудно пусто
 В палате глухо ледяно на помощь звать не хватит крика
 Я позабыла так давно улыбку сестринского лика
 Звон скальпелей и вилок звон на бедной памятной године
 Я лишь исполнила закон – проплыть под синевой на льдине
 И снизу дышит синева и сверху рушится и льется
 И я плывя дыша едва ладонь тяну слепому солнцу
 Я уповаю на Тебя не постыжуся не отрину
 Дрожит соленая губа сухую простыню – под спину
 Моя держава бытие Спаситель мой и Защититель
 Одно прибежище мое одна суровая обитель
 Вот доигралась на врага я безоружна выходила
 Сама себе не дорога живое жалкое кропило
 Разбрызгивала соль и свет и боль и радость и рыданье
 Кричала людям: смерти нет хрипела в позднем покаянье
 Летела за Тобой во Ад уподобляясь снежным хлопьям
 Дороги не было назад а я по кольям шла по копьям
 А нынче кетгут мертвый бинт и острый нож чужой умелый
 А я живой железный винт весь от мороза поседелый
 Меня загнали в темный паз меня вворачивают туго
 Во время слишком тесный лаз
 чтоб крепко там обнять друг друга
 А может держится на мне вся эта жестяная лодка
 И не окажемся на дне и улыбнемся дивно кротко
 Мне больно выгибаюсь я ору мечусь мне ловят руки
 Ты Боже вся моя семья не вынесу с Тобой разлуки

Возьми что хочешь отними остави круглой сиротою
 Но Ты иди между людьми ко мне – легчайшею стопою
 Но Ты мне руки протяни боль обрати в тугое пламя
 В палате чистой мы одни в Твоем пустом и голом храме
 Здесь росписей навеки нет
 Здесь только мы под конхой плачем
 За литургией звезд планет
 И я гляжу лицом незрячим
 Лишь на Тебя лишь на Тебя как больно с болью нету сладу
 Господь прибежище судьба любовь и крепость и отрада
 Разбей меня я Твой сосуд расколоти – Себе на счастье
 Но рвут бинты и нож несут – разрезать сердце мне на части
 И пересохшею губой вылепливаю плача нити
 Господь мой я всегда с Тобой и на Голгофе и в зените
 И коль пройдешь во тьме палат меня в стерильный снег вминая
 Пятой
 Тебе я крикну: Свят
 И Ты прошепчешь мне: Родная

ПСАЛОМ ТРЕТИЙ

*Господи славлю Тебя как могу
 В тишине во сне наяву на бегу
 Славлю Тебя косноязычным ртом
 Славлю сейчас а как будто потом
 Будто через горы и волны лет
 Господи Ты ведь лучше знаешь: времени нет
 Славлю сердцем распятым издырявленным в край
 В спину-грудь палили
 Мой крик: не стреляй
 Все глухие не слышали Ты слышал один
 Ты со мною плакал в застольях годин
 Ты со мною к устам – рюмку с красным вином
 И глотали вместе
 И рыдали об одном
 Ты со мной – о моем
 Я с Тобой – о Твоем
 Меня с Тобой распинали кололи копьем
 И я зрела как швырял прочь копье тот солдат
 И вопил: верую нет дороги назад
 А я домой тихо с Голгофы шла
 На меня лаяла собака из-за угла
 И не было сил камень бросить ей в бок
 Потому что собака ведь она тоже Бог
 Господи Ты же в каждом почему же тогда
 Все врут жрут предают сейчас и всегда
 Как же долго и страшно к безгрешью идти
 Господи тьма солдат у нас на пути
 И у каждого копье
 И у каждого – «калаш»
 Господи да ведь Ты не убьешь не предашь
 Ты только в улыбку Себя перельешь
 Пред лицом увидев сверкающий нож
 Вот щека одна
 Вот другая щека
 Под ногою – земля
 Она Тебе велика
 Обернусь на Лысый холм погляжу
 Кровь заката тихо течет по ножу
 Я еще не знаю что воскреснешь Ты
 Я вдыхаю запах сухой пустоты
 Я рыдаю кричу задыхаюсь бегу
 Господи славлю Тебя как могу*

ПТИЦА

Я взмахну камчатной скатертью над столом.
Я Пасхальную скатерть, радуясь, постелю.
На прощальную скатерть поставлю не яства – дом,
Напоследок не налюбуюсь, как все люблю.

Цвета крови вот – яйца, и вот сладимый кулич,
Весь усыпанный сахарной пудрой, подобной звездам...
Вот кагор, и во тьме вина отразится Лик,
Что не выдам, не оболгу, не убью, не предам.

Вот еще год прошел. Отдалился дней голый лес.
Отзвенели зальделые ветки на полночном юру.
И мне все равно, сколько лет назад мой Господь воскрес:
Да, сегодня, воистину, на мощном, теплом ветру.

Я уйду, и мой дом со мною уйдет в запределье держав.
Ваша мать... дети-внуки, помните, помните сколь суждено!
А Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ,
И стучусь я, птица, веселым клювом в Пасхальное ваше окно.

СОБОРОВАНИЕ

За все Тебя благодарю.
Себя я ветром подарю
Снегам Твоим.
Струится жаром – январю –
Кадила дым.

Курится ладан и плывет.
Плывет в зените звездный плот.
И я стою
Средь храма. Бог – восток, восход.
Хор ангелов опять поет
Нам ектенью.

На службе, в этот поздний час,
Пока огонь еще не сгас,
Кануна медь
Пылает, – значит, не для нас
Чернеет смерть.

Вся жизнь отверстая – Господь!
Весь Мирь – преломленный ломоть,
Глоток вина.
И нам любви не побороть:
Она – одна.

А только к сердцу так прижать,
И целовать, нести, держать,
И лоб крестить,
И есть давать, из кружки пить,
И снова плакать и любить,
Прощать и жить.

Быть одному, как в поле рать,
Рыдать, сражаться, умирать,
Воскреснуть вновь –
Затем, что голос слышал ты
У исчезающей черты:
Бог есть любовь.

Поет и плачет иерей.
Стоят старухи у дверей.
На лбах елей.
И на ладонях, на щеках,
И на минутах, на веках, –
Лей, время, лей.

Соборования свеча
В руке тепла, нет, горяча,
И воск течет
И застывает друзой слез.
Прости меня, прости, Христос,
За злой безвременный мороз,
Безумный лед.

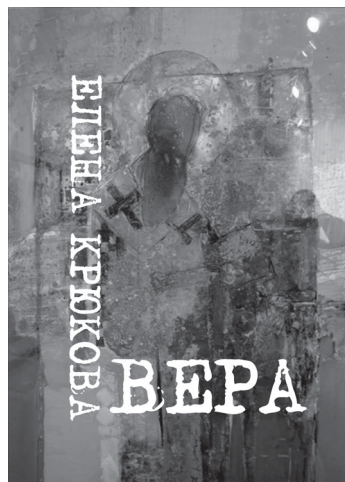
Средь храма Божьего стою.
Возьми, о Боже, жизнь мою,
Возьми и смерть.
На небесах в Твои глаза
В Раю, где грешникам нельзя,
Хочу глядеть.

И пред иконою Твоей,
Средь храмины, среди людей,
Как среди гула площадей,
С колен не встать.
Гореть, молиться и сгорать,
Смеяться, плакать, забывать,
И каяться, и умирать,
И воскресать.

Юрий ПОПОВ

РУССКИЙ КОСМОС

(Елена Крюкова. «Вера». Стихи. Ridero, 2019)

Всегда настороженно относился к понятию «духовная лирика». Нечто слащавое, вымученное, неестественное... Мне всегда казалось, что после Царя Давида пытаться создать что-то достойное внимания весьма проблематично. Спору нет, есть отдельные стихотворения, отдельные книги, отдельные авторы, но они-то, как правило, никогда и не

претендовали на звание «духовных поэтов», просто верили, молились, грешили, каялись – и в результате рождалась не сладкая водичка «переложений» и «вариаций», а подлинная Поэзия. Если мы вспомним одно из греческих имен Бога – poetos, Творец, – все становится понятным.

Новая книга стихов Елены Крюковой «Вера» – это не просто хорошая поэзия. Это погружение в экстатический русский космос, опыт извлечения музыки из ткани Бытия – нерасчлененной, тугой и живой. Понятие религиозной поэзии просто-напросто теряется, съезживается при соприкосновении с этими строками, в которых бьется, бурлит, клокочет сама живая жизнь, живое сердце. И это естественно; по-другому просто не может быть, потому что «Бог для русской – всей жизни стоголосый хор». А жизнь эта вьется среди кривых захолустных улочек и в метельном поле, в запущенных квартирах и затерянных углах всей необъятной, тревожной Русской земли. И по этим гулким пространствам, по метельному русскому Хаосу идет Господь:

*И по этой дикой вьюге, по распятым тем полям
Шли, держась друг за друга,*

люди в деревенский храм.

*– Эй, держись, – Христос воскликнул, –
ученик мой Иоанн!*

Ты еще не пообвыкнуд, проклинаешь ты буран...

*Ты, Андрей мой Первозванный,
крепче в руку мне вцепись!..*

*Мир метельный, мир буранный –
вся такая наша жизнь...*

Дело в том, что Господь в этих стихах не где-то далеко, в заоблачных высотах, и он не просто Судия. Нет, Он здесь, совсем близко, так близко, что можно тепло и неизбежно-жалостливо, по-матерински, по-русски, назвать Его «Сынок».

Шалью укройте, – замерз мой Сынок!

Холодно, Боже...

В наших полях и мертвец одинок.

Холод по коже.

Потому что Он – наш состраждущий Свидетель; Он как будто вышел из позолоченных риз иконы и бредет то русским проселком, то метельным полем, то грязной улицей пригорода, – идет, чтобы понять, чтобы принять, чтобы спасти.

А Он вдоль по Байкалу шел с улыбкой на устах.

Холицовый плащ Его, тяжел, весь рыбою пропах.

Таков и образ России – далекий как от казенного патриотизма, так и от русофобской ненависти; это образ Родины, Матери, страдальцы и великомученицы, родной и близкой не только своими красотою и величием, но и своими нарывами и язвами.

Россия,

сумасшедшая!

Тебя ли петь устану я?

В грязи твоей прошедшая –

В какую святость кану я?!..

...Держава горькая,

Земля неутолимая –

Над водкой и махоркою –

Глаза Его любимые...

Русь навеки связана со Христом – и в славе, и в падениях, во всем житии, и ничто не в силах разорвать эту связь. И старая, и новая Россия, и расстрелянная семья последнего русского государя, и алкаши из подворотни, и продавщица церковных свечей – все они русские, а значит – Христовы. Без убогого морализаторства и скрупулезного начетничества – это истинно народная, истинно православная поэзия. И поэтому сплетаются, как стежки-дорожки из песни, строки стихов

О чайнике ржавом, о миске пустой,

О нищей державе, о вере святой,

О старом, безумном, больном мужике,

Что голубя нянчил на мертвой руке.

Вот эта укорененность в повседневном быте, исподволь пронизанном Священным, – высокий нерв Поэзии Елены Крюковой, который должен обязательно отозваться в читателе, если только он сохранил в себе душу живую.

Миасс.

16 июня 2019, Святая Троица

Ольга ДАРАНОВА

«ИСКУССТВО – ЭТО ЧУВСТВО!»

Встреча с новым лауреатом межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова в номинации «Волжская пристань» – поэтом, прозаиком, искусствоведом Еленой Крюковой (Нижний Новгород) состоялась в Каминном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Елена Крюкова приняла участие в торжественном открытии Года книги в Ульяновской области и получила Диплом лауреата IV межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова в номинации «Волжская пристань» за сборник стихотворений «Вера».

На встрече Елена Николаевна представила свои книги и прокомментировала особенности своего творчества.

Автор сложный, противоречивый, с неистовой энергетикой, ярким мироощущением и сложным спектром воплощённых замыслов и тем. Плотность ткани её книг поражает, сюжеты воплощают историю в разных её эпохах, древнюю и позднюю, время Второй мировой войны, Серебряный век и революцию, чеченскую войну и современность. Географическая широта её книг вмещает в себя, пожалуй, всю твердь земную от Мексики до Тибета. Её образы обращены к древним архетипам, эстетика её художественного мира отличается мифологичностью и эпичностью, размахом изобразительного мазка и тончайшей нежностью и обострённостью чувств. В основе её книг присутствуют как реальные судьбы людей, большой личный жизненный опыт и встречи, художественно перенесённые в книги, так и образы, сотканые внутренним движением души.

«От жестокости до святости – вот извечные два пути, соединённые в нас», – отметила на встрече Елена Крюкова.

Премияльный сборник «Вера» составлен как избранное из прошлых и новых стихотворений. Всё содержание стихов проникнуто образами из Евангелия. Тема, которая волнует Елену, – обретение веры и счастье веры. Многовековая история, как считает Е. Крюкова, – это борение. «Диавол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей» – по Достоевскому.

На встрече Елена исполнила свои стихи также и в музыкальном варианте – она их спела, как это делает часто, по её словам. Елена – профессиональный музыкант, и она превосходно слышит музыку стиха.

Поэтесса прочла много стихов, которые произвели неотразимое впечатление на слушателей. В частности, стихотворение «Титаник», смысл которого, безусловно, понятен – это любовь и всё то,

с чем приходится в жизни прощаться. Прозвучали также стихи из сборника «Иркутский рынок». Рынок – символ спасения, благословения нашей земли через её возделывание. По словам самой Елены, «...это для меня святое место в Сибири». Прозвучали стихотворения «Лодка», «Нигде и никогда», «Плещаница» и многие другие из других сборников.

Мастерство страстной, проникновенной декламации оценили участники встречи. Екатерина Богданова, молодой литератор, спросила автора об ораторском искусстве, откуда оно и можно ли ему научиться. Мнение поэта: «Мой девиз: «Писатель, работай над самим собой!». Слово – это выплеск чувств, эмоций, отсюда может родиться умение декламировать стихи».

Анастасия Анисимова задала вопрос о поэтах, которые стали для автора ориентиром в творчестве. Есть ли такие у Елены Крюковой? Елена ответила, что многое вобрала из разных веков, назвала также великие имена, которые всегда с ней: Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Ахматова, из двадцатого века Николай Рубцов, Юрий Кузнецов. Безусловно, великие учителя слова – Распутин, Астафьев. Назвала другие имена: Иван Жданов, Нина Искренко,

Лауреаты Благовской премии Лев Нецветаев, Елена Крюкова и внук Николая Благова Максим

Алексей Парщиков, Лидия Григорьева, Олег Хлебников, Светлана Чураева, Владимир Березин, Кристина Кармалита. Из ульяновских поэтов вспомнила своих давних знакомых – Светлану Матлину и Андрея Пчёлкина. Причём глава «Каин и Авель» в романе «Врата смерти» посвящена А. Пчёлкину.

Затронули книгу «Юродивая». Участников встречи волновали вопросы, как появилась тема юродства, что послужило импульсом, есть ли прототипы. Во время встречи доктор филологических наук Александр Дырдин представил журнал «Мир Шолохова», пригласил к сотрудничеству.

Образ Христа, религиозная, мифотворческая тема заинтересовали и Сергея Гогина, известного поэта, журналиста, переводчика.

Проза и поэзия Елены Крюковой нашли отклик и у поэта Виктора Малахова. В частности иркутская тема Крюковой, увлечение мифотворчеством. Виктор рассказал об этом в своём выступлении и прочитал стихи.

Молодая поэтесса Мария Богдан подарила свою книгу «Звёзды на ладони».

Председатель правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова преподнесла Елене Крюковой сборник «Симбирская пристань» и декабрьский номер журнала «Симбирск».

В свою очередь Елена Николаевна подарила Дворцу книги и писательской организации свои книги: «Евразия», «Царские врата», «Иерусалим», «Хоспис», «Врата смерти», «Dia de los muertos».

После встречи за чаем читали стихи «по кругу», обсудили дальнейшее сотрудничество, онлайн-встречи, беседы и лекции, публикации подборок ульяновских писателей в журнале «Нижний Новгород».

Во время своего визита в Ульяновск гостя побывала на концерте заслуженного артиста России Даниила Спиваковского, послушала его прочтение повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» и выразила своё восхищение.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей, настоятель Богоявленского храма села Прислониха Карсунского района Ульяновской области.

Этот текст написан в связи с дискуссией, состоявшейся в литературной студии «Восьмёрка» и посвященной роману Евгения Водолазкина «Лавр».

О ВОЗМОЖНОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ

По поводу книги Е. Водолазкина «Лавр»

В книге Евгения Водолазкина «Лавр» описывается жизнь вымышленного русского святого конца XV – начала XVI веков. Годы его жизни, согласно тексту книги, 1440–1520. Это время относится к золотому веку русской святости. У некоторых историков оно получило знаковую характеристику «святой Руси».

В течение долгой жизни герой сменил несколько имен. Крещен Арсением, в юродстве назвался именем Устин, в монашество пострижен как Амвросий, а в схиме принял имя Лавр. Последнее имя стало итоговым и определило название всей книги. По жанру книгу можно назвать романом, поскольку в ней рассматривается долгий путь жизненных исканий главного героя. Хотя и наполненный внешними событиями, жизненный путь героя можно определить, главным образом, как путь духовный. По

форме построения книга отчасти тяготеет к житиям святых, а по стилю изложения скорее к жанру психологического романа. В книге неторопливо разворачивается не столько канва жизненных событий, сколько поток сознания главного героя, его мысли, ощущения, сновидения, молитвы.

Чудесный дар исцеления болезней, которым был наделен Арсений, а главное, его отношение к этому дару, высокий строй его мыслей, напряженность интенсивной внутренней жизни – все это свидетельствует о святости героя. Несмотря на расплывчатость и формальную неопределенность этой оценки, восприятие читателя уверенно относит героя именно к данной категории людей. В связи с этим невольно поражаешься дерзновенной задаче, которую поставил перед собой автор, – показать образ святого. Удалось ли автору эту задачу решить?

Евгений Водолазкин. Фото Георгия Кардавы

«преподобных», то есть очень подобных Богу.

Для понимания богоподобия необходимо понять сущность Того, подобие Кому является в нашем восприятии святостью. Согласно учению Дионисия Ареопагита, изложенному в книгах «О мистическом богословии» и «О божественных именах», поскольку Бог онтологически неизмеримо выше человека, то Его сущность не вмещается в рамки человеческого разума. На долю человека остается

только апофатический («отрицательный», то есть через понимание того, чем Бог не является) путь познания Бога, свидетельствующий, главным образом, о непригодности существующих понятий и прочих средств познания для постижения Абсолюта. Принципиальная невозможность рационального богопознания не является, однако, непреодолимой преградой на пути к Богу. Человек соединяется со своим Творцом сверхъестественным мистическим образом посредством церковных таинств. Но это соединение не является разумным. Апостол Павел свидетельствует об этом так: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю: в теле или вне тела – Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (Второе послание к Коринфянам 12:2-4).

Совпадает ли полученный вариант ответа с нашими представлениями о его правильности? Поскольку в романе проделан весьма убедительный художественный опыт, стоит порассуждать о принципиальных возможностях решения этой задачи.

Сформулируем вопросы, ответы на которые потребуются для подобных рассуждений.

1. Что такое святость?
2. Как показывается святость в церкви?
3. Может ли она быть наглядно изображена средствами искусства?
4. Как различаются разные виды искусства по своим возможностям изображения святости и существуют ли вообще эти различия?
5. Какова успешность изображения святости в известных образцах произведений разных видов искусства? Можно ли их расставить по рейтингу в соответствии с большей или меньшей степенью этой успешности?
6. Каково место книги Водолазкина «Лавр» в ряду аналогичных произведений в свете обсуждаемой проблемы?

Вопросов можно поставить гораздо больше, но ограничимся пока этими. Ответы на них я постараюсь высказать в виде кратких субъективных мнений, а не в форме энциклопедических статей или фундаментальных обзоров. Итак.

1.

Святость – это богоподобие. Поскольку слово «подобие» подразумевает какую-то степень уподобления человека Богу, следует уточнить, что под словом «святость» понимается заметная нашему восприятию степень выраженности этого качества. Чтобы сделать его более заметным и понятным миру, церковь своих святых канонизирует, прославляет. Богоподобие святого значительно превышает богоподобие основной массы людей, также сотворенных по образу и подобию Божию, но находящихся по этому признаку на каком-то ином уровне. За неимением подходящих слов назовем общий уровень богоподобия большинства людей «средним», а уровень богоподобия святых – «высоким». Недаром один из чинов или видов святости, различаемых в практике их церковного почитания, носит название

2.

Изображается ли святость в церкви? Нет, не изображается. Церковь указывает на нее, свидетельствует о ее наличии, но не показывает ее наглядным образом. На иконах святость персонажей выражается в символической форме в виде святащихся нимбов вокруг головы. Наличие этих нимбов ничего не объясняет смотрящим на иконы, а просто дает им некий знак. Жития святых также ничего не объясняют. Они сообщают о внешних событиях жизни людей, чья святость раскрывается каким-то иным, внешним для повествования образом. Даже если в жизни героев житий случаются чудесные события, их сверхъестественный, чудесный характер не является доказательством святости. Наоборот, именно святость героев житийных историй служит некоторым правильным основанием, своего рода гарантией доброкачественности произошедших с ними чудес.

3.

Искусство – особая форма отражения жизни в художественных образах. Может ли предметом искусства быть образ святых? Безусловно, может. Многие названия произведений живописи, литературы, музыки и других видов искусства говорят о

том, что авторов интересуют именно святые, иногда встречающиеся в жизни обычных людей. Изображают ли произведения искусства именно святость как особое качество своих персонажей? Трудно сказать. Бог трансцендентен, познаваем главным образом апофатически, то есть отрицательно. Богоподобие невыразимо, мистический опыт при всей своей потрясающей реальности нуждается в словах, «которых человеку нельзя пересказать». Иконы не наглядны, они подчеркнута символичны. Произведения искусства, напротив, наглядны. Для понимания различий между иконой и картиной достаточно сравнить, например, икону преподобного Сергия Радонежского с циклом картин М.В. Нестерова, посвященных различным эпизодам из жития того же святого. Перед иконой можно молиться, с изображенным на ней святым можно вступать в прямое общение. Картину нужно рассматривать, ею можно любоваться, переживать подробности и детали изображенной на ней истории. Если икона настраивает на прямой контакт со святым, то картина передает впечатления художника от встречи со святым, осмысление им своих переживаний, возникших в душе при этой встрече. Иконографическое изображение символизирует нечто потустороннее, присутствующее где-то за пределами нашего бытия. Произведение живописи на ту же тему выражает те впечатления, которые возникли при встрече с потусторонним, но возникли в душе у человека, находящегося все-таки в нашем мире. Это большая разница. Поэтому способность искусства передавать сверхъестественное содержание своими средствами должна быть подвергнута основательному сомнению. Искусство в этом случае оказывается не очевидцем, а «свидетелем второго уровня опосредования», выступающим в роли «друга» очевидца, пережившего духовное озарение и удостоившегося возможности быть «восхищенным до третьего неба».

4.

Сложно выделить среди различных видов искусств те, которые более приспособлены к отражению святости. Все-таки искусства направлены прежде всего на возбуждение в человеке различных чувств. Апостол же утверждает обратное: «...не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (Первое послание к Коринфянам 2:9). То есть чувства при восприятии святости бессильны. Казалось бы, чем менее конкретен тот «строительный материал», который использует художник для создания своих образов, тем больше он подходит для отражения этой неопределенной и загадочной реальности. Проблема только в том, что никто не знает, какое содержание должно быть при этом отражено. Поэтому метафоры типа «небесная музыка», «божественная гармония», «райское благоухание» и т.п. при всей неслучайности их появления в языке все-таки не могут служить убедительными ориентирами, указывающими на искомый предмет. На встречу со святостью настраивает нас эстетическая категория «возвышенного». Но это возвышение духа в искусстве чаще всего обозначает только путь к святости, а не прямой контакт с ней. О соблазнительности

изображений, то есть об опасности подмены при их восприятии «правильного» содержания в душе религиозных людей на какое-то «неправильное», свидетельствует драматическая история иконоборчества в христианской церкви. Выходом из иконоборческого кризиса стало особое теоретическое осмысление роли иконы в религиозной практике. Икона – это ни в коем случае не картина, а символическое «окно» или «мост» в духовный мир. Икона позволяет молящимся, глядя на образ, приблизиться душой к первообразу, который к ней вещественным материальным порядком никак не привязан. А мусульмане в целях духовной безопасности и вовсе отказались от использования изображений в своей религиозной жизни.

В целом за отсутствием обоснованных аргументов обратного следует признать возможности всех видов искусств в деле изображения святости равносильными (или скорее наоборот – «равно слабыми»).

5.

Для уверенности в адекватном отображении святых персонажей и священных предметов следует обратиться прежде всего к произведениям искусства, связанным с церковной традицией, содержание которых однозначно понимается и принимается носителями этой традиции. Например, в праздник Рождества Христова многие храмы и просто дома христиан украшаются праздничными вертепами, изображающими события этого праздника. Вертепы – не иконы, а произведения искусства, поставленные с целью украшения помещений и создания настроения праздника. Также в это время нередко показываются театрализованные постановки, представляющие зрителям разные варианты сценических интерпретаций тех же событий. Одним из авторов подобных инсценировок рождественской евангельской истории для детей был даже святитель Димитрий Ростовский, в чьей добросовестности и аутентичности творческих результатов не приходится сомневаться.

Другим примером произведений искусства, зарекомендовавших себя в общественном сознании как серьезное и творчески успешное обращение к религиозным темам и предметам, являются знаменитые «Страсти» И.С. Баха. Используя тексты и сюжеты Евангелия, эти оратории являются не богослужебной музыкой, а произведениями для концертного исполнения перед публикой.

От произведений признанных, уважаемых и однозначно бесспорных перейдем к примерам менее признанным и более спорным. Более всего эта спорность и сомнительность проявляется в кино как в искусстве наиболее конкретном. Достаточно вспомнить сериал Франко Дзеффирелли «Иисус из Назарета» или фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы». Оба произведения передают евангельскую историю с максимальной подробностью, образительностью и выразительностью. Но насколько адекватно отражена в них святость персонажей, или их божественная сущность, наоборот, скрыта, спрятана, скрыта за формами внешних действий и обстоятельств? Второй вариант представляется более вероятным.

Говоря о святости святых, не могу не вспомнить два российских фильма не очень давнего времени на эту тему: «Остров» Павла Лунгина и «Монах и бес» Николая Достала. Если герой и сюжет первого вполне соответствуют имеющимся у меня представлениям о святости, то история, показанная во втором фильме, по моим ощущениям, удаляется из духовной области в страну церковно-этнографическую и сказочно-мифологическую. На этом этапе разговора я вынужден сойти с твердого основания логических рассуждений и вступить на зыбкую почву личного эстетического вкуса. Позволяет ли эстетическое чувство произнести уверенное суждение о святости и духовном совершенстве героев произведений? К сожалению, убедительных доказательств этого я не имею. Остается только апеллировать к личному духовному и эстетическому опыту.

Поскольку предметом разговора является конкретная книга, целесообразно будет поставить ее в какой-то ряд литературных произведений, аналогичных по теме, жанру и, может быть, даже творческой задаче. Среди знакомых произведений навскидку вспоминаются «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Соборяне» и «Очарованный странник» Николая Лескова. На святости последнего автор, правда, не настаивает. У Лескова есть еще цикл рассказов под заголовком «Праведники», а также откровенные литературные пересказы житий святых («Скоморох Памфалон», «Аза»). Говоря о «святых», на святости которых автор не настаивает, можно вспомнить также очень точную формулировку названия знаменитой книги Тихона Шевкунова (ныне митрополита) «Несвятые святые». Не относясь к почтенному сословию литературных критиков, я не предполагал давать какого-то более или менее полного обзора темы святости в литературе. Просто назвал несколько книг для удобства рассуждений.

Наверное, общим признаком этого ряда произведений будет отсутствие в них прямых указаний на присутствие Божие в мире в конкретном месте и моменте времени излагаемых историй, а также на однозначное чудесное участие сверхъестественных сил и персонажей в жизни героев. Художественное чувство авторов избавляет их от такого рода наивных сказочных сюжетных поворотов. Во всех случаях восприятие героев и читателей как бы двойится, допуская как естественное, так и сверхъестественное объяснение происходящих событий. Такой «намекающий» способ изложения, видимо, неизбежен. С одной стороны, он избавляет автора от излишней прямоты и доказательного характера его художественных «свидетельских показаний» в той области, где он и сам не до конца уверен в окончательном смысле и значении увиденной им картины. С другой стороны, таким способом свобода читателя понимать произведение так, как ему удобнее, оберегается от прямого навязывания мнений. Этот способ имеет богатую традицию не только с евангельских, но, наверное, с еще более ранних времен. Так, в ответ на жалобы апостолов на невразумительный «темный» характер проповеди учителя Иисус Христос ответил: «...вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют» (От Луки 8:10).

Должен признаться, что попытка сравнить и

расставить разные книги по рейтингу успешности изображения святости у меня провалилась. Расставить по степени удаленности от моих представлений о святости получается только то, что показалось творческой неудачей. А в случае успеха? Обоснованными представляются только оценки дихотомического характера. Если автору удалось создать впечатление прикосновения к духовному миру, то большего эстетического чувства не требует. Возможно, речь здесь может идти только о «попадании» или «непопадании» автора в образ. Известно, например, о критическом отношении насельников Оптиной пустыни к образу старца Зосимы из книги Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В чем-то этот образ, нарисованный писателем, не соответствовал тому, что хотели бы видеть монахи.

В качестве варианта объяснения моей духовно-эстетической «слепоты» по данному вопросу могу предположить только слишком большую онтологическую дистанцию между мною и святыми персонажами произведений. Слишком яркий свет их духовного совершенства ослепляет умственный взор читателя и лишает его рассудительности. В этом свете чувствуешь себя неловко. Хочется скорее скрыться во мраке апофатического безмолвия. Да и кто возьмет на себя смелость судить о степени духовной высоты и совершенства героев, неизмеримо превосходящих нас по этому признаку? Нужно быть апостолом Павлом, чтобы высказывать подобные суждения, хотя бы и в метафорической форме: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (Первое послание к Коринфянам 15:41).

6.

Отказавшись от попытки создания какого-либо интеллектуального инструмента для проблемного анализа текста, остается только вновь вернуться к книге Е. Водолазкина в ее «наивном» читательском восприятии. Образ главного героя, безусловно, собирательный. Многие яркие его черты заимствованы из житий различных святых. Так, принятие имени умершего супруга, символизирующее самоотречение с целью проживания вместо него утраченной им временной жизни, является известным фактом из жития блаженной Ксении Петербургской. Разделение Пскова на зоны ответственности разных юродивых повторяет эпизод из жития новгородского юродивого Николая Кочанова. Вместе с юродивым Федором они устраивали шуточные драки, пародирующие совсем не шуточные кулачные бои новгородцев, живущих на разных берегах реки Волхов. Так же поступали и герои Водолазкина. В том же житии Николая Кочанова мы читаем о том, как юродивые в азарте взаимных разборок ходили и бегали по водам Волхова, как по твердой земле. Этот случай также вошел в текст романа. Духовная помощь святого в борьбе с пожаром, загоревшимся в другом городе, оказываемая посредством проливания чужого вина из кувшина, описана в житии св. Василия Блаженного. Был такой случай и в псковском периоде жизни героя книги. Не хочется расплетать ткань повествования на отдельные нити и скрупулезно исследовать происхождение каждой из них. Такое исследование не приблизит нас к раз-

гадке тайны художественного воздействия, оказываемого произведением на читателя. Можно переписать все жития святых или сконструировать на их основе еще чье-нибудь жизнеописание совершенно без всякого художественного результата.

Главным творческим оружием книги является, на мой взгляд, своеобразный язык писателя. Прямая речь героев, переданная скупыми фразами на церковно-славянском языке, соседствует с их свободными размышлениями и комментариями на сложном и выразительном языке гуманитариев XXI века. Описания пейзажей, ландшафтов и бытовых сцен чередуются со старинными рецептами лекарств и снадобий, цитатами из книг и рассуждениями на разные темы. Эта простота внешних условий жизни и сложность ее речевого осмысления создают ощущение внутреннего контраста, которое я отнес бы к одному из наиболее сильных художественных эффектов книги.

Сам прием пересказа мифологического сюжета на современном языке не нов. Древнее архетипическое содержание предстает в новом свете благодаря его интерпретации, новому взгляду на него в свете новых вопросов и проблем, волнующих современного человека. В качестве примера подобной литературы можно привести пересказ Клайвом Льюисом мифа об Амуре и Психее в романе «Пока мы лиц не обрели». Да, собственно, это один из магистральных путей развития всей художественной культуры человечества в целом. Творцы искусства с давних времен направляют свои усилия на интерпретацию и переосмысление существовавших до них образцов того, что за давностью и традиционностью бытования в культуре приобрело статус чего-то древнего, первобытного, наивного, дорефлективного. Использование мифологических, сказочных или библейских сюжетов в картинах и скульптуре, книгах и фильмах, драматических и музыкальных произведениях – это скорее правило, чем исключение. Впрочем, человек – существо изначально сложное. И вряд ли, даже поднимаясь к самым истокам истории человечества, исследователи смогут обнаружить в культуре хоть что-то окончательно простое и элементарное.

* * *

Книгу «Лавр» можно отнести к числу творческих удач автора. Писателю удалось создать целостную, увлекательную и художественно убедительную картину жизни своих героев. Прделанный опыт рассуждений приводит нас к мысли о том, что сущность святости как потусторонней реальности, трансцендентной нашему миру, средствами искусства выразить невозможно. Однако искусство может отражать моменты встречи человека со святым. Художник смотрит на святых человеческим взглядом со своими человеческими представлениями, стереотипами, ожиданиями и надеждами. Этот взгляд может ошибаться. Поэтому читатель или зритель в ходе знакомства с героем всегда обречен на сомнения. Действительно ли ему показали живой образ, причастный Первообразу, или это очередная имитация? Не человек, а мертворожденный гомункулус из пробирки творческой лаборатории автора? Можем ли мы довериться приглашению писателя по-

жить в созданном им мире или лучше встать в позу злого режиссера, который во время репетиции кричит на весь зал свое сакраментальное «Не верю»? Каждый читатель сам определяет свою позицию по отношению к тексту. Лично я склонен поверить.

У этого доверия есть еще одно основание. Жанр романа раскрывает читателю сознание героя, в каком-то смысле позволяет заглянуть в его душу. Главные персонажи «Лавра» всегда руководствуются высокими религиозными мотивами. Они удивительно нетребовательны к условиям временной жизни, но настойчиво заботятся о жизни вечной для себя и своих близких. Неоднократно жертвуют ради этого житейскими благами и удобствами. Они интересуются не успехами в повседневных делах, а изо всех сил стремятся, например, точнее определить эсхатологическое время конца света. С полным основанием они могут отнести к себе слова апостола Павла: «ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Послание к Евреям 13:14). Вот эта укорененность не в обстоятельствах земной жизни, а в обстоятельствах жизни вечной и духовной служит для меня главной характеристикой их внутренней сущности.

Как уже отмечалось, поставить книгу «в ряд», сравнить ее с какими-то другими произведениями на ту же тему у меня не получается. Точно так же я не сравниваю иконы, находящиеся рядом на иконостасе, по технике письма и совершенству художественного исполнения. В момент обращения к ним моего внимания внутренний человек никак не хочет становиться в позицию искусствоведа. Это, наверное, мой недостаток. Но для того и существуют на свете профессиональные эксперты и литературные критики, чтобы выполнять эту работу без особой натуги и деформации личности. Не буду отнимать у них хлеб.

Для остальной аудитории хочу только еще раз подчеркнуть, что внешние события жизни никак не отражают такого внутреннего качества человека, как святость. Залезание на столб не сделает нас Симеоном Столпником, а стояние на коленях на камне не превратит в Серафима Саровского. Поэтому бессмысленно пытаться достичь святости, подражая чьим-то житиям. В прежние исторические периоды в некоторых группах верующих имела место подобная иллюзия. Даже были популярными такие книги, как «Подражание Христу» Фомы Кемпийского. Но сейчас мы настолько хорошо осознаем уникальность каждого личного духовного пути, что подражание внешним чертам чьей-то святости может скорее вызвать не восхищение, а подозрения в лицемерии.

Зачем тогда нужны книги, подобные книге Евгения Водолазкина «Лавр»? Наверное, в первую очередь, как пример возможности возвышения духа над тяжестью и плотностью повседневной материальной жизни. Великий советский астроном Виктор Амбарцумян однажды сказал: «Человек тем отличается от свиньи, что может поднять голову над своим корытом и посмотреть на звезды». Примерно в этом же направлении и ориентирует нас обсуждаемая книга. А звезда от звезды разнится в славе.

ДОРОГА К ХРАМУ

Валерий ЕРЁМИН, (р.п. Сурское), член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Промзинские слоги».

*Посвящается
моей дорогой маме
Раисе Ивановне Ерёминой*

ПРОМЗИНСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Вместо предисловия

ИКОНА

Никого не хочу я тревожить.
Надоела мне вся суета.
Только Бог мне наверно поможет.
Как нужна мне его доброта.

И смиренным тогда я стану,
И греховный огонь погашу.
Только пред ним на колени встану,
И прощения я попрошу.

На молитвы себя я настрою,
Чтобы милость его заслужить.
Только Богу я душу открою.
Только с ним буду в сердце я жить.

И молиться я буду прилежно,
Ведь иного пути больше нет.
Чтобы жить на Земле мне безгрешно.
Чтобы видеть мне радости свет.

Никого не хочу я тревожить.
Надоела мне вся суета.
Только Бог мне наверно поможет.
Как нужна мне его доброта!

Он стоял у иконы. Рядом с ней он поставил и зажёг свечу. Сегодня был день памяти матери. Георгий знал молитву «Отче наш», ту единственную, которой научила его мать. Огонёк свечи слабым,

лёгким светом осветил лик Спасителя. Заиграл на когда-то слегка золочёном окладе. Лик стал казаться живым, озарённый колеблющимся пламенем свечи. Раньше икона была у деда, потом у матери. Той в своё время пришлось скрывать её от отца, он был старый коммунист, да к тому же работал на руководящей работе. А вот от кого икона перешла к деду, Георгий не знал. Но только то, что икона была намоленной, он знал точно. На неё молилось не одно предшествующее поколение. Эта икона передавала ему силу и веру тех ушедших в мир иной предков, наследником которых он был. С иконы на него смотрели немного грустные глаза Спасителя, наполненные глубокой, таинственной силой. В них была вечная загадка, уходящая куда-то в далёкое и неведомое земному человеку пространство. Туда, в бесконечные и вечные просторы бытия. Под старой рубашкой на гайтане Герка когда-то носил латунный крестик. Жизнь, икону и крест – всё это дала ему его мама. Икона стояла на книжном шкафу в комнате, где прошли последние годы матери. Она стояла рядом с фотографиями детей и внуков. И когда больная мать могла уже только молиться, она молилась за них и молитвами помогала ей и им. Что же это за святые русские матери, которые плохо умели читать и писать, но так хорошо умели беззаветно любить своих детей и внуков! Всех, всех до одного, сколько бы ни было их в семье, и на всех хватало материнской любви. Матери, которые готовы отдать своим детям всё до последнего! Герка очень смутно помнил, как мать, тайком от отца, в деревенском молельном доме крестила его. Действующих церквей в округе не было. Они когда-то были, но их по велению советской власти закрыли. А там, где они работали, мать знала, что всё сразу становится известным. Государство внимательно следило за этим. С партийными и комсомольцами в этом вопросе было строго. И мать всё это очень хорошо понимала и не могла подвести отца. Отец хотя и был крещён, но креста не носил, не крестился, молитв не читал. Но, как помнил Георгий по рассказам, отец ещё в сельской Красной школе, в начальных классах изучал Закон Божий, который был в то время главным предметом. Он не раз рассказывал, как ежедневно утром перед уроками выстраивалась вся школа вместе с учителями в самом просторном классе, где были иконы, а в простенке между окнами висел портрет царя-батюшки, помазанника Божьего, в полный рост. Там под руководством священника исполняли молитвы и пели «Боже, царя храни».

Однажды отец рассказывал, как он напроказничал и ослушался священника, и тот в сердцах больно ткнул его лбом в парту, а потом поставил в угол. А на следующий день вызвал мать и пожаловался. Мать была глубоко верующая женщина. Она одна воспитывала двоих сыновей. Стирала на богатых, а муж в то время был в солдатах, защищал царя-батюшку и Отечество в далеких краях Маньчжурии. И отцу долго пришлось заглаживать вину перед матерью и священником. А ещё были две тётки, отцовы сёстры, что жили в избе за их домом в огороде, узнав о случившемся, взяли его в такой оборот, как говорят, не приведи Господи. Тётки-то те вообще жили в глубокой и строжайшей вере. Потом, когда отец подрос, когда в Промзино пришла Советская власть, он

Промзино

одним из первых вступил в комсомол. Мать, конечно, была категорически против, тётки тоже. Сашка вынужден был перейти жить к бабушке. Та относилась к жизни спокойно, даже очень. Порой любила выпить, за что дед иногда «воспитывал» её. Дело доходило даже до вожжей. Но она долго не горевала и, когда чувства с большой силой накатывали на уставшую, русскую, женскую душу, вновь «позволяла» себе расслабиться.

В детстве Герка помнил, как отец что-то там рассказывал из Библии, спорил с матерью. У матери образования было совсем мало. Она была намного моложе отца – на целых десять лет. И она уже училась в советской школе, но совсем недолго. Рано вышла замуж. Она порой часто путала церковные праздники. Спрашивала об этом у отца и к большому Геркиному удивлению, тот всё помнил и объяснял матери, не забывая при этом вплести сюда коммунистические взгляды и положения. А впрочем, по сравнению с другими коммунистами, он не видел ничего страшного в том, что его жена верила в Бога.

Когда Герка впервые узнал, что его село когда-то называлось Промзино, он спросил об этом отца. И тот рассказал ему красивейшую легенду, которая оставила неизгладимый след в его детской душе. Он с невероятной силой полюбил этот крохотный уголок прекрасной земли, с её холмами и реками, лесами и полями, лугами, с этим постоянно меняющим свои краски, живым кусочком неба. С этого дня и всю жизнь он мысленно рисовал картины, картины далёкого прошлого. Ему виделась река Сура с изобилием рыбы. Маленькие бедные землянки и домишки рыбаков, уютившиеся по берегу реки вблизи горы с белой вершиной. Их ветхие рыбацкие лодчонки, выдолбленные из вековых стволов деревьев, сплывающие по зеркалу быстрой сурной воды. Ему представлялись непроходимые леса, полные разного зверя. Он видел охотников, добывающих этих зверей. Особо ему рисовалась охота на медведя с рогатиной и ножом. Он спрашивал себя: когда же, в какое время пришли его предки на эту красивую и богатую землю? Кем были они? Рыбаками или охотниками, землепашцами или солдатами-стрельцами? Ему казалось, что они должны были быть стрельцами, ходившими с Иваном Грозным на взятие Казани. И вот тогда они полюбили эти места, влюбились в аборигенов этих мест или пленённых степных красавиц. И остались здесь, на этой земле навсегда. И одного из предков непременно должны были звать Ерёмой. И когда у того появились дети,

когда их спрашивали: «Чьи вы?», они отвечали: «Ерёмины». Он смотрел на них через века и видел их в кольчуге с мечом или копьём. Порой стреляющими из пушек, которыми так славилось царёво войско. В походе или на привале у костров. Но в том, что они пришли с Иваном Грозным, он не сомневался ни на грамм и ни на секунду. Он представлял их валящими огромные вековые деревья, строящими засечные полосы. Как они возводили деревянные стены крепости-ostroга Промзина-Городища, ставя в землю заострённые вверх деревья, как говорили, тыном в два ряда. Как рыли вокруг глубокий ров и заполняли его водой. Делали бойницы для стрельбы из кремнёвых ружей. Мастерили главные ворота. Устанавливали пушки-пищали. Водружали на часовне вестовой колокол. Как звонили в него, оповещая округу о приближении врага.

А когда смотрел на Никольскую гору, видел их в дозоре, внимательно всматривающимся вдаль. И как при виде врага они зажигали костёр, дымом которого подавали сигнал. Как скакали они на быстрых конях наперерез врагу, чтобы пресечь его кровавый разбой. Он наблюдал их в том месте, где когда-то, по легенде, явился всадник Георгий Победоносец на белом коне и защитил всю округу, часть Русской земли от полчищ кочевников, выхватив из ножен и подняв над головой меч, который ослепил их волшебным светом. Ослеплённый враг пал ниц и закрыл голову руками, и так был повергнут в ужас, что не мог помышлять о разбое, думая только, как уцелеть и быстрее унести ноги восвояси из этих волшебных, загадочных мест, охраняемых божественной силой. И каждый раз, поднимаясь на гору, он внимательно смотрел и искал место, где, возможно, явилась каменная икона с изображением Николая Чудотворца Мирликийского. Ему так хотелось, чтобы среди тех, кто нашёл её, были и его

предки, которые с дружиной поднимались на белоснежную гору, на место, где явился святой Георгий Победоносец – покровитель и заступник русских воинов. И конечно, тогда они видели, как упал на колени конь воеводы на том месте, где явилась икона. Как воины, бросившиеся поднимать коня воеводы, подняли её над головами. В тот миг рассеялась страшная тьма, нависшая над долиной реки и над горой, над родным уголком земли появилось чистое небо. И в это же время из-под земли ударили источники со святой водой. Вышло солнце, заиграла цветами радуга, запели птицы, природа ожила, и наполнилась огромной силой эта святая земля, и небывалая сила передалась воинам дружины. Эта сила подняла дух, ещё больше сплотила и объединила их. Взяв икону, они с молитвами внесли её на гору. Всё это видел притихший, напуганный враг. Все эти картины рисовались в Геркиной голове. Порой он сам представлял себя внутри этих событий.

Он пытался представить себе первую деревянную церковь Пресвятой Богородицы на берегу Суры, услышать звон трёх её небольших, но звучных, голосистых колоколов. Пение и молитвы монахов и её служителей. Все эти звуки сливались с песней двух рек, Суры и Промзы, а также с журчанием источника, бегущего из-под святой Никольской горы. Это был многоголосый хор той России, того далёкого времени, и в этих голосах он иногда слышал негромкие голоса и своих предков, живших на этой земле. А иногда, напротив, представлял себя среди разбойников, которых порой довольно много собиралось в присурских лесах. Они смело, дерзко и порой жестоко нападали на гружёные суда, передвигающиеся по Суре. На караваны купцов Шелкового пути, проходившего где-то в этих местах. На близлежащие в этих местах скиты и пустыни. Не минула этой участи, как представлял себе Георгий, и

**Никольская гора.
Сурское
летопись Нафанаила**

СВЯТЫЕ МЕСТА СИМБИРСКОЙ ЕПАРХИИ. НИКОЛЬСКАЯ ГОРА. СУРСКОЕ-ПРОМЗИНО.
МЕСТО ЯВЛЕНИЯ СВЯТЫТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА
22 МАЯ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА ЧЮДИНИКА ВОЗЖЕГО СУДА ПРИЕЗЖАЮТ ТЫСЯЧИ ПЛОМНИКОВ
22 мая 2004 года Фото: Романовский Нафанаил

церковь под святой горой. А эти люди, разбойники, порой, вволю набегавшись, нагулявшись и устав от такой жизни, образовывали свои поселения в присурском крае. А порой, взгустнув, вновь брались за старый промысел. Вот так порой колебались и путались представления о той жизни в Геркиной голове. Потом он стал представлять себе, как, устав от разбойного люда, монахи решили перебраться в само Промзино-Городище. Как в самом его центре начали всем миром строить новую каменную красавицу церковь. Он видел гружённые кирпичом баржи, которые тянули бечевой бурлаки, борясь с быстрым течением Суры. Суету на пристани под горой, где кирпич перегружали на многочисленные повозки, запряжённые лошадьми. Крики ездовых, помогавшие коням преодолевать подъём. На постройке храма ему виделась другая, неспешная работа заезжих мастеров. Под их руководством местные мастера делали раствор с применением куриных яиц. Он представлял, как население, жившее небогато, чем могло помогало строительству. Когда Герка услышал от отца, что на колокольне среди прочих малых колоколов был колокол весом около пятисот пудов вместе с языком, и звуки его в благоприятную погоду были слышны за сорок вёрст в городе Алатыре, ниже по течению Суры, и он стал допытываться, как и откуда его привезли. Отец точно не знал. Начинать рассказывать, что от кого-то слышал, вроде по Волге на барже, потом по Суре. Может быть, с Ярославля, там вроде бы колокола лили. А от пристани – по доскам и по покатам, по круглым брёвнам, вроде бы лошадьми да с помощью народа – к церкви. А в общем, говорил, не знаю, но где-то слышал разговор такой. Когда построили каменную церковь, деревянную на берегу Суры забросили. Может, водой её в разлив, в половодье смыло, но ходили такие слухи, что Сура там близко подобралась к ней. Вроде потом и кресты с куполов кто-то в земле находил. Кладбище ещё там старинное было, его тоже не стало. Да и не под руками она для местных была, та церковь, хотя со всей Руси на поклон туда шли. Потом на Никольской горе, говорил, часовню построили в память о явлении иконы Николая Чудотворца и службу там регулярно несли в мае. А каменная-то, новая была просторная, три престола: Казанской Божьей Матери в центре, один престол в ней – Георгия Победоносца, и в другом – Николая Чудотворца.

Сами собой в Геркиной голове позже, после рассказов отца родились простые, незамысловатые стихи.

Попов порядок, базар напротив,
Рядом церковь белая парит.
И когда над ней заря восходит,
Каждый день здесь колокол звонит.

Несёт он весть, благодать по округе:
«Россия родимая жива!»
Есть от души, от сердца в этом звуке
Гордости, величия молва.

Здесь службы проводились, и престолы:
Казанской Божьей Матери один,
Второй – Мирликийского Николая,
Третий – Георгия Победоносца,
Что спас во времена лихих годин.

На переднем плане часовня Александра Невского на перекрестке улиц Купеческой (ныне Хазова) и Большая Дорога (ныне Ленина). Фото начала XX века

С матерью, говорил отец, мальчишкой часенько ходил в церковь. Да и крестили его там. Александром нарекли, так как на день Александра Невского родился. Ещё говорил, что на перекрёстке улиц Купеческой и Глотовки часовня была построена в честь побед Александра Невского, когда его в ранг святых возвели. Небольшая, но красивая. Служба только один раз в год проходила, третьего сентября. «В общем, в мой день рождения», – говорил отец Георгию.

И кто-то даже про часовню стихи сочинил, рассказывал отец Георгию и на память читал, уж точно или нет.

В центре посёлка стояла часовня,
Невскому добрую славу несла.
Церкви, конечно, похоже, не ровня –
Очень красивая также была.

Улица Глотовка вниз убегала,
Слева Купеческой видно дома.
За перекрёстком Рязань примыкала,
На перекрёстке – часовня сама.

Каждый, кто ехал, часовню ту видел.
Шапку с головушки тут же снимал.
Знаменем крестным, с торжественным видом,
Твёрдой рукою себя осенял.

А напротив церкви в своё время, говорил отец, Попов порядок появился. Всего семь домов. Улицу называли Теленовской. В каменном доме жил священник Копьёв. Во втором, деревянном – Филицин, в третьем – отец забыл кто, а в четвёртом – Травин, а ещё в трёх деревянных – псаломщики, пояснял отец Георгию. На Геркин вопрос, куда делись церковь и дома, отец коротко отвечал, что церковь сломали, а деревянные дома сгорели во время большого пожара.

Рассказывал также отец, как мальчишкой бегал смотреть, где закладывали собор на площади, напротив здания волостного правления. Как там было много народу, когда освящали место, как пели молитвы, осеняя себя крестом. Собор-то заложили в честь победы над Наполеоном в 1812 году. Потом, говорил, как и все мальчишки, он любил с друзьями полазить по стройке. Рассказывал, как после начала Первой мировой войны в 1914 году прекратилось строительство собора, возведённого уже под купола. Деньги нужны были на войну проклятую, так ненужную простому человеку. Ну, а потом – Февральская революция, а за ней Октябрьская, ну и всё. А позже собор сломали и из кирпича перед войной среднюю школу в посёлке построили.

Люди в посёлке были очень преданы своему святому месту, так славившемуся по всей Руси Великой. На пересечении многих улиц стояли маленькие часовенки с встроенными в них иконами. Часовенки строились на пожертвования состоятельных промзинцев. Жители, проходя мимо, обязательно осеняли себя крестом, многие шептали молитвы.

Отец иногда вспоминал былые праздники. На Крещение, говорил он, на Суре, напротив посёлка, рубили прорубь в виде креста, иордань называется, и ставили крест изо льда. Народу приходило много. Он с матерью приходил за водой. Смотрел и слушал службу. Поживаясь, глядел на тех, кто принимал крещение в холодной воде Суры. И видел, как порой подъезжали санки, запряжённые тройками лошадей. Из санок, из дорогих тулупов выбирались купцы (село-то было купеческое) и в одном исподнем, то есть нижнем белье, окунались в воду. А когда они выбирались из иордани, их тут же быстренько укутывали в тулуп и подносили штоф водки. Танцуют, тройка разворачивалась на месте и быстро скрывалась, поднимая за собой облако снега.

Однажды Герка заметил, что отец не ест куриные яйца, и начал расспрашивать отца, почему. Тот вначале не говорил, а потом признался, что, будучи мальчишкой, объелся пасхальных яиц. Жили-то бедно, ну вот, он на Пасху насобирав и с голодухи перестарался. Герке он ходить и собирать по улицам не советовал. Можно было брать только у родных и близко знакомых. Но он не обращал внимания на мать, которая всегда готовилась к празднику, красила куриные яйца, и Герка частенько ей помогал. А ещё Герка любил куличи и пасху, которые готовила мать. Дед Афанасий по отцовской линии тоже всегда готовился к Пасхе. Жил один, бобылём. Отец рассказывал, что он после долгой службы в царской армии и участия в войне с японцами, а потом и в первой империалистической, одно время был звонарем в промзинской церкви. Геннадий, Геркин родной брат, тоже рассказывал, как с дедом забирался на высокую колокольню и наблюдал, как тот звонил, раскачивая тяжёлый четырёхсоткилограммовый язык восьмитонного колокола.

Но особенно запомнил отец праздник – Николу. В эти майские дни население Промзина увеличивалось в несколько раз, раза в три, четыре. Улицы заполнялись разнообразным народом, в основном в простых походных одеждах, в которых преобладали темные тона, за спинами были тощие котомки и довольно лёгкие кошельки, в руках – крепкие подоги,

Николин день, Промзино. Фото начала XX века

без которых порой нельзя было обойтись. К Николаю Чудотворцу надо было идти пешком, да иногда не одну сотню вёрст. На улицах посёлка начинали звучать голоса, языки и наречия разных народов многонациональной России.

Посёлок порой напоминал большой улей. На ночлег многие просились в дома, кто-то – во дворы, а кто-то оставался у дворов, расстилая принесённую с собой рогожу. Самые стойкие верующие располагались на ночлег в лесу вблизи святых колодцев и купален. В колодцах прихожане с особым вниманием рассматривали рисунки на илистом дне, которые рисовали потоки воды, выбивающиеся из земли. По ним старались угадать предсказания своей судьбы. Многие деревья около Георгиевского колодца лишались своей коры и листьев. По преданию, святой Георгий Победоносец отдыхал у этого колодца и набирался сил, а своего коня привязывал к деревьям рядом с колодцем, и эти деревья тоже стали святыми и вместе со святой водой давали силу и неуязвимость защитникам своей земли.

В детстве к Николе, как рассказывал отец, он готовился задолго. Собирал и мыл бутылки для продажи под святую воду. Ходил на Никольскую гору, собирав камни из опоки с замысловатыми рисунками, нёсшими каждому приобретаемому их загадочный, таинственный божественный смысл. Как отец говорил, чего там греха таить, над иным камнем приходилось самую малость, аккуратно потрудиться. Нужда и бедность – вот что толкало, хотя это не оправдание, признавался он.

Все пришедшие на Николу ждали самого главного события – выноса чудотворной иконы Николая и шествия с ней на Никольскую гору. Это происходило после утреннего служения в белокаменной красавице Промзинской церкви, под звон колоколов. С крестами и хоругвями, с церковным пением икону Николая Чудотворца выносили на специальных носилках, на плечах четырёх человек. И все направлялись к горе, к месту её явления, к часовне, где должно было происходить основное богослужение. Народ, как говорил отец Георгию, битком стоял вокруг церкви, образуя живой коридор до самой горы. Все крестились и кланялись, многие старались поднырнуть под икону и положить принесённое пожертвование на одну из подвод, двигавшихся за шествием. На Никольской горе проходила главная церемония. Всё находилось в лёгком торжественном движении.

Послушав и помолившись, народ шел в лес, к трем располагавшимся там святым колодцам. Там

Святой источник. Промзино

тоже шли службы. И здесь же находились купальни, где можно было окунуться в прохладную святую воду, несущую в себе исцеление от физических и духовных болезней и избавление от грехов. Другие люди спускались к колодцу под горой, а оттуда по крутому, почти отвесному склону, порой на коленях взбирались, творя молитвы, прося прощения и исцеления, искупая свою вину неимоверно трудным подъёмом. При этом не забывая рассматривать и подбирать камни, ища в них вещице рисунки. Вот так рассказывал отец Георгию о праздновании Николы в Промзине.

Герка и сам помнил, как однажды, уже в советское время, по поселку, тогда уже называвшемся Сурское, как-то очень быстро, можно сказать мгновенно, пронеслась весть, что идёт крестный ход: оттуда, из-за Суры, от Белого ключа, по старой дороге, по гати несут икону на гору. Он помнил, как с друзьями кинулись смотреть на никогда не виданное ими шествие, чем-то в общем напоминающее демонстрацию – только вместо флагов и знамён несли кресты и иконы и пели совсем другие песни. Они встретили шествие, когда оно перешло сурной мост и входило на мост через речку Промзу, а далее – на улицу Ленина. Шествие ненавязчиво сопровождали несколько милиционеров. Их-то Герка знал, порой ими поугивали: «Если слушаться не будешь, милиционеру отдадим». Народу, встречающего крестный ход, было в общем-то не очень много, в основном это были старики и старухи, пожилые люди да ещё ребяташки. Люди были на работе, а с работой было строго, а кто-то был на учёбе, и учителя строго отвечали за учеников. И вообще, власть усиленно вела атеистическую пропаганду. Народ, может, и не боялся, но лишний раз на заметку попадать не хотел, да и верующих, надо честно сказать, поубавилось. К горе тогда Герку с друзьями близко не подпустили.

В общем, села Промзино в своё время не стало, а появилось Сурское. Его, говорил отец, и переименовали для того, чтобы паломников с толку сбить. Герка отлично помнил: если куда-то приезжал с родителями, и отвечал на вопрос, откуда приехал, люди, живущие в тех местах, не могли толком сообразить, где это такое – Сурское, но если он потом говорил, что это бывшее Промзино, то многим становилось всё понятно: это там, где святая Никольская гора.

А икона, которую тогда несли на Никольскую гору, была уже не та – подлинную, как потом сказал отец Герке, давным-давно изъяли на нужды го-

сударства: она имела серебряный оклад, позолоту и отделку из драгоценных камней и несла в себе историческую и художественную ценность. Но она исчезла где-то в городе Самаре, в историческом музее. А кто-то поговаривал, что она оказалась в частной коллекции. В общем, от того не так уж далёкого прошлого мало чего и осталось. Только гора святая да источники. Правда, Герка слышал от старшего брата, что после войны с фашистами паломников сильно прибавилось. Люди шли и молились. Молились за возвращение тех, кто пропал без вести, за здоровье раненых и искалеченных. И конечно, за лучшую жизнь всех вернувшихся с войны живыми. Да и самих-то раненых и искалеченных здесь, на святой горе, в то время побывало много.

Когда Герка был небольшим мальчишкой, он на всю жизнь запомнил, как однажды на улице что-то громко и резко хлопнуло, и от этого жалобно запели стёкла в окнах его дома. От неожиданности он вначале вздрогнул, а затем кинулся к окну и увидел красноватое облако пыли, которое поднялось там, над развалинами старой церкви. Тогда он побежал на улицу. Во дворе мать преградила ему дорогу. Она крестилась и что-то шептала. На вопрос: «Что это?» – она ответила, что ничего не знает, вот когда придёт отец, он должен всё рассказать. А пока Герку не велел никуда выпускать – где-то там что-то взрывают. Вскоре пришёл с работы на обед отец и разрешил Герке играть на улице. Он слышал, как мать выговаривала отцу: как можно было такую красоту разрушить! Она говорила, что можно бы было закрыть, да и всё. Мать припомнила отцу и то, как ещё раньше валили церковь двумя мощными тракторами, как лазили люди по куполам и колокольне, затаскивали туда железные тросы. Как натужно ревели моторы тракторов, которые вставляли на дыбы, натягивая тросы. А она, бедная, всё не поддавалась. И тянули-то куда? Туда, в сторону Никольской горы, куда из церкви шёл крестный ход с иконой Николы Чудотворца. А на горе-то часовню ещё раньше ведь разрушили, тужила она. Порой мать прерывала свои воспоминания, крестилась и выговаривала: «Что это делают и зачем?» Потом вдруг спросила, для чего это тогда в церкви брёвна зажигали. И Герка слышал ответ отца, что кладка уж очень прочная была. Вот, чтобы ослабить её и раскачать, и придумали в трещины дрова и брёвна заталкивать и поджигать. Потом он в старости жалел, что не могли многое уберечь, а новое, то, что построили, не ахти красотой-то блистало. И уж совсем не одобрял, как помнит Георгий, поступок власти, то ли подтолкнувшей, то ли просто разрешившей одному сурчанину собрать с промзинского погоста каменные надгробия с могил состоятельных промзинцев и использовать для фундамента при строительстве дома. Герка и сам помнил, что, когда учился в школе-восьмилетке, мальчишки с верхних домов улиц Воровского и Трудовой частенько приносили в школу осколки красивых камней и старались выменять на что-то. А когда их спрашивали, где взяли, то отвечали: «Да там, на кладбищах». Когда-то и там была разрушена каменная часовня, которую построил на месте деревянной Александр Гаген, управляющий именем графа Рибопьера в честь возвращения сына Николы из плена после Первой мировой войны.

И ещё Герка помнил, когда на развалинах церкви появились гаражи и конюшни «пожарки», а на каменном помещении церкви, где раньше хранили пожертвования, как ему говорил отец, водрузили сруб, а на него – дощатый восьмигранник со смотровой площадкой. Здесь расположилась пожарная часть. А за ней, там, где было церковное кладбище, решили вначале построить стадион. Но почему-то построили только две площадки: баскетбольную за дощатым автовокзалом, или, как говорили, автосараем, а выше – волейбольную. И порой там проводили соревнования. Но перед этим вначале стали рушить склепы. Герка вспоминает это как что-то страшное. Полу пьяненькие мужички с ломачами и лопатами начали курочить склепы, разбирать кирпичные кладки, продавать кирпич, порой выбрасывая содержимое склепов. Вокруг можно было видеть разбросанные черепа и человеческие кости, остатки церковных одежд и обуви. Говорили, что находили и ценности. Но самое страшное, что запомнил Герка, – глупых пацанов, бегающих по улице с черепами на палках. А как же иначе, если взрослым было всё позволено. Помнил Герка и неожиданно открывшийся подземный лаз при выравнивании дороги. В одну сторону он вёл к восьмилетней школе, дому сестёр Соколовых, а в другую – прямо к церкви. Он помнил даже, как его одноклассник Витька, самый маленький в классе, шустрый, смелый и задиристый пацан, которого из-за его габаритов военкомат даже не поставил на учёт, неоднократно пытался пролезть в тот лаз, но безуспешно. Хотя все подбадривали и распалили его воображение находкой клада и тому подобному. Но ничего не получалось у него. Уж больно тесный был лаз. Потом все начинали фантазировать, для чего он был построен. Одни говорили, что там мог пролезать очень-очень маленький человек и проделывать разные таинства. Другие, что там могли передвигаться дрессированные животные. Третьи, что с помощью верёвок передвигали коляску. Четвёртые, что таким образом подавали тёплый воздух в церковь из дома Соколовых. Много было версий. Но тайна часто так и остаётся тайной.

Дом сестер Соколовых Фото 1960-х годов

Помнил Герка и тот день, когда, выйдя на улицу, увидел кучки толпящихся людей, о чём-то говорящих и показывающих рукой в сторону Никольской горы. Когда он посмотрел, то увиделдвигающийся по ней трактор-бульдозер. Вначале было непонятно, что он там делает. Но, присмотревшись, Герка

увидел, как вниз стали скатываться белые камни, а вокруг вершины начала расти белая окантовка неровной бахромой. Многие люди были в недоумении: неужели гору начали срывать? Оказалось, точно. Вот тебе и легенда. Во все времена были и, наверное, будут люди, которые способны что-то создавать, – созидатели, и они будут выделяться среди других, но неминуемо будут и умеющие только разрушать – разрушители, которые тоже хотят выделиться среди других. Но упаси нас Господи от них. Отец сказал, что слышал, на месте горы стадион хотя бы соорудить. Баламут нашёлся, говорит, один, и здесь, и в области убедил: с паломничеством на Никольскую гору надо окнчательно кончать. Если, говорит, переименование посёлка из Промзино в Сурское не помогло, то Никольскую гору надо срыть и стадион сделать, а на святых колодцах пионерский лагерь построить. Мать переспросила тогда отца: «Да это тот, что ли, начальник? Так он на всё готов», – пояснила она. Говорили, будто он большую и малую нужду справлял в колодцы, чтобы народ не ходил за водой. Отец тогда сразу предупредил мать, чтобы она лишнего не болтала – чего сама не видела. А трактор, поелозив ещё пару дней, вдруг исчез. Потом Герка тоже ходил смотреть на него. А тот каким-то образом нашёл своё место на самом крутом склоне горы в сторону Суры – единственное деревце, свалившись, уперся в него. Тракторист выпрыгнул. Вот и гадай, что получилось. А потом уже на тракторе на гору никого не могли загнать, как говорят, ни за какие деньги. А тракторист вскоре куда-то уехал, а потом прошёл слух – покинул белый свет. А вот пионерский лагерь на святых колодцах в лесу построили. Чернолесье, солнца мало – хотя и сделали всё хорошо, добротное, но проработал он там недолго. Место он занял не своё – вот, видно, и не сложилось.

Вспомнил Георгий, как власть не пускала людей к святой горе, как ставились посты, оцепления, организовывались дежурства милиции, активистов-комсомольцев и коммунистов. Порой они отворачивались и «не замечали» старых пожилых людей, пришедших из далёких мест за святой водой, и понимали, что эти люди большой политики не сделают. Но порой за это сами получали выговоры. Иногда начальство действовало на опережение, высылая навстречу идущим на Никольскую гору машины и обманным путём, уговорами, заманивало в машины, якобы чтобы побыстрее отвезти, а везло их назад, откуда они пришли.

Временами за горой проходили стрелковые соревнования, там сделали тир. Водили туда учеников, да и вообще всех членов ДОСААФ упражняться в стрельбе. Тогда малокалиберные винтовки были почти во всех рабочих коллективах. Здесь же проверяли свою меткость и работники милиции и охранники.

Но этот случай, думает Георгий, в памяти сурчан останется надолго. Он помнит, как привезли нового секретаря райкома комсомола, молодого долговязого парня. Он оказался деловой и очень службистый. Стал работать затем в райкоме партии. И, находясь на должностях, он боролся с религией – как говорил он, устав требовал того. Но наступили иные времена. И Георгий вначале не поверил,

*Св. Николай Чудотворец.
Свято-Богородице-Неопалимовский храм.
Ульяновск. Начало XX в.*

узнав, что данный товарищ, бросив всё, подался в послушники, а потом пошёл и здесь по служебной лестнице вверх. Похоже на то, что, видимо, замолил свои он грехи.

Георгий посмотрел на свечу. Она, потрескивая, догорала. По её краям сбегал расплавленный воск. В его капельках блестяли искорки отражавшегося пламени. Георгию показалось, что это две слезы, навеянные его воспоминаниями, а может, это слёзы памяти по его матери. Сколько воспоминаний пролетело за это время, хотя свеча еще не догорела, или, точнее, сколько воспоминаний сторело в пламени этой свечи! Сколько времени охватили его воспоминания, и всё это там – далеко-далеко в прошлом, а пролетело, как один миг. Он посмотрел на стоявшую в углу икону, которая смотрела на него, дотронулся правой рукой до груди, где вместо креста на гайтане висела маленькая серебряная иконка с изображением Казанской Божьей Матери. Он надевал её после того, как потерял оловянный крестик, который когда-то в больницу принесла ему уже старенькая мать. Если покойный отец искал в таких случаях хороших врачей, то мать в свою очередь обращалась к таким же, как она, матерям. Они собирались и молились. Обращаясь к Богу с молитвами, они старались помочь ему, и он помнит, как от совместных усилий в детстве проходила душевная и физическая боль. А когда однажды он лежал, при-

кованный к больничной койке, с серьёзной травмой ноги, врачи, приходя на обход, говорили, что, если не восстановится кровообращение, придётся делать операцию.

И вот поздно вечером, опираясь на палочку, в палате появилась мать. Она наклонилась поближе к Герке, вынула из кармана небольшой оловянный крестик на гайтане небесного цвета со словами: «Надень, сынок. Не стесняйся». Герка посмотрел на мать. Он увидел в её глазах такую мольбу, такую силу веры и такую надежду! И эта вера передалась и ему. Он взял и надел крестик с мыслью: ну и пусть, если что, исключат из партии.

Наутро ему показалось, что в ноге произошли изменения в лучшую сторону. И когда во время обхода дело дошло до него, врачи дружно переглянулись. Герка всё понял и загадочно улыбнулся. С тех пор Георгий берёт крестик. Когда он поправился, то в память об этом случае сочинил небольшое, простое стихотворение.

В больничную палату
Принесла мне мать
Крестик оловянный
И просила взять.

«Ты возьми, сыночек,
Не стесняйся, мой,
Пусть в твоих мученьях
Будет он с тобой.

А я молиться буду,
Пусть поможет Бог,
Чтоб земному счастью ты
Радоваться мог».

С той поры далёкой
Крестик я ношу.
Успокоить душу мамы
В небесах далёких Бога я прошу.

*Икона Казанской
Божьей Матери*

Много прошло с тех пор времени. Но вот не уберёт Георгий крестик. Он так об этом сожалел и корил себя, и всё думал: «Как же быть?» Потом решил купить вместо креста иконку Казанской Божьей Матери. Правильно он сделал или нет, он не знал, но сделал так, как подсказало ему сердце.

От автора Послесловие

Мама Раиса Ивановна Ерёмина

Этот рассказ я написал к 100-летию со дня рождения моей дорогой мамы, к сожалению, её уже не было в живых. Он был напечатан в четвёртой моей книге «Радуга над Сурой» (Ульяновск, 2014, Венец).

...Не только то, что было в этой жизни с Вами, –
Всю память рода Вы хотите сохранить.
И род, и Родина с печальными глазами –
Всё это в сердце, и всё это будет жить.
И снова, в прошлое не открывая дверцу,
Вдали Вы видите дела минувших лет,
И это – главное, и так тепло на сердце
Лишь оттого, что русский и в душе – поэт!..

Эти строки написала Калерия Ерёмина, ответственный секретарь газеты «Сурская правда», об авторе книги...

Моя мама Ерёмина Раиса Ивановна (в девичестве Баранова) родилась на Ильин день, 2 августа 1913 года в селе Барышская Слобода Алатырского уезда Симбирской губернии, в семье Баранова Ивана Степановича и его жены Александры Павловны. Она была первенцем. За ней родились ещё шестеро братьев и сестёр. Отец Иван в то время работал водоливом на барже.

Село было знаменито. (Через это село в 1552 году при походе Ивана Грозного на Казань останавливались и переправлялись через реку Суру воины его войска.)

В 1914 году после начала Первой мировой войны отца Ивана Степановича Баранова по жребью забрали в царскую армию на Балтийский флот. Службу он нёс на знаменитом броненосце «Павел I», на котором 3 марта 1917 года начался мятеж на Бал-

*Валерий Еремин
в детстве*

тийском флоте. Таким образом, Иван Степанович комендор броненосца, стал невольным участником вначале Февральской, а затем и Октябрьской революций. После 1917 года он служил в Адмиралтействе. Даже забирал семью в Питер. Дочь Раиса там пошла учиться в первый класс. Затем отец вернулся в родное село. Поработал председателем колхозов и сельсоветов в соседних сёлах.

В 1930 году моего будущего отца Ерёмина Александра Афанасьевича направили в Барышскую Слободу на работу на должность председателя колхоза. Иван Степанович в это время работал председателем Барслободского совета. Вот тогда-то Александру и приглянулась чернобровая дочка председателя совета. Сыграли свадьбу. И 1932 году у них появился сын Геннадий. На фото моя мама, и когда я смотрю на фотографию, то невольно поражаюсь её красоте, доброму и ласковому взгляду.

На семейном фото слева направо мой отец Ерёмин Александр Афанасьевич 1903 года рождения, дальше я, затем мама, рядом с ней мой старший брат Геннадий.

На этом фото мы с мамой в нашем саду. Когда маме исполнилось 85 лет, я посвятил ей стихи:

Тебе сегодня восемьдесят пять.
Такие годы за твоей спиной.
И хочется всем нам тебя обнять,
Так хочется увидеть молодую...
...На фотографии из семейного альбома молодая мама улыбается нам.

«ВОЛЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ» НАД СИМБИРСКОМ

Итоги межрегионального молодежного литературного конкурса

Организаторы конкурса: отдел по работе с молодежью Симбирской епархии совместно с Советом молодых литераторов Ульяновской области.

14 марта, в День православной книги, были подведены итоги молодежного межрегионального литературного православного конкурса «Волжский благовест». Конкурс был приурочен к Году книги в Ульяновской области и проводился по благословению митрополита Симбирского и Новопаспасского Лонгина. В конкурсе приняли участие двадцать пять молодых поэтов, прозаиков и публицистов из Ульяновской, Нижегородской, Пермской, Астраханской областей, а также из республик Татарстан, Марий Эл и Башкортостан. В жюри конкурса вошли члены Союза писателей России Александр Дашко, Мария Богдан, Алина Осокина, руководитель общественного движения «Симбирская православная молодежь» Сергей Николаев, сотрудник епархиального отдела образования и катехизации, клирик Воскресенского храма г. Ульяновска иерей Игорь Казачков и настоятель Богоявленского храма с. Прислониха протоиерей Дмитрий Савельев.

Лауреаты конкурса в номинации «Поэзия»:

- 1-е место – Андрей Шурыгин (Йошкар-Ола),
- 2-е место – Владислав Ванюков (Ульяновск),
- 2-е место – Татьяна Павлова (Астрахань),
- 3-е место – Елена Ракова (Ульяновск).

Лауреаты конкурса в номинации «Проза»:

- 1-е место – Марианна Давлетова (Уфа),
- 2-е место – Екатерина Богданова (Ульяновск),
- 3-е место – Михаил Бодров (Нижний Новгород).

Лауреаты конкурса в номинации «Эссе»:

- 1-е место – Анастасия Коршикова (Ульяновск),
- 2-е место – Ксения Висарова (Ульяновск),
- 3-е место – Олеся Моисеева (Ульяновск),
- 3-е место – Ирина Слепенкова (Ульяновск).

В специальной номинации в рамках празднования 800-летия со дня рождения Александра Невского была отмечена Мария Гаврилова (Ульяновск).

Андрей ШУРЫГИН, 36 лет, Йошкар-Ола

ЗАЗВЕНЕВШАЯ РУСЬ

Здесь, в январском затишьи,
Я однажды проснусь,
Сквозь столетья услышав
Зазвеневшую Русь...

Чтобы в зимнюю стужу
Утаить, уберечь
От холодных, ненужных
И неганных встреч!

Март журчащий заплещет
В той сторонке лесной...
Обнимая за плечи,
Поцелуюсь с весной...

В заигравшей капели,
Словно в вялом бреду,
Соловьи мне напели:
Русь, к тебе побреду!

Веселится округа,
Убывает печаль...
Словно давнего друга,
Я июнь повстречал,

Где в небесной лазури
Искупается Русь...
До сентябрьской хмури
Умывается пусть!

Зову осени рада,
И в дождливости дней
На ковре листопада
Потанцуем мы с ней...

Под распахнутым небом
Снег успеет блеснуть...
За метелями мне бы
Чутким сном не уснуть...

Но в январском затишьи
Я однажды проснусь,
Чтобы сердцем услышать
Зазвеневшую Русь!

Владислав ВАНЮКОВ, 39 лет, Ульяновск

* * *

Усыпан первым снегом город,
И опустел в деревне сад.
Подкрался незаметно холод.
Остался в прошлом листопад.
А мы идём с тобой, не глядя,
Куда нас ноги заведут,
И рядом Вера, Люба, Надя
Неспешной поступью идут.
Все укрываются сильнее
И дома пьют горячий чай,

А нам с тобой и так теплее,
Как будто за окошком май.
Ведь мы с тобой не одиноки,
Ведь мы с тобой теперь вдвоём.
Пусть лица встречные жестоки,

Мы песни светлые поём.
И рядом Вера, Люба, Надя
Не позволяют нам свернуть.
И мы идём с тобой, не глядя,
Шагами измеряя путь.

Татьяна ПАВЛОВА, 32 года, Астрахань

МОЛИТВА

Благослови его, Господь,
И сохрани от всех напастей.
Даруй ему земное счастье.
Благослови его, Господь!
Пошли смирения и сил
Не согрешить перед Тобой;
Чтоб милосердием, любовью
Он в сердце ближнего светил.
Пусть будут все его пути
Всегда Твоей угодны Воле;
Чтоб не роптал он и не спорил,
Свой крест покорно мог нести.
Чтоб век был радостью согрет,
Во всех деяньях будь и мыслях.
Твоей любви святые искры
В его душе оставят след.
Молю, чтоб ангельским крылом
Он был укрыт от непогоды,
Тобою данную свободу
Умел использовать с умом;
Услышав дьявольский напев,
К Тебе воззвал без колебанья.
Даруй ему живое знанье,
Своей Любвию согрев!

Елена РАКОВА, 35 лет, Ульяновск

* * *

Помолиться сегодня хочу...
Возьму в руки родную икону.
Тихо дома зажгу я свечу,
Чтобы сердца уменьшились стоны.
Богородица, слышишь меня!
Я с мольбою к тебе обращаюсь...
На коленях, при свете огня,
О былых прегрешениях каюсь.
Ты прости, что я в храм не иду,
Там душа не откроется Богу.
Знаю, слышишь печаль и беду,
И о чём вновь на сердце тревога.
Помолись за меня в этот час,
Чтобы горечь моя отступила.
Помогаешь в бесчисленный раз:
Крепнет вера, находят силы!
На глазах снова слёз пелена,
Длится наш разговор молчаливый.
За окошком свидетель – луна
Вдруг за тучи зайдёт торопливо.
Помолиться сегодня хочу...
Богородица смотрит с иконы.
Время тихо сжигает свечу,
А взгляд мягкий, родной, благосклонный...
Помоги и совет верный дай,
Отпусти все печали и тяжесть!
Не прошусь я в неведомый Рай,
На земле быть счастливой – мне в радость!

Марианна ДАВЛЕТОВА, 36 лет, Уфа

БОГ ЛЮБИТ НАС

Бабушка когда-то нашла для меня сорочек.
Целый чемодан. Сказала, это будет мое приданое.
Мне тогда было еще лет шестнадцать, и я думала:
«Что за глупости... Не квартира, не машина, а чемодан сорочек в приданое!»

Сорочки пахнут свежей хлопковой тканью. Выглядят они все одинаково: широкие, с разноцветными ленточками на груди и кружевными манжетами. Точь-в-точь как у царевичей на старинных фотографиях!

Я достаю одну из них и кладу в пакет. Вчера мне исполнилось двадцать четыре года. И я решила покреститься.

Помню в 90-е, когда я была еще маленькой, умер мой дедушка. Я не знала, как мне пережить утрату. И почему-то стала с ним разговаривать, просто представляла, что он там, на небе... По телевизору рассказывали, что душа человека, умирая, отправляется в другой мир и оттуда смотрит на нас. Когда я совершала что-то нехорошее, то всегда представляла себе дедушку, который смотрит на меня и говорит: «Ай-ай-ай, нехорошо!» и грозит пальцем. Чуть позже я купила в киоске пластмассовую иконку и прятала ее под подушкой. Богородица казалась мне такой красивой и доброй, что я стала разговаривать и с ней. Но потом родители нашли мою иконку и сказали, что Бога нет, что его придумали люди, чтобы можно было грешить, а потом каяться. Я ничего не поняла, но очень расстроилась, ведь иконку они у меня отобрали. А потом я купила себе другую, но уже спрятала ее в надежное место.

* * *

Иду по весенней улице, поднимаюсь на гору. Вокруг пролетают машины, разбрызгивая грязь. А вот и мой любимый Сергиевский собор, с выкрашенными в зеленый цвет башенками и золотыми куполами. Он для меня роднее всех. Мама говорит, что в этом соборе выходила замуж моя прабабушка. Тогда, в революцию, не обращали внимания на внешний вид невесты. Но прабабушка сама сшила себе красный сарафан, а прадедушке – пиджак на венчание.

Уже ее дочка – моя бабушка, та самая, что подарила мне чемодан приданого, когда еще была жива, много говорила о том, что креститься нельзя, что все эти обряды до добра не доведут. Она была яркой коммунисткой и даже завещала после ее смерти не устраивать никаких отпеваний и панихид...

Крестящий нас батюшка чуть старше меня. Он степенно расхаживает по залу и рассказывает нам о том, что Бог любит всех одинаково – и крещеных и некрещеных, что за всех можно молиться. И я молюсь за папу. Он пьет.

В своей хлопковой сорочке я иду к купели и захожу в теплую воду. Батюшка три раза окунает меня. И мне кажется, что он окунает меня в новую жизнь.

* * *

Я нажимаю грязную кнопку звонка. Сначала никто не открывает. Но через три минуты слышу шарканье тапочек в тамбуре. Эти звуки многое го-

воят о хозяине этой квартиры. Они неспешные, вымученные. Передо мной отец – заспанный и растрепанный.

– С началом новой жизни! – говорю я. И звучит это как-то нелепо.

Он, не понимая о чем я, впускает меня в свое жилище. Идем по коридору, в котором он собрался делать ремонт.

– Зачем ты оклеил стены газетами? – удивляюсь я.

– А что? Мы так в советское время делали.

– Но мы не в советское время живем, теперь грунтовка есть... и обои...

– Что за новая жизнь? – обрывает он меня на полуслове. Мы садимся на его неприбранную кровать. Он закуривает сигарету.

– Дымишь в комнате?

– Дымлю потихоньку. Недолго мне осталось дымить...

Я встаю и начинаю нервно прибираться на его холостяцком столе. И кажется мне, надо дать ему выговориться, но из открытого окна слышно пение птиц. Я распахиваю его, словно ворота в ту самую новую жизнь...

– Весна... Папа, пришла весна! – оборачиваюсь я к нему. – Сегодня покрестилась.

Папа не смотрит на меня, он глядит в пол и на глазах наворачиваются слезы. Неожиданная реакция.

– Прости, что не смог передать тебе свою веру...

Таких, как ты, у нас называют «крещен»...

– Что значит «крещен»?

– Покрестившиеся татары.

Пожимаю плечами.

– Никогда не думала, что в этом есть какое-то противоречие...

Он плачет и говорит: «Твой дедушка бы не одобрил...»

И я не знаю, что ответить. Мы молчим, а окурок в пепельнице тлеет и издает дымный запах, будто уничтожая все хорошее, что со мной сегодня произошло.

– Ты же знаешь, мы с Олегом давно хотим завести ребенка, – отчаянно говорю я. – А ты: «Дедушка бы не одобрил»... Это моя последняя надежда.

Я смотрю на него и понимаю: он плачет не потому, что я покрестилась, а потому, что он устал так жить. А еще у него рак. И я больше не обижаюсь.

– Ходил к врачу на этой неделе?

– Да, меня кладут в среду на лечение.

– А зачем ты пьешь тогда?

– А потому что мне все равно...

* * *

Папа в больнице уже в третий раз. Делали химию и лучевую. А у нас в семье радость. Через месяц я рожу сына.

Говорю с папой по телефону:

– Мы хотим назвать его как тебя – Талгатом.

– Не надо, плохая примета, назовите тогда уж Толей, – смеется отец.

– Православные не верят в приметы, – отвечаю я.

Голос у папы слабый, но радостный.

– Надеюсь ты не куришь?

– Курю, мне врач сказал, что можно... Куда я без сигарет?

Я думаю о том, что он страшно одинок, но не знаю, чем помочь.

– Ты что, совсем не рад, что скоро станешь дедом?

– Рад, – отвечает отец уверенно.

Разговор не клеится, кажется, папа что-то хочет мне сказать, но не решается. В трубке молчание.

– Ну пока.

– Пока.

Я иду к нему в больницу, хотя врач и предупредила, что надо меньше волноваться. Вышла на остановке, купила папе его любимые сканворды. Темное двигающееся пятнышко на снегу. Останавливаю и разглядываю его. Это черная бабочка. Чудо среди зимы... Наверное вылетела из подвала. Я аккуратно кладу ее на ладонь и оставляю на подоконнике подвала. Пусть живет.

В коридоре больницы пахнет лекарствами, тушеной капустой и рыбой.

На входе тут стоят полки с Евангелием. Я беру одну книжку, иду в палату.

Палата маленькая, в ней лежат четверо. Рядом с каждым – капельницы.

Папина койка – возле окна. Он лежит бледный и худой. Протягиваю ему Евангелие и сканворды.

– Привет, – говорю я, собравшись с силами.

– Привет, – отвечает он бодро, видно, что обрадовался.

Мы болтаем о всякой ерунде, я чищу ему апельсин. В этой серой обстановке он как никогда кстати. В палату заглядывает батюшка.

– Ну что, дорогие болящие, кто-нибудь хочет причаститься?

Отец подзывает его к себе.

– Я бы хотел покреститься, – говорит он смущенно глядя на меня, – но это, наверное, невозможно?

– Отчего же, дорогой, я сейчас договорюсь с врачом, – отвечает батюшка.

Через десять минут он возвращается.

– Завтра вас отпустят со мной, дойдем до церкви, тут два шага.

Я улыбаюсь, смотрю на отца.

– А как же крещен? – шучу я. – А дедушка?

– Ты знаешь, а он приснился мне сегодня... – отвечает отец. – Не думаю, что он против.

Я выхожу из больницы и снова подхожу к подвалу. Как там моя бабочка? Она снова лежит на снегу. Но уже не двигается... Мне так хотелось спасти это чудо...

* * *

Взяла с собой в роддом новую, сшитую бабушкой-коммунисткой, сорочку. Звоню папе. Он еще в больнице.

– Сегодня станешь дедом, – смеюсь я.

– Позвони мне сразу, – просит он. И повторяет:

– Только сразу.

У меня за окном зима. И лютый мороз. Врач кладет мне на грудь сыночка.

Набираю номер отца:

– Родился Талгат...

– Я счастлив, – отвечает он. И впервые за долгое время я чувствую, что он и вправду счастлив.

Через пятнадцать минут мне звонит брат:

– Отец умер, – говорит он и плачет.

Но я не плачу. Я смотрю в черные глазки Талгата и думаю о том, что Бог любит нас.

ЧЕРЕМШАН

Елена ЕРМОШИНА родилась в Димитровграде. Окончила школу №19 и на волне перестройки покинула страну. Объехала Европу, долго проживала в Италии, путешествовала по миру. В 2008 году вернулась окончательно в Россию. Имеет высшее образование психолога, юриста, преподавателя русского языка. Переводчик с итальянского. Писать начала ещё в школе. В настоящее время пишет на сайте социальной журналистики статьи-эссе на политические и социальные темы.

«Записки домохозяйки» – это цикл размышлений о нашем мире, о способах решать проблемы, своеобразная медитация в словах.

Современная домохозяйка с позиции Елены Ермошиной – это не комический персонаж в бигуди и халате, с половником в руках. Это женщина, способная одновременно творчески решать несколько задач – будь то воспитание ребёнка, самосовершенствование, стабильность в быту, заработок и т. д.

Елена – вдумчивый наблюдатель: её посты-истории, блестяще рассказанные с тонкой иронией или добрым юмором, заслуживают внимания самой широкой аудитории.

*Инга ГААК,
член Союза писателей России*

ЭТИ СТРАСТНЫЕ БАБКИ ИЛИ ДОМОХОЗЯЙКА – ОБ АГРЕГАТНЫХ СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕСТВА

Из цикла «Записки домохозяйки»

Я в последнее время по поколениям просто скачу – то тусуюсь с подростками, то заседаю плотно с бабушками. Конечно, поколения разные, мир у них разный, взгляды, темперамент. И какие-то тенденции выделяются. Поделюсь с вами.

Самые страстные – бабки. Вот тут всё всерьез, всё по правде. Обиды на всю жизнь, интриги, кто еще в профкоме сорок лет назад не так посмотрел. Всё помнят, всё знают, опыт и знание истории – великая сила, конечно же, спорить не буду. Они бьются между собой за каждое слово, за каждый вздох. И жить торопятся и чувствовать спешат. Они достойны восхищения, держат слово, работоспособны, пунктуальны. Петь так петь, пить так пить, плясать так плясать, надо так надо. Сделаем. Праздник так праздник – наготовят столько, что на неделю хватит. И всё на свою пенсию, суперэкономным способом обхода всех магазинов в городе в поисках, где дешевле. И оденутся, и принарядятся – и не скажешь, что это в секунде за десять рублей куплено. А кто и этого не потратит – платье бабушки бабушки, прекрасно сохранившееся по причине бережливости, великолепно подойдет на вечеринку. Тяга к жизни, жажда жизни – феноменальные. «Гвозди бы делать из этих людей – не было б крепче в мире гвоздей!» – как классик сказал. Как сейчас помню эту старушку, бегущую по коридору с криком: «Все на танцы, двадцать дней всего осталось!» – в день заезда (!) в профилакторий. Смена двадцать один день, если что. То есть она заехала в номер, положила вещи в шкаф и такая: «Уж первый день проходит! Надо поторопиться! Записаться во все кружки! На все процедуры! И бегом на танцы – видела там трех дедушек, надо успеть урвать себе одного, пока остальные пятьдесят бабок не набежали!» Так же думают все остальные бабки, поэтому они и носятся стадами с грохотом по этажам, по кабинетам, по жизни. И несмотря на многочисленные их болячки, это самое здоровое поколение, самое энергичное. В общем, выживальщицы. И их сбрасывать со счетов ох как рано! Они ещё всем жару дадут, всем покажут! Агрегатное состояние – твёрдое.

Далее у меня большой опыт шестидесятников, это люди чуть помоложе бабок из предыдущего абзаца, мужчин тут много. Тут без надрыва и катарсиса никуда. Это про них: «хоронили тещу – порвали два баяна», «свадьба без драки – деньги на ветер». Тут обязательно надо не выпить, а нажраться, не посидеть, а устроить разборки, желательно подраться и перебить посуду, потом открыть душу, обняться, простить друг друга и поплакать. Утром похмеляться, разгрести порушенное, вспоминать вчерашнее, переругаться вновь, проклясть всех, уйти, вернуться... Любовь и голуби! Именно среди этого поколе-

ния большинство бытовых убийств – ну, не совладали с чувствами, захлестнула ненависть пеленой, а лингвистических доводов и аргументов не хватило. Причём тема спора принципиально не важна – хоть политика, хоть поэзия, хоть цены на хлеб. Как бегот жены-«декабристки» с детьми ночами от приревновавших их пьяных шестидесятников, м-м-м, песня! А как потом мужья на коленях прощения вымаливают, с букетами в зубах в окна лезят! Ах, какие страсти! Любить так любить, стрелять так стрелять. Я вам больше скажу – проблема пьянства касается только этого поколения. В предыдущих и последующих её просто нет. Все рекламы типа «закодирую-раскодирую» – только для вас, дорогие шестидесятники. В общем, для тех, кому заняться нечем, тяни-толкай такой. Это ж сколько энергии тратится впустую... Агрегатное состояние – тоже камень, но размоченный какой-то. По сути, это те же бабки, но энергии, особенно сексуальной, и дури у них еще полно, вот и страстничают.

Мы (выжившая молодежь несвятых девяностых, примкнувшая к более молодым и цельным детям девяностых) не можем себе позволить такой роскоши и излишества, как пьянство. Нам утром вставать рано, у нас очень много работы, дополнительные заработки, у нас уроки с детьми, кружки, достижения, развитие себя, развитие креативности, хобби, проекты. Мы несёмся вперед, очень много работаем, крутимся как белка в колесе. Главное – придерживаться плана. Выписать все дела, ведь их так много, что в голове они уже не держатся. Мы встречу с друзьями планируем заранее и в ежедневник вписываем. А напиться вдрызг – ну нет уж. Потерять весь следующий день на похмелье – слишком дорогое удовольствие в наше время. Не по карману. Вот организуется вечеринка, готовим вкусно, нам нравится покушать. Пьём, но некрепкое и немного, всё под контролем. Танцуем, но шторы не рвём. Поём, но на часы поглядываем, чтоб соседей не потревожить и с милицией не объясняться. Разговариваем, но больше прикалываемся, смеемся, серьёзные темы стараемся не трогать: кому интересны твои проблемы, во-первых, и зачем всем портить настроение, во-вторых, зачем лезть в темы, где мы реально не разбираемся, где наше мнение зависит только от предпочитаемого политолога, в-третьих? Можно просто сразу на входе оговорить – кто кого слушает, и всё всем сразу понятно, дабы конфликтов не было – тему не трогаем. Вот так поели, попели, поиграли, поплясали, а в одиннадцать уже и разошлись. Шестидесятники плюются, на наши вечеринки глядя: «Ни о чём! Ни в голове, ни в ж... Душа-то не раскрылась даже, а вы уже по домам. Да мы в вашем возрасте расхотелись только утром!

Расползались. А многие оставались на неделю ещё! Да за ночь пять раз за водкой бегали – и это было уже приключение само по себе. Да мы и на столах плясали, и на люстрах висели! Да там уборки на месяц было – вот это хороший день рождения. А вы, молодежь, малахольные какие-то. Ни о чём. Как вода сквозь пальцы – и нет вас». Вода.

А тут на свадьбе молодых друзей была недавно. Это уже поколение нулевых-миллениалов. Пришли гости, хозяйка заказала пиццу, минералку, колу. Весь вечер играли в настолки. Потом мульт новый включили. Всё. Даже не разговаривали особо, только по игре, кому какая карточка досталась и т.д. Не шутили. Не пили. Не поздравляли. Многие гости были сыроеды, вегетарианцы. А самые конченные миллениальские маргиналы и оторвы ели пиццу с колбасой и пили колу, но в итоге это никак не отразилось на их поведении. Прекрасно посидели, до сих пор вспоминают, замечательная свадьба была. Только я там все время порывалась то поздравить молодоженов, то поговорить о жизни, о планах, то рассказать, как у нас было... В общем, я, наверное, немножко им надоела, но люди воспитанные, ничего взрослому человеку не сказали. Может, просто решили не приглашать больше. «Слишком страстная бабка», – подумали. Вывод: агрегатное состояние – газообразное. Воздух. Ни к чему не привязываются. Всё воспринимают толерантно. Работают в интернете. В душу друг к другу не лезут. Легко меняют место обитания. Дружат спокойно, прохладно, в рамках приличий.

А вот новое поколение, двадцать лет плюс-минус. Еще толком не сформировавшееся, зеленое, но тенденции прослеживаются. Из всех самых модных, ой, хайповых дудей, рэпа, прожарок, версусов и т.д., чем сейчас молодежь живёт и дышит, нашим детям активно навязывается индифферентность, отморозенность, такой социальный панк. Вот оскорбляют тебя самым гадостным образом, льют на тебя помой, а ты должен сидеть и всё тебе должно быть «пофигу». Тогда ты молодец. А если зацепило тебя что-то, покраснел, отреагировал, огрызнулся, показал своё слабое место, то всё, нападут на тебя стаей и загрызут до смерти. И зачем это? Зачем это прививается детям? Я помню про панков девяностых годов – как принимали туда: ты должен был доказать, что тебе на всё наплевать... А сейчас вот социальный панк, толстодушность... Помните, как с треском проиграл батл рэпер, у которого мать действительно умирала от рака и которому как-то особенно цинично на эту тему надавили? Так, что он заплакал. Слезы брызнули. И всё. Проиграл бой. Потерял репутацию. И это было важнее для его тусовки, для его окружения, для его реальности, чем умирающая его мама. Выжигают человечность калёным железом. Для чего это делается? Готовят новое поколение к большим переменам в жизни? К потрясениям? Чтобы не реагировали никак. Это уже не воздух, а вакуум какой-то. Стирание личности в ноль, только лайки и мемы.

Вот такой обзор агрегатных состояний наших, обзорная экскурсия. А дальше – сами.

УТРЕННЕЕ

Я здесь одна на всю округу –
Играю в дачницу с утра
И соловья молю, как друга:
– Не умолкай! Пришла пора
Нам петь с тобой о милом крае!
Смотри, какая благодать:
Как на траве роса сверкает
И как блестит речная гладь;
По свежескошенной лужайке
Спокойно шествует скворец.
И мне сейчас немного жалко,
Что недалёк весны конец.

Калины ветви – как каскады! –
Все в белом мареве цветы...
Вот красота какая рядом,
А мы всё ищем красоты
В других краях и дальних странах,
Пленясь призрачной красотой.
И только дома – поздно ль, рано –
Мы обретаем свой покой...
Весенней негой утро дышит,
И ясен солнечный предел! –

Вот соловей меня услышал
И звонче с яблони запел.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ...

Белоцветье в саду! –
Упиваюсь его ароматом.
Словно облако с неба
Упало на эти кусты...
Вновь весна исполняет
Свой долг неустанно и свято
И вселяет нам в души
Надежды, любовь и мечты.

И такое сиянье
Висит над широким простором!
И так жаль провожать
Эти светлые быстрые дни,
Что невольно вздохнёшь
И подумаешь с лёгким укором:
Ну зачем так спешат,
Безвозвратно уходят они!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Со всеми вирусами споря,
Весна вошла в свои права, –
И тонет воздух в птичьем хоре,
И к солнцу тянется листва.

И Дня Победы – светлой даты
Звучат лучи со всех сторон.
Он в том далёком, сорок пятом,
С весной навеки обручён.

Впредь никогда им не расстаться, –
И будет праздновать страна:
Он в наши души, словно в Святцы,
На все прописан времена!

НА БЕРЕГУ

Широкая, красивая
Течёт моя река.
И я тут вместе с ивою
В объятьях ветерка.
Сияют воды синие;
Мой берег, чист и крут,
С другим – лесистой линией –
Ведут её маршрут.

Издrevле нежной сказкою
Журчит она в тиши,
Плывёт, качает ласково
В прибрежье камыши...
Совсем уже недолгою
Дорогою окрест
Она сольётся с Волгою
Как дар соседних мест.

Я с ней весной и осенью,
Под солнцем и в туман...
А как зовётся, спросите, –
БОЛЬШОЙ наш ЧЕРЕМШАН!

Я ЖИВУ НА ЗЕМЛЕ...

Я живу на земле:
Это всё не такая уж малость –
Убежать с этажей,
От машин, от забот, от людей
И с надеждой на солнце,
Что в тучах совсем затерялось,
Дни и ночи насквозь
Слушать грустные песни дождей.

Я живу на земле...
Вот я в детстве стою на крылечке
И в ладони ловлю
Обжигающий солнца привет...
Вместо лампы во тьме
Зажигаю волшебную свечку
И хочу воплощенья
Случайных нелепых примет.

Верю, время придёт –
И друзья мои вновь соберутся,
И по кругу опять
Будут литься стихи, словно свет...
И так хочется вновь
Безоглядно в мечты окунуться,
Словно в них есть секрет
От внезапно нахлынувших бед.

Дни приносят порой мне
То радость, то слёзы с горчинкой.
То блеснёт озаренье,
То снова простой в ремесле...
Для Вселенной пускай
Не являюсь я даже песчинкой,
Но светло я живу
На прекраснейшей этой Земле!

ГЛУБИНКА

Юрий МИШИН, директор отдела УОКМ «Усадьба Языковых», р.п. Языково.

НА ЗЕМЛЕ ЯЗЫКОВА И ПЛАСТОВА

Выставка «Сердцу милый уголок» члена Союза художников России Людмилы Слесарской в музее «Усадьба Языковых»

Эта выставка создавалась в сентябре 2020 года и называлась «С любовью к Прислонихе». Сейчас эта выставка называется «Сердцу милый уголок» и экспонируется в музее «Усадьба Языковых».

Она создана благодаря пленэру «Киселевские зори». Художник Виктор Васильевич Киселев (1907–1985) был другом А.А. Пластова, именно ему посвящены пленэры, организатором и инициатором которых стала Людмила Юрьевна Слесарская. Такие выездные творческие экспедиции уже проходили в Сурском, Сенгилее, Прислонихе, в других живописных местах нашего края. Вы спросите, что такое пленэр, а я скажу по-простому: это создание картин не в мастерской, а непосредственно на природе.

Теперь хочу немного рассказать об истории села Прислониха. Сначала село называлось Каменный Брод и основано было в 1672 году. Потом село получило название Прислониха, видимо, потому что «прислонилось» к холмам возле леса. Как известно, Прислониха – родина выдающегося художника Аркадия Александровича Пластова.

Пластовские места давно вдохновляют Людмилу Юрьевну Слесарскую.

Большинство из представленных здесь работ посвящено Прислонихе, но есть и несколько работ, посвященных р.п. Языково. Одну из таких работ Людмила Юрьевна любезно подарила нашему отделу «Усадьба Языковых». Картина называется «Серебряное утро. Языко-

во», выполнена гуашью в 2014 году. На картине изображен «совхозный пруд» с виднеющимися вдали домами поселка Языково.

Любовь к сельской жизни привилась с детства у художницы. Ее малая родина Сорочьи Горы, находящаяся в Республике Татарстан, трепетно вошла в ее жизнь с запахом полевых трав, вкусом козьего молока, шелестом листьев на деревьях, криком пролетающих птиц в небе. Чтобы написать эти картины, нужно со слов Людмилы Юрьевны, пожить в Прислонихе, сходить в храм, помолиться, попросить у Бога помощи.

Любимое время года художницы – это время с весны до поздней осени. Она всем сердцем чувствует природу.

На выставке Л.Ю. Слесарской представлено 11 работ, повествующих о сельской жизни. Например, одна из работ называется «Дровишки» (2019 г.), выполнена акриловыми красками. На ней настолько правдиво изображены дрова для бани, что вот я, например, исконный сельский житель, могу сказать, что эти березовые дрова не самого лучшего качества. Береза засохла после засухи и была свалена на дрова. Чурбаки у березы после распиловки получились «рыхлые», и их нельзя наколоть колуну, поэтому применили топор. Все это так удалось показать художнику.

Другая, из представленных здесь работ называется «В крестьянской избе». На переднем плане, на столе у хозяев избы стоит пузатый самовар – признак гостеприимства. Как будто кажется, что вот сейчас тебя пригласят пить чай. Дальше в углу расположена печка-голландка для отопления избы. Возле печки разбросаны поленья дров, тоже разные по составу: березовые, осиновые, дубовые. Все это очень правдоподобно и колоритно передано художником. За печкой стоит железная несовременная кровать, подсказывающая, что в избе живут немолодые одинокие люди. Смотришь картины Слесарской и будто читаешь интереснейшую книгу, название которой – сельский быт.

Какие замечательные люди живут на Карсунской земле! Так,

семья Виктора и Натальи Ковалевых из Прислонихи может служить примером крестьянской русской семьи. Прислониха – образ всех русских деревень нашей матушки России.

Большой мечтой Людмилы Юрьевны было организовать Всероссийский пленэр в Языково. На открытии выставки присутствовал муж Людмилы Юрьевны – известный художник Станислав Петрович Слесарский, он назвал наше Языково райскими кущами.

Конечно, наши живописные места вдохновляли и продолжают вдохновлять художников и поэтов.

Приезды на пленэры – это получение нового опыта написания картин.

Писала Людмила Юрьевна свои работы в Прислонихе в основном акриловыми красками на картоне. Натуральность изображения – первейшая задача художника, говорит Людмила Юрьевна, и поэтому нужно заставить сопереживать зрителя, оставить след в его душе.

При высыхании акрил темнеет и поэтому техника написания акриловыми красками очень сложна. От работ Людмилы Юрьевны идет ощущение подлинности, реальности запечатленных моментов, как будто ты сам там присутствуешь. Во всех картинах чувствуется талант художника.

Людмиле Слесарской хочется писать старый быт, старые наличники и ворота, сохранить все это на картинах и по прошествии многих лет оставить о себе добрую память.

Людмила Юрьевна не только художник, но и поэт. Ее вдохновляют Прислониха и Языково, и ей дорога пословица ее прабабушки «Без Бога не до порога, а с Богом и за море уйдешь».

Уж ты бедная моя ты душа,
Отчего ты живешь без гроша
Оттого ты, душа, так бедна,
Что живешь совершенно одна.
Да, как прабабка говорила моя,
А я девчонкою глупой была,
Ты без Бога не дойдешь до порога –
Неудача случится в дороге,
Будешь с Богом, так за море уйдешь,
А без Бога ты, душа, пропадешь!

Народный напев слышится в этих строчках. Хорошо и правильно сказано. Истинно русский художник и поэт живут в одном человеке.

ВСЕ КРАСКИ НА ПАЛИТРЕ

Картины Людмилы Слесарской

Начало весны. 2020 г. Бум. акрил, 50x70

Наследство. 2020 г. Картон, акрил, 50x70

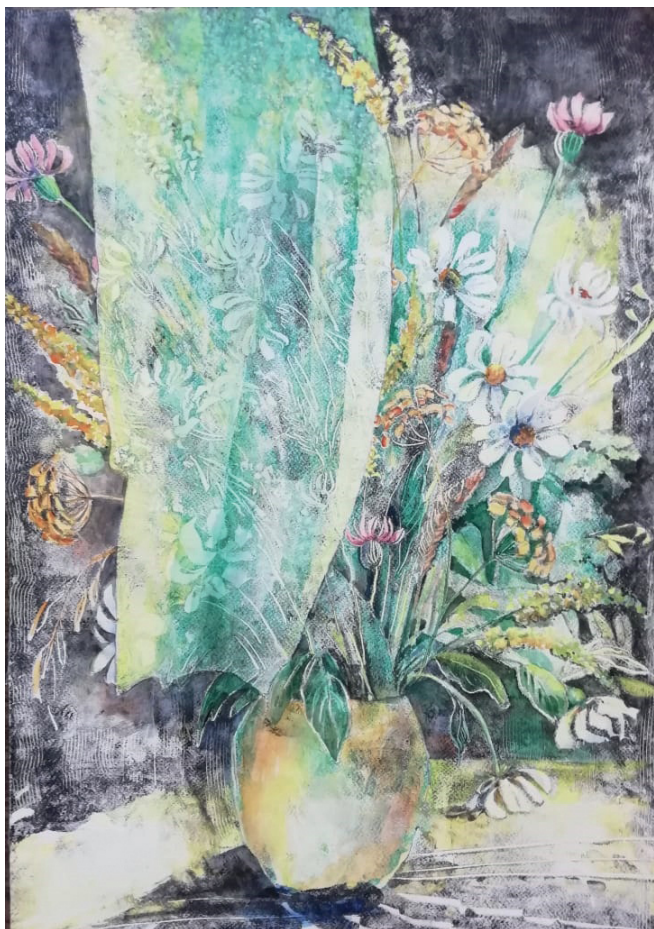
Черёмуха. 2020 г. Бум. акрил, 65х60

Натюрморт с незабудками. 2020 г. Картон, акрил, 70х50

Цветущие ветви дерев. 2020 г. Бум. акрил, 65х60

Букет на окне. Монотипия. 2020 г. 65x60

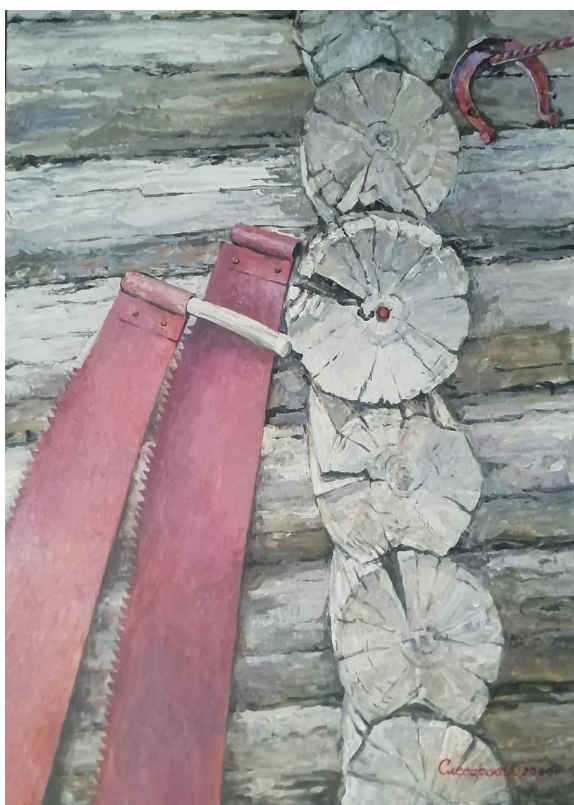
Весь июль в одном ведре. 2020 г. Картон, акрил, 70x50

Все краски на палитре. 2020 г. Картон, акрил, 70x60

Поленица. 2020 г. Картон, акрил, 60x70

Старая подкова. 2021 г. 100x70

Старая дверь. 2020 г. Картон, акрил, 80x70

РОДНОЕ

Фотографии Владислава Никишина

Елена ФРОЛОВА

* * *

Снятся мне белые лошади
в тихом забытом селе.
Травы стоят не покосены
в нежной сиреновой мгле.

Снится скрипучая изгородь,
срубов колодезных тень.
Солнцев ромашковых изморозь
красит полуденный день.

Детство за руку держит меня,
детство смотрит в глаза мои,
светом земляничного дня,
светом самой простой любви.

Снится мне дождь перелесками
загородных равнин,
кружево над занавесками
старых, как мир, паутин.

Тёплая пыль за калиткою,
эхо детей на реке.
Маленькой белой улиткою
снится мне радость в руке.

Детство за руку держит меня,
детство смотрит в глаза мои,
светом земляничного дня,
светом самой простой любви.

Взгляд. Экопарк. Русский берег

Дороги. Апрель

Сельский пруд

Лето

На пруду

Успенская церковь и придел во имя Святителя Иоанна Златоуста в деревне Красная Поляна Тетюшского района

ПРЕКРАСНОЕ ПЛЕНЯЕТ НАВСЕГДА

Фотовыставка Сергея Юрьева

Галерея портретов актрисы Марии Прыскиной

Сергей ЮРЬЕВ, журналист, фотограф, писатель-фантаст, автор книг «Нашествие с севера», «Хрустальная колыбель», «Жемчуг богов», «Вечный сумерек».

Родился в 1959 году в г. Уржуме Кировской области. Окончил исторический факультет Рязанского педагогического института. С 1962 года живет и работает в Ульяновске. Активно участвовал в работе городского клуба самодетельной песни. На некоторые стихи Сергея Юрьева написаны песни. Самой известной стала «Мы – в земле нераспаханной зёрна», вошедшая в бардовскую антологию «Люди идут по свету» (1989).

Прежде всего, Сергея Юрьева знают в городе как фотохудожника, автора многих персональных выставок. В январе 2021 года в крeативном пространстве «Квартал» была представлена экспозиция фотографий Сергея Юрьева «Прекрасное пленяет навсегда» – галерея фотопортретов актрисы Марии Прыскиной. На открытии выставки автор признался: «У меня начался лирический ренессанс, в прошедшем году я вновь начал писать стихи и до сих пор не прекращаю этого». Предлагаем вниманию читателей поэтическую подборку Сергея Юрьева.

ЭТА ЖИЗНЬ – СТРЕМИТЕЛЬНАЯ ШТУКА

* * *

Когда отключается тело,
Душа не уходит из мира.
Она продолжает смеяться,
Она продолжает любить.
Пусть где-то горят карусели,
Пусть мочат кого-то в сортире,
Но всё же не стоит бояться
В неясное завтра входить.

Неважно, на что ты поставил
И что ты получишь в итоге.
Сомненье – нагрузка на печень,
А печень полна перемен.
Живёшь ли согласно уставу,
Живёшь ли, надеясь на Бога,
Живёшь ли, играя в чёт-нечет,
А жизнь всё равно набекрень.

На пламя судьбы погорелой
Плесни полстакана кефира.
Уже ни к чему ускоряться
В погоне за смыслом любим.
Когда отключается тело,
Душа не уходит из мира.
Она продолжает смеяться,
Она продолжает любить.

* * *

Эта жизнь – стремительная штука,
Раз – и нет, и поминай, как звали.
Я пока не всё ещё профукал
Из того, что мне предначертали...

От меня великих откровений
Мир не ждёт. Да так ему и надо...
Я не Заратустра. Я не гений.
Мне ни на амвон, ни на эстраду.

Что б ни говорили злые буки,
Я не нарываюсь на скандалы.
Я пока не всё ещё профукал,
Я ещё профукаю немало.

ОТКРОВЕНИЕ №2

В усталых небесах – кочевье спящих гроз,
Отары облаков отбрасывают тени,
На землю, где уже десятки поколений
Не могут отличить реальности от грёз.

Вчера была война, сегодня – гладомор,
А завтра – просто мор, ещё один из многих,
Но, сколько бы забот ни создали мы Богу,
Он почему-то нас с лица Земли не стёр.

Нет, этот мир пока к бессмертью не готов...
Среди безбрежной тьмы в Начале было Слово...
Потом менялся мир, и слово было снова,
Но с некоторых пор в нём слишком много слов.

ОТКРОВЕНИЕ №5

Как хорошо всё начинать сначала –
Финал не виден... Да и есть ли он?
Когда к неблизкой цели устремлён,
В дела зарылся или же влюблён,
Нет времени для всяческих печалей.

Неплохо оказаться посередке
Какого-нибудь долгого пути,
Когда не знаешь толком, как идти,
Неважно, что маячит впереди.
Туманна цель, зато тверда походка.

На финиш выползаем потихоньку...
Тут нет причин для спешки и обид,
И, как ни странно, дальше путь лежит -
Туда, где почему-то не болит
Ни печень, ни нога, ни селезёнка.

И только для души анестезии
Не поднесёт ни ангел и ни бес,
В трущобах Пекла, в глубине Небес,
Когда б ни умер, где бы ни воскрес,
И кем себя там ни вообразил бы...

ОТКРОВЕНИЕ №6

Просто так ничего не бывает,
 Всё бывает не так и непросто.
 Если в поле посеяли просо,
 Вероятно, оно и взойдёт.
 Даже если выводит кривая
 В чисто поле, гремя под фанфары,
 «Студебеккер» с расквашенной фарой
 Никуда никого не везёт.

Не везёт! Вот оно – ключевое
 И к тому же волшебное слово,
 Что надёжнее прочих уловок
 Помогает отмазку найти,
 Школяру, нахватавшему двоек,
 Генералу, проспавшему битву,
 Брадобрею, сломавшему бритву,
 Проходимцу, что вечно в пути.

Если вдруг подвернётся халява,
 Это вовсе не повод для счастья,
 Потому что иные напасти
 Поджидают неведомо где
 Тех, кто вдумчиво ищет управу
 На соседей, коллег и начальство,
 На угрюмых старух, что на пальцах
 Вышивают узоры судеб...

ЗВЕЗДА

Она скрывалась миллиарды лет
 Среди несметных толп себе подобных,
 И вот какой-то зоркий астроном
 Её в пучине неба разглядел...
 Он ей присвоил номер, внёс в раздел
 («Небесный каталог», 103-й том)
 И спрятал в шкаф, похожий на надгробье.
 И с той поры звезды на небе нет...

* * *

Я сочиняю женщину из складок
 Воздушных, лёгких, трепетных шелков
 И взглядов, и невысказанных слов,
 И снов, и неразгаданных загадок.

На улицах заглядывая в лица,
 Я сочиняю женщину из грёз,
 Дождей осенних и весенних гроз,
 Которым не придётся разразиться.

И мне сулит моё воображенье,
 Что где-то есть волшебная страна,
 Где сочиняет женщина меня,
 Но этот труд далёк от завершенияя.

И, сколько бы ни длилось ожиданье,
 В такой-то вечер и в такой-то год
 Она однажды всё-таки придёт,
 Перешагнув руины мирозданья.

Когда-нибудь, тихонько скрипнув дверью,
 Шагая у судьбы на поводу,
 Она войдёт, но я уже уйду,
 И это будет правильно, наверно...

* * *

Восславься же, Румыния, восславься,
Покуда скачет Надя Команечи,
Не падая ни с брусьев, ни с бревна.
Не парься же, история, не парься,
Пока с трибун – лишь правильные речи,
И правда есть на всех всего одна.

Казалось, будто всё проходит с блеском,
И новый дивный мир через неделю
Придёт в любой занюханый подвал.
В тот день, когда убили Чаушеску,
Как водится, случился понедельник,
И всё-таки народ торжествовал.

Толпа ревет в неодолимом трансе,
В себе узрев грядущего предтечу,
Истории шагая поперёк.
Восславься же, Румыния, восславься,
Покуда с брусьев Надя Команечи,
Последний не исполнила соскок.

* * *

Всё то, что составляет бытие,
В какой-то миг не обратится в нежить
Лишь потому, что есть пространства, где
Ещё доступна функция надежды.

Куда бы нам ни ехать, ни идти,
Сегодня всё не так, как было прежде:
Отказывает функция мечты,
Но остаётся функция надежды.

Нет прежнего кипения в крови,
И обожанья приступы – всё реже...
Отказывает функция любви,
Но остаётся функция надежды.

Когда струи Арагвы и Куры
Сливаются, что остаётся между?
И места нет для функции хандры,
Но есть всегда – для функции надежды.

Задуматься о вечности пора
Ко всякому приходит неизбежно,
Жизнь – что угодно, только не игра,
И всё ж... Была бы функция надежды.

* * *

Боль моя головная и сердечная тоже,
От тебя не избавиться мне никогда.
И роптать на тебя, вероятно, негоже,
Потому что на нет не бывает суда.

Этот мир состоит из больших расстояний,
Из попуток случайных, ночных поездов.
Эта жизнь состоит из больших расставаний,
Из несбывшихся снов и несказанных слов.

Если это «любовь», то кончается слово
Мягким знаком, а может быть,
знаком «бемоль».
Мы расстанемся, но я останусь с тобою,
Боль моя головная и сердечная боль...

* * *

*Памяти Кости Николаева
«Мы – гусеницы ангелов...»
Владимир Набоков*

Для тех, кому Господь назначил встречу,
Дела найдутся – в лучшем мире, где
Мы встретимся однажды неизбежно.
Но куча дел и в этом мире держит,
Ну как от них избавишься – от дел?..
Как бросить то, что взвалено на плечи...
Для жизни единица измерения –
Не годы вовсе... Можно век прожить,
Коптя исправно купол поднебесья,
А не найдёшь ни ангелу, ни бесу
В свой смертный час хоть что-то предъявить
И прошмыгнуть во мрак бесплотной тенью.
Но кто не шёл проторенной дорогой,
Кто души человечьи возвышал
Любовью, дружбой, песнями, стихами,
Пером и кистью, кто в словесном хламе
Крупницы правды-истины искал –
Тот, вероятно, подмастерье Бога.
И пусть судьбы рисунок переменчив,
И как бы ни был перст её суров,
Не наказание это, не награда.
Но большего-то, в общем-то, не надо:
Нашлось бы дело в лучшем из миров
Для тех, кому Господь назначил встречу...

22 401-й день жизни

Ровно восемь утра.
Перфоратор за стенкой ревет.
Начинается день.
Как вчерашний – ни лучше, ни хуже.
За окном – минус 9. Февраль.
Телевизор простужен
И, к тому же, заврался.
Зато перфоратор не врёт.

Это ценное свойство – реветь,
но при этом не врать.
В наше зябкое время
не всякий способен на это.
Впрочем, мне удалось этой ночью
дожить до рассвета,
И, пожалуй, не стоит
на чью-то ущербность пенять.

Тихо в келье своей точит шпагу аббат Арамис,
На костлявом коне Дон Кихот
покидает Ламанчу...
Как бы мне оседлать
хоть какую-то старую клячу
И прожить этот день,
как мгновенье, как целую жизнь.

ЮБИЛЕИ

Владимир КРУПИН, русский писатель, публицист, педагог. Лауреат Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В ЧИСТОМ ПОЛЕ РОДНОЕ СЕЛО

К юбилею поэта Анатолия Гребнева

Оказывается, написать о человеке, которого знал сорок пять лет, гораздо труднее, чем о незнакомом. Тем более о таком, который остался единственным из тех, с кем я был дружен. Я говорю об Анатолии Гребневе. За годы дружбы я не раз писал о нём, но кажется мне, что мало и плохо. Не вытягивал я до уровня моего давнего друга.

Боже мой! Сорок пять лет дружбы! И ни разу никакой недомолвки не было меж нами, ни разу никакой недоговорённости. Всегда мы находили поддержку друг от друга, делились душевными силами. Всегда меня спасало понимание, что есть на белом свете настоящий друг. Да, есть тайна в любви меж мужчиной и женщиной, но есть тайна и в мужской дружбе. В чём она? Не знаю. Может быть, в поселившейся в душе и сердце мысли о том, что с таким другом-единоверцем ты никогда не будешь одинок.

Написать о поэте Гребневе надо. Мы, повинувшись судьбе, рано или поздно уйдём, но хочу, чтобы идущие вослед узнали и поняли, какого большого

таланта, какой огромной души человек был с нами долгое время. Воспел и возвеличил за это время свою родину, укрепляя читателей в осознании единственности и неповторимости России. И особенно Вятки – лучшей её части. В чём мы с Толей глубоко и навсегда уверены.

Очень его высоко ценили и Виктор Астафьев, и Валентин Распутин. А Василий Белов даже стихотворение, ему посвящённое, написал, вот начало: «От Степанова до Крылатского, то с любовью, то с тихой болью соловел я от слова вятского, послушмянного Анатолию».

Гребнев удивительный поэт! Ученик и блестящий выпускник школы русской поэзии, которую окончили Лермонтов и Кольцов, Есенин и Блок, Суриков и Никитин, Фет и Рубцов... Преподавали в этой школе Державин и Пушкин. Гребнев старался сесть за последнюю парту, с неё легче было убежать с уроков: на рыбалку, ловить рыбу для семьи, на сенокос – помогать маме, на провозжание однокласс-

ницы до соседней деревни. Но всегда возвращался в школу поэзии, сам не замечая, как поле, река, луга, рощи, встречи с людьми превращаются в строки стихотворений. Потом, во взрослые годы, оглядываясь на прожитое, он скажет: «Всё былое на слово нанижется».

Да, у друга моего ничего не пропало. Память, подаренная ему Богом вместе с талантом, удивительна. Много раз я бывал и жывал в его родовом гнезде, в селе Чистополье, ходил с ним по берегам красавицы Пижмы, по заросшим травой улицам умирающих деревень, слушал его забываемые рассказы, в которых радость и горечь, печаль и веселье, грусть и удаль были именно тем многоцветием русской жизни, которую он – её певец – щедро дарил мне. Особенно когда мы поднимались на колокольню разрушенной церкви. «А церковь и у нас в селе сломали, / но колокольня старая стоит. / И вновь, как в детство дальнее, поманит, / и святостью забытой осенит». Толя, обводя рукою распаханное вширь и вдаль пространство родины, читал: «С неё мы даль оглядывали жадно / и, не держась за узенький карниз, / как ангелы, легко и безоглядно / за горизонт неведомый рвались. // И снова где-то ангелы запели, на верхотуру звонкую маня. / Замшелые и шаткие ступени / ещё и ныне выдержат меня». Они и нас выдерживали, эти ступени. А сейчас в Чистополье радениями жителей, районных властей, сотрудников Герценки, самого Анатолия возникла часовня, в которой бывают службы.

Сам раб Божий Анатолий принял крещение летом 1980 года. Известно, что креститься надо в новом. Не успели купить. Жена моя Надя ночью сшила одеяние для таинства крещения. Крестины были в Волоколамске у знакомого моего протоиерея Николая. В церкви мы были втроём. После крещения батюшка пригласил нас к столу. Он уже знал фамилию раба Божия Анатолия. За столом спросил: «Вы, конечно, специально ждали, чтобы именно сегодня креститься?» – «Почему?» – «Как почему? Сегодня же день Гребневской иконы! – Открыл церковный календарь. – Смотрите». Да именно так: поэт Гребнев крестился в день Гребневской иконы Божией Матери. Ничего случайного не бывает! И ещё тогда за столом он прочёл только что сочинённое: «Да, станут ангелы коситься, / когда я встану на весы: / из маркизета иль из ситца / его крестильные трусы?» Насмешил батюшку.

А назавтра Надя повезла меня и счастливого Толю на машине к храму иконы Гребневской Божией Матери. По Щёлковскому шоссе, через Медвежьи озёра по дороге на Фрязино. Не удержусь, чтоб вновь не восхититься способностью Толи говорить экспромтами. «Вот, Толя, – по дороге поддел я его, – у Нади новая машина. «Хонда». Все предыдущие ты зарифмовал, а как справишься с «Хондой»? Поразительно, но Толя в одно касание, произнёс: «– Куда идёшь? В Иерихон? – Да! – Зачем пешком? Ведь есть же «Хонда!»»

И ещё – уж одно к одному – экспромт на моё пятидесятипятителетие, которое вспоминается каждый год уже четверть века: «Мой друг, напрасны отговорки: / не врут листки календаря: / ты заработал две пятёрки / уже в начале сентября. // Мы испытали всё на свете, / нам на судьбу нельзя пенять. / Но как

бы нам пятёрки эти на пару троек обменять!» Блестяще! Как это было давно, и как это было недавно...

Да, кажется, только что. Только что он жил у меня на даче в Переделкине, рядом с дачей поэта Евтушенко. Утром иду его проведать. «Думал: заснуть бы хорошенько, усталость превозмочь – собака Евтушенко лаяла всю ночь». В другой раз мы оказались в моём Никольском домике, в который уползаю зализывать раны и который очень любит Толя. «Привет, мой друг! Тоской влеком, / я за тобой след в след ступаю. / В твоём Никольском-Трубецком / я как убитый засыпаю».

Многое хотелось бы поведать граду и миру о моем друге. Например, о его смелости, о его никем не превышенных знаниях русской и мировой поэзии, о его бескорыстии. О его неподражаемом юморе и способности к искрометным экспромтам.

А его смелость? Живём семьями в Доме творчества в Пицунде, каждое утро до завтрака обязательно заплываем. А тут сильный шторм, волны накатывают далеко на берег. Но мы же вятские! А вятское упрямство хрестоматийно. Идём. Женам обещаем, что всего лишь только умоемся, постоим в целебных морских брызгах на берегу. Коридорная Лейла, абхазка, в ужасе, видит, что мы с пляжными полотенцами, кричит: «Купаться – нет! У вас ума есть?» Толя отвечает ей в тон моментально: «Пятьдесят лет дошёл – назад ума пошёл!» На выходе из корпуса дежурный вскакивает, изумлённо восклицает: «Вах! Слушай! Зачем, куда? Вах-вах!» – «Кацо, да, наше дело швах, поскольку мы идём без свах», – на ходу шутит Толя.

Приходим к берегу. Ветрище, волны – жуть! Молча раздеваемся. Толя, конечно, первый. При волнах трудно войти в море, но всё-таки возможно; труднее выйти. Вначале надо с разбегу нырнуть в основание летящей на берег волны, оказаться среди огромных водяных гор, которые вздымают тебя и сразу бросают вниз. Восторг! Но как выйти? Вот это сложно. Толя идёт первым. С первого раза у него не получается: он выброшен волной на берег, на гальку, но не успел и на ноги встать, как уходящая волна увлекла его обратно, протащив по камешкам. А шторм ревет! Со второго раза у Толи получилось. Весь исцарапанный, кричит: «Старайся скорее от волны убежать!» Я всё это вижу с высоты волн, которые меня возносят вверх и тут же низвергают. Так и кажется: захлестнут! Ну вот, и мне пора. Мне легче: я научен опытом друга. Несёт меня на сушу мощь волны. Изо всей силы работаю руками-ногами, чтобы подальше от моря отгрести. Получилось! Хотя и сшибло волной в конце, поставило на колени перед стихией. Тоже перецарапало. «Я за тебя испугался! – перекрикивает Толя шум прибоя. – Как увидел, на какой ты высоте и с какой скоростью несёт!» – «Но меня же несло на волне! На волне твоего имени – на г р е б н е!»

Идём в корпус. Толя смеётся: «Кричал мне вслед с опаской горец: / “Нет, нам с тобой не по пути! / Не лезь себе на горе в море, / с волною, слушай, не шути!”» Предстаём пред женами во всей красе. «Ужас! Что это с вами? – Спорили, – объясняет Толя. – Из-за чего? – Чья жена лучше? – И чья же? – Ничья. – Как? – Ничья. Один-один. Но поцарапались».

А в другой раз, уже на вечернем купании, мы далеко заплыли, разговоры разговаривали, лёжа на спине. Поплыли обратно на береговые огни. Но штука в том, что в море на рейде стояли грузовые и пассажирские суда и мы приняли их огни за береговые. Спихватились, когда разглядели мачты. Да-а. Досталось нам это возвращение. Выгрести полуживые. Но вот помню, что был совершенно спокоен – со мною Толя. А он вправду прекрасный пловец.

А его мудрость? Поссорились два поэта. Ссора переросла во вражду. Толя устроил так, чтобы они враз оказались в Союзе писателей. Там при всех спросил каждого: «Ты, мы знаем, прекрасный поэт, заработал бессмертие, но скажи: ты лучше или хуже Пушкина пишешь?» Оба, конечно, сказали, что хуже. «Ну вот, оба хуже. Тогда чего вам делить?»

А наши паломничества на Великорецкий крестный ход? Многие годы и годы. Нашу бригаду, душой которой был, конечно, брат во Христе Анатолий, высылали заранее в бывшее село Горохово (там у нас и царь Горох был), чтобы мы готовили встречу крестного хода. Восстанавливали купели, варили в огромных котлах гречневую кашу на многие тысячи крестоходцев. Там, у источника, сделали мы с Толей в 1994 году крест, который жив доньше.

Друг мой вообще во всём меня превосходит. Лучше знает жизнь; многое, больше меня, умеет. Владеет и топором, и рубанком, и косой, и граблями, превосходный печник. А знание народного языка у него феноменальное. Организовал областной конкурс на знание и сочинение частушек. По его итогам выпустил книгу, ставшую тут же редкостью.

А ещё же и то надо сказать, что он 55 лет работает врачом-психиатром. Его знание пограничных состояний человека, его сострадание душевнобольным помогает его проникновению в самую суть человеческой природы.

Начитанность его меня всегда восхищала. Вроде и я не последний в этом мире читатель, но соревноваться с ним бесполезно. И доселе, когда мы

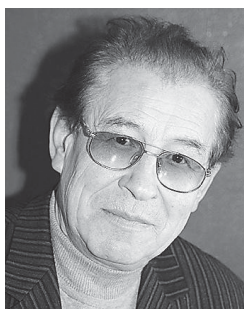
постоянно с ним созваниваемся, он всегда ошарашивает неожиданностью очередного чтения.

А его самого, русского поэта Анатолия Гребнева, очень бы надо читать в каждой школе. Чтение его стихов даёт живительное ощущение чистоты русского языка, настраивает душу на принятие прекрасных образов нашей Родины, показывает, какой должна быть настоящая любовь: к Богу, к родным и близким, к ушедшим и живущим.

Стоим на верхней площадке колокольни. Хорошо видно кладбище, где много Толиной родни, где упокоилась его мама, Анна Антоновна. Рядышком с нею, в вятской земле, он завещал и себя похоронить. Он, конечно, лёг бы и рядом с отцом, но отец далеко, в могиле подо Ржевом, в могиле этой более десяти тысяч солдат. И таких могил там сотни. Это самый кровопролитный фронт Великой Отечественной. Именно на Северо-Западный, в «главный огонь» пошли вятские призывники. Мы были с Толей на этой могиле. Осенью 1941-го полгодика было ему, когда отец уходил из Чистополя и нёс его на руках до машины, увозившей призванных на войну. Рядышком бились их сердца, солдатское и поэтическое. Солдат защитил, спас поэта. Поэт воспел и его подвиг, и Россию. Без слёз невозможно читать его стихотворение «На берегу пустом». И плачем вместе с автором. Он, выросший без отца, всю жизнь живёт рядом с ним, с его образом. Видит воочию отца, вернувшегося Чистополе: «...он был убит под Ржевом, / и на шинели след от пули разрывной. / Он с дедом говорит, дед озабочен севом. / И вот сейчас отец обнимется со мной... / И вся деревня здесь, и вся родня живая. / И вот уже поёт и плачет отчий дом. / На берегу пустом, лица не открывая, / сию и плачу я на берегу пустом».

Один за другим открывались перед поэтом жизненные горизонты и опять отодвигались, и он шел открывать новые. Но всегда ему светило Чистополе, «в чистом поле родное село».

Без поэзии Анатолия Гребнева невозможно представить русскую поэзию.

Наша справка:

Анатолий Григорьевич Гребнев, поэт. Родился 21.03.1941 в селе Чистополе Котельничского р-на Кировской обл. Член Союза писателей СССР (1978). Автор поэтических сборников «Приволжье» (1972), «Родословная» (1977), «Зелёный колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Чистополе» (1988), «Возвращение» (1991), «Храм» (1991), «Родины свет» (2001), «Берег Родины» (2003) и др. Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова, 3 февраля 2020 года приехал в Ульяновск на её вручение. Живёт в Перми.

Светлана КЕКОВА, русский поэт и филолог. Родилась 21 апреля 1951 года в городе Александровске-Сахалинском в семье военнослужащего. В детстве и юности жила в Тамбове, где окончила среднюю школу №35. Высшее образование получила на филологическом факультете Саратовского государственного университета (1973). Защитила кандидатскую, посвящённую поэтическому языку Николая Заболоцкого (1987) и докторскую («Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского», 2009) диссертации. Преподавала на филологическом факультете Саратовского университета (1975–1988), в Саратовском педагогическом институте (с 1988-го), в Саратовском социально-экономическом университете (с 2008-го). Сейчас работает в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова на кафедре гуманитарных дисциплин. В начале 1980-х входила в метагруппу саратовских поэтов «Кокон» (Б. Борухов, Н. Кононов, С. Надеев, А. Пчелинцев). Публиковалась в самиздатских журналах Ленинграда («Часы», «Обводный канал») и Саратова («Контрапункт»), с 1989 г. – в официальной периодике. Стихи Светланы Кековой переведены на все европейские языки. Участвовала во многих международных поэтических фестивалях.

Светлана Кекова лауреат премий журнала «Знамя» (1995); журнала «Новый мир» (2003), малой премии им. Аполлона Григорьева (1999); большой премии Московского международного фестиваля «Биеннале поэтов» «Москва – Транзит» (2001); премии имени Арсения и Андрея Тарковских (Киев, 2009); премии журнала «Новый мир» «ANTOLOGIA» (2013). В 2014 году Светлана Кекова награждена Новой Пушкинской премией и премией «Московский счёт». Автор трёх литературоведческих книг, а также ряда статей, посвящённых творчеству поэтов-обэристов, Н.А. Заболоцкого, А.А. Тарковского, В.Ф. Ходасевича, В.В. Набокова, Ф.М. Достоевского, философов Ф.А. Степуна и С.Л. Франка и др. Автор 16-ти поэтических книг («Короткие письма», «На семи холмах», «Песочные часы», «У подножия Желтой горы», «Уроки каллиграфии», «Нездешний гость», «Солдатская трава» и др.)

Член Союза российских писателей. Живёт в Саратове.

Редакционный Совет журнала «Симбирскъ», многочисленные симбирские читатели и почитатели сердечно поздравляют Светлану Васильевну Кекову с юбилеем!
Света и благодати, радости и любви!

ИКОНА НА ЧЕРДАКЕ

1. ТЁТЯ НИНА И ДЯДЯ КОЛЯ

Тане и Маше Кондрашиным

С детства мне знакомая картина:
Небо в лёгких белых облаках,
Дядя Коля, Таня, тётя Нина,
Машенька с Пеструшкой на руках.

Жизнь, от устья повернув к верховьям,
Мчитса, под собой не чуя ног...
Бабушка в платке сурово-вдовьем
Достаёт из печки чугунок.

Тайно зреет жёлтая малина,
Тайно распускаются цветы –
И печально смотрит тётя Нина,
Тётя Нина – ангел доброты.

Всех объяла странная истома:
Где тот мир? И сам ли он возник?
И стоит, как мамонт, возле дома
Дяди Колин старый грузовик.

2.

Память обожгла, как приступ боли,
От которой возникает свет:
Вот привёз детишкам дядя Коля
Из клубники полевой
букет.

И сидит он за столом, усталый,
И букет дрожит в его руке...
Плачет полдень, как ребёнок малый,
Зыбка молча спит на чердаке.

Там, на чердаке, скребутся мыши,
Точат хлеба чёрного ломоть,
А над ними –
выше –
выше –
выше –
Наш воскресший навсегда Господь.

3. ИКОНА НА ЧЕРДАКЕ

Чердак имеет свой язык.
Чердак – мудрец, носитель смысла.
Там серп, коса и кочедык,
Ведро и крынка, коромысло

Ведут неслышный разговор
О том, что время – тать и вор.

И там, в углу, чуть брезжит свет –
Не из чердачного окошка,
Там есть какая-то дорожка,
Какой-то сладостный ответ
На все вопросы, что от века
Терзают сердце человека.

Там в паутине и пыли
Стоит старинная икона,
Она, как Древа Жизни крона,
Вне притяжения земли.
Её из церкви принесли
Году, наверно, в тридцать пятом,
Когда покрыли Бога матом-
И капал, словно слёзы, воск.

Закрыли церковь, и Синодск
Утратил всю былую силу:
Архангелу же Михаилу
Пришлось искать себе приют
Там, где к себе его возьмут –
Ну, например, в сарае ветхом,
Где крышу сносит сильным ветром,
Иль сыщут место в погребках...

Глядишь – в засоленных грибах,
В большой, как мир, дубовой бочке
Какие-то цветные точки
И отсветы... – увы и ах! –
Ведь крышка бочки – вне закона,
Не крышка это, а икона,
Глядящая в укропный лес,
Где грузди плавают в рассоле...
И учат хором дети в школе,
Что Бога нет, что Он исчез...

Но Бог – вот Он, и Он – воскрес!

4. ТЁТЯ МАША И ТЁТЯ КЛАВА

Тане и Наташе

Узнала, впрочем, я случайно,
Что дом в себе скрывает тайну,
От тёти Маши; мне она
Поведала,
что там, над нами –
детьми и взрослыми, в тумане,
(но невещественном) стоит
В чертогах чердака запретных,
Среди предметов незаметных
Икона. Только внешний вид
Её поблек и изменился:
Никто пред нею не молился.

Но странная сокрыла мгла
Сюжет иконы. Тётя Клава
Мне передать явленье Славы
И Торжества едва ль могла:
Она лишь вспоминала смутно,
Что много ликов и фигур
На той иконе...
День был хмур,
Дождь начинался поминутно,
И так же быстро умирал;
А вечером закат был ал,
Что обещало сильный ветер.

Но лик небесный в ночь был светел,
И звёзды пели свой хорал.

5. СЕМИКЛЮЧЬЕ

И вот в девятую неделю
По Пасхе (Как июнь сиял!
И мир свой внешний вид менял.)
Мы – словно в царстве заповедном.
Река Уза здесь в блеске медном
Огнём нездешним обожгла.

(А тётя Маша здесь нашла
Нерукотворную икону
На камушке...)
Течёт по склону
Вода – светлее многих вод.
Сюда крестьянский шёл народ
С иконами, с простой молитвой,
В тоске – перед Великой битвой,
В бездождии, на Светлый День,
Когда Христос восстал из гроба.
(Ещё не отцвела сирень,
Ещё даёт прохладу тень,
И вишни цвет – как цвет сугроба.)

И бабушка моя ходила
Сюда, и дочерей брала,
А позже – внучек. Даль цвела,
И, полнясь чудотворной силой,
К себе паломников манила.

Я рай свой детский обрела
Здесь, в Семиключье. Здесь была
На роднике икона Девы
Пречистой явлена. Она
Была в девятую неделю
По Пасхе
здесь обретена...

6. ДЕДУШКА ДИМИТРИЙ И ДЯДЯ ПЕТЯ.

Саше, Тае и Ирине

Мы едем. Вот уже Синодск,
Вот – кладбище, а вот дорога,
на сердце – радость и тревога,
на листьях – блеск, на травах – лоск.

Уже мы едем по мосту,
Как будто едем ко Кресту,
И в сердце – странная заминка.
Блестит и вьётся Верхозимка.

И вот – овраг, и рядом – дом,
И понимаешь ты с трудом,
Что этот дом есть рай наш детский,
Наш опыт русский, не советский,
Неложный опыт бытия –
Всё это понимаю я.

Растёт, как лес, крапива. Снять
Как будто хочет что-то скрыть,
да, скрыть, – наверно, икону...

Она стоит, прислонена
К стене, вернее, к скату крыши.
Когда-то здесь точили мыши
Всё то, что можно было сгрызть,
(Какая нам от них корысть?)

Но – рассказал мне дядя Петя –
 Не тронули Священных Книг,
 Которые в нетварном свете
 (скажи мне, что это за свет?)
 Лежали так, как спрятал дед
 Их от домашних перед смертью...
 Он, видно, думал: вдруг найдут
 Не комсомольцы, так другие
 Лихие люди, люди злые,
 И, как Иуды, предадут.
 В полон жену его возьмут,
 И обесчестят, обесславят,
 Потом на каторгу отправят
 За веру в Бога –
 иль убьют.

...Всё небо – в облачных заплатах...

Но Книги те в пятидесятых
 Нашли.
 Георгиевский Крест
 И Библию отдали внуку...

...Как некий сон – и сон был в руку –
 Увидела внезапно я
 Над домом дымку и сиянье.
 И облако, как изваянье,
 Застыло в небе, и рыданье
 Звучало, словно лития,
 По деду...

Муж мой на чердак
 Взошёл по лестнице; икону
 Нашёл, рассеяв тьму и мрак.
 Раздался стон, подобный стону
 Страдающего существа:
 И задрожавшая листва
 На всех деревьях, что в овраге
 Росли, покрылась слоем влаги –
 То были слёзы;

Мир живой
 Икону-мученицу встретил
 И целованьем ей ответил,
 И тихо на колени встал.

А в речке рос воды кристалл.
 Как в сердце – мир, любовь и милость,
 И в небе облако молилось,
 И дождь пошёл – но перестал.

7. ИКОНА-МУЧЕНИЦА

Иеромонаху Пантелеимону

Что ж на иконе? Не понять:
 Уже дождём все краски смыты;
 Гвоздём заржавленным прибиты
 Одна доска к другой доске.
 Мы смотрим в муке и тоске,
 И вдруг – как будто озаренье
 Оттуда, свыше, снизошло:
 Мы видим ангела крыло;
 Ведь средник – это Воскресенье
 Христа, надежда на спасенье,
 Его сошествие во ад,
 Его явленье многим душам,
 Которые в аду скорбят.

И так – в остатках красок древних
 На искалеченной доске

Мы различаем клейма, средник...
 Прозрачным, как вода в реке,
 Становится сюжет иконы.

Она, исполнив все законы,
 Как свитки, держит их в руке
 И открывает смысл пророчеств
 Завета Ветхого; и отчеств
 Неясный смысл, и смысл имён,
 Который спешно отменён,
 В Отечестве несчастном нашем
 Тогда, когда убит был царь...

И что мы детям нашим скажем
 Про время то, про тот Октябрь
 И про плоды его гнилые,
 Про ядовитые плоды?

Что наших прадедов труды,
 Их вера, подвиги былые
 Забыты, внукам не нужны?

Ты мысль вложи, как меч в ножны
 И обнови икону сердца:
 Она сама – Благая весть
 И в мир иной простая дверца,

Она – душа твоя и честь.

8. ВОСКРЕСЕНИЕ

...А в доме том, где родилась
 Вторая дочь моя, Мария,
 Где дули в окна ветры злые,
 Свою показывая власть,
 Да, в этом доме был подвал,
 Огромный, как девятый вал,
 Который смоем жизнь мирскую:
 Он превратился в мастерскую,
 Где было множество икон,
 И удивлялся гость заморский,
 Что там, в подвале без окон,
 Сиял, как солнце, свет фаворский.

Туда икону отвезли,
 Обернутую белым платом, –
 И колокол гудел набатом,
 И лился свет из-под земли.

...И вот примерно через год
 Андрей звонит нам, и зовёт
 Прийти скорее в мастерскую,
 И рассказать я не рискую,
 Что с сердцем сделалось моим.
 Мы лучше это утаим –
 Я не писатель, не оратор,
 Не бард; но Моченцов Андрей –
 С иконой связанный Антей,
 Искусствовед и реставратор
 Принес, как ангел, весть о том,
 Что слышал он иконы стон,
 Но снова на доске иконной
 Приобрели свой вид иконный
 Двенадцать праздников – и ад
 Уже повержен, и Спаситель
 Теперь войдёт в мою обитель –
 И будет дом, как райский сад.

Иеромонах Пантелеимон (Кравец)

СОЗВУЧИЕ

Светлана Кекова. Фото Ирины Евса

К юбилею Светланы Васильевны Кековой

*«И крепкие дубовые лари,
в которых спят герои и цари,
святые и великие блудницы,
открыты, словно тайные гробницы,
и в щели тел, в их теплые глазницы
любовь свои вставляет янтари...»*

Светлана Кекова. «Размышления
над картой звездного неба».

«Во сне я слову поклонилась в ноги».

Светлана Кекова
«Возвращение»

Дорогая о Господе Светлана Васильевна! Как мне поздравить Вас? Как выразить?.. Как высказаться?.. *Труд и болезнь* – воспеть поэта для моей неловкой и неуклюжей в слове души! *Теций в след мудрейших...* *Заговорить, чтобы меня увидели* на перепутье, среди *κανός*¹ у статуи Гермеса, и не прогнали бы с презрением как негодного. Я искал путеводную нить... В письме к брату Чехов писал: «В сфере психики... частности. Храни Бог от общих мест». Как хотелось, заговорив о литературе, о личности Поэта! – и мне (хоть и околотературному, увы) по силе своей избегать «общих мест». Ведь только такое слово и будет достойно Вас! Но как передать, какое я ощутил бессилие, какую неспособность к выполнению этой задачи!? «Что может быть омерзительнее, – думал я, – чем оскорбить великолепие стихов невыносимо пошлым комментарием?» И всё же чувствовал, что должен – и хочу! – сказать: как много Вы для меня значите, как созвучен мне созданный Вами поэтический мир. Так я решился... – смирившись с немощью, призвав Небо в помощники и помня Ваши всегдашние доброту и расположение ко мне. Так родилась идея этого «Созвучия». Возможно, сказанное здесь покажется в чём-то излишне пространным и отвлечённым. Не обессудьте! Я не ставил перед собой той задачи, что потребовал бы методичный взор литературоведа. Все эти рассуждения – скорее оттиск Вашей поэзии на скрижалях моей души. Ещё один взгляд на звучание и созвучие, всквашенный живою силою Ваших строк. Взгляд из мерцающего окна кельи в далёкой, припорошенной снегом обители, однажды выпавшей из этого мира в объятия тишины...

*«Мы память свою растревожим и,
пробуя время на вкус,
на жертвенник сердца возложим
какой-то немислимый груз...»
(«Мы пробуем время на вкус»)*

В тот год я встретил Ваши стихи как долгожданных друзей. Впервые на исходе лета, в преддверии меланхоличной осени, когда сама пронзительная глубина неба, казалось бы, располагает и к молитве, и к чтению. Но к удивлению, осень подарила лишь радость первого приближения. Разноцветье страниц и запах листвы, побуждающий к поиску смысла. И всё заботы, заботы... Лишь мудрая зима – царица дисциплины и покровительница неспешных – дала мне возможность по-настоящему погрузиться в них.

Я помню, много рассуждал тогда, какой должна быть наша церковная литература. В особенности художественная. Сетовал, что мы уже почти начали привыкать к тому, что под понятием «православное» – будь то литература, музыка или фильм – подразумевается нечто пресное, упрощённое, непрофессиональное, которое нужно полюбить в силу его полезного для души содержания. Что мы не показываем церковных людей настоящими и оттого выглядим обычно как «система удушающих догм и запретов». И богоугодный бунт Иова остаётся для многих непонятым символом смирения. Я думал о том, что мы, кажется, уже создали целый пласт церковного искусства – символ ради символа. Обливанного нами и украшенного, ленивого, не имеющего внутреннего устремления, позволяющего нам одновременно и заниматься творчеством, и при этом не обязывающего к трудам мучительного изменения. Я не хочу сказать, что был прав. Возможно, я желал слишком многого.

Я неизменно обижал прихожан, прося их не поздравлять меня на церковные праздники стихами. Я не мог им объяснить, что это почти физически больно – раз за разом получать в подарок вместо поэзии этих ходящих по рукам, бездарных и потрёпанных рифмованных бродяжек. Все эти неумелые, подогнанные под шаблон избитого панегирика, вирши, в которых нет ни капли настоящего. Они сердились,

особенно те, кто делал попытки что-то писать, обиженные моим, по их мнению, снобизмом. Я страдал, не умея объяснить им, что вовсе не обязательно писать как Пушкин, что искра истинного творчества способна теплиться и в малом даровании. Они не слышали. Мне было горько. И не созвучно... Но, к счастью, тогда, во время моей чреды на городском подворье, у меня оказались время... Ваш сборник... и зима...

*«Мы уже понимаем, скитаясь под облачной сенью,
что предмет не умеет соперничать
с собственной тенью,
что в измученном мире,
где жизнью за слово платили,
царь Давид просыпается,
трогая струны Псалтири».*

...Звон путеводной ноты. Норд-диез! Минор?.. Север раздувает ноздри. Шальные ветры – белые псы кидаются на остывающий город. Разинув вьюжные пасти, бьются в окно густыми хлопьями лап. В келье тихо, тепло. Мерцание нежного света, лампадка – маяк на утёсе сакрального мира. Кофе в тёмном стакане – чернила к перу бессонницы. У меня сегодня снова гость. «Нездешний гость»... И едва я распахиваю мир, скрытый между створок картонных врат, как чувствую, что...

*«Со мной ведётся странная игра.
Сидит оса на кончике пера,
А на плече сучает Филомела...»*

*И губы листьев холодны и сладки,
как холодны и сладки облака,
они плывут, их память коротка,
их не томят земные неполадки...»*

(«Возвращение»)

В минуты затишья выхожу на дремлющее под снегами крыльцо. Наш храм и подворье, такие крошечные в этой навалившейся бесконечности города, – земля обетованная, зажата в глазастые лапы бетонных нефелимов. И снег, снег... – с небес развернувшиеся свитки. Пиши, если искусен! Читай, если дано!..

*«Мы метель пережидали и смотрели в небеса:
там то пели, то рыдали неземные голоса...»*

*Тихий ангел держит сферу, сквозь которую видна
наша жизнь, как вход в пещеру, наша смерть, как
пелена».*

(«Вифлеемская звезда»)

*«И в трагическом сумраке комнат
слышен скрежет тоски городской:
Чьей рукою он будет отдернут –
пыльный занавес жизни людской?»*

(«Нездешний гость»)

И стихи Ваши разворачиваются и разворачиваются как свитки, и бездны смыслов расстилаются и расстилаются передо мной. В бессилии понять, в невозможности постигнуть, я всё возвращаюсь и возвращаюсь к ним. В первом... во втором... в третьем приближениях.

В первом – к красоте и чудной гармонии слов. То расставленных по местам, словно «янтари в тёплые

глазницы», то разбросанных, как жемчуг игривой рукой по пурпурному бархату. Но прекрасное уже само по себе – оно лишь преддверие. Лишь предложение... Это ещё даже не вход во святилище...

Во втором – упрямо покушаясь на *начатки смысла*, я, как дитя, воспитываю ум, который, кажется, отдалённо начинает понимать, кем в прошлой жизни были рифмы, в какой тоннель ведут врата метафор, куда в конце своём сворачиваются свитки...

Но сердце требует третьего, окончательного приближения, которое оно уже почувствовало, которое предошутило, – которое уже, кажется, брезжит, манит, звучит... – но так и остаётся для него пока ещё великой тайной... А где-то вдали, в едва проступающих контурах, чуть различимых умом очертаниях, я вижу гору, на ней человека и дым, устремившийся к небу. *И обонял Господь приятное благоухание²...* Вот он – ответ мне в *неизреченных глаголах*. Но где взять уши, чтобы услышать его? И в том, что Господь не увидел или услышал, мне вдруг чуть приоткрывается, что не в уме или сердце, не в мысли или в чувстве, а в *таинстве Божьего обоняния* скрывается эта тайна третьего приближения.

*«Мой ангел был нездешним светом осиян,
он был изображен с мечом и эдельвейсом.
Еще шумел в крови великий океан,
и сердца стук звучал, как стук колес по рельсам».*
(«Путь домой»)

*«Так в жертвенном тельце
играет кровь. Но он уже в конце
пути – он у подножия тревоги».*
(«Возвращение»)

В жилах ветров – непреодолимое озорство. На время, казалось, притихнув, треплют хвостами струны заледенелых проводов. И птицы – откуда-то взявшиеся в эту непогоду озябшие птицы – пугливо взмывают на фоне ночного неба, как знаки иного мира. Невысоко – как лишённые неба, пугливые дети города – и снова садятся на свои тонкие холодные пьедесталы. Взмывают и сразу садятся, – в новых и новых порядках, как ноты на партитуру. Я силюсь пропеть с листа эти неожиданные пассажи неведомого и ускользящего от глаз концертмейстера и вдруг понимаю в какой-то момент, что напеваю... Ваши «Стансы»...

*«Который год уже за тенью я гонюсь.
Когда я в дом войду и хлебу поклонюсь,
ты не ответишь мне. В своей дали туманной
ты озабочен тем, что мед течет из сот.
А смерть или любовь – игра таких пустот...»*

*«Приму, как крест, страдания твои.
У голубей соседних воробьи
воруют хлеб - раскрошенное время.
Стрижи между собой ведут бои.
Машина едет с надписью «ГАИ»,
бредет дитя, оставленное всеми».*

Удивительно, но именно тогда и именно через «Стансы» открылось для меня одно из удивитель-

ных свойств Вашей поэзии. Я определил его для себя как *сразу всё!* О чём бы Вы ни писали, о какой бы частности ни шла речь – о «голубях-аристократах», или о «куполе небес», о «доме, плывущем подобно кораблю», о «косточках согласных» или о том, «в чём держится душа», – Вы неизменно показываете при этом и *всё остальное!* Весь остальной мир. И если этого *остального* в знаковом эквиваленте не просматривается в строчках, то оно явно ощущается где-то меж строк, тут и сейчас, – и я отчётливо вижу *сразу весь мир*. Или, точнее, – *все измерения*. *Сразу всё!* Вы никогда не показываете мир частями, Вы неизменно собираете его в единое целое. Пишете ли Вы о земле – я вижу ещё и небо, пишете ли Вы о небе – я вижу и землю. Пишете о деревьях – я вижу людей с акцентами их судеб. Но вместе с ними опять же – и небо и землю. Опять – *сразу всё!* Пишете ли Вы об этом мире в его совокупности, о том...

*«...что хранится в мертвом бычьем роге
и в крохотном растительном ларце,
и в бабочке - печальной недогрге,
в ее летящем маленьком лице,
и в голубе, лежащем на пороге,
в шкатулке мака, в вести об отце,
идушем по сияющей дороге...»* – я неизменно

вижу и «*все, что зажато в Божией руке...*», вижу и проступающий сквозь лист размытый контур иного бытия, которое становится необъяснимо зримым и близким, хотя в сакральных глубинах своих остаётся пока ещё только предощутимым. Но собрав этот мир в единое целое – смешав, оправдав, переплавив, похоронив, оплакав и воскресив, – Вы устремляете его и ещё куда-то... Протягивая как на ладонях: «На, возьми!» И Ваша поэзия в своём *всё-сразу-движении* продолжает разворачиваться и разворачиваться...

В конечном счёте, вся эта глобальная цельнополотная совокупность Вами изображаемого открывает или, точнее развращает какое-то необъятное трансбытийное поэтическое всепространство. Рассуждая о нечто подобном, Мандельштам писал: «В таком понимании поэзия не является частью природы – хотя бы самой лучшей, отборной – и еще меньше является ее отображением, что привело бы к издевательствам над законом тождества, но с потрясающей независимостью водворяется на новом, внепространственном поле действия...»³ Вот это «внепространственное поле» Мандельштама мне хотелось бы развернуть до Вашего *всепространства*. В моём понимании они близки, но не тождественны друг другу. Разумеется, как монах, я не могу избежать богословских аллюзий. *Внепространство* как *поле действия*, как эон, подвержено потенциальному соблазну существовать как *само по себе*, замкнуться на себя как на некую самоцель. И тогда оно поведёт либо к себе, либо никуда. Как это случается со множеством заплутавших теорий, тупиковых мистических учений и эзотерических практик. В литературе, музыке, философии оно запросто может «с холодным сердцем» стоять в стороне таким труднодостижимым феноменом-особнячком, ожидая чьего-нибудь восторженного

поклонения, «разыгрывая природу при помощи орудийных средств...» В онтологическом плане персонифицированное *внепространство*, в своём гордом порыве решившее замкнуть бытие на себя, приводит творение к глобальной космической катастрофе.

Но *всепространство*, какое оно открывается в Ваших стихах, напротив, указывает на напряжённое размыкание поэтического поля до запредельных широт. И при этом на стремление каждой отдельной строчки выйти за пределы своего метафорического ограничения. Ваше *всепространство*, по сути, неспособно к замыканию на себя. Оно содержит в самом себе этот размыкающий вектор *всё-сразу* устремлённости. Вы разворачиваете и разворачиваете его до таких пределов, что совершенно явными становятся два крайних бытийных полюса, отставленные друг от друга, казалось бы, на непреодолимое расстояние, но при этом неукротимо стремящиеся навстречу друг другу. Две точки, устремлённые в поиске созвучия. И каждая из них в этом устремлении обретает всё более и более ясные личностные черты. И тогда напряжение Ваших строк достигает максимальной величины, словно схватки у рождающей, и энергии точек рвут литературную пуповину, выходя за свои бытийные пределы, чтобы там, в ком-то третьем, соединившись в тождестве энергий, зачать и родить рифму...

Так, понемногу мне открывалось ещё одно свойство Вашей поэзии – её апофатичность. Но не в отрицании чего-либо внутри вашего поэтического пространства, а напротив, в желании объять им весь мир и в едином жертвенном порыве отправиться вместе с ним к восхождению и преображению. В служении *даже до крови* слову, которое неукротимо стремится туда, откуда оно некогда трагически ниспало. Домой... Но для рассказа об этом мне понадобилась бы новая глава. А пока...

*«...Если б я умела
жизнь поглощать, как черная дыра,
я б выросла, и сделалась стара,
и потеряла все, что я имела...»*

(«Возвращение»)

...Я стоял на запорошенном крыльце, один, зябко кутаясь в старый тулуп, изрядно попорченный временем и молюю. Слушал затихающие взвоя плачущего о чём-то своей маме-зиме ветра. Жалел птиц, в последних звуках вьюжной партитуры, заледенелыми нотами застывших на проводах. И вглядываясь в опрокинутую ветрами высь, пытался разглядеть там вдали мерцающую карту. Чтобы наконец найти ответы на все незаданные вопросы и проложить курс в землю обетованную. Но тёмные молчащие глубины, *словно тайные гробницы*, прятали где-то в своих недрах *сиянье, бесконечное, как сон*. И в *тёплые глазницы* неба ещё ничьей любящей рукой не были *вставлены янтари*. Но я уже знал, что в этом огромном мироздании я – маленький и ничтожный, – возведён при этом в непостижимое достоинство. Я – божья рифма...

¹ Способный, достойный, достаточный (греч.) – в среде античных фило-софов, термин, относящийся к достоинству говорящего (авт.)

² Бытие 8:21.

³ О. Мандельштам «Разговор о Данте».

О СВЕТЛАНЕ КЕКОВОЙ

Тихон СИНИЦЫН, Севастополь, поэт.

«АКСИОС» ГОВОРЮ...

Не так уж много современников, к чьим стихам лично мне хочется регулярно возвращаться, проговаривать вслух запомнившиеся строчки, вникать в глубинные уровни содержания текста и радоваться красоте просодии.

Думаю, что поэзия Светланы Кековой достойна пристального внимания вдумчивого читателя, который любит и ценит русскую поэзию. В её стихах классическая поэтическая традиция органично преобразуется сквозь оптику современного художественного взгляда. Лично для меня Светлана Васильевна не только отличный поэт. Это мыслитель и учитель, автор философских эссе и поэтических текстов, которые, очевидно, повлияли на моё собственное творчество и литературный вкус. Стихи Светланы Кековой помогают воспитывать благодарность к Богу и трепетное отношение к миру, который воспринимается как отеческий дом, где всему живому уместно вслед за поэтом произнести: «аксиос».

Ольга ШЕЙПАК

МОЛИТВЕННО НЕМОЛКНУЩЕЕ СЛОВО

Не помню, в каком году это было – лет 20 назад. Елена Кувшинникова в ту пору работала в библиотеке и делала обзор новинок – я пришла послушать. Как вдруг...

Елена Викторовна прочла стихотворение Светланы Кековой.

Стихи могут нравиться и даже очень нравиться – в тот момент я чувствовала иное. Сердце забилося учащенно, заволновалось, затребовало свободы, наконец, выпорхнуло из груди, а вслед и душа взвилась ввысь.

С тех пор стихи Светланы Кековой прочно поселились в моем сердце, и оно по-прежнему реагирует на них как на молитву. О чем бы ни писала поэт, начинаешь читать – обливаешься слезами. Эта поэзия не поддается разуму и разбору – она надмирная. Кажется, что земной человек во плоти *так* писать не может. Нужно находиться на высоте небес, чтобы видеть, чувствовать и передавать целостную картину мира. Надо быть со Творцом...

Узнав, что Светлана Васильевна приезжает в Ульяновск, я поймала себя на странном желании обязательно дотронуться до нее, словно хотела убедиться, что этот поэт – из крови и плоти. И дотронулась, и погладила – все равно она недосягаема.

Читаю последнее из того, что прислала Светлана Кекова по почте: небольшую поэму «Икона на чердаке». И уже на второй строфе перехватывает горло:

Жизнь, от устья повернув к верховьям,
Мчится, под собой не чуя ног...

И нужно прийти в себя, чтобы читать дальше, но слезы текут, вытягивая из глубины сердца скопившуюся боль... Но, по Кековой, именно приступ боли обжигает память, и от этой боли «возникает свет».

Светлана Кекова

Да, мы уже далеки от устья, и река жизни несет нас к верховьям, где стоят «в сурово-вдовьих платочках» наши родные: «дядя Коля, Таня, тётя Нина, Машенька с Пеструшкой на руках». Они близки, осязаемы, почти реальны... Это их горячее дыхание оживляет замершие картины: как в сказке Шарля Перро от поцелуя принца оживает заколдованный замок, так в стихах большого поэта Любовь пробуждает от сна и помогает обрести утраченную икону и веру в Спасителя.

Тот, кто хоть раз в жизни с головой окунулся в святой источник поэзии Светланы Кековой, не сможет жить и дышать без ее молитвенно-немолкнущих стихов, омывающих душу.

Надежда**РАЗУМОВСКАЯ**

Творчество Светланы Кековой весьма разноплановое и высокое. В каждом стихотворении открываешь для себя что-то новое... неизвестное. Строки, как маяки, притягивают к себе сознание, заставляют задуматься о главном – о ВЕЧНОСТИ. Подкупает всецело духовная, близкая мне тема. Присутствие Бога, а значит, любви к природе, к живому миру умиляет душу. Необыкновенно трогают строки, в которых упоминаются сюжеты и персонажи из священных книг как отголоски прошлого, настоящего и будущего. Они, вне всякого сомнения, роднят и объединяют единомышленников, а это, как известно, дорогого стоит.

Светлана Кекова в Ульяновске. Встреча во Дворце книги

Маргарита СМЕРНОВА

Читаешь строки и перед тобой живые картины предстают с яркими образами, даже с хрустом и запахом. Всё такое узнаваемое, дорогое, настоящее. Вроде бы ты тоже это знаешь, но так написать не сможешь. И сердцу просто хорошо от истины. Это какое-то уникальное соединение простоты и мудрости. И подумалось вдруг, что, если даже эти стихи никто не прочтет – они уже есть! Они как мыслеобразы находятся в эфире и как бы усиливают Божье, увеличивая в мире добро. Стихи Светланы Кековой благотворно влияют на мир, на сердце человека, а, следовательно, «перезагружают» не доброе на благое.

Елена КУВШИННИКОВА**А БАБОЧКА ЛЕТИТ!**

Стоит услышать: «Нет уже ни пространства, ни времени, ни страдания, ни языка. / Только музыка в городе Бремене / Всё ещё существует, легка...» – и сразу попадаешь в поле поэтического притяжения. Стихи Светланы Кековой, отдельные строки остаются в памяти, становятся твоими, радующими, удивляющими, повторяющимися во внутреннем монологе. «Вечность – храм со стеклянными стенами», «любовь отбрасывает тень тоски и торжества», «пишет ангел рождественским инеем», «ах, я не знаю – так ли живу, не так ли...», «и человек стоит один, как лес, прижавшись к миру повреждённым сердцем...». И много-много еще созвучий! Много обретенных слов, помогающих обозначить, назвать твои собственные чувства, много вспыхивающих строчек, которые высветляют душу, ведут вглубь. В стихах Светланы Кековой происходит таинство, когда страдания переплавляются в свет, когда боль и любовь, соединяясь, наполняют душу верой. «Но как без чувства страха и стыда зайти, заплакать и сказать «спасибо»?». И в сердце – нарастающая волна любви и благодарности! И жизнь продолжается, и благодать поэзии – всюду. «А бабочка летит! А бабочка летит!».

Андрей ДМИТРИЕВ

(Из статьи «Принцип дальнего боя»)

...За много лет мы привыкли к тому, что лирика Светланы Кековой дает нам утешительные ответы во времена неутешительных новостей. Я бы отметил еще и «утишительный» (как если бы возможно было прилагательное от слова «утишить») эффект. Речь не только об умиротворяющем моменте (и о мотиве «миротворчества»), но и о том, что в этой поэтической системе координат приглушается громкость, смягчается резкость, убавляется скорость. Это «утишительная» роль стихов Кековой восходит к половице «Тише едешь – дальше будешь». Здесь тише движется и время. Его способность замедляться давно интересует автора книги «Песочные часы»...

Если нашей проблемой становится потерянное, утраченное время, то нашей радостью может быть не просто обретенное, но и внезапно найденное, чудесно добавленное время... Траектория полета ее посланий такова, что к настоящему времени они не всегда обращены, часто «перелетают» его. Многие стихи Кековой – скорее для окончания времен. Некоторые из них – о полноте времен.

Для понимания поэтики Кековой важны некоторые настройки. Они подсказаны читателю в книге Руслана Измайлова «Топос. Хронос. Кайрос»: «Мысль о том, что хронотопичен всякий художественный образ, язык, внутренняя форма слова, вы-

Наум РЕЗНИЧЕНКО

Из книги «Моя броня и кровная родня»

«Без религиозного корня поэзия Светланы Кековой просто не могла существовать никогда. В творчестве Кековой представлена та ситуация, когда обретение веры является не концом, а началом духовного пути» (Екатерина Иванова).

«Всё, что написано Светланой Кековой в веке нынешнем, подтверждает правоту Екатерины Ивановой. Меняются концептуально-тематические приоритеты – изменяются поэтика и стилистика, но стихи не утрачивают ни символично-метафорической многозначности, ни живой предметной плоти, ни «тяжёлой воды метафизики» (Г. Кружков), ни «музыки, музы и мўки» (О. Мандельштам),

Поэты С. Минаков, С. Кекова, О. Ермолаева, И. Ева, А. Дмитриев в Ливадийском дворце. 16.03.2007 г.

водит нас на необозримый простор, включающий и мир произведения, и мир автора, и мир читателя, и вообще весь мир, данный нам в языке, то есть всё сущее для человека, осмысленное и осмысляемое». И далее: «Иконическое время и пространство являются собой своего рода «сакральный хронотоп», где время и пространство связаны не только с собой, но с вечностью...»

ни остроты пространственно-временных и интеллектуальных сопряжений, ни трагической глубины религиозно-духовных исканий. «Закруглённость тихого, странного, самодостаточного космоса» ранней лирики сменяется открытым в глубину личной и народно-исторической памяти, трепетным человеческим миром, в котором находится место и природе, и Творцу, и венцу творения, окружённому «домашней утварью» и «дуновеньями бурь земных», – миру дольнему и миру горнему, увиденным с позиции, которую великий русский писатель Андрей Платонов определил словами «у человеческого сердца».

С. Кекова и С. Минаков. 2 октября 2009. Киев

Станислав МИНАКОВ, Харьков – Белгород

ПОСЛАНИЯ ЛЮБВИ И КРАСОТЫ

Светлана Кекова, по основательному разумению многих, является крупнейшим русским поэтом. Её сочинения живы и гармоничны, это всегда послания любви и красоты, и лично у меня нередко возникает слёзное, молитвенное, просветлённо-утешительное состояние при чтении её стихов, даже самых трагичных. Такое ощущение, что это осенённый Святым Духом взгляд и голос голубицы или, говоря её же словами, «птички золотой». Это словно горненебесные речения о самом важном, самом духовно насыщенном, они спасительно-актуальны. Помним также, что Светлана Васильевна является автором глубоких исследований о русской поэзии. Трудно сказать, будет ли дальше человечество читать, но лучшие его письмена, к которым относятся и произведения Светланы Кековой, уже пребывают и остаются на небесных скрижалях.

Светлана Кекова и Ирина Евса

Светлана Кекова и Ирина Евса

Р. Измайлов и С. Кекова

Ирина ЕВСА

* * *

С. Кековой

Там, где недавно толпы топали,
лишь светофор мигает плоско.
Снег принимает форму тополя,
машины, хлебного киоска.

Неужто высь открыла клапаны
затем, чтоб, двигаясь к ограде,
проваливался всеми лапами
пес на вечернем променаде?

Снег принимает форму здания
в кариатидах, слухах, сплетнях,
где длится тайное свидание
любowników сорокалетних.

Один из них часы нашаривает,
тревожно вслушиваясь в то, как
вторые под ребром пошаливают,
слегка опережая в сроках...

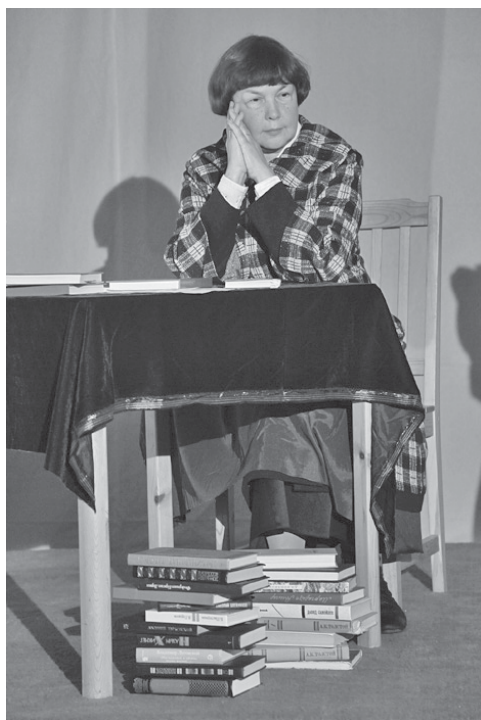
Снег принимает форму города,
в котором спит под нежной стружкой
бомж, подыхающий от голода,
но жажду утоливший жужкой.

А белое растет и множится,
создав, разглаживает складку.
В ночи посверкивают ножницы,
за прядкой состригая прядку,

как будто, – беженцев не мучая
допросом, врат не замыкая, –
цирюльня трудится плавучая
за кучевыми облаками.

И те, что вычтены, обижены,
чьи обезличены приметы, –
теперь, как рекруты, острижены
и в чистое переодеты.

ВСТРЕЧИ В УЛЬЯНОВСКЕ

Светлана Кекова дважды была гостем Ульяновска – в 2012 и в 2014 году.

Выступала перед читателями Дворца книги, студентами УлГПУ, в театре *Enfan-Terrible*, посетила музей И.А. Гончарова, Ульяновский областной художественный музей и музей народного творчества.

Николай Марянин посвятил Светлане Кековой стихотворение, в котором зашифровал названия ее книг, прочел его на творческом вечере поэтессы во Дворце книги.

Николай МАРЯНИН

ВСПЫШКА СВЕРХНОВОЙ

*Поэтессе
Светлане Кековой*

Переломной эпохи лавина
унесла в непроглядную ночь
урождённую дочь Сахалина
и Тамбова любимую дочь...
В рыжем мареве волжских закатов
отражая иные миры,
приютил её душу Саратов
у подножия Жёлтой горы.
И она воздавала Отчизне
сквозь наития дерзкий размах
плач о древе таинственной жизни
на семи поднебесных холмах!
Тихо с Богом своим говорила,
открывая сознания засов,
и короткие письма творила
под журчанье песочных часов...
В гулкой бездне степного простора,
дикой воли впитавшего вкус,
голоса потаённого хора
пели ей на пути в Эммаус!
И к восточному калейдоскопу
устремлялись слова-паруса,
по пути облетая Европу,
прежде чем вознестись в небеса...
Надо лишь не погибнуть, не скитнуть,
не пропасть среди мирской кутерьмы,
обе стороны имени сдвинуть
к равновесию света и тьмы;
о пространстве и времени строфы
дописать, заучить, прохрипеть,
и свой крест донести до Голгофы,
и о людях и ангелах спеть;
в чрево века ворваться картечью
ярких мыслей, высоких страстей
и запомниться прерванной речью
над созвездием спящих детей...
Пролететь сквозь земные страдания,
через пропасть беды и вражды,
чтобы вспыхнула тьма мироздания
чистым светом сверхновой звезды!

*Светлана Кекова и Николай Марянин. Ульяновск.
Дворец книги. Февраль 2012 г.*

В музее народного творчества. Ульяновск

20 февраля 2012 г.

ВСЁ ЖИВОЕ

*Иван ПЫРКОВ, Саратов. Доктор филологических наук,
член Союза писателей России*

ЧЕРЁМУХА СИМБИРСКА

Весной – в майское первоначалье, – когда наплывы тёплого, согретого солнышком воздуха ласково касаются твоего сердца, когда светло-дымчатая празель поднимается над лесами и кажется, что деревья вот-вот оторвутся от земли и так и застынут в весенней своей невесомости, когда половодье царит в пойменных лугах, заполняя бочажины и овраги, превращая озера и болотца в бурные моря, когда стонут жерлянки и расчерчивают полюю воду карасиные плавники, когда и соловьиная спевка – лешева дудочка – прозвучала разок-другой в непролазном буреломе, тогда-то, в эту благословенную пору, вдруг происходит чудо.

Зацветает черёмуха.

Сколько ни жди её, сколько ни готовься к встрече с кипенно-белым нарядом – её выход всегда будет неожиданным. Сквозь струящийся, плавящийся на пригреве ветерок вдруг донесётся до тебя чуть холодноватый проблеск. И не поверишь глазам – неужели это она, долгожданная, баснословная, лесная?

Фото В. Ламзина

И только когда встрепенувшийся на мгновение порыв донесёт до тебя пьянящий черёмуховый дух и какое-то необъяснимое волнение ознобом пробежит по тебе, ты наяву поверишь, поймёшь: да, она... черёмуха.

Это потом, через минуту – другую, покачаешь головой чуть насторожённо – быть холоду, быть ненастью скоро. И дождик где-то близко, значит, ходит, и тучи близятся, и ветра берут разбежку. И подумаешь-вспомнишь невольно: как-то было в прошлую весну, поторопилась ли сегодня гостя, припоздала ли? Это потом. А пока все твои мысли ослеплены черёмуховой сваркой. Не смотри долго – поберегись. Черёмуха не любит прямых взглядов. Она вечно таится, теряется где-то в глухомани, не спешит выйти к людям из своего волшебного зазеркалья. Но уж коли встретишься с ней на каком лесном перепутке глаза в глаза – не забудешь о той встрече, сохранишь тот свет...

...Мама всё просила отца: Володь, напиши песню. Ну стихи, ну рассказы... А песню – напиши, у тебя же обязательно получится.

Мама любила черёмуху. У нас дома в черёмуховую пору обязательно появлялась охапка-другая. И лепестки на полу. И как двери откроешь, домой приходя, делаешь глубокий сладостный вдох.

– Песню. Про черёмуху! У тебя обязательно получится.

И отец написал.
Вернее сказать, они с мамой вместе.
Стихи никогда нигде не печатались. И листочки со стихотворными строками затерялись. Я не смог найти. Но смог вспомнить – не забыл. Вот они:

Черёмуха лесная,
Ты радость, ты и грусть.
Я к тебе склоняюсь –
Плачу и смеюсь.

Но почему так быстро
Цвет уходит твой?
И что уносит, чистый,
Он от нас с тобой?

Ты расцветаешь в холода,
Когда высокая вода,
Ты осыпашь лепестки
И серебришь мои виски.

Прощай, черёмуха, прощай!
Прощай, черёмуха, прощай!
Прощай, черёмуха, прощай!
Но встречу мне пообещай.

Черёмуха Симбирска –
Ты радость, ты и грусть.
Ты близко и неблизко.
Я плачу и смеюсь.

И почему так быстро
Цвет уходит твой?
И что уносит, чистый,
Он от нас с тобой?

Ты расцветаешь в холода,
Когда высокая вода,
Ты осыпашь лепестки
И серебришь мои виски.

Прощай, черёмуха, прощай!
Прощай, черёмуха, прощай!
Прощай, черёмуха, прощай!
Но встречу мне пообещай.

Если вдруг кто-то из ульяновских композиторов решит написать музыку к приводимым здесь стихам, я буду очень рад и признателен. Не забудьте только поставить имена авторов: В.И. Пырков, Н.Д. Васильцова.

...Скоро-скоро тронется Волга, озамкованная пока монолитным льдом, скоро появятся береговые отдышинки, загорится на волжских островах верболос. А там и апрель разойдётся, и разольётся река, и заполнят лес лешевы дудки. И зацветёт черёмуха. Симбирская. Родная. Обещающая встречу.

ПЕРЕСМЕШНИК

*Нина КОВАЛЕНКО, член Союза российских писателей,
автор книги «Синусоида чувств».*

МУЖЕНЩИНА

Короткий ироничный рассказ

Она решила помочь другу после того, как побывала у него в гостях – увидела, как запущена его квартира. Пока он был на работе, обмела паутину по углам стен, переклеила две полосы обоев в засаленном углу. Обрезала старый линолеум на кухне, весь жёлтый от пластилиновой грязи – привезла на тележке из магазина новый, обмазала пол бустилатом – наложила новый красивый линолеум. Наклеила плитку вокруг мойки. Потолок в кухне был весь в потёках – соседи сверху затапливали. Этот потолок она видела ещё в первый день приезда в гости и заранее купила потолочные плиты, теперь аккуратно наклеила их «Титаном», потолок заиграл чистотой. Увидела, что створка кухонного стола провисает одним углом – подтянула отвёрткой мебельные петли, створка стала хорошо закрываться. На лоджии отскоблила старую обтёртую краску от деревянного парапета, промазала морилкой – когда подсохла, покрасила парапет красивым лаком цвета клёна. Помыла полы, приготовила летний салат, сварила борщ. А тут и хозяин с работы пришёл – плюхнулся сразу в кресло: «Теннис, теннис смотреть!» Она ещё не закончила, в ванной крючки в стену надо приделывать, крикнула в комнату:

«У тебя есть саморезы с дюбелями?». Он вышел из комнаты: «А что это такое? Щаз, коробка где-то была со всей этой дребеденью...». Нашёл – принёс, ушёл смотреть теннис. Она приделала крючки с помощью дрели, дюбелей и саморезов... Пора бежать домой. Собралась, но вспомнила, что и входная дверь у друга сильно и тоскливо скрипит. Когда он вышел проводить, наказала: «Купи машинное масло, петли у двери надо промазать!». «У дверей бы ваюют петли?!» – снова изумился он. Она засмеялась, махнула рукой: «Пока! Сама куплю-принесу!».

На рыночке возле метро купила дыню – возле её станции метро такого рыночка нет. Вошла в вагон с тяжёлой дыней в пакете – все места заняты в основном мужчинами, сидят, как всегда, характерно широко раздвинув колени.

– А ну-ка, мужики, хватит проветривать свои причиндалы, подвиньтесь!

Мужчины молча подвинулись. Она села, сурово сдвинув брови. Устала!

Женщина стала муженщиной.

Рыцари прежние, где вы?!

Высохла почва – и в трещинах Жидкими стали посевы...

ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей – на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

СТИХИ ПО ПОЧТЕ

Ко Дню поэзии, который отмечается 21 марта, в Ульяновске запустили необычную акцию «Стихи по почте». В этот день 150 человек из российских и зарубежных городов, успевших первыми заполнить форму, получили специально подобранные для них стихотворения на русском, английском или немецком языке. С данной акцией Ульяновск присоединился к серии мероприятий литературных городов ЮНЕСКО, традиционно проводимых в День поэзии. Организаторы – дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», управление культуры и организации досуга населения администрации г. Ульяновска и ЦБС Ульяновска.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ФОРУМ «ЛИПКИ»

21-27 марта в Подмосковье прошел XX Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки». Его участниками стали 140 авторов в возрасте до 35 лет, в том числе из Ульяновска. Форум организован Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ и проходит при поддержке Фонда президентских

грантов, совместно с литературными журналами «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Костер», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Современная драматургия», «Юность». По итогам рассмотрения заявок принять участие в форуме пригласили ульяновских прозаиков: Татьяну Филатову, Алину Осокину и Владимира Артамонова.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

УЛЬЯНОВСК – НОРИДЖ

Состоялся онлайн-диалог с участием одного из самых ярких поэтов и перформеров Великобритании Розы Кэррик и ульяновского поэта, журналиста и переводчика Сергея Гогина. К встрече присоединились зрители из Ульяновска, Москвы, Казани, Канады, Барселоны, Астрахани, Туапсе, Лондона и Петербурга. Мероприятие стало первым в серии онлайн-встреч проекта «Текст-эфир», организованного дирекцией программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Его гостями будут авторы из литературных городов сети, чья работа связана с культурой России. Так, Розы Кэррик занимается переводами стихотворений Владимира Маяковского. Участники онлайн-диалога поговорили о современной поэзии Великобритании и России, театре и перформансе, а также представили свои тексты и переводы. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ТЕКСТ-
ЭФИР

СЕРГЕЙ ГОГИН
УЛЬЯНОВСК

РОЗИ КЭРРИК
НОРИДЖ

ОДЕССА И ЛЕЙРА

В марте ульяновские авторы приняли онлайн-участие в двух международных литературных фестивалях: Одессе – городе литературы ЮНЕСКО в Украине – и Лейре – городе музыки ЮНЕСКО в Португалии.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

Улитин и Ноздряков в Казани

СЛЭМ В КАЗАНИ

В феврале в Казани прошел зимний поэтический слэм с участием поэтов ПФО. Приглашение выступить на нем получили два ульяновских поэта – Игорь Улитин и Данила Ноздряков, которые рассказали порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», как это было.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ФЭНТЕЗИ-ФЕСТИВАЛЬ «МИРЫ БУДУЩЕГО»

В феврале в ТРЦ «Аквामолл» в Ульяновске прошел литературный фэнтези-фестиваль «Миры будущего», организованный ЦБС при поддержке управления культуры и досуга населения администрации города. Библиотеки устроили для посетителей настоящий праздник в стиле фэнтези: книжно-иллюстративные выставки, площадки с мастер-классами и литературными квизами. Так, можно было посмотреть книжную продукцию, изданную в рамках издательской деятельности Российского фонда культуры: графическую новеллу «Бедная Лиза», иллюстрированный каталог книг конца XIX – начала XX веков, литературно-художественный альбом «Герои Гончарова в иллюстрациях русских художников» и др.

Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru>.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com.

Гала УЗРЮТОВА, родилась в 1983 году в Ульяновске. Поэт, прозаик, драматург.

Окончила Ульяновский государственный университет, факультет культуры и искусства. Автор книги стихотворений «Обернулся, а там – лес» (Москва: Русский Гулливер, 2015), сборника прозы «Снег, который я пропустил» (Москва: Bookscripтор, 2018), книги «Страна Саша». Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2016), лауреат конкурса Европейской сети театрального перевода (2018), лауреат литературной премии Bookscripтор (2018). Член Союза писателей Москвы.

Сцены, которые можно было бы увидеть в Нанкине в 2020 году

Думая о тех местах, где мы не можем побывать в 2020 году, даем волю нашему воображению (серия стихотворений написана в ноябре 2020 года во время онлайн-пребывания в Нанкине – городе литературы ЮНЕСКО в Китае – в Виртуальной писательской резиденции)

Гала УЗРЮТОВА

Библиотека Jinling в Нанкине. Фото с сайта Литературного центра Нанкина www.njliterature.org/

Снег, который мог бы пойти в Нанкине в декабре 2020 года

Снег входит в город, как в храм,
и люди замолкают под зонтами.
Следы становятся текстами,
что можно прочитать только сверху;
ходка – почерк,
разобрать который в буквах чужих следов
невозможно.

Белеют платаны и пагоды –
белеют – белеют – белеют –
лишь городская стена темнеет,
сжимаясь от холода.

Воспоминания похожи на снег,
который возвращается в город каждую зиму.
Первая чешуя декабря исчезает быстро –
только тридцать седьмой снег
никогда не растает.

Сцена, которую можно было бы увидеть ночью в книжном магазине Phoenix Cloud на Hunan Road

Какую книгу выбрать
в круглосуточном книжном
в ожидании ночного авиарейса?
В прозрачном Phoenix на Hunan Road
всего три человека.
Соседний тренажерный зал пуст,
как берег зимой;
книжный – самое громкое место в час ночи,
если тысячи томов говорят одновременно.
Через дождливый фасад
красные мокрые тротуары

затишают углями, разбросанными по городу.
Он идет к полке с зарубежной прозой,
берет «Сто лет одиночества»,
садится на велотренажер,
открывает книгу и крутит педали,
чтобы догнать Габриэля,
который всегда был быстрее него.
Почему этот голос? Почему именно этот голос?
В городе, куда он вернулся,
это единственный, кого он знает.
Такси всегда приезжает раньше,
чем он его ждет;
колес чемодана не слышно
за голосом Габриэля,
которого отец читал ему
перед тем, как покинуть город

Старик, которого можно было бы встретить на железнодорожной станции Пукоу

Он ждет ее на станции Пукоу
уже пятьдесят второй год,
хотя смотритель говорит,
что она не приедет,
что по этим рельсам теперь
не ходят пассажирские поезда.
Он давно превратился в скульптуру,
в достопримечательность,
туристы снимают друг друга,
сидя на рельсах,
пуская мыльные пузыри в камеру,
собираясь сфотографироваться и с ним,
пока он вдруг не меняет позу,
хотя и она – ожидающая.
Но ведь он провожал ее именно здесь –
и приехать она должна именно сюда.

Хотя рельсы зарастают травой.
Но ведь она бы видела всё те же пейзажи,
если бы подъезжала к городу на поезде.
Встречающие волнуются больше
прибывающих?

Или прибывающие ждут дольше встречающих?
Он слышит гудок поезда и срывается с места,
бежит по рельсам
и уменьшается до
маленького мальчика, идущего навстречу.
Уступив ему рельсы, он устался вслед.
Гудок отдаляется – звук геометричен,
как ожидание.

Разговор, который можно было бы случайно услышать на берегу Янцзы

– Как быстро ты идешь. В молодости мне казалось что я иду быстрее Янцзы, теперь – наоборот: я не успеваю за ней.

– Столько барж на реке, такие длинные – как бесконечные тире. Как будто слов нет, а есть только тире, и все самое главное – между ними.

– Твой дед так и говорил – всё самое главное происходит у реки на закате. Мы идем, и солнце садится; мы идем, и река расчесывает берег; и ты всегда знаешь, что она здесь; и она всегда движется, но стоит на месте. Если вырос у реки, слышишь ее повсюду. Я слышу реку даже в городах, где нет воды.

– Помнишь, ты говорил, что выбросил в Янцзы тетрадь, когда был школьником? Что в ней было?

– Мы с отцом рыбачили, и я записывал всех рыб, которых поймал, в тетрадь. Придумывал им имена. А потом мне стало их жалко, и я решил отпустить в реку, если не их, так хотя бы их имена. Рыб было, наверное, семьдесят шесть. Тогда я прочитал все имена у воды и кинул тетрадь в реку.

– И как ты их называл?

– Много лет, пока ходил вдоль берега, мог перечислять все эти имена по памяти. А теперь помню только одно – Фонарик. Чешуя так светилась. Иногда мне кажется, я вижу, как он выпрыгивает из воды. Но это только бакен. Мигает, как детство

Пейзаж, который можно было бы рассматривать из окна кафе с видом на озеро Сюаньбу

Когда смотришь на озеро Сюаньбу из окна кафе, где остановился пообедать, город умещается в одну фотографию, на которой меняются только прохожие, превращая снимок во множество новых кадров.

Дерево на улице –
не то же, что дерево в твоём саду,
хотя называется так же.

Цветы лотоса выше
небоскребов на другом берегу;
пробежавший мимо два часа назад
возвращается медленным шагом.
Мосты – для того, чтобы возвращаться.

В красном цвете платья
бегущей вдоль озера
так много заката,
что, кажется, вечер уже наступил.

В кафе включают дополнительный свет,
фотография смеркается,
и ты выходишь в кадр,
на который смотрит официант,
забывший о посуде на столе

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

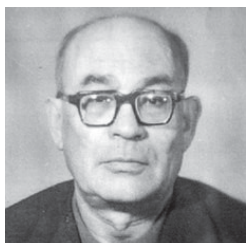
АПРЕЛЬ 2021

1 апреля – 95 лет со дня рождения поэтессы **Эммы Константиновны Терентьевой** (р. 1.04.1926, г. Воткинск Удмуртской АССР). Окончила Ижевский медицинский институт. С 1967 года живёт в Димитровграде, трудилась врачом-невропатологом в медсанчасти НИИАР. Публиковалась в газетах «Удмуртская правда», «Комсомолец Киргизии», «Вечерний Ленинград», в журнале «Черемшан», в сборниках «Черемшанские зори», «День волжской поэзии» и др. Была членом литературных объединений «Черемшан» и «Парус».

3 апреля – 65-летний юбилей отмечает писатель **Валерий Борисович Бочков** (р. 3.04.1956, г. Крустпилс Латвийской ССР). Окончил Московский педагогический университет (1980). Автор книг прозы «К югу от Вирджинии» (2015), «Медовый рай» (2015), «Коронация звёря» (2016), «Харон» (2016), «Время воды» (2017), «Латгальский крест» (2019) и др. Был участником VI Международного культурного форума в Ульяновске 15-16 сентября 2016 года, посетил экспозицию «Карамзинская общественная библиотека» во Дворце книги.

7 апреля – 100 лет назад родился поэт, прозаик **Николай Михайлович Почивалин** (7.04.1921, с. Баничи Сумского у. Харьковской губ. – 25.01.1988, г. Пенза). Сын лесничего, в 1928 году переехал с семьёй в с. Поспеловка (ныне Николаевского р-на Ульяновской обл.), которое считал своей родиной. С 1953 года жил в Пензе. Автор книг «Счастье» (1951), «Юность» (1954), «Выстрел на окраине» (1958), «Мимо» (1966), «В глуши» (1971), «Жил человек» (1975), «Вечерняя книга» (1983) и др. Член Союза писателей СССР.

8 апреля – 125 лет со дня рождения прозаика, поэта **Родiona Михайловича Акульшина**, псевдоним – Берёзов (8.04.1896, с. Виловатое Бузулукского у. Самарской губ. – 25.06.1988, дом престарелых, г. Ашфорд, штат Коннектикут, США). Член Союза писателей СССР (1934). В 1920-30-е гг. часто приезжал в Самару, не раз был проездом в Симбирской-Ульяновской губ. Под фамилией Берёзов эмигрировал в США. Автор книг прозы «Пастухова дочь» (1926), «Золотая ракета» (1956), сборников стихов «Весна» (1937), «Красота» (1963), «Раздумья» и др.

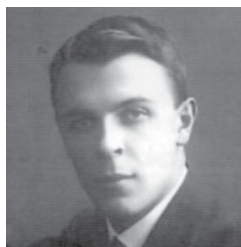

8 апреля – 55 лет исполняется литературному критику **Павлу Михайловичу Крючкову** (р. 8.04.1966, г. Москва). Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. С 2000 года работает в журнале «Новый мир». Автор публикаций «Последний постскриптум» (2001), «Выпрямление курсивом» (2003), «Счастливый пленник стихотворства» (2004), «Большой Чуковский» (2007), «Голос, публика, бумага» (2008) и др. Был в Ульяновске 19 сентября 2019 года на Международном форуме молодых писателей, провёл встречу во Дворце книги. Живёт в Москве.

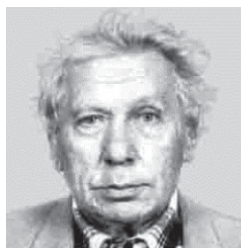
16 апреля – 165 лет назад родился писатель **Георгий Петрович Демьянов** (16.04.1856, Область Войска Донского – 1904, г. Нижний Новгород). Был вольным слушателем Казанского университета. Публиковался в изданиях «Северный вестник», «Новое время», «Неделя», «Правда». В начале 1890-х гг. проехал по волжским городам, был в Симбирске, Языкове и Сенгилее. Автор сочинений «Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани)» (1894), «По Волге. Очерки и впечатления летней поездки» (1898) и др.

16 апреля – 140 лет со дня рождения военного деятеля, публициста **Сергея Сергеевича Каменева** (16.04.1881, г. Киев – 25.08.1936, г. Москва). Окончил Академию Генштаба (1907). В 1918–1919 гг. командовал войсками Восточного фронта, в феврале-июле 1919 года проживал в Симбирске, куда переехали из Свяжска реввоенсовет и штаб фронта. Автор трудов «Очередные военные задачи» (1922), «Сборник указаний по борьбе с басмачеством» (1924), после смерти опубликованы «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» (1972).

17 апреля – 130 лет назад родился поэт-дилетант, литератор **Борис Николаевич Башкиров**, псевдоним – Борис Верин (17.04.1891, г. С.-Петербург – не ранее 1935, ?). Друг композитора С. Прокофьева, в июле 1916 года был с ним проездом в Симбирске. До этого жил неделю в с. Ундоры. Печатал стихи, переводы и публицистику. В 1923 году в журнале «Дни нашей жизни» в Хельсинки опубликовал стихотворение «Ундоры». Эмигрировал во Францию, работал шофёром такси в Париже, писал сонеты, статьи. Дальнейшая судьба неизвестна.

18 апреля – 95 лет со дня рождения философа, поэта **Арсения Николаевича Чанышева**, псевдоним – Арсений Прохожий (18.04.1926, г. Новочеркасск, ныне Ростовской обл. – 3.08.2005, г. Москва). Окончил философский факультет МГУ (1952). В 1971–1973 гг. повышал научную квалификацию, занимался у своих знакомых в Ульяновске, куда приезжал 12 раз. Автор поэтических сборников «Я счастлив» (1999), «Агония» (1999), «Софья» (1999), «Если дарят цветы...» (2000), мемуаров «Моя жизнь» (2010), «Исповедь одной истерзанной души» (2011).

21 апреля – 70-летний юбилей отмечает поэтесса **Светлана Васильевна Кекова** (р. 21.04.1951, г. Александровск-Сахалинский). Окончила Саратовский ун-т (1973). Член Союза российских писателей (1993). Доктор филологических наук (2009). Живёт в Саратове. Автор сборников «Песочные часы» (1995), «На семи холмах» (2001), «У подножья Жёлтой горы» (2006), «Потаённый хор» (2008) и др. Была в Ульяновске 20-21 февраля 2012 г. и 26 апреля 2014 г., провела встречи в областном Дворце книги, в УлГПУ, на выставке «Симбирская книга-2013».

22 апреля – 40 лет исполняется драматургу, сценаристу **Ксении Владимировне Ерховой**, псевдоним – Ксения Жукова (р. 22.04.1981, г. Котельники Московской обл.). Окончила Институт журналистики и литературного творчества (2003), заведует в нём студенческой библиотекой. Автор пьес «Случайности», «Всем миром», «И ничего не совпало», «Папа, папа!», «Кульчиши», «Темно и тихо», «Шарик» и др. Была в Ульяновске 18-20 сентября 2018 года на Международном форуме молодых писателей. Член Союза писателей Москвы.

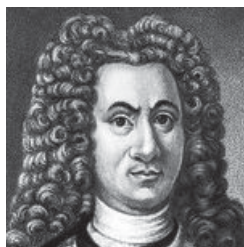
25 апреля – 60-летний юбилей отмечает чувашский поэт, публицист, переводчик **Николай Николаевич Ларионов** (р. 25.04.1961, с. Новое Ильмово Дрожжановского р-на ТАССР, ныне РТ). С 1978 года живёт в Ульяновске. Член Союза писателей России (1995). С 1996-го

работал в редакции чувашской газеты «Канаш», был её главным редактором. С 2018 года главный эксперт издательского дома «Ульяновская правда». Автор книг «Пока бьётся сердце» (1998), «Жить по совести» (2009), «Рыжий хвост» (2016), «Шураська» (2018) и др.

26 апреля – 135 лет назад родился татарский поэт **Габдулла Мухамедгарифович Тукай** (26.04.1886, д. Кошлауч, ныне Арского р-на РТ – 15.04.1913, г. Казань). С 1907 года жил в Казани. В 1908-м по приглашению Акчуриных посетил с. Гурьевка (ныне в черте г. Барыша

Ульяновской обл.), пробыл здесь больше недели. В мае 1911 года был в Симбирске проездом. Автор стихотворений и поэм «О свободе» (1905), «Паразитам» (1906), «Не уйдём!» (1907), «Шурале» (1907), «Водяная» (1908), «Пророк» (1909), «Националисты» (1910), «Молодёжи» (1910) и др.

29 апреля – 335 лет со дня рождения историка, публициста **Василия Никитича Татищева** (29.04.1686, близ Пскова – 26.07.1750, с. Болдино, ныне Солнечногорского р-на Московской обл.). Владел именьями при с. Тетюшское, Подкуровка, Крюковка Симбирского

уезда (ныне Ульяновской обл.). В 1737 году приказал построить ему собственный дом в Симбирске. Автор труда «История Российская с самых древнейших времён» (издана в 1768), сочинений «Духовная моему сыну» (1733), «Разговор о пользе наук и училищ» (1733–1738) и др.

30 апреля – 160 лет назад родился драматург, прозаик, поэт **Евгений Петрович Гославский** (30.04.1861, г. С.-Петербург – 15.12.1917, г. Симбирск). Автор пьес «Не всякому, как Якову» (1891), «В разлуке» (1894), «Метель» (1894), «Подорожник» (1897), «Иванушка и журавль» (1898), «Пар» (1899), «Разрыв-трава» (1901), «Свободный художник» (1903), «Шоверша» (1904) и др. Владелец имения в с. Старая Майна Ставропольского у. Самарской губ. (ныне пос. Старая Майна Ульяновской обл.), жил здесь в последние

месяцы жизни.

165 лет со дня рождения философа-самоучки, публициста **Василия Ивановича Ермохина** (1856, с. Аркаево Буинского у. Симбирской губ., ныне Сурского р-на Ульяновской обл. – 1942, г. Барнаул Алтайского края). Из крестьянской семьи. Вёл переписку с Л.Н. Толстым, в 1903 году отправил ему свой философский трактат «Природа и нравственность», в 1904-м был у писателя в гостях в Ясной Поляне. С 1907 года жил с семьёй в Новониколаевске Томской губ. (ныне г. Новосибирск). Был раскулачен и выслан в Нарымский край. С 1934 года жил в Барнауле.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Эмма ТЕРЕНТЬЕВА (р. 1926)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Ночь идёт на мягких лапах,
Словно чёрный кот,
Гонит день она на запад,
Сны с собой несёт.
Людам сны даёт в награду
За заслуги дня,
В снах дарует нам отраду
И зовёт, маня,
В край далёкий, край чудесный,
Где всё так легко,
Где плывёшь над миром с песней
В небе высоко.
А внизу сверкают реки,
Зеркала озёр,
Не стареющий вовеки
Лес да косогор.
Побываешь даже в детстве,
В мире дивных грёз,
Где всё мило и чудесно,
Нет забот и слёз.
И душа звенит, как песня,
Радости полна, –
Ночь волшебницей чудесной
Лечит душу в снах.

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

По-над мертвенно белым полем
Разгорелся пожар зари.
Я любовью безмерно болен
К той земле, где в полях снегири.

Где зимою метель и стужа
И поёт под полозьями снег.
Мне другой окоём и не нужен.
Сердцем здесь остаюсь навек.

Родион БЕРЁЗОВ (1896–1988)

ИОВ

Читал я Слово Божье в час вечерний,
Чтоб клад найти среди житейских терний.
Вдруг сердце слышит: «Друг мой, напиши
О горестях обиженной души,
О том, кто может дивным быть примером –
Колеблющимся, трусам, маловерам.
Скорь Иова безмерно велика
В былые дни и в новые века.
Запечатли в поэме многогранной
Весь ужас мук и горести нежданной.
Я дам тебе и мысли, и слова,
Чтоб назидала каждая глава».
Возможно ли неверье иль сомненье,
Коль сердце слышит Божье повеленье?
Я взял перо, блокнот и в тот же час
Стал выполнять Божественный приказ.

ДВЕ ЛЕПТЫ

Как быть счастливым, ищем мы рецепты,
Но все они, к несчастью, не новы.
Бессмертны стали две последних лепты
О завтрашнем не думавшей вдовы.

Вдова. Как видно, есть в семье и дети,
Но можно ль думать только о своих,
Коль столько горя лютого на свете,
Коль гибнут люди в бедствиях лихих?

Всё, что имела, то и положила.
А для себя? Господь, любя, пошлёт,
Чтоб завтра в теле не иссякла сила,
Чтоб можно было двигаться вперёд.

От сердца жертва – главное условие,
Чтоб дар записан был на небесах.
Запомните, что эти лепты вдовьи
Останутся нетленными в веках.

Они – пример любви и упования
И доброй удостоятся молвы.
Все ждущие на небе ликованья,
Учитесь бескорыстью у вдовы.

Борис ВЕРИН (1891 – не ранее 1935)

УНДОРЫ

Дорога прямо в гору вьётся,
Кругом орешник и сосна;
И наша лошадь чуть плетётся,
Такая с Волги крутизна.
Деревья, пастбища, лужайки
Плывут, бегут навстречу нам,
И грохот нашей таратайки
Несётся гулко по лесам.
Но вот усадьба. Подъезжаем,
Смеясь, к старинному крыльцу...
Как хорошо цветущим маем
Быть близко к милому лицу!
Весь дом построен полукругом,
Белеет ряд его колонн –
Иного быта был он другом,
Он памятник иных времён.
Исполненные впечатлений
Тургенева, выходим в сад,
Ты мне бросаешь ветвь сирени
И с нею вместе робкий взгляд.
Пройдя весь сад, идём по парку,
Лепечет где-то ручеёк,
Над нами липовую арку
Качает сонный ветерок.
Видны поля – цветёт гречиха,
Вся даль в белеющих цветах...
И так кругом небесно-тихо,
Что слово молкнет на устах.

Смеркается. Встают туманы.
Мы возвращаемся домой.
Нас ждут варенья, чай, стаканы
И скатерть с красною каймой.
Так целую живём неделю,
Теряя счёт часам и дням,
Лесному отдаваясь хмелю,
Бродя всё время по лесам.
Лишь тем знакомо упоенье,
Кто в тихих Ундорах бывал
И видел старых лип цветенье
И лета пышный карнавал.

Арсений ЧАНЬШЕВ (1926–2005)

РОССИЯ

Кто растоптал твои святыни?
Извёл всех лучших сыновей?
Нет пустыни – зато пустыни
В душе измученной твоей.

Всё так запутано... неясно...
Неужто ждёт Россию ад?
Но всё же верю: не напрасно
Стояла ты у баррикад.

Тебя не испугали танки.
Ты не поверила вранью...
Но я не знаю, чьи останки
Клевать придётся воронью.

Всё так заболтано... Так зыбко...
Куда судьба нас заведёт?
Но всё же верю, что улыбка
На наши губы снизойдёт!

ПРИЗЫВ

Вся Россия заросла кустами.
Возвращайтесь, русские, назад!
Из кладбища с павшими крестами
Обратим всю нашу землю в сад!

Неспроста народ наш так охаян.
Неспроста на всех такая грусть.
Возвращайтесь, русские, с окраин!
Возродим Святую нашу Русь!

* * *

Я русский. В этом боль моя
И счастье, радость и усталость.
Люблю бескрайние поля –
Всё, что от воли нам осталось.
Я славянин. И тем горжусь.
Люблю тебя, моё славянство,
За неосознанную грусть
И роковое постоянство.
От Родины не отрекусь!
Пусть ты раба, глупа и нища!
В тюрьме, в бою, на пепелище –
Всегда мы неразлучны, Русь!

Светлана КЕКОВА (р. 1951)

* * *

В лесу прохладном цветёт кислица
и слышится песнь дрозда.
Душа проводит два дня как птица,
ища для себя гнезда.

Душа не может в озёрной глади
увидеть своё лицо –
иконой неба в цветном окладе
становится озерцо.

1916

Земля покрыла сухое тело,
на землю легла сирень...
Какую песню неслышно пела
душа моя в третий день?

Да, ей, бездомной, уже не надо
цветную листву Триодь –
селенья рая и пропасть ада
покажет душе Господь.

И будет ветка стекло царапать
и солнце сиять, как медь,
и будут слёзы неслышно капать,
а сердце – страдать и петь.

* * *

Уже пора за стол садиться,
пустые рюмки ставить в ряд...
Мы так же хлеб едим, как птицы
клюют созревший виноград.

Берёза ветку завитую
опустит вдруг на тротуар...
Мы так же воду пьём святую,
как пчёлы в поле пьют нектар.

Вдруг загудит над этим полем
грозы могучий контрабас...
Мы так детей своих неволим,
как ангелы целуют нас.

Но как, скажи, нам научиться
на перекрёстке двух дорог
так полюбить цветок и птицу,
как человека любит Бог?

Николай ЛАРИОНОВ (р. 1961)

ЛЕБЕДИ

Иные – знаю – ставят мне в упрёк,
Что мыслю я не так, как надо им.
Быть может, я не прав. Но видит Бог,
Что не могу я жить умом чужим.

И поступать нисколько не боюсь
Наперекор непрошеным друзьям.
Как знать, возможно, в чём-то ошибусь,
Но за ошибку я отвечу сам.

Пускай кому-то неугоден я –
Хотя упрёки в адрес свой приму,
Но мысли, что возникнут у меня,
Навязывать не стану никому.

Они, подобно белым лебедям,
Стремятся ввысь, стремятся к небесам.
И как же я свободу им не дам?
За их полёт я отвечаю сам.

*Перевёл с чувашского
Пётр Ишутов*

ВОЛКИ

Лес. Зима. И бешено дыша,
Волки сворой скалят зубы в ряд:
Просит мяса тело и душа,
Угли глаз, как факелы, горят.

От погони чуть ушёл кабан,
Но по шее волку на бегу
Клык его скользнул, как ятаган,
Распоров артерию врагу.

Кровь из раны брызжет в рыхлый снег,
Дёрнулся в агонии кадык:
Замер зверь, как мёртвый человек,
Прикусив от боли свой язык.

И не в силах голод побороть,
Волки к волку кинулись в наскок:
Каждый хочет вгрызться в волчью плоть
И урвать свой лакомый кусок!

*Перевёл с чувашского
Николай Марянин*

Габдулла ТУКАЙ (1886–1913)

КНИГА

Когда душа измучится в борьбе,
Когда я ненавистен сам себе,
Когда я места в мире не найду
И, утомясь, проклятье шлю судьбе;
Когда за горем – горе у дверей
И ясный день ненастной тьмы темней;
Когда в печали белый свет не мил,
Когда не станет сил в душе моей, –
Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелён, я счастлив, я живу.
Я пью тебя, отрада из отрад.
И слово, мной прочтённое, тогда
Встаёт как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета вседневная чужда.
И, вновь рождённый чистою мечтой,
Спасибо говорю я книге той.
И распрямлённый верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

*Перевела с татарского
Мария Петровых*

ПОЭТ

Пускай состарюсь я, беспомощен и сед,
И стан согнётся мой под грузом трудных лет,
Душе состариться не дам я никогда,
Она останется сильна и молода.
Пока огонь стиха живёт в груди моей,
Я годен для борьбы, я старости сильней.
Ясна душа певца, весна в душе навек,
Она не знает зим, ей неизвестен снег.
Пускай состарюсь я – не стану стариком,
Что богу молится да мелет языком.
На печку не взберусь, вздыхая тяжело, –
Возьму я от стихов мне нужное тепло.
А смерть придёт ко мне – я громко запою,
И даже Азраил услышит песнь мою.
Пусть в землю я сойду, – спою в последний раз:
«Я ухожу, друзья! Я оставляю вас...»

*Перевёл с татарского
Семён Липкин*

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ АПРЕЛЯ

Валерий БОЧКОВ (р. 1956)

БЕРЛИНСКАЯ ЛАТУНЬ (отрывок из повести)

В моём американском путеводителе написано: «Декабрь в Берлине хмур, и город может произвести недружелюбное впечатление». Типично американское жеманство – мы вышли в непроглядную темень, промозглую и сырую. Сырость чуть-чуть не доползла до точки замерзания и сыпала колючей гадостью в лицо.

– Такие вещи нельзя показывать детям. – Мария сердито подняла воротник и, завладев моим локтем, потянула в сторону мутных огней Фридрихштрассе. – Просто не пускать с детьми, и всё!

Выставка называлась «Топография террора». С немецкой дотошностью тут были собраны, классифицированы и выставлены тысячи документов, относящихся к истории СС. От начала двадцатых, от банды Шрека – дюжины пьянчуг, охранявших Адольфа во время его задиристых речей по пивнушкам Мюнхена, до рейхсколосса – гипертрофированной государственной структуры со своей кавалерией и танковыми частями. Кавалерийская дивизия игриво именовалась «Мария-Терезия» и каким-то образом избежала наказания в Нюрнберге.

В чернильном небе над низкорослым провинциальным горизонтом торчала телебашня с мерцающим стальным шаром – там смотровая площадка и дрянной ресторан, который мы спонтанно посетили накануне. После их венского шницеля я до полуночи глотал соду, мучаясь от свирепой изжоги. Впрочем, панорама из ресторана открывалась потрясающая.

Мария ткнулась холодным носом мне в щёку, от волос пахло незнакомым гостиничным шампунем – что-то фальшиво-еловое. Мостовая шла с едва уловимым уклоном, мы наступали на свои тающие тени, постепенно они слились с влажной чернотой асфальта. Мы вошли во мрак. Справа и слева таинственно темнел неосвещённый пустырь, там вполне могла таиться бездна, или пашня, или вообще что

угодно. Слева бледнел кусок Стены, оставленный немцами на память самим себе о неукротимой настырности социализма, в данном случае не национального, а демократического.

– Знаешь, когда мне было девять лет... – начала Мария и сделала паузу.

Я знал: «...мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повёл нас в музей Анны Франк». Слышал эту историю два раза, но, не сказав ничего, поощрительно кивнул, и она продолжила:

– Мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повёл нас в музей Анны Франк. Такой обычный голландский дом – узкий, с крутыми тесными лестницами... на каком-то канале.

«Принсенграхт», – подумал я. В Амстердаме я бывал часто, играл во всех трёх залах Концертгебау – в Зеркальном зале, на мой взгляд, лучшая акустика в Европе. Мне только исполнилось двадцать девять, был ранний апрель, с Королевским симфоническим мы записали ля-мажорный концерт Листа и «Пляску смерти» – сказочное время.

– Там была одна фотография, мутная, чёрно-белая – Мария говорила тихо. – Из-за этой мути ещё более жуткая... Знаешь, когда самые страшные детали сознание само додумывает?

Я кивнул, разглядывая пунтир красных огоньков, пульсирующих по игле телебашни.

– Их подвесили на крюках, как в мясной лавке. Её и сестру. Или мать – я не помню, я лишь мельком взглянула и сразу зажмурилась. А потом мне это снилось: мясницкие крюки, сапоги по лестнице... Ахтунг, шнеллер! Снилось, что я под кроватью, они по полу фонариком рыщут, топают, ругаются. Немцы...

Я снова кивнул.

– И всё из-за одной фотографии, – она поёжилась, шмыгнула носом. – О чём он вообще думал, когда тащил туда девятилетнего ребёнка?

Николай ПОЧИВАЛИН (1921–1988)

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК (отрывок из романа)

Устроившись в гостинице и пообедав, отправляюсь в райком партии. Во-первых, представиться – ревниво районное руководство, когда приехавший из области не объявляется. Во-вторых, ещё немного порасспросить о Сергее Николаевиче Орлове – не для какой-нибудь там страховки, а прежде всего потому, что он был коммунистом. И в довершение ещё внутренняя посылка, позыв – поближе познакомиться с первым секретарём райкома Головановым, самым молодым секретарём в области и, говорят, любопытным человеком. До сих пор встречался

я с ним мельком, на каких-то областных совещаниях, и грешно упустить случай.

Трудная это должность – первый секретарь райкома, и вряд ли можно придумать более широкий круг обязанностей, чем у него. Это ведь лишь тот, кто не сталкивался, близко не соприкасался, иной раз по наивности или полной неосведомленности своей шутя позавидует: вот у кого житуха! Сиди в кабинете и давай указания. Проехал по району, опять дал указания – и только пыль столбом за машиной! Действительно же куда прозаичнее и жёстче. Се-

кретарь такого, как Загоровский, сельского райкома одинаково отвечает и за урожай, и за то, есть ли в магазине самого отдалённого села товары первой необходимости, за надои молока и санитарное состояние водоёмов, за строительство жилья, коровников, школ и за то, что бригадир колхоза, член партии, до синяков проучил свою игривую молодую жену. А всякие совещания, заседания, семинары, вызовы в область, где иногда и так наподдать могут, что в глазах потемнеет; а десятки всяких больших и мелких житейских дел и вопросов, с которыми идут к нему со всего района – от разобиженного персонального пенсионера, вдовы, которой не дают шифера перекрыть крышу, до делегации школьников, требующих для автокружка легковую машину – в то время как их и в хозяйствах недостаёт! Идут как к человеку, который всё может, – даже тогда, когда он ничего не может, идут как к своему мировому, как к высшей совести. Нет, он не многорук, не многоглаз, не семи пядей во лбу, у него немало и хороших помощников, специалистов, каждый из которых отвечает за своё, порученное ему дело, – он отвечает за всё. И если говорить по совести, ему в любой час, в любую минуту можно объявить строга – какой-нибудь промах всегда найдётся, как в любое же время безошибочно можно представлять к званию Героя. Имея всё это в виду, остаётся добавить, что Загоровский район прочно считается одним из передовых в области, а о самом Голованове, возможно и не без оснований, поговаривают, что долго он тут не засидится...

За двадцать лет жизни в Пензе я объездил все районы области, в иных из них побывал не однажды и берусь утверждать, что во внешнем облике райцентров – много общего. Почти всегда – типично сельская окраина с огородами на задах и неприхотливыми вёслами на широких улицах; более благоустроенный центр – с пятнышками асфальта либо выбракованных бетонных плит, с вывесками магазинов и учреждений, с парками культуры и отдыха, в которых, как правило, никакой культуры и в которых никто не отдыхает; наконец – центральная площадь, со зданием райкома, непременной районной Доской почёта и не менее непременной трибуной, размеры и вид которой целиком зависят от бюджета, вкуса и размаха местного начальства.

К слову говоря, в одном райцентре и поныне ещё красуется – нет, не трибуна – целый монумент, сложенный из кирпича и залитый цементом, неистребимый памятник безвозвратно канувшему в лету районному «хозяину». Есть все эти обязательные атрибуты райцентра и в Загорове, хотя расположенные здесь два-три завода наложили свой промышленно-городской отпечаток и на окраину, тесня её каменными современными домами. И опять же, попутно говоря, пусть не послышится в моих описаниях райцентров некоей иронии, – упаси бог, я делаю их с тёплой дружеской улыбкой, с любовью. Потому что люблю бывать в них больше, чем в шумных городах, люблю их сами, открытые, гостеприимных, где почти каждый знает друг друга в лицо и каждый каждому – цену...

Павел КРЮЧКОВ (р. 1966)

БОЛЬШОЙ ЧУКОВСКИЙ (отрывок из статьи)

...Это произошло четверть века тому назад, когда к подписчикам журнала «Юность» пришёл мартовский номер за 1982 год. Между прочим, то был год столетия Чуковского – но в издательских планах не стояло ни одной его «взрослой» книги, дочь была исключена из Союза писателей, а самодеятельный музей находился под судебным преследованием. В кругах того, что теперь принято называть «литературным сообществом», знали, что литературный патриарх вёл дневник, но не ведали о его публичной судьбе. И вдруг, с сопроводительным этюдом Валентина Берестова «Жизнь, прожитая талантливо», страницы из дневника Чуковского, написанные то для потомства, то для себя, то, как он заметил в 1956-м, в совершенное «никуда», – избранным образом вышли к читателю.

Первая запись в публикации была от 23 января 1910 года: «Вас. Ив. Немирович-Данченко был у меня сегодня и рассказывал между прочим про Чехова; он встретился с Чеховым в Ницце: Чехов отвечал на все письма, какие только он получал. – Почему? спросил Василий Иванович. – А видите ли, был у нас учитель в Таганроге, которого я очень любил, и однажды я протянул ему руку, а он (не заметил) и не ответил на рукопожатие. И мне так больно было».

И далее – в четырнадцать всего-то журнальных страниц – уместился (не схематично, не натужно) лирическим, доверительным образом творческий и жизненный путь писателя, известного всем – и не известного, оказывается, никому. Многим, очень многим именно эта публикация дала понять, с человеком какого масштаба и кругозора, какой драматичной судьбы имела дело русская словесность и русская история в двадцатом веке. Его мемуарные «Современники» и «Репин», книги о языке и искусстве перевода, прославленная «От двух до пяти» и даже маленькая проза вроде «Серебряного герба», действительно, уже несколько лет как не переиздавались, в сознании «массового читателя» он, казалось, окончательно утвердился как «пожизненный сказочник», – читатели даже и не догадывались, что на сказки он потратил в лучшем случае пять лет своей литературной жизни... А тут – Блок, Мандельштам, «Всемирная литература», бесконечный Некрасов (прямые отсылки к запрещённым книгам!), петроградский Дом искусств и борьба за сказку, ретроспективная «постылая» Одесса и размышления о детской психологии. Наконец, очертания портрета эпохи и силуэт души самого героя – с большими трагедиями и маленькими победами. А благодаря

включению Еленой Чуковской фрагмента записей 1968 года из дневникового цикла «Что вспомнилось, Или собачья чушь!» – великолепный table-talk:

«Зиновий Исаевич Гржебин окончил Одесскую рисовальную школу, никогда ничего не читал. В литературе разбирался инстинктивно. Леонид Андреев говорил:

– Люблю читать свои вещи Гржебину. Он слушает сонно, молчаливо. Но когда какое-нибудь место ему понравится, он начинает нюхать воздух, будто учуял запах бифштекса. И тогда я знаю, что это место и в самом деле стоящее».

Здесь всё словно само собою построилось на контрастах. Вот читатель впервые узнаёт о страшной потере в жизни К. Ч.: та самая «девочка из стихов» («Дали Мурочке тетрадь, стала Мура рисовать...») оказалась реальной, настоящей дочкой сказочника, «весёлой, нежной и светлой душой», полтора года погибающей на глазах у отца. Автору «Муркиной книги» пришлось самому забивать гвоздями маленький гробик, самому хоронить своего, наверное, самого драгоценного человека (единственного, как

он писал, перед которым хотелось быть настоящим) и самому жить дальше.

Проходят годы, он вспоминает и о других потерях. «1954 <...> 15 июля. Пятьдесят лет со дня смерти Чехова. Ровно 50 лет тому назад, живя в Лондоне, я вычитал об этом в Daily News и всю ночь ходил вокруг решётки Bedford Square'a – и плакал как сумасшедший – до всхлипов. Это была самая большая моя потеря в жизни. Тогда же я сочинил плохие, но искренне выплаканные стихи: «Ты любил её нежно, эту жизнь многоцветную», то есть изложил в стихах то самое, что сейчас (сегодня) изложил в «Литгазете». Прошло 50 лет, а моя любовь к нему не изменилась – к его лицу, к его творчеству».

Государство, для исторической и современной ему культуры которого Чуковский сделал – своим уникальным талантом «многостаночника» – так много, как никто, ничего не припасло к его столетнему юбилею, кроме автоматического переиздания его сказок и нескольких удачных теле- и радиопредач...

Георгий ДЕМЬЯНОВ (1856–1904)

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВОЛГЕ (отрывок из путевых записок)

Мало найдётся в России городов, настолько бедных историческим прошлым, как Симбирск. Причина этого явления будет понятна, если мы скажем, что Симбирск принадлежит к самым юным русским городам, возникшим на берегах Волги. На том месте, где теперь стоит город, была татарская деревушка, называвшаяся Симбирь. Основание Симбирска как города относится к царствованию Алексея Михайловича, к 1648 году...

Верстах в 3-4 от Симбирска находится деревушка Киндяковка с опустевшей барской усадьбой, расположенной у обрыва, нависшего над самой Волгой. Говорят, что это тот самый обрыв, который послужил для Гончарова темой его романа «Обрыв». В 1895 году в Симбирске открылась библиотека имени И.А. Гончарова.

Киндяковка летом – одна из очаровательных окрестностей Симбирска. Смотришь на эти поэтические уголки – крошечную деревушку, которая совсем спряталась в зелени деревьев, на старинный барский дом, с балкона которого открывается очаровательный вид на Волгу, и невольно воскресают в памяти забытые образы героев и героинь «Обрыва»: и симпатичная «бабенька», и Вера, разбившая свои идеалы, и Марк Волохов, сидящий на заборе, предлагающий Вере яблоко...

В версте от большого Московского тракта из Симбирска в г. Карсун, на берегу реки Уренья, живописно расположилось село Языково, родина известного поэта Языкова. Сохранившийся в малоизменённом виде барский деревянный дом красиво господствует над окружающей местностью, и с террасы его открывается обширный вид на соседние поля и перелески. Внешностью Языковский дом напоми-

нает довольно общий его времени основания тип построек начала нынешнего столетия. В два этажа, он построен отцом поэта, Михаилом Петровичем, в форме покоя с коридорами и двумя просторными флигелями для службы и приезда гостей. Со стороны сада фасад украшен четырьмя колоннами дорического стиля и каменной лестницей.

Двор обнесён решёткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен вязами, образующими внутри тенистую площадку. Внутреннее расположение комнат и частью сохранившаяся обстановка гармонирует ещё с общим характером здания и теми воспоминаниями, которые он хранит в своих стенах. Из прихожей посетитель входит в довольно обширный зал и направо из соседней комнаты дверь ведёт в комнату, где останавливался Пушкин. «Здесь ночевал Александр Сергеевич Пушкин», – пояснил нам сопровождавший по дому, за отсутствием хозяина, молодой сын управляющего. Определение это было, по-видимому, правильно и подтверждено тут же моим спутником по поездке – Н.Ф. Беляковым. Беляков, неоднократно бывавший в доме своего дяди В.П. Языкова, прежнего его владельца, всегда слышал, что за этой комнатой сохранялось название «Пушкинской».

Комната эта средней величины с большим окном в сад, обставлена мебелью из красного дерева, домашней работы, чёрною деревянную кроватью и в углу типичным для того времени украшением камина в форме усечённой колонны. Единственное изменение внесено в этот священный уголок – это обращение камина в обыкновенную печь. По сохранившемуся в доме и семье Языковых преданию известно, что Александр Сергеевич, не застав первый

раз Николая Михайловича дома, на память вырезал ему на одном из стёкол окна своей комнаты алмазным перстнем своё имя. К сожалению, стекло разбилось, и этот редкий автограф навсегда потерян. Говорят также, что на камине долго сохранялось много интересных надписей и эпиграмм, которые теперь все забелены...

Симбирск расположен на горе, спускающейся к Волге террасами, которые покрыты густой зеленью

садов. С «Венца» – симбирского откоса, возвышающегося над уровнем на 70 саженей, открывается прелестный вид на Волгу и Заволжье. Вообще Симбирск по своему местоположению принадлежит к красивейшим местностям Поволжья. Севернее города на 5 вёрст находится Ветряная гора, высшая точка, господствующая над окрестностями. Отсюда открывается один из очаровательных волжских видов.

Сергей КАМЕНЕВ (1881–1936)

ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ *(отрывок из мемуаров)*

Владимир Ильич дал нам непревзойдённый в военной истории пример создания армии как инструмента политики.

Основным костяком Красной армии были рабочий класс и революционные командиры – члены партии. Большевики были цементирующим началом в отношении как политической сознательности, так и боевой стойкости частей. Крестьяне из бедняков быстро сливались с основным костяком, усиливая его численно. Остальное крестьянство крепко обрабатывалось этими кадрами.

С боевыми качествами частей Красной армии я впервые познакомился при следующих обстоятельствах. Это было немедленно по моём вступлении в командование фронтом. На Бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился Латышский полк. Этот Латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном направлении являлся основой устойчивости. Главнокомандующий потребовал вывода этого полка из боевой линии и отправки его в Серпухов, где тогда располагался штаб главного командования.

Лишиться основы, на которой строилась устойчивость обороны на данном направлении, естественно, было крайне болезненно.

Я опротестовал это решение главнокомандующего, прося хотя бы отсрочки выполнения его. Протест был отклонён, и вторично был указан самый минимальный срок для отправки полка в Серпухов. Делать было нечего, пришлось выполнять.

Видя моё затруднение, один из членов РВС Восточного фронта спросил меня, почему я считаю, что Латышский полк трудно заменить. На мою реплику, что этот полк высокобоеготовый, он спокойно ответил, что я очень заблуждаюсь, если считаю, что другие полки, находящиеся на этом же направлении, менее боеготовы и что, в частности, Владимирский рабочий полк, пожалуй, по боеготовости даже выше Латышского полка, так как последний достаточно утомлён.

Приказание было отдано – владимирцы сменили Латышский полк. Немного спустя на бугульминском участке развернулись боевые действия. Владимирцы не только оправдали оценку, данную

им, но и показали себя значительно выше того, что в империалистическую войну вкладывалось в понятие боеспособности части. Рабочие-владимирцы дали мне первый урок боевой оценки частей Красной армии.

Участвуя в создании Красной армии на Восточном фронте, внимательно следя за каждым шагом её роста, я сам на себе чувствовал, как под политическим руководством Владимира Ильича Красная армия становилась доподлинным инструментом политики рабочего класса, становилась носителем великих задач пролетарской революции.

Особо приходится отметить политический рост Красной армии, доведённой до осознания своих задач как задач борьбы мирового пролетариата. После этого становятся для меня особенно понятными слова Владимира Ильича, произнесённые им в Московском Совете 5 мая 1920 года, что «ни одна армия – ни французская, ни английская – не могла выдержать того, чтобы её солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики».

В вопросе организации борьбы в целом помню моё удивление тому, каким образом было достигнуто полное уничтожение граней между тылом и фронтом. Тыла, по сути дела, просто не существовало. Достигнуто это было правилом Владимира Ильича, согласно которому «раз дело дошло до войны, то всё должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счёт недопустимо». Это было сказано перед войной с белополяками, но вся Гражданская война Владимиром Ильичом была проведена по этому, как Владимир Ильич говорил, правилу: все интересы страны и вся внутренняя жизнь страны были подчинены Гражданской войне. При этих условиях вся страна была военным станом. Абсолютно новым в военном деле тут является постановление требования *всю внутреннюю жизнь страны подчинить войне* – вот именно тут и стирались грани, отделяющие фронт от тыла, именно тут создавалась, если можно так выразиться, монолитность всей организации борьбы. Проведение в жизнь этого правила является новой наукой о войне...

Ксения ЖУКОВА (р. 1981)

СМЕРТЬ КАРЛСОНА (отрывок из пьесы)

Спокойный, рассудительный голос за сценой: Карлсон умер. Конечно, Малышу трудно было в это поверить. Но было действительно так. На это указывал ржавый пропеллер, покрытый толстым слоем какой-то липкой гадости, а также спутанная борода самого Карлсона. Карлсон лежал на животе, поэтому его густая борода выглядывала из-под него во все стороны и казалось, будто под Карлсона кто-то подложил веник, предварительно опрокинув на этот веник изрядную порцию йода. Ибо такой цвет был у бороды Карлсона.

Полицейский: Так, стол, один стул, диван, шкаф. Что там в шкафу у покойного?

Малыш: Да, это, конечно, нехорошо. Наверное, нужно проронить хотя бы одну слезу или сделать потрясённое лицо. Но я не знаю, поймёте ли вы... дело в том... что я думаю о...

Полицейский (заинтересованно передвигаясь): О чём?

Малыш: Я думаю о бороде.

Полицейский: Ха.

Малыш: У вас есть жена? Есть? Тогда вы меня поймёте. Моя жена – она женщина необыкновенная. Но дело в том, что она любит усарых.

Фотограф: О, и я тоже.

Малыш: Ну так вот. Потакать вкусам жены – это, знаете ли, – в общем, я сбрил усы и решил отрастить бороду. А жена – ну что ж, пусть меняет свои вкусы, если не может поменять меня. Я отращаю бороду, но вы сами видите.

Фотограф (критически осматривая): Да, жалкие волосинки мышинного цвета, сбившиеся в кучку.

Малыш: А посмотрите на покойного. Яркорыжая, густая – вот это борода! Можно отрезать хоть кусочек? На память. Ну, чтоб было к чему стремиться.

Полицейский: Чёрт возьми, я понимаю, умер ваш друг, но помочь-то следствию вы можете? Откройте-ка вот этот шкаф. У меня что-то не выходит.

Малыш (рассеянно): Да-да (но остаётся сидеть на месте).

Полицейский: Так, что мы имеем? А имеем мы шкаф, который почему-то не открывается. И, конечно, убийство. Убийство, свершённое свихнувшимся маньяком на почве зависти к покойному. Разве виноват несчастный, что среди прочих многих неоспоримых достоинств он стал обладателем предмета, повлекшего за собой его смерть? О эта шикарная, лучшая из лучших в мире (а как может быть иначе) борода!

Малыш: Жить не хочется. Хочется лечь рядом с Карлсоном и взяться за его бороду. В детстве я был послушным мальчиком, который всех любил и никому не завидовал.

Полицейский (в сторону): Ого. Исповедь убийцы.

Малыш: Но я женился на Гунилле и понял, что добро в моей жизни кончилось. Я похоронил его в цветочном горшке из-под бегонии и швырнул не глядя в окно в проходившего мимо человека. А зря. Ведь это был мой друг Карлсон, с которым мы не делились сорок лет. Он решил зайти ко мне в гости, посоветоваться насчёт цвета своей бороды. Карлсон собирался жениться на фрекен Бок. Он давно готовился к этому событию. То, что фрекен Бок шёл девяносто второй год, Карлсона не смущало. Смущало то, что она любила лысых, таких, как её муж, дядя Юлиус. А Карлсон, как назло, быстро обрастал. Сразу и навсегда исчезла его последняя бритва (а было это десять лет назад), купленная на последние деньги от его гонорара за самого себя. И с тех пор Карлсон сам постригал себя тупыми ножницами. Летать он, кстати, тоже не мог – пропеллер заржавел, и Карлсон волей-неволей полюбил ходить пешком.

Фотограф: Ну и кому же понадобилось грохнуть это страшилище?

Полицейский: Но-но, я попрошу... и всё-таки, кто мог его убить? (обращаясь к Малышу). Вот вы, так называемый Малыш, и убили. Кто же ещё? У вас есть мотив. Чем вы его тюкнули? Топором?

Малыш: Нет, ботинком.

Полицейский: Что?

Малыш: Да нет, конечно, не убивал я его...

Василий ТАТИЩЕВ (1686–1750)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ (отрывок из сочинения)

Название *славяне* хотя по сказаниям Прокопия и Иордана Алана давно известно стало, однако ж у разных по-разному выговаривалось, и разные значения названия имелись в виду. Прокопий именует славаки и славы, равно же Иордан называет славы и славны, некоторые – словаки, или словины, а итальянцы по их наречию прибавили «к» и выговаривают склавы и склавоны. И сие все трояко означает, что славы, славны и славаки от славы происходит, как бы сказать *славные*, что едва не все славяне за настоящее значение названия приемлют.

Второе, *словаки* еще образуют от слов или ре-

чения, как то богемский историк Винцент Гагек в «Происхождении народа чешского, или богемского» на листу 103 пишет: «По повелению цесаря Карла IV Иоанн Маринголя, епископ флоренский, муж ученый и осведомленный, излагая Богемскую хронику, рассказывает, славоны суть от Гелиса, а от славян богемы произошли, славоны же от слова (в немецкой – от слова или света) именовали». Он же пишет: «Славоны, или словаки, после всемирного потопа, из полей Синар чрез Азию и Европу приидя, в Болгарии поселились». То же и Стрыковский говорит: «Многие славян название от слова или речения

производят, потому что они всех иноязычных, кроме сарматов (из-за соседства с которыми оба языка разумели), немцами, или немцами, а себя словаками, или речистыми, именовали».

Однако сего как он, так и все прочие славянские писатели, доводов не приемля, отвергают и от славы или славных в воинстве, мужестве и храбрости дел проименование утверждают. Но многие еврейские писатели итальянцам нерассудно последовали и, за неведение греша, склавы и склавоны именуют и оно же названия значение от невольника производят. Как о том Длугош, Кромер, Гваньини, Мауроурбин и другие славянские писатели довольно возразили и настоящее значение доказали, что это имя на самом деле их языка, от славы произошедшее. И Стрыковский причину оной погрешности, стр. 103, довольно изъяснил. Иоаким же утверждает, что греки, в самой древности это имя зная, переводно алазоны именовали.

О древности же сего названия, когда, из чего они приняли, подлинное известие от древних славянских писателей мне неизвестно, потому что их писания до нас не дошли, а что в греческих, латинских и французских книгах находится, то мне за недовольным знанием тех языков сыскать невозможно, а посторонним, да еще и враждебно настроенным, к славе их потребное писать было не нужно.

В Степенной новгородской, которую я от Крешина брал, в начале якобы предисловие Киприаном приобщено, написано так: «Через небольшое время после разделении детей Ноевых правнуки Иафетовы Скиф и Зардан, отлучившись от братий и рода своего, от сарацинов западных, поселились на полдень от Евксинопонта и жили там многие лета. От

сих породились сыны и внуки, и умножились зело, и прозвались по имени прадеда их Скифа Скифия Великая. И была меж ними распря. Тогда владели пять братьев, их же имена: Славен, Рус, Болгар, Коман, Истер. В лето от сотворения мира 3099-го (что по греческому счислению после потопа 1531 лето) Славен и Рус с родами своими отлучились от братий своих и ходили по странам мира 140 лет, наконец, придя к озеру Илмер, после волхования поставили град на реке Волхове, его же по имени князя своего Славенск именовали. И от того времени скифы начали именоваться славяне. От создания мира до потопа 2242, от потопа до разделения языков 530, от разделения до начатия Славенска, ныне Новгород Великий, 327, и всех лет от сотворения мира до начала великого Славенска 3099».

Какого сей сказатель, или скорее враль, доверия достоин, я толковать сейчас не буду, но достаточно сказать, что он никакого древнего свидетельства на то показать не может; и в самом начале глупость его явна, что, не зная положений географических, откуда-то двигаясь с запада на восток, к югу от Понта Евксинского оказались. А по Библии и всем историям довольно ясно рассказывается, что после потопа из сих стран на запад переселялись и к северу распространялись, как он и сам согласно с древними из Сирии и Синар пришествие сказал. Он же скифов, сарматов и славян одного происхождения безрассудно положил, а ниже сам сарматов от Скифа, а славян от Иафета производит, и в летах довольно незнание его видно. Я думаю, что он сказание Иоакимово за основание имел, да не разумея, хотел пополнить и темность оно изъяснить, только ума столько не было...

Евгений ГОСЛАВСКИЙ (1861–1917)

ДВЕ НОЧИ (отрывок из рассказа)

Вешалка опустела. Вышли последние гости. Веско, даже торжественно, стукнул опускаемый только на ночь дверной крюк.

«Наконец-то», – подумала Марья Константиновна и быстро обернулась.

Сергей Николаевич приподнял тяжёлую портьеру, выждал, когда протащится её белый шлейф, и пошёл за ней.

– Однако как это утомительно, – сказала она, войдя в гостиную, и, остановившись, взялась руками за свою чернокудрую, убранную белыми цветами головку.

– Болит разве? – спросил он тревожно.

– Нет, только устала. – Она прошла, понюхала мимоходом стоявший на подзеркальном столике белый букет и, перейдя комнату, опустилась на штофный, сверкавший новизною диван. Абажур лампы окрашивал её лицо и плечи матовым розоватым полутонem; остававшиеся вне его защиты талия и руки освещались особенно ярко.

Он не двигался и, перебирая пальцами своё блестящее обручальное кольцо, сам не замечая того, пристально смотрел на неё. Она потупилась и,

отстегнув браслет, стала снимать перчатки.

– Тихий ангел пролетел, – смущённо улыбаясь, сказала она наконец.

– Что? – переспросил он. – Тихий ангел? Да, только не пролетел, а прилетел. Да, прилетел и осел на свои крыльями.

Он порывисто разбросал концы своих бакенбард и шагнул вперёд.

– Marie! – продолжал он взволнованно. – Маша!.. Просто не верится даже.

Он оборвался, поблуждал глазами и начал снова:

– Да, просто не верится, что это действительно свершилось: что наконец ты стала моей, моей... ты, та самая Марья Константиновна, та недоступная богиня, о которой столько думалось, мечталось.

Нахлынувшие чувства, очевидно, мешали ему говорить. Но молодая понимала его: она любила его так же давно и так же горячо. Румянец заливал её щёки, белая ветка колыхалась на груди всё сильнее. Он снова начал говорить что-то, но опять оборвался и был готов уже броситься к ней, но его остановил раздавшийся за ним утрированно вежливый голос:

– Огни везде прикажете тушить?
«Что же она молчит? – думал он, – неловко же мне распоряжаться».

Но она не отзывалась.

– Гасите, – сказал он, искоса взглянув на вытянувшуюся у дверей бритую фигуру во фраке. Та, пытаясь, исчезла за тёмным бархатом.

Оба чувствовали сильное смущение.

«Надо идти отсюда», – думала она, но не трогалась.

«Чёрт его, дурака, принёс», – мысленно бранился он и в замешательстве крутил усы.

Наконец он подошёл к ней, наклонился и обнял. Алмазы на её груди дрогнули и заискрились. Он обвил её стан ещё крепче, поцеловал в горячую щеку

и стал приподнимать. Она, точно внезапно ослабев, всем телом прилегая к нему, встала и, увлекаемая им, пошла из комнаты. Лицо её горело, сердце замирало.

Пред дверью, из-за драпировки которой пробивался красный полусвет, она остановилась и прошептала:

– Не ходи, – и, судорожно стиснув его руку, вырвалась из его объятий.

Он повиновался. Войдя в будуар, она раза три прошла по пушистому ковру, сдвинула поплотнее драпери и, сев перед туалетом, стала отшлифовывать куафюру. Кончив с ней, она отстегнула крючки корсажа и начала уже снимать его, как вдруг взглянула на дверь...

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ МАЙ 2021

2 мая – 165 лет назад родился религиозный философ, литературный критик, публицист **Василий Васильевич Розанов** (2.05.1856, г. Ветлуга, ныне Нижегородской обл. – 5.02.1919, г. Сергиев Посад, ныне Московской обл.). В 1870–1872 гг. учился во 2-м и 3-м классах

Симбирской мужской гимназии. Симбирск называл своей «духовной родиной». Автор сочинений и книг «Сумерки просвещения» (1893), «Афоризмы и наблюдения» (1894), «Религия и культура» (1899), «Литературные изгнанники» (1913), «Апокалипсис нашего времени» (1917) и др.

3 мая – 65-летний юбилей отмечает прозаик **Ольга Георгиевна Шейпак** (р. 3.05.1956, г. Улан-Удэ). С 1981 года живёт в Ульяновске. Главный редактор журнала «Мономах» (2000–2016, с 2020). Возглавляла Ульяновскую писательскую организацию (2008–2018). Автор книг «Самые счастливые»

(1996), «Багульник» (2003), «Небесные посланники» (2011), романов «Фёдор Абломов» (2010), «Тарбагатай» (2020). Член Союза писателей России (2006). Лауреат премий имени И.А. Гончарова (2011), им. А. Невского (2017). Награждена медалью Н.М. Карамзина (2015).

4 мая – 140 лет со дня рождения политического деятеля, публициста, мемуариста **Александра Фёдоровича Керенского** (4.05.1881, г. Симбирск – 11.06.1970, г. Нью-Йорк). Сын директора Симбирской мужской гимназии. Глава Временного правительства Рос-

сии (1917). В 1918 году эмигрировал во Францию, с 1940-го жил в США. Автор книг «Дело Корнилова» (1918), «Прелюдия большевизма» (1919), «Издалька. Сборник статей (1920–1921)» (1922), «Гибель свободы» (1934), мемуаров «Россия на историческом повороте» (1965) и др.

4 мая – 115 лет назад родилась поэтесса **Ирина Николаевна Кнорринг** (4.05.1906, с. Елшанка Бугурусланского у. Самарской губ. – 23.01.1943, г. Париж). Летние месяцы 1914–1916 гг. проводила в имении Каврайских в с. Большое Жеребятниково Симбирской губ. (ныне Майнского р-на Ульяновской обл.). Жила в эмиграции. Автор книг «Стихи о себе» (1931), «Окна на север» (1939), «После всего» (1949), мемуаров «Повесть из собственной жизни: Дневник» (2009, 2013), «О чём поют воды Салгира: Беженский дневник. Стихи о России» (2012).

6 мая – 80-летний юбилей отмечает татарский поэт, драматург **Ренат Магсумович Харисов**, псевдоним – Ренат Харис (р. 6.05.1941, с. Елховое Озеро Богдашкинского р-на Куйбышевской обл., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Член Союза писателей СССР

(1968). Народный поэт Татарстана (2004). Автор поэтических сборников «Эхо» (1969), «Войди в дом мой» (1980), «Золотой лемех» (1983), «Морщины лба» (1989), «Осенняя любовь» (1991), «Имя моего чувства» (1996), «Дверь без ручки» (1999), «Испивший молнию» (2007) и др.

9 мая – 255 лет со дня рождения поэта, издателя, переводчика **Александра Фёдоровича Лабзина** (9.05.1766, г. Москва – 7.02.1825, г. Симбирск). В 1822 году в связи с насмешливым протестом против избрания в Академию художеств лиц, близких государю, был со-

слан в г. Сенгилей Симбирской губ. В июле 1823-го переехал в Симбирск. Автор произведений «Французский променад» (1782), «Чёртик на дрожках. Новая бэль» (1791), «Дифирамб на бессмертные души» (1804), «Последняя ночь 1813 г.» (1814), «Мысли на досуге...» (1815) и др.

11 мая – 160 лет назад родился поэт **Николай Андреевич Панов** (11.05.1861, с. Софьино Самарского у. Самарской губ., ныне Приволжского р-на Самарской обл. – 11.09.1906, г. С.-Петербург). Служил на Сызрано-Вяземской железной дороге, не раз бывал в Симбир-

ской губ. В 1882–1893 гг. жил в Сызрани, посещал Симбирск. Автор поэтических сборников «Думы и песни» (1882), «Искры» (1887), «Гусли звончаты» (1896), «Родному народу» (1901), «Зарницы и молнии» (1901), «Вперёд!» (1907); романа в стихах «Владимир Волгин» (1900).

16 мая – 110 лет со дня рождения поэта **Михаила Михайловича Небыкова** (16.05.1911, хутор Челеков, ныне пос. Челеково Котельниковского р-на Волгоградской обл. – 30.01.1997, г. Сенгилей Ульяновской обл.). С 1946 года работал в Сенгилеевском педучилище. Заочно

окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1953). Возглавлял литобъединение «Истоки» (1947–1962). Автор поэтических сборников «Родные Жигули» (1960), «Родниковая Русь» (1985), «Дороги памяти военной» (1992). Почётный гражданин Сенгилея (1994).

17 мая – 85 лет назад родился поэт **Геннадий Васильевич Зимняков** (17.05.1936, пос. Карсун, ныне Ульяновской обл. – 8.10.1993, г. Арзамас Нижегородской обл.). Жил в с. Русский Мелекес Ульяновской обл. Заочно учился в Мелекесском пединституте. С 1955 года ра-

ботал учителем, сотрудником газет «Знамя труда» и «Родина Ильича». Посещал литературный клуб «Черемшан». Дружил с А.Н. Жуковым, В.И. Пырковым, Н.Н. Благовым. Автор сборников стихов «Тропинка» (1962), «От чистого сердца. Избранное» (2016).

18 мая – 75-летний юбилей отмечает прозаик, литературовед **Алексей Валериевич Горшенин** (р. 18.05.1946, г. Ульяновск). Окончил Томский университет (1975). Член Союза писателей СССР (1982). Работал сотрудником, редактором журнала «Сибирские огни»

(1979–2002). Автор книг прозы «Чёрный понедельник» (2005), «Горький запах полыни» (2005), «Несовпавший» (2007), «Друзья и враги кота Демагога» (2009), «Позови меня с собой» (2011), энциклопедии «Литература и писатели Сибири» (2014) и др. Живёт в Новосибирске.

21 мая – 130 лет со дня рождения литературоведа, историка русской литературы **Берты Израилевны Равкиной** (21.05.1891, г. Мелитополь, ныне Запорожской обл. Украины – 23.10.1971, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). С 1937 года работала библиотекарем

отдела рукописей Российской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 1940 году издала книгу «Рукописи И.А. Гончарова». В начале войны была направлена в г. Мелекес для сопровождения и хранения эвакуированных фондов библиотеки, в Ленинград вернулась в 1944-м.

21 мая – 100 лет назад родился физик-теоретик, публицист **Андрей Дмитриевич Сахаров** (21.05.1921, г. Москва – 14.12.1989, там же). В 1942 году после окончания МГУ был направлен в Ульяновск, где работал на заводе им. Володарского. В 1945-м вернулся в Москву.

Сыграл решающую роль в создании водородной бомбы (1953). Лауреат Нобелевской премии мира (1975). Автор книг «О стране и мире» (1976), «Тревога и надежда» (1990), «Воспоминания (1978–1989)» (1990), «Горький, Москва, далее везде» (1990).

22 мая – 140 лет назад родился французский публицист **Жак Садуль** (22.05.1881, г. Париж – 18.11.1956, там же). В 1917 году был атташе при французской военной миссии в Петрограде. Не раз встречался с В.И. Лениным. В июле 1920 года приехал в Симбирск в составе делегации Коминтерна. В 1924-м вернулся на родину в Париж. Автор книг «Записки о большевистской революции» (1919, на русском языке издана в 1990), «Сорок писем Жака Садуля» (1922), «Рождение СССР: от феодальной ночи до социалистической зари» (1946).

26 мая – 100 лет со дня рождения поэта, прозаика, художника **Юрия Васильевича Грунина**, псевдоним – Степан Степной (26.05.1921, г. Симбирск – 25.04.2014, г. Жезказган Карагандинской обл. Казахстана). За пребывание в плену во время войны был осуждён на 10 лет лагерей. Дружил с поэтами Б.Н. Бызовым и Н.Н. Благовым. Член Союза писателей СССР (1991). Написал автобиографический роман «Живая собака». Автор книг «Пелена плена» (1993), «Моя планета» (1996), «Спина земли» (1999), «Предсмертие» (2008, Ульяновск) и др.

22 мая – 30-летний юбилей отмечает прозаик **Иван Владимирович Баранов**, псевдоним – Иван Рыбкин (р. 22.05.1991, г. Эмба-5, ныне г. Жем Актюбинской обл. Казахстана), прозаик. С 2002 года живёт в р.п. Ишеевка Ульяновской обл. Работал в администрации Ульяновского района, в газете «Родина Ильича». С 2014 года специалист по связям с общественностью Ундоровского завода минеральной воды «Волжанка». Автор рассказов «История одного сумасшествия» (2013), «Вожатая» (2017), книги прозы «Три корзинки с разными ягодами» (2019).

30 мая – 90 лет назад родилась скульптор, мемуарист **Ирина Глебовна Глинка** (30.05.1931, г. Москва – 2.07.2015, Англия, прах развеян в Латвии). Внучка симбирского публициста А.С. Глинки-Волжского. Окончила Московский историко-архивный институт. Дважды приезжала в Ульяновск, в мае 2004-го посетила музеи города, опубликовала в журнале «Мономах» воспоминания о своём деде. Автор книги мемуаров «Дальше – молчание. Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003» (2006).

31 мая – 220 лет со дня рождения декабриста, мемуариста **Михаила Александровича Назимова** (31.05.1801, д. Горончарово, ныне Палкинского р-на Псковской обл. – 21.08.1888, г. Псков). В 1825 году был арестован и приговорён к ссылке в Сибирь на 20 лет. В сентябре 1837 года по дороге на Кавказ вместе с А.И. Одоевским посетил Симбирск. Был знаком с А.С. Пушкиным, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриным. Автор мемуаров «Записки», при жизни не публиковались. Сборник его писем и статей издан в Иркутске (1985).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Ирина КНОРРИНГ (1906–1943)

* * *

В глухой горячке святотатства,
Ломая зданья многих лет,
Там растоптали в грязь Завет
Свободы, равенства и братства.
Но там восстанет человек,
Восстанет он для жизни новой,
И прозвучит толпе калек
Ещё не сказанное Слово.
И он зажжёт у алтаря
Огонь дрожащими руками.
И вспыхнет новая заря,
Как не оплётанное знамя.

* * *

Стучали волны в корабли глухие,
Впивались в ночь молящие глаза...
Вы помните – шесть лет тому назад
Мы отошли от берегов России.
И всё смогу забыть: и боль стыда,
И эти годы тёмных бездорожий,
Но страшных слов: «Да утопи их, Боже!» –
Я в жизни не забуду никогда.

* * *

Жизнь прошла, отошла, отшумела,
 Всё куда-то напрасно спеша.
 Бездёжно измучено тело,
 И совсем поседела душа.
 Больше нет ни желанья, ни силы...
 Значит, кончено всё. Ну – и что ж?
 А когда-нибудь, мальчик мой милый,
 Ты стихи мои все перечтёшь.
 После радости, и катастрофы, –
 После гибели, – после всего, –
 Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
 Я тебе завещаю его.

Ренат ХАРИС (р. 1941)

ЭПОХА

Моё сознание, делом занята,
 эпоха красит в разные цвета.

Накладывает краски много лет,
 и новый цвет рождается на свет.

Сплавляются и жизнь, и суета:
 мешаются спектральные цвета.

Какие же цвета ещё нужны
 для чистой и прозрачной белизны?

*Перевёл с татарского
 Равиль Бухараев*

ИСПИВШИЙ МОЛНИЮ

Нет, я звездой холодною не стану!..
 Пусть свет души моей пока незрим,
 тому виной – жестоких лет туманы,
 где не найти дорог ни в мир, ни в Рим.

Я – только капля среди волн Свяги!
 Но в час, когда гремучий ливень лил,
 я молнии струю, – как чашу браги, –
 поймал в ночи и, не боясь, испил!..

* * *

Скажите, плохо ль быть монархом?
 Или советником его?
 Царём в каком-нибудь Монако.
 (Министром – тоже ничего!)

Но надо ль гнать войска в дорогу,
 чтоб у соседа трон украсть?
 Поэт – он равен ростом Богу,
 ему смешна мирская власть!..

*Перевёл с татарского
 Николай Переяслов*

НЕКТО

Чтоб жизни не видеть – он заперся в доме,
 чтоб шума не слышать – ушёл в тишину
 минувших веков... А эпоха на сломе!
 Лишь мёртвое время подвластно ему.

Но жизни дыханье осталось в ушах,
 и нету покоя, хоть вылезь из кожи.
 Он вышел на улицу: «Господи Боже,
 как мир изменился, как сам он зачах!»

*Перевёл с татарского
 Станислав Куняев*

Александр ЛАБЗИН (1766–1825)

БЕССМЕРТИЕ

В непоколебимом чертоге,
 На твердых вечности столпах,
Бессмертие, покоясь в Боге,
 Отрада добрых, злобных страх,
 Зрит время в дерзостном полете
 Неправды сеюще на свете,
 И прекращает бедство то:
 Невинного под кров приемлет,
 А у порочного отъемлет
 Его надежду на *ничто*.

О вы, что гром, как будто боги,
 Поправ законов вечных власть,
 В нас мешете, и, в казнях строги,
 Жизнь превращаете в напасть!
 Губители земли злосердны!
 Вострепещите: вы *бессмертны!*
 И ты, о жертва злой мечты!
 Страны чужой минутный житель,
 Над коим бдит миров Зиждитель,
 Возрадуйся: *бессмертен* ты!

И ты, что времени любимец,
 Питомец счастья самого,
 Богат, почтен, любим, счастливец
 От дня рождения твоего;
 В ком разум быстр, в ком чувство живо;
 Кому художества не лживо
 Свои открыли красоты;
 К кому смиренные науки
 Любезно простирают руки:
Бессмертен, Строгонов, и ты!

Блажен, кто здесь обрел возможность
 Быть в мире с сердцем и умом,
 Кто видит зла всего ничтожность
 И засекает жизнь добром!
 Он там пожнет, что здесь посеет.
 Блажен тем паче, кто умеет
 Творить счастливых миллион!
 Он счастья тем себе прибавит.
 Бессмертен, Строгонов, и Он!

1802

Николай ПАНОВ (1861–1906)

* * *

Дымятся молочным туманом вершины
 Высоких, угрюмо-таинственных гор,
 Жемчужной росой сверкают долины,
 И, рёвом своим оглашая теснины,
 Клокочет и рвётся поток на простор.

Прозрачное облако, словно завеса,
 Скрывает рожденье зари вдаль,
 Зелёные выси дремучего леса
 Легко отражаются в тихой реке...

Увлажненный свежестью, воздух так светел,
 Что будто весь мир предо мною предстал,
 И если бы ангел теперь пролетал,
 Ах, в нём бы я сходство с тобою заметил
 И в пенье его твой бы голос узнал!

ПОЭТУ

Пусть говорят рабы страстей мятежных,
Что красота волнует их сердца,
Что вдохновенье только в песнях нежных
Да в своенравной прихоти певца.

Оставь жрецов «искусства для искусства»
И с мёртвым богом и с бесстрашьем их;
Неси в толпу свет мысли, пламень чувства:
Твои слова – источник дел благих!

«Идите в мир и послужите миру!» –
Завет любви. Ты верен будь ему
И посвяти отзывчивую лиру
Как высший дар народу своему.

* * *

Сходили вечерние лёгкие тени
На старый, запущенный сад.
Играл на верхушках лиловой сирени
Прощальным мерцаньем закат.
Махновились шапки красивых тюльпанов
Да венчики астр молодых,
Волною неслись ароматы с курганов
От разных цветов полевых;
Долины под свежей росой темнели,
Дрожал колокольчик в лугах,
И вторило песне рабочей артели
Ленивое эхо в горах.
Тебе и любовь, и сердечную муку
В волнении передал я;
Ты молча так крепко пожала мне руку,
Как будто любила меня...

Михаил НЕБЫКОВ (1911–1997)

ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ

Поэзия войны не устарела
И не ушла с солдатами в запас.
Она медали, ордена надела
И вышла на парад в погожий час.

Который год в свой майский День Победы
Она склоняет к обелискам стяг.
Её поэты, нынешние деды,
Под звуки труб в строю чеканят шаг.

Поэзия войны не устарела,
Солдатский не забросила ремень.
С врагами Родины воюет смело,
Как на фронтах за судьбы деревень.

Она не раз тонула и горела,
Но никакой не брал её огонь.
Поэзия войны не устарела,
Попробуй-ка её сегодня тронь!

ПОМНИМ

Ради нас умирали солдаты,
Смерть отпета салютом, слезой,
А потом скорбь родных возле хаты
Осветилась фанерной звездой.

А потом алфавитные списки
На гранитных надгробьях, камнях,
А потом возвели обелиски
На всех братских могильных холмах.

В мрамор, бронзу одели погибших
Генералов и всех рядовых
Ради вдов, сыновей сохранивших,
Ради звона колосьев ржаных.

Но не ради тоски бесконечной...
Обелиски, где люди молчат,
Возвели ради памяти вечной,
Ради наших умнейших внучат!

Геннадий ЗИМНЯКОВ (1936–1993)

ПАМЯТИ ДРУГА

Дм. Лескину

Опять осенняя погода
Со мной печально говорит,
Как ты... У края огорода
Рябина горестно горчит
И сосны пасмурные мнутся...
Ты в них живицу летом брал,
Жалея их... И забываться
Влезал на смутный сеновал.
И грезил там стихами... Друже!
Ты многое стерпеть умел...
Мне столько раз бывало хуже,
И я на ярый нож летел...
И в окровавленной рубашке
Бил в морду злобе кулаком!
Но ты в рубашке, как в ромашке,
Был вежлив с тёмным вахлаком.
И пал! И нож его вонзился
Твоею смертью в сердце мне!
И вот... ко мне ты возвратился
Рябиной горькою в окне.

* * *

На сердце – камень.
Стынет кровь.
И углубляются морщины.
В мучительном изломе бровь
У терпеливого мужчины.
Он смотрит в светлое окно,
А там – как будто бы ненастье,
Как будто ночь.
Темным-темно.
И чёрным кажется вино,
В котором нет ни капли сласти.
И хмелья вроде тоже нет...
И представляются мужчине
Висок его и пистолет,
Пустяк, таящийся в кончине!
Пошарит по столу рука,
Потом раздумчиво сожмётся,
И лоб к железу кулака,
Взбухая венами, приткнётся...

Юрий ГРУНИН (1921–2014)

ЗАКЛИНАНИЕ

Изумрудно-зелёная, синяя,
в лентах рек, в сарафане лугов,
красивая Россия моя –
воля, сила моя и любовь.

Ты меня человеком сделала.
Ты мне столько дала тепла!
В этой буре, как лист от дерева,
оторвали меня от тебя.

Ты прости мне судьбу мою горестную.
Моё сердце к себе возьми!
Ты надежда моя, ты совесть моя,
своей мудростью осени!

Игом, войнами, горем меченой –
быть Россией тебе навек.
Но не быть тебе онемеченной,
пока русский жив человек.

Я умру за тебя без жалобы –
ты мне столько дала тепла!
Только б ты, моя Русь, жива была,
только б ты, как всегда, была!

1943

ГИТАРА

Смуглая гитара, чёрная коса,
с бёдрами крутыми гордая краса,
ты ответь, гитара, верною струной,
скоро ль мы вернёмся с каторги домой?

Пела ты всегда мне, правды не тая,
грусть моя и радость, нервная моя.
Отвечай мне прямо на вопрос прямой:
скоро ль мы вернёмся с каторги домой?

Поседели струны девичьей косы,
потускнела лента, спущены басы.
Тихо. Только ветер стонет за стеной.
Видно, ветру тоже хочется домой.

По земле ты, ветер, песню разнеси,
что гитара в петле собственной висит.
Кто же мне ответит на вопрос немой –
скоро ль мы поедem с каторги домой?

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Василий РОЗАНОВ (1856–1919)

РУССКИЙ НИЛ (отрывок из очерка)

Вот наконец и вторая моя родина, духовная, – нагорный Симбирск. Я не надеялся когда-нибудь его увидеть, потому что не было и не предвиделось никогда повода спуститься так далеко по Волге. Зачем? Я не странствователь, а домосед. Но выпал случай хорошенько отдохнуть, и фантазия отдыха повлекла меня на Волгу.

Мы, гимназисты младших классов, ни разу не рискнули переплыть на лодке на ту сторону Волги: так широка она в Симбирске. Во время весеннего разлива глаз уже не находит того берега, теряясь на глади вод. Берег чрезвычайно крут: и самый город с его «Венцом» (гулянье над Волгою) лежит на плоском плато, которое обрывается к берегу реки. В симбирской гимназии я учился во 2-м и 3-м классе в 1871–1873 учебных годах, в пору директорства там Вишневецкого, в пору Луповского, Христофорова, Штейнгаузера и Кильдюшевского, из которых некоторые были известны не в одном Симбирске учебниками или литературно. Всякий, взглянув на эти коротенькие годы (1871–1873) и молоденькие классы (2-й и 3-й), усомнится и не поверит, что же я мог тогда видеть, заметить и пережить? Между тем

я пережил в них более новое и, главное, более влиятельное, чем в университете или в старших классах гимназии в Нижнем.

Я не только не встречал потом, но и не могу представить себе большего столкновения света и тьмы, чем какое в эти именно годы (и, вероятно, раньше и позднее потом) происходило именно в этой гимназии. Вся гимназия делилась на две половины, не только резко различные, но и совершенно противоположные, тайно и даже явно враждебные, – совершенной тьмы и яркого, протестующего, насмешливого (в сторону тьмы) света. Прямо из «машинного гнёздышка» (в Костроме) я попал в это резкое разделение и ощутил его не идейно и «для других», а ощутил плечом, кожей и нервами, для «своей персоны», что такое и тьма, что такое и свет. Воистину для меня это было как бы зрелищем творения мира, когда Бог говорит: «вот – добро», «вот – зло». Боже, такая разница пережить это разделение или только сознать его, какое богатство и преимущество физиологического ощущения над идейным, головным, когда копаешься-копаешься и вот докапываешься до «умозаключения».

Здесь чувствует кожа, и всё незабвенно!

«Управлял» гимназией Вишневский – высокий, несколько припухлый, «с брюшком» и с выпуклым, мясистым голым лицом генерал. За седые волосы в седой пух около подбородка ученики звали его Сивым (без всяких прибавлений), а генералом я его называю потому, что со времени получения им чина действительного статского советника никто не смел называть его иначе как «ваше превосходительство» и в третьем лице, заочно, – «генерал». Но он был, конечно, статский. Он действительно «управлял» гимназией, то есть по русскому, нехитрому обиходу он «кричал» в ней и на неё и вообще делал, что все боялись в ней, и боялись именно его. Все мысли всей гимназии сходились к нему, генералу, и все этого чёрного угла, где, видимо или невидимо (дома, в канцелярии), стоит его фигура, боялись. Боялись долго; боялись все, пока некоторые (сперва учителя и наш милый, образованный инспектор Ауновский) не стали чуть-чуть, незаметно, про себя, улыбаться. Так чуть-чуть, неуловимо, субъективно. Но как-то без слов, без разговоров, гипнотически

и телепатически улыбка передалась и другим. От учительского персонала она передалась в старшие ряды учеников и стала по ярусам спускаться ниже и ко 2-му году моего пребывания здесь захватила вот даже нас, третьеклассников (то есть человек пять в третьем классе).

Улыбка разнообразилась по темпераментам и склонностям ума, переходя в сарказм, хохот или угрюмое, желчное отрицание. Всего было, всякие были. Улыбка искала себе опору: она ставила делом чести чтение книг, и никогда я (и мои наблюдаемые товарищи) не читал и не читали столько, сколько тогда в Симбирске читали, списывали, компилировали, спорили и спрашивали. Такой воистину безумной любознательности, как в эти 71-73 годы, я никогда не переживал. «Ничего» и «всё». С «ничего» я пришёл в Симбирск: и читатель не поверит, и ему невозможно поверить, но сам-то и про себя я твёрдо знаю, что вышел из него со «всем». Со «всем» в смысле настроений, углов зрения, точек отправления, с зачатками всяческих, всех категорий знаний. Невероятно, но так было.

Ольга ШЕЙПАК (р. 1956)

АНГЕЛЫ НЕ ПАДАЮТ (отрывок из рассказа)

– Сынок, – шамкнула подбитая бабка, – ты чайку-то предлагал, ась?

– Пей, старая, подкрепи немощь! И что за сволочь по твоим костям ходила? Ты мне адресок черкни!

Он поставил кружку с цифиром перед странницей и исчез. Та сделала несколько глотков, глубоко вздохнула и замерла, прикрыв глаза, но уже через несколько секунд встряхнулась и преобразилась до неузнаваемости, заговорила стихами:

«Что сегодня, гражданин, на обед?

Подкреплялись, гражданин, или нет?»

«Я сегодня, гражданин, плохо спал.

Душу я на керосин обменял...»

Дождавшись, когда я подниму в изумлении бровь, Ева пояснила:

– Это Вильгельм Зоргенфрей. В молодости я тоже баловалась стишками. Году в 63-м, по весне, прикатила в Комарово, к Ахматовой. Верить, нет? Я сразу заметила, что она влюблена в молодого поэта. Высокомерный, читал нараспев, и она его поцеловала в губы, а он, подлец, вытерся платочком! Я таких поцелуев никогда не вытирала, едрён батон!

– А кто ж из поэтов вас целовал? – я не смогла скрыть ехидства.

– А ты, дева, не суди по одежке, глянь сюда, – странница открыла выдавший виды ридикюль и достала со дна его порванное в углах фото. Ткнула грязным пальцем: Ахматова за рабочим столом. – Чай, грамотная?

– Ну и что! Вижу: Анна Андреевна... Но вас-то тут нет.

– Футы-муты! Подлинник... Йосик, зараза, снимал.

Взбалмошная старуха, напридумывала. Йосик – надо же? Уж не Бродского ли она имеет в виду? Я демонстративно уткнулась в книгу.

Странница ловко перевернула стол, превратив его в ложе. Разостлала матрац, сетку с тряпьем бросила в ноги, ридикюль спрятала под подушку и сама кувыркнулась на полку.

Женщина напротив тихо лежала, отвернувшись к стене. Думала ли она о брошенном хозяйстве и некормленных поросятах или, наоборот, наслаждалась покоем, не знаю, но, глядя на неё, я ещё больше склонялась к самобичеванию.

Девушка по-прежнему сидела, сжавшись в комок. Мне стало её жаль.

– Чаю хочешь?

– Хочу, – прошептала она.

Я сходила за кипятком. Достала пакетики с чаем и конфеты.

– Московские? – улыбнулась девушка, разглядывая яркий фантик.

– Да нет, ульяновские... Ты такие не пробовала?

– Мы с бабаней конфетами не балуемся – нас Фаня медком угощает.

– А свой медок есть?

– Откуда... У нас из живности – только киска, и ту кормить нечем, ну да она мышами промышляет, вот как.

Прежде чем отхлебнуть чай, девушка перекрестилась широкими, точными мазками и замерла – только губы шевелились в молитве. Развернула конфетку:

– Благодарствую. Меня Пелагеей зовут, а можно просто – Полина.

– Отдыхать едешь?
 – К коке, – и закашлялась.
 – К кому? – не поняла я.
 – К коке, говорю! У вас что, коки нет?
 – Это ты про крёстную говоришь? Не помню...
 – Чудно. Как же без коки жить? Мою Верой зовут – сестра двоюродная.
 – Вот так и живём. Ты в городе часто бываешь?
 – Где там! Ноне – в поезд садилась, а впервой – воейка, когда Венечка удавился. Мы с бабой Аней

к владыке ездили, за промилый Бог просили разрешить отпеть братца.

– А что же он так – удавился?

– С перепою, вот как... Все пьют. Хозяйства разорились, скотину держать накладно – одни убытки. Человек вином отчаяние тушит, а от него душа – то пуще горит.

Полина замолчала. Уткнулась в свою кружечку и маленькими глотками долго отхлёбывала чай. А мне почему-то хотелось дальше слушать эту юную старушку...

Александр КЕРЕНСКИЙ (1881–1970)

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ *(отрывок из мемуаров)*

Я всегда был живым подвижным ребёнком, а потому лежать в кровати было для меня сущим наказанием. Много лет спустя сестра рассказывала, что за время болезни я стал просто несносен. «Впрочем, – добавила она, – вспышки раздражения быстро проходили. Тебя, а заодно и всех нас от твоих выходов спасало чтение». Я всегда любил книжки, но отнюдь не желал читать их сам. Но однажды во время болезни, устав от бесконечного лежания и хандры, я взял со столика какую-то книгу. И это положило конец скуке и тоске. Не помню сейчас ни названия, ни автора книги, но именно с этого мгновения чтение стало основной привычкой всей моей жизни. Я позабыл обо всём на свете, не замечал тяжести отвратительного кованого сапога. Я проглатывал книги и журналы, исторические романы, описания путешествий, научные брошюры, рассказы об американских индейцах и жития святых. Я познал обаяние Пушкина, Лермонтова и Толстого, не мог оторваться от «Домби и сына» и проливал горючие слёзы над «Хижиной дяди Тома».

Должно быть, к лету 1887 года болезнь отступила, ибо хорошо помню радость от прогулок в деревне, где мы проводили каникулы. Я полностью выздоровел и снова стал жизнерадостным и весёлым мальчишкой. Но что-то всё-таки изменилось. Видимо, я вырос из детских штанишек, и общения с братом Федей стало явно недостаточно. До сих пор все мои чувства и ощущения сливались в одну гармоническую, но весьма зыбкую субстанцию, названия которой я не знал. Теперь же я знал, что имя ей было Россия. В глубине души я чувствовал, что всё окружающее меня, всё, что происходило со мной, изначально было связано с Россией: красота Волги, вечерний звон, архиерей, торжественно восседающий в карете, запряжённой четвёркой лошадей, каторжники в кандалах, хорошенькие маленькие девочки, с которыми я ходил в танцклассы, оборванные босоногие деревенские ребяташки, с которыми играл летом, мои родители, детская, няня, герои русского эпоса, Пётр Великий. Я стал размышлять, задавать вопросы, стремясь понять сущность того, что ранее считал очевидным.

А в остальном жизнь протекала по прежним канонам. И только детские праздники и шумные рождественские торжества нарушали спокойный ход будней. Я открыл для себя красоту музыки и часами слушал, как мать, аккомпанируя себе на рояле, пела глубоким контральто. Иногда она устраивала музыкальные вечера, и я подкрадывался к закрытым дверям и слушал, хотя считалось, что я давно сплю. Наутро я пробирался в гостиную, хватал разбросанные по роялю ноты, пытаюсь разобрать их и спеть прелестные песни, которые слышал накануне. Иногда нас брали на прогулку в парк, спускавшийся из центра города к берегу Волги. На полпути к реке стояла скромная церквушка, к которой приткнулось маленькое чистенькое кладбище. Вокруг церкви раскинулся пышный сад. Священник этой церкви был старшим братом моего отца. Нас водили к нему ранней весной, в пору цветения яблони и вишни, или осенью, по возвращении из деревни, когда варили чудесное яблочное и грушевое варенье. В скромном домике дяди, особую прелесть которому придавали герань, всевозможные кактусы и другие растения, нас бесконечно баловали, закармливая домашним вареньем и разными сладостями.

Мы всегда принимали нежную заботу тётки как должное. И само собой разумеется, никто никогда не говорил нам о разнице в положении двух братьев. Но, сравнивая непритязательный прицерковный домик с нашим просторным домом, мы, дети, чувствовали эту разницу и делали свои собственные выводы.

В начале 1889 года мы узнали о том, что нам предстоит навсегда покинуть Симбирск и перебраться в далёкий Ташкент – столицу Туркестана... Наступила весна, и начались лихорадочные сборы. В доме творилось неведомое что, но нам, детям, эта суматоха доставляла огромную радость. Утром в день отъезда нас посетили самые близкие друзья, чтобы попрощаться и, как это водится на Руси, вместе посидеть и помолиться перед дорогой... Ещё один гудок – и Симбирск, где я провёл счастливейшие годы своей жизни, начал постепенно удаляться, становясь частью далёкого прошлого.

Алексей ГОРШЕНИН (р. 1946)

СМЕРТЬ В РАССРОЧКУ (отрывок из повести)

– Вот он, – показал Николай на вышедшего из подъезда мужчину. Юля подалась вперёд, к лобовому стеклу, чтобы лучше разглядеть, но Николай резко осадил её:

– Ещё высунься, ручкой помаша...

Мужчина тем временем приближался. Стройный, подтянутый, фигурой своей он никак не походил на человека, которому, по словам Николая, было под шестьдесят. Тёмно-русые вьющиеся волосы слегка тронуты сединой. Как и небольшая аккуратная бородка, завершающая продолговатое с правильными чертами лицо мужчины. Лёгкую горбинку его прямого носа оседлали солнцезащитные очки. Вполне, в общем, привлекательная внешность. Как-то не похож он на отморозка, которого рисовал Юле Николай, уговаривая её на это щекотливое дело...

Связь их длилась уже не одну неделю. Николай то пропадал на какое-то время, то звонил, вызывая Юлю к себе на квартиру, и она честно отработывала свои деньги. Было бы лучше, если б Николай вообще взял её на содержание, но он не спешил и расплачивался за каждый визит отдельно. И вот однажды он сделал ей предложение. Не в смысле замуж пойти, но тоже заставившее её задуматься.

– Знаешь, – сказал Николай, – ты можешь заработать куда больше, чем я тебе сейчас плачу, и не в час по чайной ложке, а почти сразу.

– Как это? – удивилась Юля.

– А вот так, – сказал Николай. – Надо сделать одно дело...

Дело же состояло в следующем. Есть на земле один злобный монстр-старикан. Этот страшный человек появился в их доме после смерти отца Николая, погибшего несколько лет назад в Таджикистане, где служил в дислоцированной там 201-й российской дивизии. Гость представился сослуживцем и другом отца и попросился к ним на постой на некоторое время, пока не обустроится в незнакомом городе. Мать по доброте душевной и в память о муже согласилась. Она и предположить не могла, какие беды тем самым навлекает на свой семейный очаг. Позже оказалось, что этот монстр занимается наркоторговлей и возглавляет организованную преступную группу, поставляющую наркотики из Средней Азии. В неё вовлék он и старшего брата Ни-

колая – Бориса. Во время операции по захвату наркодельцов он был убит. Узнав об этом, мать наложила на себя руки. Монстру же удалось ускользнуть. Николай оставался последним из их семьи свидетелем его злодеяний, поэтому вынужден был бежать и скрываться. Но вечно скрываться невозможно, да и терпение лопнуло. Пришла пора навсегда «закрыть» негодяя. Однако сделать это не так просто. За ним не только мафия, но и коррумпированные органы, благодаря которым он всегда может вывернуться, выйти сухим из воды. А если от него не избавиться раз и навсегда, будут продолжать страдать честные, ни в чём не повинные люди, литься реки крови. Поэтому надо действовать осторожно и хитроумно – чтобы комар носа не подточил...

– У меня есть один план, который поможет нам нейтрализовать этого упыря... – понизив голос, хотя никого, кроме них двоих, в комнате не было, говорил Николай.

План был гениально прост, хотя исполнение его требовало определённых усилий и времени. И Юле отводилась в нём главная роль. Заключался план в следующем. Юля должна была обаять и влюбить в себя старого негодяя, вступить с ним в длительную связь...

– Как с тобой? – уточнила с каким-то царапнувшим Николая вызовом Юлия.

– Со мной, не со мной... – поморщился он. – В такую, которую ему не хотелось бы прерывать. Поняла?

– А дальше?

– А дальше мы будем сживать его со света, – нехорошо усмехнулся Николай, и тут же лицо его сделалось серьёзным и жёстким.

– Каким образом?

– Будешь подсыпать ему один порошочек, который его и убьёт... Впрочем, когда до этого дойдёт, поговорим отдельно.

– Значит, хочешь использовать меня в качестве киллера? – возмутилась Юля.

– Ой, только не надо этой дешёвой криминальной мелодрамы! Просто стоит задача быстрее очистить землю от злодея и преступника и получить за это... ну, скажем... – наморщил на секунду лоб Николай, – три тысячи баксов...

Андрей САХАРОВ (1921–1989)

ВОСПОМИНАНИЯ (отрывок из мемуаров)

В Министерстве вооружения мне сразу же написали направление на патронный завод в Ульяновск, и вскоре я уже ехал по назначению, вновь расставшись с родителями, на этот раз на два с половиной года.

Ранним утром 2 сентября я вышел на станции Ульяновск на правом берегу Волги. Завод был рас-

положен на левом, но «трудоустрой» поезд, который мог доставить меня туда, только что ушёл, и я решил воспользоваться паромом. Я зашёл в станционную библиотеку и взял книгу (Стейнбек «Гроздь гнева»; я давно не имел возможности читать художественную литературу, и это была первая – и хорошая – книга после большого перерыва; к сожалению, я её

потерял и с большим трудом рассчитался с библиотекой). Перекинув на ремне свои чемоданы через плечо, я медленно пошёл вдоль железнодорожного полотна по направлению к парому. На противоположной стороне реки были видны огромные фабричные корпуса, растянувшиеся на много километров, дымила труба заводской электростанции. Были также видны серые бараки рабочих общежитий (где мне предстояло жить), небольшой посёлок многоэтажных домов и несколько рабочих посёлков из домов деревенского типа. В одном из них жила со своими родителями моя будущая жена.

В отделе кадров мне дали направление в отдел главного механика, что было совершенной бессмыслицей – я совершенно не представлял себе патронного производства, штамповочных патронных станков никогда в глаза не видел и вообще очень плохо справляюсь с подобной техникой. Лишь много потом, фактически самому, мне удалось найти какое-то применение моим знаниям и способностям.

А сейчас главный механик, даже не взглянув на меня, видимо, понял, что я буду совершенно ему бесполезен, и нашёл выход – меня от отдела направили на лесозаготовки. Вскоре я уже в составе небольшой бригады пилил лес недалеко от Мелекесса. Это была непривычная для меня и очень тяжёлая работа. Мой напарник был моложе меня, но при этом гораздо сильнее (и очень удивлялся этому; впрочем, мы жили дружно, не пытаюсь переложить работу на другого, – тяжело было обоим, а от недостаточного питания он страдал больше). К концу дня мы валились с ног. Мужики покрепче отправлялись в колхозное поле за картошкой (оставшейся после копки в земле), они собирали её про запас на зиму. На общий ужин мы – более слабые – могли набрать, это было нам по силам, но не больше. Кое у

кого была водка. Там, у вечернего костра, я впервые услышал прямое, открытое осуждение Сталина.

– Если бы он был русский, больше жалел бы народ, – это говорил человек (рабочий-«подвозчик»), у которого на фронте погиб сын. Он недавно получил это известие.

На постой нас поместили в деревенских домах. Мне навсегда запомнилась заброшенная в лесах деревенька, тревожная, трагическая атмосфера того времени, которая чувствовалась в каждой реплике, во взглядах встретившихся у колодца женщин, в необычно притихших детях. В деревне остались только женщины, старики и дети, образовавшие что-то вроде большой семьи.

На рассвете мою хозяйку (у которой была корова) будили соседки, умоляя дать кто стакан молока для ребёнка, кто блюдечко муки. Керосин берегли, копилку зажигали лишь на время ужина. Остальное время сидели в темноте. Жили в деревне скудно, и чувствовалось приближение ещё более трудных времён. Но не это было главным, а то чудовищное, что происходило где-то на западе.

Через две недели я повредил себе руку, возникло нагноение, и я не смог больше работать. Я был вынужден вернуться в город (пешком – километров пятнадцать до железной дороги, оттуда – на попутном товарняке). В отделе кадров меня уже ждало новое назначение – младшим технологом в заготовительный цех. Это, конечно, опять было «не то», но всё же с помощью старшего технолога (я забыл его фамилию, он был очень внимателен ко мне) я вспомнил школьные уроки черчения и смог что-то делать ему в подмогу. По ходу работы я бывал в большинстве цехов, ознакомился с производством и с условиями работы и в какой-то мере жизни рабочих. Это были очень сильные впечатления...

Жак САДУЛЬ (1881–1956)

ЗАПИСКИ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *(отрывок из книги)*

Выступление большевиков началось этой ночью. Из своей комнаты я услышал далёкий отзвук перестрелок. Нынче утром на улицах спокойно, но в гостинице «Астория», где разместились несколько сот русских офицеров и большинство офицеров союзных миссий, охрану из юнкеров, верных Временному правительству, только что легко заменил отряд большевиков.

Час за часом мы узнаём, что вокзалы, государственный банк, телеграф, телефонная станция, большинство министерств постепенно оказываются в руках восставших. Что же предпринимают правительственные войска?

Возвращаясь после обеда в миссию, я наткнулся на четыре баррикады, обороняемые значительными по численности отрядами большевиков... правительственных войск. Что-либо понять невозможно. Понимают ли сами солдаты? Один из них отвечает, что его поставил сюда комитет его полка, но уточнить, наступают ли они на Временное правитель-

ство или защищают его, не может. Я пробую дойти до Мариинского дворца, чтобы увидеть Авксентьева, который ещё позавчера наивно говорил мне, что он полностью уверен в предпринятых правительством мерах предосторожности. Дворец охраняют юнкера. Ни Авксентьева, ни кого бы то ни было, на месте нет.

Когда я пересекаю Мариинскую площадь, из окон «Астории» раздаётся несколько выстрелов. Стреляют в охрану дворца. Я прибавляю шаг. Перестрелка продолжается с перерывами и без видимых результатов. На четыре часа у меня была назначена встреча с Альперном, секретарём Совета министров, он должен был меня представить Керенскому, которому я ещё не передал ваше письмо. Но Зимний дворец окружён большевиками, и я представляю, что у министра-председателя сегодня есть дела поважнее, чем принимать меня. У меня, кстати, тоже.

Миссия встревожена. Ходит слух, что офице-

ры союзников подвергаются нападениям со стороны большевиков. Я предлагаю в качестве частного лица отправиться к руководителям восстания, обосновавшимся вместе со съездом Советов в Смольном институте. Я с ними ещё не знаком, но предполагаю, что довольно легко смогу попасть к ним. Я отлично научился знакомиться с русскими. Сначала скандал из-за моего предложения, затем все соглашаются, и я отправляюсь. Все перекрёстки охраняются красногвардейцами. Повсюду патрули, мимо быстро проезжает несколько броневиков. То там, то здесь раздаются выстрелы. При каждом из них зеваки, которых огромная толпа, разбегаются, плюхаются на землю, прижимаются к стенам и набиваются в подъезды, но любопытство сильно, и вскоре они со смехом собираются снова.

Перед Смольным множество отрядов красногвардейцев и регулярной армии – охраняют Революционный комитет. Броневики в саду. Между колоннами фасада несколько пушек. Вход строжайше охраняется. Благодаря моему пропуску в Совет крестьянских депутатов, записке Лонге для Стеклова и, главное, благодаря моему незнанию русского языка я преодолеваю сопротивление товарищей и прохожу внутрь. Смольный институт – длинное, зауряд-

ное по архитектуре здание XVII века, просторные бело-кремовые коридоры заполнены вооружённой и радостной толпой, товарищами и солдатами. Мне не удаётся найти ни Дана, ни Чернова, который оставил Петроград. Как и Церетели, он бежал, спасаясь от бури. Но я сразу же нахожу Стеклова, Каменева, Лапинского и пр., и пр., счастливых, торопливых и говорящих по-французски. Они меня встречают по-братски и подробнее отвечают на самые нескромные мои вопросы.

Во-первых, их возмутили клеветнические слухи, о которых я им поведал. С завтрашнего дня нота в газетах обеспечит всем сотрудникам посольств и миссий уважение, которое хочет соблюдать по отношению к союзникам вторая Революция. Затем они рассказывают о своих успехах. Весь петроградский гарнизон на их стороне, за исключением нескольких сотен казаков, юнкеров и женщин. Все административные органы в их руках. Временное правительство в осаде в Зимнем дворце. Его могли бы давно арестовать, если бы Ревком хотел прибегнуть к насилию, но нужно, чтобы вторая Революция не пролила ни единой капли крови. Прекрасные надежды, которые трудно осуществить...

Иван РЫБКИН (р. 1991)

ИСТОРИЯ ОДНОГО СУМАСШЕСТВИЯ *(отрывок из рассказа)*

Всё. Хватит. Надо взять себя в руки. Ноги в руки. На работу опаздывать никак нельзя. Как же я ненавижу собираться с утра в спешке. Я вообще ненавижу вставать рано утром. Всё, хватит, сейчас лицо сполосну ледяной водой, зубы почищу и буду как огурчик. Я верю в это каждое утро. Люди не верят так во Христа и Аллаха, как я верю в то, что плескание в ледяной воде по утрам делает меня свежим и бодрым.

Не люблю с утра умываться противной тёплой водой с привкусом ржавчины и хлорки. Стою, бездумно глазею на свою рожу в зеркале и жду, пока пробежит эта муть и польётся ледяная, прозрачная, как слеза ребёнка (или как водка), водичка. Бр-р, так, всё, свежеем. Долго копать нельзя, и так уже проспал лишних двадцать минут. Ненавижу вставать рано утром.

Во рту дикий сушняк. Будто кошки... Ну и так понятно, что там эти кошки натворили. Да, вчера опять бухал. Было воскресенье, конец выходных, в этот день нормальные и здравомыслящие люди уже не пьют, чтобы в понедельник – день тяжёлый – выспаться и быть бодрыми и активными с самого начала недели. Но к нормальным и здравомыслящим меня и Двойча можно отнести с большой натяжкой. Особенно Двойча, м-да. Вот уж кто настоящий отморозок. Это он предложил мне прогуляться вчера вечером, когда нудная дневная жара уже спала, посидеть на лавочке в парке с пятью литрами пива в компании. Ну кто же будет отказываться провести последний вечер выходных в такой приятной умиротворённой обстановке? Вот и я не стал отказы-

ваться. И теперь я имею неистребимый сушняк и жуткие красные прожилки на глазах, которые я сейчас рассматриваю в грязном зеркале напротив себя. А вода, кажется, так и не сделала меня огурчиком. Но я в это не верю. Быть такого не может. Всё, бодрчком.

Если бы Кристинке сегодня тоже надо было вставать рано утром, она бы уже встала и умылась до меня, и сейчас всю готовила завтрак, и к моему явлению на кухню чайник уже начинал бы закипать. Но Кристинка спит, отвернувшись лицом к стенке, и поэтому чайник мало того что не разогрет, он вообще пустой, как пусты мои слипающиеся глаза. Если бы Кристинке тоже надо было вставать рано утром, на завтрак бы у нас была хорошо прожаренная яичница или овсянка с сухофруктами. Но Кристинка спит, отвернувшись лицом к... чёрт, башка кружится и, видимо, поэтому мои мысли тоже ходят по кругу. К стенке она отвернулась, к стенке. Я укрыл её теплее одеялом, когда еле вставал с кровати, чтобы она не мёрзла, малышка моя любимая. Пускай спит. Хотя, кажется, она говорила, что ей в понедельник надо ехать к первой паре в шаругу. Чёрт его знает, не помню я, выходные в компании с Двойчем всегда проходят, пожалуй, даже слишком бурно. Пускай спит, маленькая моя.

Время уже без двадцати семь, надо шевелиться, до родимого завода ещё добираться, а по понедельникам на остановках почему-то всегда народу тьма-тьмушная. Будто бы в понедельник весь город выходит на работу, а в остальные дни так, половина, а остальные спят себе спокойно. Два бутерброда с

мёрзлым маслом и паштетом, стакан крепкого сладкого чая – и всё, в бой. Потрёпанные джинсы, футболка, прощальный поцелуй в спящие ещё губки:

– М-м-м, Саш, ты уже на работу?

– Да, сладкая моя, я помчался, а ты спи, спи ещё, девочка моя любимая.

– М-м-м...

И всё, кроссовки (подделка – закос под Lacoste), ключ в дверь (один поворот сверху, два снизу, верхний замок слегка заедает), жвачка (Orbit мультифрукт), подъезд (заплёванный), сигарета (Bond лёгкие), затыжка, головокружение, затыжка, и на ватных ногах на остановку.

На остановке толпа, как и ожидалось. Время

поджимает, но пока ещё не критично. Во рту лютый сушняк. Кажется, это строчка из какой-то песни. Из Краснодаревщика что ли. Отвожу взгляд мутных глаз, как только кто-то из товарищей по несчастью и по остановке смотрит на меня. Понедельник, восьмой час утра. Кожа на лице как будто из паршивого дерматина, стягивается и скукоживается (боже, слово-то какое – скукоживается) прямо к центру – то ли к сигарете, то ли к носу, не поймёшь. Во рту болтается лепёшка жвачки, до того омерзительно сладкая, что немного хочется блевать. Сейчас бы бутылку холодной «Волжанки», маленькую такую, запотевшую, с пузырьками, не отрываясь, глоток за глотком... Так, всё, хватит, надо взять себя в руки.

Ирина ГЛИНКА (1931–2015)

ДАЛЬШЕ – МОЛЧАНИЕ (отрывок из воспоминаний)

...Ещё до своего отъезда, в 1971 году, Лена Толстая познакомила нас с Надеждой Яковлевной Мандельштам.

Встречу с Надеждой Яковлевной я осознала как событие в жизни своей не сразу, а какое-то время спустя...

А тогда я даже первую книгу её не читала ещё, но при знакомстве масштаб личности ощутила мгновенно. (Сигналит об этом не ум, т. е. не голова, а некий иной орган внутри тебя. Понимаю, что объяснение дурацкое, но другого у меня нет...)

Лена Толстая вела нас в гости к ней. Долгим показался путь от метро – два длинных квартала то-скливых пятиэтажек с жидким бульваром посредине, потом по трамвайной линии налево, до первого дома-башни...

(Двадцать три года спустя, когда жить в центре стало противно, я купила квартиру в кирпичной пятиэтажке в конце первого квартала. Купила именно потому, что десять лет проходила мимо него то чаще, то реже, идя к Надежде Яковлевне...)

На первом этаже, из тесного коридорчика на четыре квартиры (там всегда пахло стиркой), за первой дверью справа – крохотная прихожая с дверями в комнату, на кухню и в ванную.

Придя втроем, мы вынуждены были раздеваться по очереди.

Кухня уже полна людей. И на вогнутом ампирном диване сидит маленькая старая женщина, с лицом из сплошных морщин, с тёмными глазами, которые кажутся яркими. Разговор общий и скачет с темы на тему. Хозяйка приглядывается и изредка задаёт мне вопросы негромко, не отвлекая других. Вопросы точные и по делу: чем занимаюсь, чего хочу добиться? Что за семья?.. Стараюсь отвечать тоже точно и коротко, но с улыбкой. Спрашивает, почему улыбаюсь.

– Потому, что мне хорошо у вас, – отвечаю.

Пьём чай с чем-то, приходят ещё люди, среди них кто-то мне знакомый, не помню теперь кто. Говорит радостно:

– И вы тут, Ирина!

Пора уходить, потому что завтра Глебку в школу везти рано утром. Прощаясь, Надежда Яковлевна говорит мне:

– Звоните и приходите.

Ленка на обратной дороге сообщает, что я ЕЙ понравилась, видимо...

Так всё и началось. На десять лет. Кончилось с её смертью.

Рассказывать трудно, сама не пойму почему...

Мы стали приходиться, обязательно позвонив предварительно. Вечерами у неё всегда были люди, некоторых я знала и радовалась встречам. Много бывало иностранцев. Мне казалось, что этот калейдоскоп лиц должен утомлять, она же только радовалась...

Кажется, именно тогда стали всё чаще публиковать за рубежом стихи Мандельштама. Иностранцы привозили гонорары за публикации, которые были существенной добавкой к её нищенской пенсии. (Если переводить гонорары официальным путём, ей бы доставалось не больше 10%, остальное шло бы государству. Глупо было поступать так после всех пережитых мытарств...)

Даже с примитивным своим бытом без посторонней помощи она бы не смогла справляться, потому что ходила неуверенно и с трудом, а сумки с едой таскать из магазинов было ей просто не под силу...

Причём помощь нужна была постоянная и систематическая. А значит, надо было так же постоянно оплачивать её. Но как-то нескладно это получалось, а может, просто не везло ей... Не задерживались помощницы почему-то...

Так, одной из женщин, которая ей понравилась и показала надёжной, купила Надежда Яковлевна квартиру в подарок, истратив большую (для себя) сумму полученного гонорара. Но та, получив подарок, просто перестала появляться у дарительницы...

Подобные разочарования бывали ещё не раз.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*